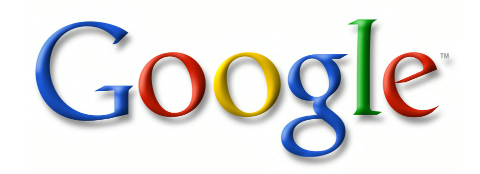

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

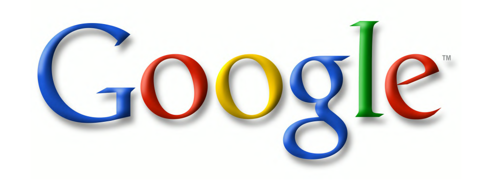
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ииринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

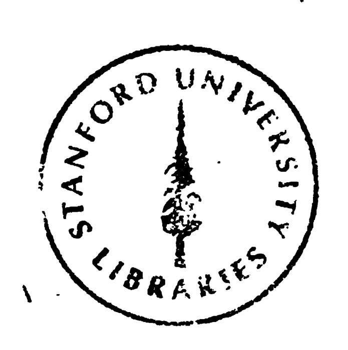
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Н. Массальскій

ВАРЯГИ И РУСЬ.

Gedeonov, S. A.
//

ВАРЯГИ И РУСЬ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

С. ГЕДЕОНОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1876.

1F7X

DK72
G4
v.1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Изъ явленій относимыхъ къ скандинавскому началу въ русской исторіи, нѣтъ ни одного которое не нашло бы себѣ естественнаго и непринужденнаго объясненія въ частыхъ и многообразныхъ сношеніяхъ Норманновъ съ Русью IX—XI столѣтій; есть такія, которымъ, при схоластически господствующемъ еще вѣрованіи въ скандинавское происхожденіе варяжскихъ князей, рѣшительно нельзя указать причины, ни отыскать разгадки". Подъ вліяніемъ этого, долголѣтнимъ изученіемъ предмета выработаннаго убѣжденія, написана эта книга; она, прежде всего, протестъ противъ мнимо-норманскаго происхожденія Руси. Не суетное, хотя и понятное чувство народности легло въ основаніе этому протесту; онъ вызванъ и полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ самаго дѣла, и чисто практическими требованіями дове-

денной до безвыходнаго положенія русской науки. Полуторастолѣтній опытъ доказалъ что при догматѣ скандинавскаго начала русскаго государства, научная разработка древнѣйшей исторіи Руси немыслима. Ни одинъ изъ древне-русскихъ письменныхъ памятниковъ X—XI столѣтій не разъясненъ до сихъ поръ по тѣмъ, всему образованному европейскому міру общимъ правиламъ археографіи, которыхъ держались и держатся въ своихъ изъисканіяхъ французскіе, англійскіе, германскіе ученые. Потому ли что никому изъ русскихъ не приходила на мысль необходимость основательнаго, всесторонняго изслѣдованія отдѣльнныхъ памятниковъ древне-русскаго быта? Конечно нѣтъ; но въ состояніи ли кто приступить къ многотрудному изученію, съ славянской, положимъ, точки зрѣнія, языка, юридическихъ особенностей, религіозныхъ вѣрованій и т. п. въ договорахъ Олега, Игоря, Святослава, когда у него за плечами призракъ норманнизма твердитъ: договоры скандинавская принадлежность; они писаны по гречески и по шведски; формула „мы отъ рода русскаго“ значитъ „мы родомъ Шведы“; Перунъ и Волосъ тѣже скандинавскіе Торъ и Одинъ. Въ болгарскомъ житіи св. Кирилла говорится о русскихъ письменахъ найденныхъ имъ въ Херсонѣ; извѣстіе безспорнаго, въ высшей степени намъ сочувственнаго историческаго

значенія; но имя Руси, въ русской исторіи, нетерпимо до прихода шведскихъ конунговъ; и русскія письмена превращаются въ письмена готскія или оказываются подлогомъ обманщика. Обратимся къ Русской Правдѣ; будетъ ли намъ дозволено искать въ ней отголосокъ древнѣйшаго все-славянскаго права? Нисколько; Русская Правда скандинавскій законъ; уже въ первой статьѣ ея Русинъ-Норманнъ-завоеватель противополагается порабощенному Славянину. И вотъ, мы имѣемъ довольствоваться конечно замѣчательными въ палеографическомъ отношеніи изданіями Тобіена и Калачова; но о научномъ изслѣдованіи Правды, при тѣхъ критическихъ аппаратахъ которые служатъ основою трудамъ Гриммовъ и Момсеновъ, напрасно и помышлять. Тоже самое должно сказать о церковномъ уставѣ Владимира, о современныхъ ему былинахъ и пѣсняхъ (вѣдь и Рогдай удалой тотъ же Нѣмецъ Regintac), о поученіи Мономаха, даже о позднѣйшемъ Словѣ о полку Игоревѣ; неумолимое норманское veto тяготѣетъ надъ разъясненіемъ какого бы то ни было остатка нашей родной старины.

Пополняетъ ли по крайней мѣрѣ норманская школа произведенную ею въ русской исторіи пустоту? Представляетъ ли она съ своей скандинавской точки зрѣнія, научныя, обстоятельныя изслѣдованія древнѣйшихъ (болѣе чѣмъ полу-норманскихъ, по ея

ученію) письменныхъ документовъ нашей исторіи? Вотъ здѣсь то и выступаетъ въ полномъ свѣтѣ вся искусственность, все безсиліе этого ученія, основаннаго не на фактахъ, а на подобозвучіяхъ и недоразумѣніяхъ. Можно, пожалуй, утверждать что одинъ экземпляръ договоровъ первоначально писанъ сѣверными рунами (Кругъ); что за толкованіемъ Русской Правды слѣдуетъ обратиться къ скандинавскимъ законамъ (Шлецеръ); что въ пѣсняхъ временъ Владимира отзываются, въ пестрой неурядицѣ, преданія Скандинавовъ и поэтическое настроеніе Скальдовъ (Куникъ); что Перунъ русской лѣтописи не тотъ общеславянскій Перунъ, который въ глоссахъ Вацерада обозванъ Jupiter-Perun, а германо-литовскій громовержецъ Торъ (Шеппингъ); все это можно; но гдѣ положительные, научные результаты этого самовольнаго догматизма? О томъ что норманская школа всегда сознавала, съ горькимъ чувствомъ своего безсилія, необходимость подкрѣпить свое норманское откровеніе хотя бы и второстепенными чудесами, свидѣтельствуютъ ея многократныя попытки указать на что либо подходящее къ скандинавскому первообразу въ начальныхъ явленіяхъ древне-русской исторіи; между тѣмъ, этѣ попытки не доросли до монографій, съ норманской точки зрѣнія, ни договоровъ, ни Русской Правды, ни церковнаго устава

Владимира, ни Слова о полку Игоревѣ; значитъ (при тѣхъ неотъемлемыхъ преимуществахъ ученаго образованія и усидчивости, которыми всегда отличались представители норманской школы) скандинавскій догматъ наткнулся здѣсь на прямую, явную невозможность. Отсюда и то неподдѣльное, радостное сочувствіе съ которымъ была встрѣчена норманскою школою, вновь вызванная г. Иловайскимъ къ (кратковременной кажется) жизни, мысль Каченовскаго о недостовѣрности дошедшей до насъ древнѣйшей русской лѣтописи; ибо эта лѣтопись, несмотря на нѣкоторыя Норманнистамъ дорогія въ ней положенія, всегда была и останется, наровнѣ съ остальными памятниками древне-русской письменности, живымъ протестомъ народнаго русскаго духа противъ систематическаго онѣмеченія Руси.

Изъ безнадежнаго положенія которымъ русская исторія обязана норманнизму, невыведетъ ее и недавно породившееся ученіе, такъ называемыхъ умѣренныхъ Скандинавистовъ-эклектиковъ. Ихъ умѣренность есть ничто иное какъ сознаніе ихъ внутренняго безсилія; невозможности согласовать чисто-спекулятивныя воззрѣнія норманской теоріи съ разрушающими ихъ въ конецъ положительными историческими фактами. Они говорятъ: отдайте намъ Рюрика, Олега, Игоря, Ольгу, Святослава и окружаю-

щія ихъ личности; отдайте намъ греческіе походы, походы на Берду и Семендеръ; внѣшнюю торговлю Руси, какъ она описана у Ибнъ-Фоцлана, Масуди и другихъ; наконецъ (и то только по крайней, плачевной необходимости) самое имя Руси; берите себѣ языкъ, законы, вѣрованія, устройство земли, письменность, все съ чѣмъ скандинавской теоріи совладать не подъ силу. Но кто же, какой Дарвинъ вдохнетъ жизнь въ этотъ истуканъ съ норманскою головою и славянскимъ туловищемъ? И въ чемъ измѣнитъ эта только софистикѣ Норманнистовъ пригодная система, незавидное положеніе русской науки?

Русская исторія (исторіи же нѣтъ безъ обязательнаго уясненія ея драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ) одинаково невозможна и при умѣренной и при неумѣренной системѣ норманскаго происхожденія Руси.

Но есть ли еще норманская система? Вынужденныя въ послѣднее время у представителей норманнизма уступки до того значительны, до того разшатали все зданіе Шлецеровскаго ученія, что мы не можемъ признать за норманскою школою даже права диспута, покуда она не установитъ и не обнародуетъ своей новой (и притомъ полной) программы. Мы хотимъ знать: принимаетъ ли она окончательно призваніе варяжскихъ князей или завоеваніе? Останавливается ли она на высказанномъ гг. Соловьевымъ,

Куникомъ, Ламбинымъ и другими мнѣніи, что уже во второмъ поколѣніи династіи, норманскій элементъ вполнѣ подчинился славянскому или намѣрена (что при случаѣ ужъ и дѣлается) возвратиться къ ученію Погодина о совершенномъ отчужденіи другъ отъ друга обоихъ началъ, до половины XI-го столѣтія? Допускаетъ ли она съ гг. Соловьевымъ, Бестужевымъ-Рюминымъ и пр. что Русь (какая? славянская?) была извѣстна на берегахъ Чернаго моря еще задолго до призванія варяговъ (предположеніе уничтожающее всякую систему норманскаго происхожденія Руси) или съ г. Куникомъ, что варяжскую Русь лѣтописи должно искать въ Гредготахъ Герварар-саги, превращающихся невѣдомо какимъ образомъ, въ никому не извѣстную и мгновенно изчезающую шведскую Русь IX-го вѣка? Какое значеніе придаетъ она въ настоящемъ 1876 году, свидѣтельствамъ Ліутпранда и Константина багрянороднаго? При вынужденномъ у нея сознаніи въ немедленномъ почти послѣ призванія сліяніи обоихъ началъ, скандинавскаго и славянскаго, эти свидѣтельства не только уже не имѣютъ того доказательнаго смысла, который имъ прилагался прежними норманнистами, но еще прямо говорятъ противъ выводимыхъ изъ нихъ до сихъ поръ заключеній. Тоже самое должно сказать и о другомъ изъ двухъ столповъ на которыхъ покоится (т. е. покой-

лась) скандинавская теорія происхожденія русскаго государства, а именно о доказательствахъ ономастическихъ. Если уже во второмъ поколѣніи династіи призванные варяги стали Славянами по языку, по религіознымъ вѣрованіямъ, по обычаямъ и образу мыслей (а все это нынѣ проповѣдуется умѣренными Норманнистами), что станется съ мнимымъ скандинавизмомъ личныхъ именъ русскихъ историческихъ дѣятелей, до самой кончины Ярослава? На какомъ основаніи будетъ норманская школа выдавать по прежнему за Норманновъ, Свенгелда, Ясмуда, Икмора, Прѣтича, Рогволода, Тура, Сфенга, Ждьберна, Будаго, Блуда, Якуна, Улѣба и пр.? На все это и на многое другое эта школа должна намъ отвѣты, если намѣрена удержать за собою право ученой системы. Противъ ученія фрагментарнаго, противорѣчащаго себѣ на каждомъ шагу, оставляющаго безъ отвѣта сильнѣйшія возраженія своихъ противниковъ, нѣтъ признаться ни охоты, ни возможности вести спора.

„Вѣроятность остается вѣроятностію" сказалъ Карамзинъ о мнѣніи выводящемъ варяжскихъ князей изъ славянскаго поморія Балтики. Этому, въ моемъ убѣжденіи, единственному исторически вѣрному мнѣнію о началахъ русскаго государства, я, по возможности, привелъ въ подтвержденіе всѣ имѣвшіяся у меня на лице письменныя и фактическія свидѣтель-

ства; но привелъ ихъ далеко не какъ послѣднее слово науки въ спорномъ дѣлѣ о происхожденіи Руси, а какъ зачатокъ того многаго которое можетъ быть и, надѣюсь, будетъ еще сдѣлано, на богатомъ, славянскому изслѣдователю открытомъ поприщѣ вендо-русской археографіи. При этомъ мнѣ пришлось коснуться и многосложнаго вопроса о внутреннемъ быту словено-русскихъ племенъ до варяговъ; по крайней мѣрѣ въ той степени которая была необходима для уясненія причинъ, а слѣдовательно и самаго значенія призванія. Какъ нѣмецкими, такъ и русскими историками-норманнистами, вопросъ этотъ обсуждался до сихъ поръ (иногда и безсознательно) съ точки зрѣнія скандинавскаго догмата. Я не могъ согласиться съ мнѣніемъ ни тѣхъ ни другихъ; между тѣмъ мнѣ бы не хотѣлось чтобы изъ моего протеста противъ нѣмецкой теоріи о дикости и русской о младенчествѣ восточныхъ славянскихъ племенъ въ IX вѣкѣ, были выводимы заключенія которыхъ я въ виду не имѣлъ. Отстаивая на основаніи положительныхъ фактовъ, европейскій характеръ культурнаго быта славянскихъ (а въ томъ числѣ и русскихъ) племенъ-аборигеновъ европейскаго материка, я вовсе не помышлялъ объ идеализированіи, по слѣдамъ Тацита или Гердера, нашей суровой родины IX-го вѣка; но тѣмъ не менѣе остаюсь при убѣжденіи что изъ до-варяжской Руси,

каковою она представлена въ изслѣдованіяхъ бóльшей части нашихъ историковъ, никакое вліяніе (а подавно вліяніе горсти варяговъ-пиратовъ) не создастъ въ теченіи немногихъ годовъ, Руси Владимира и Ярослава. Утверждая на непреложномъ свидѣтельствѣ лѣтописи и историческихъ аналогіяхъ, мнѣніе о существованіи у насъ, наровнѣ съ остальными славянскими народами, права наслѣдства въ родахъ княжескихъ, я тѣмъ конечно не думалъ указывать на немыслимую, до временъ Рюриковыхъ, правильную игру на Руси монархическихъ учрежденій. Какъ въ Германіи до основанія монархіи Франковъ, какъ у Скандинавовъ почти до XI-го столѣтія, такъ вѣроятно и у насъ, права основныя, права наслѣдства нарушались насиліями, усобицами князей, частными избраніями новыхъ династовъ, переходами племенъ отъ одного союза къ другому. Этимъ-то состояніемъ внутренняго броженія Руси въ VIII—IX столѣтіяхъ, и поясняется мысль и возможность призванія; но уже самый фактъ призванія говоритъ, по справедливому замѣчанію Добровскаго и Шафарика, противъ теоріи о дикости или младенчествѣ призывавшихъ племенъ. Вообще нѣтъ слѣда принимать чтобы въ дѣлѣ своего историческаго развитія, Русь руководилась какими-то особыми законами, неизвѣстными остальнымъ европейскимъ народамъ, неизвѣст-

ными и однокровнымъ ей славянскимъ племенамъ, Чехамъ, Ляхамъ, Полабамъ и пр. Что Несторъ, по мѣткому выраженію г. Забѣлина *), начинаетъ свою повѣсть отъ пустаго мѣста, не даетъ намъ еще права выводить на этомъ мѣстѣ всевозможныя фантастическія постройки. Если бы до 862 года, словено-русскія племена жили въ какомъ-то особомъ, европейскому міру чуждомъ быту (каковы напр. пастырскій бытъ кочующихъ Бедуиновъ, организація кастъ въ древнемъ Египтѣ и въ Индіи), то живые слѣды этого быта непремѣнно бы отозвались и въ нашихъ лѣтописяхъ, и въ древнѣйшихъ памятникахъ нашего права, ибо не въ нѣсколько же годовъ измѣнили восточные Славяне свое вѣковое устройство; между тѣмъ ни лѣтопись, ни договоры, ни Русская Правда, не знаютъ о тѣхъ бытовыхъ учрежденіяхъ для отмѣны которыхъ были призваны, какъ полагаютъ, князья отъ варяговъ. Съ другой стороны мы не видимъ никакой борьбы этихъ князей съ прежними

---

*) Первая часть этой книги была уже почти отпечатана, когда вышло въ свѣтъ сочиненіе г. Забѣлина «Исторія Русской жизни». Я искренно сожалѣю что не могъ воспользоваться во время его прекрасными замѣчаніями на значеніе древняго славянскаго города, на историческій организмъ Руси до прихода Рюрика и т. д. Крайне интересна для исторіи полабскаго племени, а слѣдовательно и для насъ, карта Помераніи XVII столѣтія.

порядками; призваніе—чисто династическое явленіе; исторія Олега, Игоря, Святослава—прямое (при нѣкоторыхъ внѣшнихъ измѣненіяхъ) продолженіе древнѣйшей до-варяжской исторіи Руси. Дѣло въ томъ что объ этой исторіи до насъ не дошло никакихъ письменныхъ свѣденій; но отсюда еще не слѣдуетъ для насъ обязанность ее обсуждать по ребячески-первоучнымъ воззрѣніямъ лѣтописца. Не культурныя преимущества варяговъ, мнимыхъ Норманновъ (кто изучалъ скандинавскія саги знаетъ съ какимъ единодушіемъ онѣ признаютъ за Русью превосходство образованія), а два вѣка единодержавія, вызвавъ наружу живыя силы народа, сдѣлали Русь чѣмъ мы ее видимъ въ XI столѣтіи; если въ послѣдствіи, свѣтлая заря прежнихъ дней затемнилась грустною дѣйствительностію нашего нравственнаго упадка, въ этомъ, отвѣтчиками передъ исторіею безумныя усобицы Рюриковичей, вызванное ими монгольское иго, московскій царизмъ. Возродитель — Петръ связалъ свою Русь съ Русью стараго Ярослава; мы не въ правѣ ихъ отчуждать отъ того европейскаго міра которому онѣ принадлежатъ по языку, по нравственному развитію, по физическому организму.

Недавно я прочелъ себѣ печатный упрекъ въ томъ что производя имя Руси отъ святыхъ рѣкъ

Рось, Русь (*Отр. о вар. вопр. 17—31*), я указываю не на такія, которыя бы орошали собственно кіевское княжество (*Щегловъ, Ж. М. Н. Пр. Ч. CLXXXIV. 231, 247*). Но, во первыхъ, я этого и не искалъ, такъ какъ имя Руси гораздо древнѣе и Кіева и кіевскаго княжества. Я говорилъ одно, а именно что у славянскихъ племенъ вообще и у родственныхъ съ ними литовскихъ, святыя рѣки назывались, кажется, Рось и Русь; что эти названія слышатся отъ Волги—Рось до Куришгафа-Русны т. е. въ тѣхъ именно мѣстахъ которыя, съ незапамятныхъ временъ, были заселены славяно-литовскими племенами; что изъ этихъ племенъ одно могло принять для себя древнѣйшее, свято-русское имя; но изъ этого не слѣдуетъ чтобы вездѣ гдѣ есть рѣка Русь, сидѣло русское племя, ни вездѣ гдѣ есть русское племя протекали рѣки Рось, Русь. Во вторыхъ, никто не имѣетъ права требовать отъ изслѣдователя положительныхъ указаній на начала народныхъ именъ. Народныя Gaël, Frank, Dan, Ant, не вызвали до сихъ поръ ничего кромѣ болѣе или менѣе счастливыхъ предположеній о ихъ происхожденіи. И я не считаю себя обязаннымъ указать на ту именно рѣку, отъ которой славянское племя „Русь“ могло получить свое имя (если только получило имя отъ рѣки, а не отъ относившагося ко всѣмъ рѣкамъ

„Русь“ богопоклоненія); но думаю, и конечно думаю не одинъ, что совпаденіе народнаго имени съ названіемъ, по всей вѣроятности боготворимыхъ, славянскихъ водъ, не можетъ быть отнесено къ одной игрѣ случая.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о внутренней экономіи моей книги.

Въ 1862—1863 гг. я издалъ въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ“, нѣсколько главъ изъ являющагося нынѣ вполнѣ и уже въ 1846 году задуманнаго сочиненія: Варяги и Русь. Изъ этихъ главъ двѣ: V-я о варягахъ и XI-я о мнимо-норманскомъ происхожденіи Руси, измѣнены и дополнены, въ виду возникшихъ, со времени ихъ появленія, новыхъ взглядовъ на варяжскій вопросъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ и сокращены, въ слѣдствіе вынужденныхъ ими капитальныхъ уступокъ норманской школы. По этому и во избѣжаніе докучныхъ повтореній, я отсылаю къ „Отрывкамъ“ (*Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. I. Прилож. 1—17; Т. II. Прилож. 129—168*), за невошедшими въ эту книгу историческими подробностями. Главы о черноморской Руси (и имѣющейся у меня въ рукописи: о венгерскихъ Русинахъ) я не нашелъ возможнымъ включить въ настоящій трудъ, какъ еще далеко не соотвѣтствую-

щихъ по обработкѣ и полнотѣ собранныхъ документовъ, неоспоримой важности предмета. За тѣмъ, перепечатана вся остальная часть „Отрывковъ“, при нѣкоторыхъ, иногда существенныхъ дополненіяхъ; гл. XVIII о бертинскихъ лѣтописяхъ и XX о Константинѣ багрянородномъ, переработаны почти сполна.

С. Петербургъ.
1876 г.

ВАРЯГИ.

ВАРЯГИ.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

I.

О НОРМАНСКОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Призваніемъ варяжскихъ князей начинается политическая жизнь Руси; подъ вліяніемъ новаго династическаго начала, Русь вступаетъ на поприще европейской исторіи [1]).

Значеніе этого событія опредѣляется народностію призванныхъ варяжскихъ князей. Ихъ считали поочередно Финнами, Хозарами, Норманнами; послѣднее мнѣніе стало господствующимъ; но при замѣчательно ученой и совѣстливой разработкѣ письменныхъ (преимущественно иноземныхъ) историческихъ документовъ, норманская система происхожденія Руси далеко не удовлетворяетъ существенному требованію русской науки, а именно, объясненію изъ скандинавскаго элемента начальныхъ явленій историческаго русскаго быта. Какъ всѣ вопросы о народныхъ началахъ, такъ и варяжскій имѣетъ двѣ стороны, письменную и фактическую. Къ доказательствамъ письменнымъ принадлежатъ дошедшія до насъ свидѣтельства, сказанія и предположенія русскихъ и иноземныхъ лѣтописателей о народности Руси и варяговъ; таковы сказанія и мнѣнія Нестора о началахъ

русскаго имени около половины IX вѣка; свидѣтельства бертинскихъ лѣтописей о шведской, Ахмедъ-эль-Катиба и Ліутпранда о норманской Руси, Константина багрянороднаго о названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ и т. д. Взятыя отдѣльно, эти свидѣтельства подтверждають, при первомъ взглядѣ, мнѣніе о норманствѣ Руси; но, взятыя отдѣльно, свидѣтельства Григорія турскаго подтверждають мнѣніе о троянскомъ происхожденіи Франковъ; Өеофилакта — объ аварскомъ происхожденіи Славянъ; Ибнъ-Гаукала — о русскомъ происхожденіи Мордвы. Значеніе письменныхъ документовъ и ихъ толкованій, при рѣшеніи вопроса о спорныхъ народныхъ началахъ, очевидно подчинено необходимости согласованія различныхъ сказаній и мнѣній съ положительными слѣдами вліянія одной народности на другую, въ отношеніи къ языку, религіи, праву, народнымъ обычаямъ и преданіямъ. Теперь, удовлетворяетъ ли норманская система этимъ условіямъ своего значенія въ области русской науки? Указываетъ ли она на непреложные, вѣрные слѣды норманскаго вліянія на исторію и внутренній бытъ словенорусскихъ племенъ? Мы увидимъ противное; увидимъ не только явное отсутствіе норманскаго начала въ основныхъ явленіяхъ древне-русскаго быта, но и совершенную невозможность согласовать ихъ существованіе съ предположеніемъ о скандинавизмѣ призванныхъ варяговъ. А въ такомъ случаѣ, не въ правѣ ли мы положить, что письменныя свидѣтельства, на которыхъ норманская школа преимущественно (можно почти сказать исключительно) основываетъ свою историческую теорію, или сами по себѣ невѣрны или невѣрно поняты новѣйшими толкователями? Разсмотрѣнію этихъ сви-

дѣтельствъ съ иной, по моему убѣжденію болѣе раціональной, точки зрѣнія, посвящена значительная часть моей книги; здѣсь я долженъ, прежде всего, утвердить отсутствіе положительныхъ слѣдовъ норманскаго вліянія на Русь; а съ другой стороны указать на явное участіе въ развитіи историческаго русскаго быта, инаго, западнославянскаго начала.

Нѣмецкіе представители норманскаго мнѣнія въ прошедшемъ столѣтіи, Байеръ, Миллеръ, Тунманнъ и Шлецеръ, трудились надъ древнѣйшею исторіею Руси, какъ надъ исторіею вымершаго народа, обращая вниманіе только на письменную сторону вопроса. Для нихъ Русь была то самое, что для другихъ ученыхъ нѣмецкихъ изслѣдователей, Пелазги или Этруски; загадочная народность, о началахъ которой сохранились намёки у греческихъ и латинскихъ писателей. Находя норманскимъ подобозвучныя имена у первыхъ русскихъ князей, у пословъ Олега и Игоря, находя шведскую Русь въ бертинскихъ лѣтописяхъ, норманскую—въ извѣстіяхъ Ліутпранда и Константина, они провозглашали норманское происхожденіе Руси, ни мало не заботясь о томъ, отозвалось ли это норманство въ исторіи и жизненномъ организмѣ онѣмеченнаго ими народа. Что между тѣмъ, по крайней мѣрѣ Шлецеръ понималъ необходимость воззрѣнія и на фактическую сторону предмета, въ этомъ, при его научной опытности, не позволено сомнѣваться; дѣло въ томъ, что для полнаго и безпристрастнаго обсужденія вопроса, какъ его предшественникамъ, такъ и ему, недоставало основательнаго знанія русскаго языка, русскаго быта и письменности, въ связи ихъ съ прочими славянскими языками, народными

особенностями и литературами [2]). Или не отсюда его односторонній, исключительно норманскій взглядъ на первый періодъ русской исторіи? его невниманіе къ славянскимъ началамъ ея? его непростительно вольное обхожденіе съ русскою лѣтописью? Гдѣ Несторъ мѣшаетъ ему, онъ укоряетъ его вставками; гдѣ случай наводитъ его на факты явно опровергающіе его систему, онъ или молчитъ или довольствуется безплоднымъ на нихъ указаніемъ; при случаѣ, возьмемъ для примѣра хоть бы выдумку понтійскихъ псевдо-῾Ρῶς'совъ 866 года (*Нест. Шлец. II, 86*), онъ увлекается до изобрѣтеній. Сознавая Перуна и Волоса славянскими божествами (*тамъ же*, *666*, *прим. 2*), онъ считаетъ излишимъ входить въ объясненіе причинъ, по которымъ мнимые Норманны Олафъ (Олегъ) и Ингварь (Игорь) и ихъ скандинавскіе сподвижники клянутся по русскому (норманскому) закону, славянскими божествами, а не Одиномъ и Торомъ. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «надобно быть очень крѣпку на ухо, чтобы не слышать столь часто повторяемое Несторомъ, что Новгородцы, Кіевляне и всѣ прочіе народы сего государства (дѣло идетъ о племенахъ, принимавшихъ участіе въ греческомъ походѣ 907 года) назвались Руссами, послѣ пришествія Варяговъ» (*тамъ же*, *II*, *603*); а въ другомъ, что—Руссами при Олегѣ (*тамъ же*, *II*, *681*, *703*) и Игорѣ (*тамъ же*, *III*, *27*), были еще одни только Норманны, т. е. варяги; «владычествующій народъ еще не смѣшался съ прочими; долгое время возвышался Франкъ надъ Галломъ и все дѣлалъ одинъ, не принимая въ сотоварищество имъ побѣжденнаго» и т. д. Онъ замѣчаетъ съ удивленіемъ непонятно-скорое исчезновеніе

норманства въ именахъ нашихъ князей, тогда какъ «германскіе завоеватели Италіи, Галліи, Испаніи, Бургундіи, Картагена и пр. всегда въ родѣ своемъ удерживали Германскія имена, означавшія ихъ происхожденіе» (*тамъ же*, *III*, *475*); но какъ объясняетъ онъ этотъ фактъ, очевидно противный норманству варяжскихъ князей? неизвѣстными причинами, въ слѣдствіе которыхъ «Славяне рано сдѣлались господствующимъ народомъ» (*тамъ же*, *476*). О языкѣ, правѣ, обычаяхъ Руси и т. д., съ точки зрѣнія норманскаго вліянія на Русь, у него даже нѣтъ и помину.

Современная наука не допускаетъ ни молчанія, ни изобрѣтеній, ни неизвѣстныхъ причинъ. Она говоритъ: если варяги—Русь Скандинавы, норманское начало должно отозваться въ русской исторіи, какъ начало латино-германское въ исторіи Франціи, какъ начало германо-норманское въ исторіи англійской. Не въ мнимо-германскихъ именахъ нашихъ князей и пословъ ихъ, не въ случайныхъ, непонятыхъ извѣстіяхъ бертинскихъ лѣтописей, Ліутпранда и Константина, — норманство должно отозваться съ самой жизни Руси, въ ея религіи, языкѣ, правѣ, въ народныхъ обычаяхъ, въ дѣйствіяхъ и образѣ жизни первыхъ князей и пришлыхъ съ ними варяговъ. Безъ полнаго удовлетворенія этимъ условіямъ историческаго самопознанія, система норманскаго происхожденія Руси остается внѣ права науки, какъ остается внѣ права науки система славянскаго происхожденія, покуда хотя одно изъ возраженій норманской школы будетъ оставлено безъ отвѣта.

Изысканія Круга (*Forschungen etc.*) изданы по смерти его, до приведенія ихъ самимъ авторомъ въ систематическій

порядокъ. Изъ статей, имѣющихъ цѣлью указать на живые слѣды норманскаго начала въ русской исторіи, особенно замѣчательны по содержанію:

№ VII. О языкѣ Руси въ IX и X столѣтіяхъ.

№ VIII. Происхожденіе и объясненіе нѣкоторыхъ русскихъ словъ въ лѣтописи Нестора и законахъ Ярослава.

№ X. Мысли о древнѣйшемъ устройствѣ и образѣ правленія русскаго государства.

№ XI. О Гридьбѣ при первыхъ русскихъ князьяхъ, въ сравненіи съ учрежденіемъ Hirdmenn'овъ въ Скандинавіи.

№ XII. Примѣчанія къ извѣстіямъ Ахмедъ-ибнъ-Фоцлана о языкѣ, религіи, правахъ и обычаяхъ языческой Руси, въ началѣ X вѣка.

Судя по однимъ заглавіямъ этихъ статей, читатель конечно подумаетъ, что для изслѣдователя, подобно Кругу, дѣйствительно убѣжденнаго въ норманствѣ варяжской Руси, не могло быть недостатка въ доказательствахъ норманскаго вліянія на внутренній бытъ русскаго общества. Выходитъ противное. За исключеніемъ № VIII, въ которомъ Кругъ выводитъ самымъ неудачнымъ образомъ чисто-славянскія слова изъ скандинавскихъ этимологій, всѣ остальные нумера или представляютъ изслѣдованія о норманскомъ языкѣ, правѣ, норманскихъ обычаяхъ и пр., безъ малѣйшей связи съ языкомъ, правомъ и обычаями такъ называемыхъ варяговъ-Руси; или указываютъ на факты, которымъ слѣдовало бы проявиться въ русской исторіи, если бы варяги-Русь были Норманны.

Изъ статьи о языкѣ (*II, 239—284*) мы узнаемъ слѣдующія положенія: древне-скандинавскій языкъ назывался

Dönsk tunga, Norran tunga или Norroena (*241*); такъ какъ варяги были Норманны, а при Рюрикѣ множество Скандинавовъ селилось въ Новгородѣ, оба языка норманскій и славянскій слышались одновременно въ Новгородѣ; безъ сомнѣнія было даже время, когда Норрена тамъ господствовала (*249*); знатнѣйшіе изъ Славянъ, преклоняясь передъ трономъ для снисканія благосклонности новыхъ русскихъ, т. е. норманскихъ князей, весьма вѣроятно стали вскорѣ изучать ихъ языкъ и обучать ему своихъ дѣтей (*ibid.*); простые люди имъ подражали (*250*); употребленію Норрены надлежало сохраниться на Руси долѣе чѣмъ въ Нормандіи, ибо тамошніе князья приняли христіянство семидесятишестью годами (въ 912) ранѣе нашихъ (*252*); такъ какъ въ эпоху призванія грамота уже существовала въ Скандіи, то должно непремѣнно ожидать, что Руссы, вскорѣ призванные оттуда, въ землю, назвавшуюся отъ ихъ имени Русью, вмѣстѣ съ норманскимъ языкомъ, принесли съ собою и норманское письмо (*260*); изъ двухъ экземпляровъ договоровъ, заключенныхъ между Русью и Греками, вѣроятно одинъ былъ составленъ на скандинавскомъ языкѣ (*265*).

На какихъ доказательствахъ основаны эти несомнѣнныя и вѣроятныя положенія? Они двоякаго рода: 1) русскія названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина багрянороднаго, звучатъ по норманcки (*283*). Объ этомъ, вовсе не понятомъ свидѣтельствѣ греческаго императора см. гл. XX. 2) Въ древне-русскомъ, преимущественно юридическомъ языкѣ, встрѣчаются многія слова, очевидно германскаго происхожденія, занесенныя къ

намъ Норманнами (*275*). Критическое изслѣдованіе этого послѣдняго положенія принадлежитъ къ № VIII. (*II*, *285*—*314*): происхожденіе и объясненіе нѣкоторыхъ русскихъ словъ въ лѣтописи Нестора и законахъ Ярослава.

Прежде всего, и одинъ разъ на всегда, я дѣлаю слѣдующую оговорку: до нашего предмета не касаются тѣ общеславянскія слова, каковы князь, пѣнязь, градъ, хлѣбъ и пр., которымъ иные изслѣдователи приписываютъ доисторическое германское происхожденіе. Какъ Славяне отъ Германцевъ, такъ Германцы заняли изрядное количество словъ отъ Славянъ; это обще-лингвистическій, уже давно обсужденный вопросъ. «Всѣ эти языки», говоритъ Шафарикъ о славянскомъ, греческомъ, латинскомъ, кельтскомъ и германскомъ, «имѣютъ многочисленныя общія слова, составляющія въ чистыхъ корняхъ своихъ неоспоримую собственность каждаго и для которыхъ было бы безсмысленно отыскивать первенство обладанія, напр. носъ, Nase, nasus; око, Auge, oculus» и пр. (*Abk. d. Sl. 56*, *cfr. Sl. Alt. I*, *48 ff.*). Къ словамъ, долженствующимъ обнаружить вліяніе норманскаго языка на русскій, въ слѣдствіе призванія варяжскихъ князей, норманская школа въ правѣ отнести только такія, которыя, являя всѣ признаки норманства, съ одной стороны не встрѣчаются у прочихъ славянскихъ народовъ, а съ другой, не могутъ быть легко и непринужденно объяснены изъ славянскихъ этимологій. Конечно, эти правила не совсѣмъ согласны съ лингвистическими законами, которыми руководствуются поборники скандинавизма; напримѣръ, производя слово бояринъ отъ составнаго норманскаго ból-praedium, villa, и Jarl-comes, Кругъ

(*Forsch. II. 335*) замѣчаетъ, что слово боляре существуетъ и въ славянской библіи, и у Сербовъ, Ляховъ, Рагузинцевъ, Виндовъ, Хорутанъ и т. д. «но, говоритъ онъ (*l. c. Anm.* *), не должно думать, чтобы норманскому происхожденію слова бояринъ противорѣчило его употребленіе у Болгаръ, за сто лѣтъ до основанія государства. Только здѣсь я не могу этого доказать и отсылаю къ моему изслѣдованію о началѣ Руси». Этого изслѣдованія въ посмертномъ изданіи его изысканій не оказалось. О словѣ коляда, происходящемъ, по мнѣнію Круга, отъ скандинавскаго Jolessen (*тамъ же*, *II*, *553*) онъ говоритъ: «что многія изъ этихъ словъ встрѣчаются и въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, еще ничего не доказываетъ противъ предположенія о норманствѣ слова коляда. Такъ напр. русское коляда, у Сербовъ koléda, у Поляковъ kolęda, у Краинцевъ также, у Кроатовъ kolédo, у Босняковъ kolenda, у Чеховъ koleda, kolemgda; но оно не имѣетъ корня въ славянскихъ языкахъ». Что сказать объ исторической системѣ, основывающей свои доказательства на лингвистикѣ этого рода?

Изъ словъ мнимо-германскаго и норманскаго происхожденія, Кругъ (*тамъ же*, *II*, *288*) приводитъ слѣдующія: князь, пѣнязь, усерязь, витязь, шлягъ (sic), стерлягъ, пудъ, судъ, градъ, гридъ (sic), рядъ, скотъ, хлѣбъ, шнекъ (sic), полкъ, вира, мѣсячина, дума, броня, мыто, мытарь, свекорь, кароль, снѣдь, рыцарь, рухлядь, весь, ремень, люди, нетій, кнутъ. Эти слова онъ готовилъ для новаго изданія академическаго словаря. Сверхъ того, онъ основываетъ мнѣніе о норманскомъ составѣ Русской Прав-

ды, на мнимо-норманскомъ происхожденіи словъ: вервь, вира, говядо, гость, гривна, гридинъ, людинъ, огнищанинъ, скотъ, тіунъ и т. д. Онъ говоритъ по этому поводу: «иногда мучаются для отысканія славянскихъ корней для словъ очевидно норманскаго происхожденія, каковы: гридинъ, болявинъ, пѣнязь, вира, вервь и значительное количество другихъ, коихъ норманство будетъ ясно показано» (*тамъ же*, *274*, *275*, *280 прим. XX*). Между тѣмъ имъ изслѣдованы только слова: князь, пѣнязь, дума, ябетникъ, тіунъ и гридинъ.

Образцовое разсужденіе г. Срезневскаго (*Мысли объ ист. русск. яз. 129 — 154*) о словахъ: бояринъ, безмѣнъ, вервь, вира, верста, господь, гость, гридь, дума, князь, луда, людъ, мечь, мыто, навь, нети, обелъ, огнищанинъ, оружіе, смердъ, теремъ, якорь, городъ, дружина, колоколъ, котелъ, лодія, мужъ, стягъ, холопъ, цѣпь, челядь,— избавляетъ меня отъ труда доказывать славянство ихъ происхожденія и общность у всѣхъ славянскихъ народовъ. Но я не могу допустить съ г. Срезневскимъ и того десятка словъ происхожденія сомнительнаго или дѣйствительно германскаго, о которыхъ онъ упоминаетъ на стр. 154, и къ которымъ причисляетъ слова тивунъ, шильникъ и ябетникъ. Слова каковы напр. шильникъ и шнека не идутъ къ вопросу о норманскомъ происхожденіи Руси; ихъ позднѣйшее происхожденіе отъ германскаго и скандинавскаго языковъ имѣетъ извѣстное историческое основаніе въ торговыхъ и иныхъ сношеніяхъ Новгорода съ Шведами и Нѣмцами въ XII — XIV столѣтіяхъ и доказываетъ происхожденіе Руси отъ Норманновъ, какъ англійскія, голландскія

и французскія слова въ русскомъ языкѣ, доказываютъ происхожденіе Руси отъ Англичанъ, Голландцевъ и Французовъ. Что касается до прочихъ словъ, встрѣчающихся въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности и означающихъ основныя русскія учрежденія, они, какъ и приведенныя выше у г. Срезневскаго, всѣ объясняются изъ славянскихъ источниковъ, или перешли къ намъ славянскимъ путемъ. Изъ этихъ, у г. Срезневскаго необъясненныхъ или допускающихъ иныя, дополнительныя объясненія словъ, я привожу слѣдующія:

Бояринъ. Кругъ производитъ слово бояринъ отъ скандинавскаго ból-praedium, villa и Jarl-comes и считаетъ форму боляринъ древнѣйшею. Та же форма и у Болгаръ; Өеофанъ пишетъ βοϊλάδες; Конст. багр. βολιάδες. Слово боляре въ книгѣ Эсөирь I, 16, вѣроятно позднѣйшая вставка (*Forsch. II. 333, 334*). Погодинъ принимаетъ словопроизводство протоіерея Сабинина отъ исландскаго Baer-villa, praedium и menn—мужи; baear-menn—мужи града (*Изслѣд. III, 400*). Г. Куникъ полагаетъ, что слово боляринъ есть ничто иное какъ славянская форма народнаго Bolgar, Болгаринъ и указываетъ на переходныя связующія формы Bileres у Планъ-Карпина; Byler у Vinc. de Beauvais; terra Bular у безимяннаго нотаріуса короля Белы; отъ первоначальнаго боляринъ позднѣйшее бояринъ (*Beruf. II. 60. Anm.* **). Шафарикъ производитъ греческое βοϊλάδες, βολιάδες отъ финно-уральскаго boilas, bulias (сравн. ὁ Βουλίας Ταρκάνος у *Констант. de Cerim. ed. Bonn. I. 681*), collect. boilad, buljad; срвн. аварское beled-proceres. Къ Славянамъ оно перешло въ двоякой формѣ:

1) byl' (въ рукоп. хрон. Георг. Амартола и въ Игорѣ), 2) boljarin, bojarin древне-русск. baarin, откуда сокращенное средневѣковое латинское Baro (*Sl. Alt. II. 167. Anm. 1*).

Ни одна изъ этихъ этимологій не объясняетъ какимъ образомъ германо-скандинавское ból-jarl, исландское baearmenn, народное болгаринъ, финно-уральское bulias перешли во всѣ славянскія нарѣчія; ни почему, при болгаро-сербской формѣ болярииъ, встрѣчаются формы: на Руси — бояринъ; у Хорватовъ и Хорутанъ — бојар, војар, бојарин, вояринъ; у Поляковъ—boîar; у Чеховъ—bojár, bojařin; у Рагузинцевъ — bojâr; у Молдаванъ и Валаховъ — un boiarin въ смыслѣ vir nobilis; у Мадяровъ — bojar, герой; въ новогреческомъ языкѣ μπογιάρος.

Г. Срезневскій (*Мысли и пр. 133*) принимаетъ для слова бояринъ, болярииъ два корня: бой—вой; боль—вель (бо́льшій, великій), какъ напр. два корня (святъ—sanctus и свѣтъ — lux)для имени славянскаго божества Святовита, Свѣтовита. Но разрѣшаетъ ли это толкованіе затрудненія вопроса? и неясно ли, что изъ двухъ корней все же одинъ остается основнымъ?

Я думаю Карамзинъ (*I, прим. 167*) былъ правъ, считая форму бояринъ древнѣйшею.

Противъ этимологическаго родства греческаго βοϊλάδες, βολιάδες (*Theophan. ed. Bonn. I. 673.* Въ переводѣ Анастасія: bohiladi, boilades *ibid. II. 235. 243. Cfr. Constant. de Cerim. ed. Bonn. I. 681. II. 803*) съ славяно-болгарскимъ боляре, говоритъ то обстоятельство, что этимъ формамъ, равно какъ и финно-уральской boilas, bulias, не достаетъ

основной въ словѣ бояринъ, болярипъ буквы *р*. Этими формами (βοῖλας, βολιάς) Греки выражали славянское слово быль (senior). Въ переводномъ Георгіѣ Амартолѣ: «Коуръ (Кѵръ) скоро посла быля своего къ немоу (Даніилу), да съ честью приведоутъ и». Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и много вои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями». «Въ просторѣчіи (въ Рязанск. губ.), замѣчаетъ Снегиревъ (*Труды Общ. ист. и древн. Росс. V. I, 260*), называется небылемъ человѣкъ незначущій»[3]).

У Болгаръ и Сербовъ господствуетъ исключительно форма болярииъ; на Руси (*см. Лавр. 9, 13, 19, 45* и *19, 20, 22, 28, 35, 40, 45, 46, 50, 53*) формы бояринъ, болярииъ, являются одновременно; у остальныхъ славянскихъ народовъ извѣстны только формы бояръ, бояринъ. Во всѣхъ ли славянскихъ нарѣчіяхъ, за исключеніемъ Болгаръ и Сербовъ, слово бояринъ явленіе позднѣйшее, какъ увѣряетъ, но безъ доказательствъ, Кругъ (*Forsch. II. 335*)? Отъ Руси ли оно перешло къ Чехамъ, Хорутанамъ, Хорватамъ, Рагузинцамъ? Если же отъ Болгаръ или Сербовъ, почему извѣстно оно у нихъ не подъ болгаро-сербскою формою болярииъ?

Окончательная форма на—инъ въ славянскихъ языкахъ, предполагаетъ или существующее, или утратившееся, или воображаемое собирательное. Такъ челядь—челядинъ; людъ—людинъ; Русь—Русинъ; гридь—гридинъ и т. д. Форма бояринъ предполагаетъ первородное (утратившееся) собирательное боярь; память его сохранилась въ древне-чешскомъ bujarý — храбрый, удалый; bujarost —

храбрость, удальство. «Bóh ti bujarost da u wsie údy» (*Oldr. i Bolesl. Ruk. Kralodv. 9*). Bujarý составлено изъ двухъ корней: буй — храбрый; *въ церк. I, Кор. III, 18:* безумный; *срвн. Сл. о п. Игор.:* буй туръ Всеволодъ; буй Рюриче и Давыде. «Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена»; яръ, ярый; въ Сл. о п. Игор.: яръ туре Всеволоде. Срвн. tur jarý въ Jarosl. и Lubuš. s. (*ruk. Kralodv. 22. 65*) [1]).

Какъ буква γ въ новогреческомъ μπογιαρος, такъ буква *л* въ болгаро-сербскомъ боляре, есть ничто иное какъ евфоническая вставка. Сербы говорятъ: Србинъ и Срблинъ; рѣка Barbana въ Далмаціи (Liv.) нынѣ Bojana и Boljana (*Schafar. Abk. d. Sl. 160. 161*) и т. д. Къ намъ форма боляринъ перешла, вмѣстѣ съ книгами св. писанія, отъ Болгаръ.

Броня. «Наши брони не одно ли съ шведскимъ bryniог? спрашиваетъ Погодинъ (*Изслѣд. III, 233, прим. 556*). Въ самомъ дѣлѣ въ средне-вѣковыхъ германскихъ документахъ встрѣчаемъ слова: «Brunea, brunia, bronia—lorica. Gloss Lat. Theotisc. Thorax, militare ornamentum, Lorica, Brunia» (Du Cange). Въ древнѣйшемъ Евангеліи Отфрида (нач. IX вѣка) lib. V. cap. 1: «Ist uns thas girüsti, Brunia alafesti». Въ капитул. Карла великаго: «§. De negotiatoribus qui partibus Sclavorum et Avarorum pergunt..... Et ut arma et brunias non ducant ad venundandum» (*Pertz III. 133*). Слово brunia, bronia, не имѣющее корня въ германскихъ нарѣчіяхъ (ибо его этимологія отъ британскаго bron-mamma, pectus, Du Cange, болѣе чѣмъ сомнительна) вѣроятно проникло въ Германію славан-

скимъ путемъ. У Чеховъ břn — панцырь; broń по польски оружіе; bronić—защищать; у насъ бронити и боронити, Въ римованной хроникѣ Далимиля: «Vłasta na koni s oščepem v brniéch stoieše» (*Dalim. chron. 20*). Дитмаръ (*ed. Wecheli VI. p. 65*). о ретрскихъ божествахъ: «Interius autem Dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis, galeis atque loricis terribiliter vestiti». О руйскихъ идолахъ Книтлинга Сага: «hic idola magna pecunia, auro et argento, serico et bombyce, coccina et purpura, galeis et ensibus, loricis omnique armorum genere spoliarunt» (*Hist. Knutid. cap. 122*).

Вервь. Взятое въ смыслѣ округа (*Р. Пр.*) слово вервь означаетъ еще и нынѣ у крестьянъ Архангельской губерніи поземельную мѣру 1850 квадр. саж. (*Слов. Даля*). Веревками и жердьми мѣрили всѣ въ мірѣ народы. Гейзерихъ дѣлилъ веревкою (funiculus hereditatis) землю Zeugitana (*Vict. Vitens. ap. Grimm. DRA. 1. 479*). Побѣжденная Нормандія размежевана по веревкѣ Роллономъ: «illam terram suis fidelibus funiculo divisit» (*Willelm. Gemetic*). Что такое: de pratis duodecim worpa? спрашиваетъ Гриммъ (*ibid. II. 541*). Не наше ли славянское вервь? срвн. «отъ Елизара шло пять вервей, а другая пять вервей шла отъ Онтона» (*Акты юр. 55*).

Весь. «Въ оньже аще (колижде) градъ или весь внидете, испытайте, кто в немъ достоинъ есть (*Матѳ. X, 11*). Wes по чешски, wieś по польски, vás по краински—деревня, село. Смерды-владѣльцы въ Богеміи назывались wiesnicy, villani. «temuž Adamovi wes nassi Bielowicze... prawy a przislussenstwjm k tež wsy naležjczjmi naddawame,

podawame, a dawamé» (Грам. кор. Венцесл. 1305 г. *ap. Bocsek*, *Cod. Dipl. Mor. V. № 184*). Въ переводѣ Мазовецкаго права у Лелевеля стр. 165: «Wieśnianie; въ Польшѣ сельскій судъ; «sąd wieyski (*Macieiowski*, *Slav. Rechts-Gesch. I. 131. III. 163. IV. 91*).

Вира. Г. Срезневскій указываетъ на хорватское вира — вольная оцѣнка, вольный переходъ; завирити — обязать задаткомъ или залогомъ; вѣровати — обвинять, въ Запискѣ о правахъ Дубровницкихъ купцовъ (XIII — XIV вѣка). Въ самомъ дѣлѣ, по смыслу, вира и вина однозначущи въ русской юридической терминологіи; вмѣсто мыта (*Лавр. 13*), списки Воскр. Ник. и Соф. читаютъ вины: «не платить вины нивчемже» (*Нест. Шлец. II, 640*). Въ Лавр. сп. о русскихъ дѣтскихъ подъ 1176 г.: «они же много тяготу людемъ симъ створиша, продажами и вирами»; Радз. и Троицк. читаютъ: «винами». «Обычай откупаться за убійство существуетъ въ Черногоріи и донынѣ, говоритъ Булгаринъ (*Ист. Росс. II, 26*); это называется: послать на вѣру».

Напрасно стало быть, къ тому же и въ ущербъ самой себѣ, относитъ норманская школа слово вира, къ перешедшимъ будто бы къ намъ изъ Скандинавіи. Карамзинъ (*I, прим. 478*) указываетъ на шведское ога; но ога (у Датчанъ оге) означаетъ не пеню, а монету или часть денежнаго фунта (см. *Du Cange* v. *ora*); да и едвали переходъ формы ога въ русское вира, будетъ согласенъ съ законами строгой лингвистики. Погодинъ (*Изслѣд. III, 381*) приводитъ германское слово wehrgeld (въ древнегерманскихъ памятникахъ wiregildum, wirgildum, wirgildi — wirigelt,

wirgelt); но это слово не встрѣчается ни въ простой, ни въ составной формѣ, въ скандинавскихъ законахъ, за исключеніемъ vereldi въ Gutal. 19—21 (*Grimm*, *DRA*. *II*. *650*). Техническое выраженіе древне-скандинавскаго права для пени — bot. Такъ: Sakbot = reparatio causae, multa; vigsbötr = multa homicidii; baugbot = caedis multae additamenta (*Grágás II*. *173*, *94*, *344*); въ древне-шведскихъ законахъ mordgiäld, sporgiäld. Сага Олафа Тригвасона передаетъ русское вира, скандинавскимъ boetur. Вира, если допустить ея происхожденіе отъ германскаго wirgelt (*Grimm*, *l*. *c*.), указала бы, не на сношенія Руси съ Норманнами, а вендскихъ Славянъ съ Германцами и Руси съ балтійскимъ поморіемъ.

Волхвъ. У Скандинановъ Alfve (*Сенковск*. и *Погод*. *Изслѣд*. *I*, *316*. Срвн. J. *Grimm*, *D*. *M*. *41 ff*.). «Се волсви отъ востокъ пріидоша во Іерусалимъ» (*Матѳ*. *II*, *1*). У Вацерада, *Mat*. *Verb:* «Phytones, sagapetae — wlchwec, wlchwice». Въ исторіи взятія Трои: «Класъ (Калхасъ): низокъ, тонокъ, чистъ, сѣдъ главою и брадою кудрявою, и вълховъ и кобникъ хитръ» (*Экс*. *Бол*. *182*). Черноризецъ Храбръ: «а Персомъ и Халдеомъ и Асиреомъ звѣздочьтение вльшвение, врачевание, чарованиа и всѣ хытрость человѣча» (*тамъ же*, *190*, *191*). Въ Супрасльской рукописи XI вѣка: «влъхвованіе и влъхвъ» (о *волхвахъ* см. *Буслаева о вл*. *Христ*. *22*, *23*).

Вѣно. У Погодина (*Изслѣд*. *III*, *418*) отъ скандинавскаго Vingaef. На древне-саксскомъ: morgen gifa (*Glossar*. *Saxon*. *Aelfrici* ap. *Du Cange v*. *Morganegiba*. Срвн. *Grimm D*. *R*. *A*. *I*. *441: morgungiбf*). Источники польскаго права

употребляютъ выраженія: dos, donatio propter nuptias, parapherna (*St. K. 9*); въ польскомъ переводѣ: wiano, danina, dziedzina wzelka, wyprawa. Чешское право знаетъ wěno и dziedziny wienne. У Андрея Дубскаго, t. LXI: «O Vienovánie w milostive zástavie» (См. *Macieiowski Sl. Rg. II. 214, 217, 291*). «Téz každy muž jeji móž wěno dskami klásti beze wšeho powolenie králowského i panského» (Wšhrd, *knihy o praw. a sud. i o dskách země České. V. Kn. 16 hl.*). Въ Силезскомъ правѣ: Dothalicium propter nuptias, quod vulgariter Wyeno nuncupatur» (*Sommersb. Siles. rer. script. I. 885*) [6]).

Гривна. «Что за слово гривна? спрашиваетъ Погодинъ (*Изслѣд. III, 283*). Оно употребляется въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается въ славянскомъ переводѣ библіи, но давно ли? есть ли оно въ древнихъ спискахъ?» У Вацерада Mat. Verb. «hriwna, torques, ornamentum colli». Въ этомъ, его первобытномъ значеніи, встрѣчаемъ слово гривна у Эксарха: «іакоже не соутъ видѣла кнеза въ срацѣ златами нищьми шьвена, и на выи гривноу златоу носеща» (*Шестодн. 156*). Воцель (*Grundz. d. böhm. Alterthumsk. 218. anm. ***) производитъ слово гривна отъ гривы, санскр. griwa. У Далимиля, 66: «da jim sto hřiwen střiébra cistého». Въ древне-польскомъ правѣ grzywna означаетъ марку (*Macieiowski, Sl. Rg. IV. 133*). У Литовцевъ: «Griwina — marca, quae 20 grossos Bor. aequat» (*Mielcke* ap. *Pott de Bor. Lith. princ. I. 56*) [7]).

Гридь, гридьба, гридинъ. Мы находимъ у Круга (*Forsch. II. 443 — 462*) особую статью о гридьбѣ при первыхъ русскихъ князьяхъ; онъ производитъ русскія

гридьба, гридинъ отъ Hirdmenn'овъ, тѣлохранителей скандинавскихъ конунговъ. (См. также *Погодина Изслѣд. III, 221 — 224*).

Совершенно правильно относитъ г. Срезневскій слово гридь къ всеславянскому громада, у Хорутанъ грида, означающимъ собраніе людей, дружину (*Мысли и пр. 138, 139*). Гридити — быть въ сборѣ, esse in contubernio (*Vostokov ap. Miklosich, Lexic. palaeoslov.*) Подобно князьямъ, города имѣли свою гридь или гридьбу: «Въ томъ же лѣтѣ, на зиму, приде Ростиславъ изъ Кыева на Лукы, и позва Новогородьцѣ на порядъ: огнищане, гридь, купьцѣ вячьшее» (*Новг. перв. л. 14*). «и Новгородьци.... идоша съ княземъ Ярославъмъ, огнищане, и гридьба, и купци» (*тамъ же, 23*). «Онъ же (Мстиславъ Ростиславичь) приѣха Ростову, совокупивъ Ростовци и бояре, гридьбу и пасынкы, и всю дружину, поѣха къ Володимерю» (*Лавр. 161*). Гридь стало быть тоже что стража, дружина; гридинъ отъ гриди, какъ cohortalinus (*Cod. Theod.*) отъ cohors. На Руси это древне-славянское слово отозвалось во множествѣ личныхъ и мѣстныхъ именъ: «.... искалъ богословской игуменъ Ѳеонасей съ братьею на Иванкѣ на Гридинѣ сынѣ Ботуринѣ» (*грам. 1533 г. въ Акт. истор. I, № 134*). «.... у Олешки да у Гриди у Никитиныхъ дѣтей» (*тамъ же, № 163*); деревня Гридинское, Гридское болото, деревня Гридино (*тамъ же, №№ 163, 218. III, № 119*). Гридя Мельниковъ (*Дополн. къ акт. ист. I, № 25*). Гридко Возило (*Сборн. Мухан. 89*). У Чеховъ: въ грамотѣ 1088 г. Grid (*Boczek, I. № 198*); подъ 1026 Gridon (*ibid. № 125*); подъ 1055, Gridata (*ibid. № 149*).

Коляда. Какъ слово коляда, такъ и обрядъ колядованія существуютъ у всѣхъ славянскихъ племенъ; этого одного уже достаточно для полнаго опроверженія предположенія Круга (*Forsch. II. 553*) о происхожденіи коляды отъ скандинавскаго Jolessen. Кругъ замѣчаетъ однакоже справедливо, что это слово не имѣетъ корня въ славянскихъ языкахъ; но заключать отсюда о его скандинавизмѣ невозможно, не доказавъ предварительно: 1) что слово коляда и обрядъ колядованія не существуютъ на Руси, ни у прочихъ славянскихъ народовъ, до второй половины IX вѣка, т. е. до призванія Варяговъ; 2) что языческій обрядъ колядованія, вмѣстѣ съ словомъ коляда, перешелъ къ Чехамъ, Сербамъ, Ляхамъ, Краинцамъ, Хорватамъ и пр., или отъ Скандинавовъ, или отъ онорманившейся Руси. Слову коляда пріискивали и другія этимологіи (см. *Hanusch*, *Wiss. d. Sl. Myth. 192*, *193*); его приводятъ обыкновенно въ связь съ латинскимъ calendae, французскимъ chalendes (*Grimm*, *D. M. 594*); и дѣйствительно нельзя не признать сходства между обрядомъ русскихъ святокъ и языческими каландами древняго Рима и христіанскими среднихъ вѣковъ. Между тѣмъ, уже общность обряда колядованія у всѣхъ славянскихъ народовъ указываетъ на источникъ древнѣе римскаго; выводы лингвистическіе подтверждаютъ предположеніе г. Буслаева (см. *Солов. Ист. Росс. II*, *31 слѣд.*) о слѣдахъ древнѣйшаго Геродотовскаго преданія въ обрядахъ и повѣріяхъ справляемыхъ на праздникѣ коляды; и слово, и отчасти самъ праздникъ отъ древне-греческаго источника. Существенная особенность колядованія состоитъ въ хожденіи славить; святочныхъ пѣсенъ — въ припѣвѣ

слава. Въ одной изъ древнѣйшихъ этихъ пѣсенъ, сохранился въ своей первобытной формѣ древнегреческій припѣвъ, соотвѣтствующій нашему переводному **слава**. Я выписываю эту пѣсню, представляющую поразительное описаніе древне-эллинскаго вакхическаго жертвоприношенія.

За рѣкою за быстрою, ой каліодка
Лѣса стоятъ дремучіе, . . .
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни каліодушки.
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ;
Возлѣ его козелъ стоитъ [8]).

(*Снегиревъ р. пр. празд. I, 103*).

Теперь что такое припѣвъ: ой каліодка; что такое: пѣсни каліодушки? Я думаю ничто иное какъ греческій припѣвъ: *ὦ καλὴ ᾠδή*; греческое (до насъ не дошедшее) *μέλη καλλιῳδικά*; срвн. *μελῳδικός*, *καλλιμελής*. Извѣстно специальное значеніе слова *καλός* въ древне-греческомъ язычествѣ. Припѣвъ *ὦ καλὴ ᾠδή* отражается въ названіи празднества лаконской Артемиды: *καλαοιδία*, пѣснь славленія. «*Καλαοιδία· ἀγὼν ἐπιτελούμενος Ἀρτέμιδι, παρὰ Λάκωσιν*» (Hesych) [9]). Отъ греческихъ: *ὦ καλὴ ᾠδή*, *μέλη καλλιῳδικά* — наши ой каліодка, пѣсни каліодушки; отъ

καλαοιδία — общеславянское коляда, пѣснь славленія. (Срвн. *колея* и *ca*llis, *ол*тарь и *al*tarium, *соботки* и *Sa*bazius).

Обелъ. (У Срезневск. 149: круглый, полный). Эксархъ Болг. 66: *σφαῖρα*—обло; сферическая форма (*κατασκευή*)—обельство. Obly (česk.)—овальный. Зажиточные крестьяне въ Моравѣ именовались obilny; въ Стиріи, у Краинцевъ и у Хорутанъ obiln — полный, Vollbauer (*Macieiowski*, *Sl. Rg. IV. 439*).

Скотъ. Это слово производятъ обыкновенно отъ шведскаго skatt, сокровище, подать, плата (*Погод. изслѣд. III, 284*). «Если это шведское слово, спрашиваетъ Каченовскій (*тамъ же*, *529*), то какъ оно попало и къ Полякамъ; scotus — scojec содержалъ въ себѣ 24 часть гривны, или 2 гроша». Мы находимъ его и у Чеховъ и въ Силезіи: «Census autem est talis: quilibet mansus soluit duas denariacas auri, que tales esse debent, quod decem pensent scotum» (*Boczek, III. 358. ad ann. 1263*). «Nam mensura silliginis soluit XIII scotis argenti» (*Archid. Gnesn. ap. Sommersb. II. 83*). Какъ pecunia отъ pecus, куна отъ куницы, такъ скотъ отъ скота. «Das fries. sket scheint das ahd. scaz, Goth. scatts (numus, pecunia), bedeutet aber vieh, der vierfüssige Schatz ist das vieh, merkwürdig stimmt das slav. skot (*Ewers*, *269*, *273*); vgl. auch κτῆνος und altn. Gripr, naut» (*Grimm*, *DRA. II. 565*)[10]. Погодинъ (*Борьба съ нов. истор. ерес. 327*) замѣчаетъ: «скотъ, скотина, — слова Русскія; но есть ли малѣйшее указаніе въ памятникахъ, пѣсняхъ, языкѣ, чтобъ скотомъ когда нибудь назывались у насъ деньги, скотницею—казна. Такъ

можно ли сомнѣваться, что въ словахъ лѣтописи это слово есть Норманское skat, а не наше». Слово скотница, какъ общеупотребительное, встрѣчается по нѣскольку разъ въ лѣтописи: «повелѣ (Владимиръ) всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьницъ кунами» (*Лавр. 54*). «И ту дворъ Святославль раздѣли на 4 части, и скотьницѣ, бретьяницѣ, и товаръ, иже бѣ не мочно двигнути» и пр. (*Ипат. 27. Срвн. Карамз. II, прим. 296*). У Востокова: «Скотница твоя по божии благодати нескоудна есть и неистощима» (*ap. Miklosich, gloss. palaeosl.*). На какомъ же основанiи выдавать за норманское, — слово признаваемое чисто славянскимъ у Поляковъ, Чеховъ, балтiйскихъ Славянъ? Осторожный Гриммъ этого не сказалъ.

Смердъ. Протоiерей Сабининъ (у *Погод. Изслѣд. III, 405*) объясняетъ слово смердъ изъ скандинавскаго: «Smaerd, parvitas, res parvi momenti, homo pauci». Въ *Шестодн. Экс. Бол.* 156: «iако же бо и смрдаа чедь вънѣщьнѣia» и пр. У Генига (*Vocab. Vened. ap. Dobrovsky Slov. II. 225*): «Bauerbör, Bauerschaft smardi». (См. также слово *смръдъ* у *Miklos.* Gloss. palaeosl.). Du Cange v. Smurdus: «Homines sunt infimae plebis, a voce Slavica Smerd, Foetere, putere». Grimm DRA. I. 322: «Smurdones» и anm. ** (*ibid*): «stinkende leute? vgl. böhm. smrdoch, poln. smierdziuch. Eine ältere urk. von 1122 schreibt zmurd das ich niht zu deuten wüsste: homines in quinque justitiis, ut edelsten, knechte, zmurde, lazze, heien. Kreysig. 2. 694». По всей вѣроятности, слово смердъ перешло въ германскiе языки отъ Славянъ.

Тіунъ, тивунъ. Это слово, скорѣе сродное съ древне-саксонскимъ ðeng или ðeing, thingus — minister, baro (*Du Cange* v. thingus, cfr. *Grimm DRA*. þing и þingmenn *747*, *768*), чѣмъ съ скандинавскимъ þión — servus (*Grimm ibid. 303*. *Krug*, *Forsch. II. 314*), могло перейти къ намъ, вмѣстѣ съ другими германскими (*см. гл. IX*), отъ вендскихъ Славянъ; Розенкампфъ указываетъ на встрѣчающуюся въ разныхъ спискахъ Р. Правды, форму тіенъ вмѣсто тіунъ (*Об. Кормч. Кн. 312*). Слово tywun, ciwun сохранилось и донынѣ въ польскомъ языкѣ и означаетъ окружнаго начальника и воеводу. О литовскихъ тіунахъ см. *Macieiowsk. Sl. Rg. III. 124*.

Щьлягъ и стерлягъ. (См. *Погод. Изслѣд. III*, *284—286*. *Krug. zur MK. R. 199*). Нѣтъ сомнѣнія что этимологическою основою нашимъ щьлягъ и стерлягъ служатъ германскіе: schilling и sterling. (См. *Du Cange* vv. schillingus, skillingus; esterlingus, sterlingus). Но тоже германское schilling находимъ и у польскихъ Славянъ подъ формою szeląg; городскую пошлину подъ названіями szopowe и szelęzne (*Krug*, *l. c.*—*Macieiowsk. Sl. Rg. III. 308*). Что къ намъ шиллинги зашли не норманскимъ, а польскимъ путемъ, видно ясно изъ лѣтописи. Щьлягами платятъ дань *только два ляшскія племена*, Радимичи и Вятичи. «И въдаша (Радимичи) Ольгови по щьлягу, якоже Козаромъ даху» (*Лавр. 10*). «Они же (Вятичи) рѣша: Козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ» (*тамъ же*, *27*). Какъ самая монета, такъ и способъ взиманія дани указываютъ на польскій источникъ; radlo у Поляковъ и Чеховъ — плугъ. Погодинъ (*Изслѣд. III*, *284*) пишетъ по недосмотру: «щлягъ Радими-

чей и Древлянъ». Древляне платили кунами. Замѣчаніе г. Куника что «слова щьлягъ по фонетическимъ причинамъ нельзя производить отъ польскаго szeląg» (*Замѣч. къ отр. о вар. вопр. Гедеонова 238*), мнѣ кажется тѣмъ произвольнѣе, что тамъ, гдѣ лаврентьевскій списокъ пишетъ щьлягъ, списки Ипат. Хлѣбн. и Троицк. читаютъ: щелягъ и шелягъ (см. *Лавр. 10, вар. ы и 27, вар. х*).

Въ арханг. спискѣ лѣтописи сказано о Вятичахъ: «Козаромъ по стерлягу отчю отъ плуга даемъ» (*Нест. Шлец. III. 478*). Слово «отчю», которое Шлецеръ считалъ необъяснимымъ (*тамъ же, 485*), а Кругъ (*sur MK. R. 197*) производилъ отъ очага, взято здѣсь въ смыслѣ отечественнаго, народнаго (срвн.: «въ лонѣ отьчи» Остром. ев.) и означаетъ національную монету Вятичей — Ляховъ.

Ябетникъ. У Круга (*Forsch. II. 313*): ambaht, ambacht — minister. Срвн. *Погод. изслѣд. III, 411.* Уже Эверсъ (*Aeltest. R. d. R. 271*) указывалъ на польское gabać — настаивать, безпокоить. Еще ближе къ русскому ябетникъ чешское gebati — рѣзать и поносить; польское gębaty — крикливый, злоязычный. Въ бѣлградскомъ прологѣ у Миклошича, Gloss. palaeosl: «оклеветани быше отъ индикта ябьдника».

Какъ видно, Кругъ негодовалъ по напрасну на Академію наукъ за то, что, допуская въ славянскомъ языкѣ греческія слова, перешедшія къ намъ въ слѣдствіе принятія христіанской вѣры, татарскія — въ слѣдствіе монгольскаго ига, она не склонялась на убѣжденіе, будто бы въ раннѣйшія времена русскаго государства, было принято въ

языкъ онаго большое количество германскихъ словъ, которыя отчасти исчезли со временемъ, отчасти сохранились до нашихъ дней (*Forsch. II. 287*). Приведенныхъ г. Срезневскимъ и мною примѣровъ достаточно, чтобы увѣриться въ томъ, что русскій языкъ не принялъ отъ скандинавскаго ни одного слова. А въ такомъ случаѣ гдѣ значеніе выводовъ Круга о вліяніи Норрены на нашъ языкъ, о двухъ языкахъ норманскомъ и славянскомъ въ Новгородѣ и при дворѣ русскихъ князей, о норманскомъ письмѣ на Руси и т. д? Не принадлежатъ ли эти предположенія къ категоріи тѣхъ pia desideria, которыми до сихъ поръ укоряли славянскую школу?

Что о языкѣ, то самое можно сказать и о мнимо-норманскомъ вліяніи на государственное устройство Руси. Пусть будутъ Китайцы вмѣсто Норманновъ, значеніе для русской исторіи статьи Круга (*Forsch. II. № X. 397 — 441*) отъ этого не измѣнится. Въ этой статьѣ онъ сознаетъ, что главнымъ побужденіемъ призванія варяжскихъ князей, было высокое ихъ рожденіе (*409*); что древнее право Новгородцевъ, въ слѣдствіе заключенныхъ условій, оставалось неприкосновеннымъ (*413*); что Кіевъ и южная Русь завоеваны варягами, почему и должно принять отличіе въ управленіи землею завоеванною, отъ управленія призывавшими племенами (*427*) и т. д. Но въ чемъ, въ какихъ особенностяхъ государственнаго быта Руси проявляется норманство завоевателей, какія норманскія учрежденія перешли къ намъ, почему русская исторія не знаетъ ни дѣленія земли, ни ленной системы, ни гильдъ, ни городскихъ общинъ и пр., объ этомъ не говорится вовсе; а о Новгородѣ должно

замѣтить что до Ярослава, его положеніе въ отношеніи къ южной Руси и варяжской династіи, было совершенно второстепенное, угнѣтенное; чему доказательствомъ могутъ служить варяжская дань установленная Олегомъ; двѣ тысячи гривенъ платимыхъ отъ Новгорода Кіеву урокомъ отъ года до года; отвѣтъ Святослава Новгородцамъ о князѣ и т. д.

Изъ особенностей русскаго язычества, за исключеніемъ совершенно безцвѣтныхъ примѣчаній къ извѣстіямъ Ибнъ-Фоцлана (*Forsch. II. 466 ff.*), Кругъ приводитъ только общее славянскимъ племенамъ, не съ одними Норманнами, но и со многими другими языческими народами, обыкновеніе клясться оружіемъ (*тамъ же, 260, прим.* *) [11]); у Болгаръ оно существуетъ и послѣ принятія христіянства; о боготвореніи оружія у Вендовъ см. *Giesebr. W. G. I. 64;* но выписывая изъ текста лѣтописи слова: «по Русскому закону кляшася оружіемъ своимъ», Кругъ забываетъ или выпускаетъ слѣдующія за ними: «и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотьимъ богомъ». Замѣчательный примѣръ исторической осторожности!

Г. Куникъ (*Beruf. d. Schwed. Rods. I. 129*), допуская что только немногія норманскія слова перешли въ восточнославянскій языкъ, считаетъ эти слова тѣмъ болѣе знаменательными, что они относятся къ учрежденіямъ и званіямъ, которыя не могли существовать на Руси, до основанія государства; но какія это были учрежденія и званія — оставлено въ неизвѣстности, а изъ предполагаемыхъ къ объясненію словъ, указано только на два: верста, будто бы происходящее отъ шведскаго rast — покой, путевая мѣра;

срвн. готское rasta — миля, германское rast — промежутокъ времени (*ibid. 89*) и пр. и луда, принадлежащее, по мнѣнію Шегрена, къ шведскому діалекту (*ibid. 128. Anm.* *) [12]. Г. Куникъ писалъ до появленія въ свѣтъ сочиненія г. Срезневскаго *Мысли объ истор. р. яз.*, въ которомъ существованіе словъ верста и луда, при этимологическомъ ихъ значеніи, доказано во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Къ частнымъ значеніямъ слова верста въ славянскихъ языкахъ можно прибавить размѣръ вообще: «въ коую врьстоу доуша силнѣишіи тѣлесе ксть?» (*Šafar. Pam. dr. pis. жит. св. Конст. 4*) и возрастъ: «Се благовѣрный и христолюбивый князь Андрѣй отъ млады версты Христа возлюби» (*Лавр. 156*). Луда какъ у насъ, такъ и у Хорватовъ — покровъ; лудити — покрывать; срвн. москолудство, вмѣсто мужеложство (?), въ поученіи Луки Жидяты (*Miklos. Gloss. palaeoslov.*). Это слово кажется перешло въ славянскіе языки изъ греческаго; λώδιξ у Арріана (*ed. Didot* § *24*) — pallium; Epiph. contr. Meletian. λωδίκιον εἴτε οὖν πάλλιον (*Du Cange, Gloss. m. et inf. Graec.* срвн. ludix, ludices *Gloss. m. et inf. lat.*).

Изъ другихъ доказательствъ, относящихся къ вопросу о вліяніи Норманновъ на древній бытъ Руси, я нахожу у г. Куника только слѣдующія: 1) Освобожденіе Варягами отъ хазарскаго ига Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей; ослабленіе хазарской державы при Святославѣ и Владимирѣ. Мнѣніе о норманствѣ Варяговъ-избавителей основано на той данной, что только одни воинственные Норманны были въ состояніи сломить тюркскую силу; Славяне же оставались спокойными зрителями борьбы замѣ-

нившей для нихъ хазарское иго норманскимъ (*Beruf. II. 264—268*). 2) Намёкъ на прежнія завоеванія и воинственность Руси (*норманской*), въ рѣчи Святослава у Льва Діакона. Слова Святослава: «погибла слава русскаго оружія, побѣдившаго безъ труда сосѣдніе народы и покорившаго цѣлыя государства безъ кровопролитія, если нынѣ постыднымъ образомъ сдадимся Грекамъ» (*Leo Diacon. ed. Bonn. 151*), — эти слова могутъ относиться только къ покоренію Норманнами Славянъ и Финновъ (*ibid. 459—460*). 3) Вѣра Святослава и его сподвижниковъ въ Валгаллу. Левъ Діаконъ говоритъ о русскомъ повѣріи, будто бы Руссы убитые въ сраженіяхъ врагами, служатъ въ аду рабами своимъ побѣдителямъ (*ibid. 461 — 491*). 4) Присутствіе дѣвъ щита (скандинавскихъ skialdmeyjar) въ войскѣ Святослава; фактъ будто бы засвидѣтельствованный слѣдующими словами Кедрина: «При разоблаченіи убитыхъ варваровъ (Руссовъ), Греки нашли между убитыми женщинъ въ мужской одеждѣ; онѣ сражались противъ нихъ вмѣстѣ съ мужьями» (*ibid. 452*).

Вѣроятно и сами Норманнисты не придаютъ особеннаго значенія историческимъ доказательствамъ, основаннымъ на риторическихъ фигурахъ Льва Діакона (впрочемъ, о рѣчи Святослава см. гл. IV), или взятымъ изъ общихъ мѣстъ о воинственности Норманновъ. Къ особенностямъ, заслуживающимъ вниманіе критики, можно отнести только народное повѣріе о состояніи послѣ смерти, душъ Руссовъ убитыхъ врагами — и участіе въ битвахъ русскихъ женщинъ. Что Левъ Діаконъ плохо понялъ сообщенное ему о повѣріи Руси — очевидно; религіозная система, обрекающая на вѣч-

ное замогильное рабство убитыхъ въ сраженіи [13]) врагами — немыслима; не говоря уже о словахъ лѣтописи: «мертвыи бо срама не имамъ». Рабами своимъ побѣдителямъ послѣ смерти могли служить только тѣ изъ Руси, которые отдавались въ плѣнъ и—либо умирали въ плѣну, либо были приносимы врагами въ жертву чужимъ богамъ. Сами Русь, по свидѣтельству Льва Діакона, убивали плѣнниковъ надъ кострами, въ которыхъ сожигались ихъ падшіе воины и г. Куникъ кажется вполнѣ справедливо относитъ этотъ обычай, къ повѣрію, что закланный долженъ служить въ аду рабомъ своему врагу. За исключеніемъ не слишкомъ яснаго намёка о чемъ то подобномъ въ древней Эддѣ, можно утвердительно сказать (и самъ г. Куникъ въ томъ сознается, *Beruf. II. 479*), что это повѣріе чуждо языческимъ представленіямъ Норманновъ; о немъ не знаетъ и Гриммъ, такъ глубоко изучившій германскую и сѣверную миѳологію. Къ намъ (если не отнести его къ кореннымъ славянскимъ вѣрованіямъ) оно могло перейти и отъ Венгровъ, съ которыми, какъ увидимъ, Русь находилась въ тѣсныхъ связахъ, до ихъ переселенія въ закарпатскія земли. Такъ у Бонфинія, *rer. Ungar. p. 10:* «Credebant Scythae quos cunque in hac vita caederent, in altera servitio esse potituros». (Срвн. слова Лееля убитому имъ германскому королю Конраду I: «tu praeibis ante me, mihique in alio seculo eris serviturus» *Twrocz, chron. Hungar. XXV*). Вполнѣ согласными съ извѣстіемъ Льва Діакона, являются слова Игорева договора: «И иже помыслить отъ страны Рускія разрушити таку любовь.... да будуть раби въ весь вѣкъ, въ будущій» — «и да будеть рабъ въ сій вѣкъ и въ будущій»

(*Лавр. 21, 22*)[14]. Грекамъ было вѣроятно извѣстно это повѣріе славянскихъ народовъ; для устрашенія Руси они казнили русскихъ плѣнниковъ: «quos omnes Romanus in praesentia Hugonis nuncii, vitrici scilicet mei, decollari praecepit» (*Liutpr. Hist. V. cap. 6*).

О миѳическихъ дѣвахъ щита разсказываетъ много невѣроятнаго Саксонъ грамматикъ; я не знаю до какой степени можно отнести къ нимъ извѣстіе Вильгельма Жюмьежскаго: «Non sunt modo viri (въ Норманди) fortissimi bellatores, sed et feminae pugnatrices». То что Кедринъ повѣствуетъ о русскихъ женщинахъ X вѣка, говоритъ почти тѣми же словами патріархъ Никифоръ о славянскихъ женахъ, при императорѣ Иракліѣ въ 626 году: «inter caesorum cadavera Sclavinae quoque mulieres inventae sunt» (*Niceph. Cpolit. ed. Bonn. 21*). Извѣстно, что Славяне брали женъ и дѣтей съ собою въ походъ. Ѳеофилактъ пишетъ о Славянахъ въ 595 г.: «Quoniam vero occursum Romanorum vitare se vix posse cernebant, vehiculis junctis pro vallo se circumsepiunt, pueros et mulieres in medium recipiunt» (*ed. Bonn. 272*). Саксонъ грамматикъ упоминаетъ въ числѣ участниковъ въ знаменитой бравалльской битвѣ, о славянской амазонкѣ Визнѣ: «Wisnam vero, imbutam rigore foeminam, reique militaris apprime peritam, Sclava stipaverat manus» (*l. VIII. 378*). Какъ свидѣтельство о воинственномъ духѣ славянскихъ женъ, преданіе о чешскомъ Дѣвинѣ имѣетъ значеніе положительнаго историческаго факта. Характерно описаніе славянской княгини у Дитмара: «uxor autem ejus (князя Deiux'a) Beleknegini, id est, pulchra domina, Slauonice dicta, supra modum bibe-

bat, et in equo more militis, iter agens, quendam virum iracundiae nimio feruore occidit» (*lib. VII. p. 106*).

Въ болѣе широкихъ противъ своихъ предшественниковъ размѣрахъ, излагаетъ Погодинъ въ третьей части своей книги тѣ особенности русскаго историческаго быта, которымъ онъ приписываетъ норманское происхожденіе. Какъ финскій, хазарскій, греческій элементъ, такъ и норманскій имѣетъ въ ней свое мѣсто, и мѣсто, конечно значительное; точка опоры стало быть существуетъ. Дѣло въ томъ, принадлежитъ ли норманство въ русской исторіи къ явленіямъ случайнымъ или основнымъ?

Къ явленіямъ случайнымъ (если бы и считать ихъ существованіе вполнѣ доказаннымъ) отношу я норманскіе браки нашихъ князей, сообщенія съ Скандинавіею, военную помощь отъ Норманновъ. Этѣ особенности естественное послѣдствіе нашего сосѣдства съ Скандинавами; онѣ въ нашей исторіи, общи Норманнамъ съ Печенѣгами, Половцами, Греками, Нѣмцами, Ляхами, Венграми и т. д.; сверхъ того, какъ значеніе, такъ и самый объемъ ихъ крайне преувеличены авторомъ Изслѣдованій. Я не могу допустить въ доказательство норманскихъ браковъ нашихъ князей, основаннаго на однихъ подобозвучіяхъ именъ, скандинавскаго происхожденія Ольги, Малуши и Рогнѣди (см. *Погод. изслѣд. III*, 87 *слѣд.*). Скандинавскія саги не знаютъ о Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ; а о Владимірѣ, знаменитомъ и по всему сѣверу прославленномъ Гардскомъ династѣ, нигдѣ не сказано, чтобы онъ состоялъ въ родствѣ съ норманскими конунгами; такое молчаніе (при заботливости, съ которою Саги выводятъ генеалогію своихъ кня-

зей) тѣмъ болѣе подозрительно, что въ исчисленіи женъ Владимира (*Лавр. 34*), и нашъ лѣтописецъ не знаетъ ни шведской, ни даже варяжской княжны. Конечно Несторъ могъ позабыть и даже не знать о норманской супругѣ Владимира; если въ числѣ его женъ были Грекиня, Чехиня, Болгарыня,—могла быть и Норманка; но отъ возможности до достовѣрности далеко; мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ что должно думать о мнимо-скандинавскомъ происхожденіи Аллогіи, мнимой супруги Владимира.

Какъ у вендскихъ Славянъ со временъ загадочнаго Борислава (Burisleifr), такъ у русскихъ, родство между варяжскимъ княжескимъ домомъ и сѣверными конунгами начинается съ Ярослава и Ингигерды. Адамъ бременскій выводитъ ее отъ оботритскихъ князей: «Olaph.... filiam Slavorum Estred nomine de Obotritis accepit uxorem, ex qua genitus est ei filius Jacobus et filia Ingard, quam rex Gersleff de Ruzzia duxit in conjugium» (*cap. 18*). Другою женою — наложницею Олафа была вендская Эдла: «Olavus Svionum rex primo pellicem habuit nomine Edlam, Vindlandiae dynastae filiam; horum liberi Emundus, Astrida et Holmfrida. Edla in Vindlandia capta fuerat et regis ancilla appellata est» (*ibid. cap. 84*); Олафъ святой былъ женатъ на Эстрѣди. Теперь, было ли супружество Ярослава съ Ингигердою дѣломъ случая или слѣдствіемъ отношеній Олафа шведскаго и самаго Ярослава къ родственнымъ имъ вендскимъ князьямъ — рѣшить мудрено; оно замѣчательно въ нашей исторіи, какъ исходный пунктъ тѣснѣйшихъ родственныхъ сношеній между кіевскими и сѣверными государями. При Владимирѣ скандинавскія Саги знаютъ на Руси

только двухъ Норманновъ—дружинниковъ; Сигурда и племянника его, извѣстнаго Олафа Тригвасона (*hist. Ol. Trgv. fil. cap. 46*); при Ярославѣ, Олафъ святой ищетъ убѣжища въ Кіевѣ (*hist. de Ol. S. cap. 172*); Гаральдъ Гардредъ, его сводный братъ женатъ на дочери Ярослава Эллизифѣ (Елисаветѣ. *hist. Haraldi Sev. cap. 16*); являются воины—промышленники Рагнвальдъ, Эймундъ, Рагнаръ, Эйлифъ и т. д. Какъ шведскій Олафъ отправляетъ своего сына Эмунда въ Виндляндію «ubi apud cognatos maternos educatus est» (*hist. de Ol. S. cap. 84*), такъ Олафъ святой поручаетъ Ярославу и Ингигердѣ сына своего Магнуса (*hist. Magni Boni, cap. 1*); такъ Вальдемаръ, сынъ Кнута Лаварда и Ингебіарги, выростаетъ при дворѣ русскаго князя Мстислава: «apud cognatos maternos in regno Gardorum ad orientem adolevit» (*hist. Knutid. cap. 93*). Скажу болѣе; при отношеніяхъ Руси и балтійскаго поморія къ Скандинавіи, нѣтъ сомнѣнія что частые браки между Русинами и Норманками (и на оборотъ) имѣли мѣсто и въ прежнія времена; на внутренній бытъ словенорусскаго общества эти случайные союзы и сообщенія съ Скандинавіею оказываются безъ вліянія. Олафъ Тригвасонъ, Магнусъ, Гаральдъ Гардредъ для насъ иноплеменники, peregrini homines (*hist. Ol. Tr. f. cap. 58.—Hist. Magni B. cap. 2.—hist. Haraldi S. cap. 2*); Эйнаръ называетъ Русь terra incognita (*hist. Magn. B. cap. 10*); Олафъ Тригвасонъ, явясь въ сновидѣніи Олафу святому, укоряетъ его въ принятіи даровъ и владѣній отъ Ярослава, иноплеменнаго и неизвѣстнаго князя: «Mirum mihi videtur.... ut heic maneas et ditionem ab exteris ignotis que principibus accipias»

(*hist. Ol. Tr. f. cap. 279;* срвн. въ Сагѣ Олафа св. § 178: «regnum ab extero tibi que ignoto rege accipere»). Объ Эймундѣ въ Сагѣ его: «ex *alienigenis* nemo in regno Gardorum fuit rege Eymundo sapientior» (*de Eym. et Ol. cap. 11*). Отправляя посольство въ Голмгардію къ Гаральду (Мстиславу Владимировичу), внуку Ингигерды, сыну англійской Гиды и супругу шведской Христины, Кнутъ Лавардъ избираетъ въ послы Видгота «erat enim fama inclytus, magna utens loquendi libertate, multarumque linguarum gnarus, *ut interpretis opus non haberet*» (*hist. Knutid. cap. 88*). Не то знаютъ сѣверныя саги и франкскіе лѣтописцы объ отношеніяхъ Норманновъ къ своимъ западнымъ родичамъ: «A Rolvo pedite, говоритъ Сага Олафа св. § 38, descendunt dynastae Rothomagenses.... quare hi semper genus suum ad principes Norvegicos referre solebant, Nordmannos magni aestimarunt, iisque semper amicissimi fuerunt; et in horum regno Nordmannis, quibus libitum est, tutum fuit refugium». Въ Chroniques de St Denis, временъ герцога Роберта 1028—1035: «il avoit grant amour par costumes et granz aliances entre les Normans et entre ceus qui estoient de Norvée; car li Normant en estoient issu» *XI. 400*). При сравненіи этихъ свидѣтельствъ скандинавскихъ и западныхъ источниковъ съ совершеннымъ молчаніемъ сагъ и русской лѣтописи о норманскомъ происхожденіи варяжскихъ князей, довольно неловко выводить родъ ихъ изъ Швеціи.

Увлекаясь законами историческихъ аналогій, Погодинъ приводитъ въ подкрѣпленіе своему мнѣнію о единоплеменности Руси и Норманновъ, военную помощь, которую рус-

скіе князья получали отъ варяговъ (въ его убѣжденіи чистыхъ Скандинановъ) и отождествляетъ это историческое явленіе съ тѣмъ что намъ извѣстно объ отношеніяхъ Норманновъ къ ихъ поселеніямъ въ Англіи и во Франціи. Между тѣмъ различіе очевидно. Англія и Нормандія были обще-скандинавскимъ, національнымъ пріобрѣтеніемъ. Здѣсь, въ земляхъ ими завоеванныхъ, выселенія изъ Скандинавіи норманскихъ викинговъ не умолкаютъ въ продолженіи двухъ слишкомъ столѣтій; по первому зову своихъ соотечественниковъ, Норманны стремятся толпами на помощь Роллонову внуку Рихарду, противъ франкскихъ королей Людовика и Лотарія; скандинавскіе язычники помогаютъ христіанскимъ герцогамъ. Дѣло шло о сохраненіи обще-норманскаго завоеванія; о борьбѣ скандинавскаго начала съ сакскимъ или галло-франкскимъ. Ничего подобнаго не видно у насъ. Норманскаго завоеванія у насъ не было; изъ славянскихъ племенъ только нѣкоторыя возстаютъ противъ варяжской династіи; еще менѣе противъ небывалой варяжской Руси; территоріальныхъ пріобрѣтеній у насъ Норманнамъ отстаивать не приходилось. Въ двухъ греческихъ походахъ (Олега и Игоря), варяги являются союзниками Руси, наровнѣ съ Печенѣгами; за тѣмъ не иначе какъ по найму и малыми шайками [15]). Саги знаютъ не о наводненіи Руси Норманнами, а объ отдѣльныхъ дружинникахъ — наймитахъ въ Гардарикіи; такіе же промышленники (иногда тѣже самые, напр. Олафъ Тригвасонъ) встрѣчаются и у Вендовъ. Скальдъ Тіодольфъ не умолкаетъ въ похвалахъ Эйлифу и Гаральду за ихъ умѣніе вымучивать добычу и значительную по возможности плату отъ своихъ

довѣрителей; Эймундова сага есть ничто иное какъ развитіе того же денежнаго чувства, въ бóльшемъ размѣрѣ. И русская лѣтопись разсказываетъ объ алчности варяговъ, которыхъ нанимали Владиміръ и Новгородцы: «рѣша Варязи Володимеру: се градъ нашь, и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка» (*Лавр. 33*). «Начаша (Новгородцы) скотъ сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ; и приведоша Варягы, вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы» (*тамъ же*, *62*). Все это весьма далеко отъ образа дѣйствій Норманновъ въ ихъ поселеніяхъ на западѣ; о случайности норманскаго кондоттьерства у насъ зналъ уже и мерзебургскій епископъ (976 — 1019): «Omnis haec provincia (Кіевъ при Владимірѣ) fugitivorum robore servorum huc undique confluentium et maxime ex velocibus Danis, multumque nocentibus Petinegis hactenus consistebat et alios vincebat» (*Ditm. VII. 113*).

Напрасно стало быть относитъ норманская школа (*Kunik*, *Beruf*. *I. 131 ff.*) къ мнимо-скандинавскому происхожденію варяжскихъ князей, то обстоятельство, что по основаніи государства, въ слѣдствіе дружескихъ и родственныхъ отношеній между обоими народами, Норманны будто бы не дѣлаютъ болѣе нападеній на восточныя славянскія земли. Не говоря уже о томъ что скандинавскіе викинги не отличались особою сентиментальностью, а въ мирныхъ сношеніяхъ съ Русью находили для себя несравненно болѣе выгодъ (по торговлѣ и службѣ) чѣмъ въ отношеніяхъ враждебныхъ, я могу указать на положительныя

свидѣтельства о норманскихъ набѣгахъ на словенорусскія владѣнія, на воины Руси съ Норманнами, какъ въ первыя два столѣтія по основаніи государства, такъ и позднѣе. Эрикъ (Eirikus Satrapa) опустошалъ сѣверную Русь во времена Владимира: «Proximo autem vere, copiis paratis, in mare Balticum navigavit, ubi quam primum regis Valdamaris regnum accessit, populationibus, hominum caede atque incendiis omnia loca foedare cepit, terram hoc pacto ad solitudinem redigens. Ad Aldejgjuburgum appulsus, urbem illam obsidione cinxit, donec caperetur, captamque, caesa magna incolarum parte, destruxit et totam incendio delevit; quo facto per Gardarikiam arma late circumtulit» (*hist. Ol. Tr. f. cap. 243*). Свейнъ разбойничалъ при Ярославѣ: «Svein dynasta mare orientale (Balticum) classe intravit et ea aestate Gardarikiam infestavit, autumno autem, cum in Sveciam revertisset, implicitus est in morbum, quo diem obiit supremum» (*ibid. cap. 270.* cfr. *hist. de Ol. S. c. 57:* Svein dynasta cum copiis in regnum Gardorum profectus, praedas egit, ibi que aestatem consumsit»). Съ другимъ Свейномъ, сыномъ Альфивы, воевалъ Ярославъ: «Post casum regis Olavi Sancti, bellum inter regem Jarizleivum et Sveinem Alfivae filium, qui tunc imperium Norvegiae capessiverat, erupit, quod rex Jarizleivus Norvagos Olavum mala fide prodidisse existimavit; quare omni inter eos sublato commercio, mutuis caedibus alteri alteros, prout occasio se tulit, infestaverunt» (*hist. Magni B. cap. 3*). Новгородская лѣтопись свидѣтельствуетъ о безпрерывныхъ войнахъ Новгорода съ Шведами (см. *лѣтоп. подъ годами: 1142, 1164, 1240, 1256*); на шведскіе набѣги Новго-

родцы отвѣчали русскими; въ 1187 году они, вмѣстѣ съ Чюдью, разорили знаменитую Сигтуну на Меларскомъ озерѣ [16]).

Къ явленіямъ основнымъ можно отнести только обнаруживающія непремѣнные слѣды преобладанія одной народности надъ другою; такихъ слѣдовъ норманства въ русской исторіи не существуетъ. О языкѣ мы это уже замѣтили выше; до какой степени, будь сказано мимоходомъ, лингвистическій вопросъ существенно важенъ въ спорномъ дѣлѣ о происхожденіи Несторовыхъ варяговъ — Руси, видно изъ упорства съ какимъ представители норманскаго мнѣнія (вопреки яснымъ до очевидности доказательствамъ противнаго) держатся своихъ отжившихъ псевдо-скандинавскихъ этимологій. Еще въ прошедшемъ 1874 году, по поводу мнимаго происхожденія все-славянской дружины отъ шотландскаго to drug, ирландскаго drugaire, саксонскаго draggen, Погодинъ писалъ: По моему — всѣ наши древнія до управленія, до гражданскаго устройства относящіяся слова суть норманскія, въ чемъ я вижу и одно изъ крѣпкихъ доказательствъ норманскаго происхожденія Варяговъ — Руси: бояре, тіуны, гридни, гости, смерды, люди, ябетники, верви, дума, губа, вира, рядъ, скотъ, гривна, стягъ.... Въ мужахъ княжихъ, отрокахъ и дѣтскихъ, добрыхъ людяхъ, дружинѣ, рабиничѣ, огнищанахъ, закупахъ, слышится переводъ. Есть изслѣдователи не признающіе норманства въ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ, и я согласенъ что можно благовидно это доказывать: но въ совокупности ихъ съ прочими, безспорными, въ согласіи со всѣми обстоятельствами, онѣ, или

понятія къ нимъ у насъ присоединенныя, представляютъ для меня, ктобъ что ни говорилъ, важное доказательство» (*Борьба съ нов. истор. ер. 365*). Покуда не будетъ выяснено какимъ образомъ изъ мнимо-скандинавскихъ словъ будтобы вошедшихъ въ русскій языкъ, бо̀льшая часть обрѣтается и у прочихъ славянскихъ народовъ, остальныя же просто и безъ натяжекъ объясняются изъ славянскихъ этимологій, историческая логика не можетъ допустить норманства въ словенорусскомъ нарѣчіи; излишнимъ считаю оспоривать мнѣніе и тѣхъ представителей норманской школы, которые производятъ русскій языкъ отъ скандинавскаго или находятъ въ немъ смѣсь скандинавскаго съ финскимъ (*Сабининъ* и *Сенковскій у Погод. Изслѣд. III, 355*).

Въ области права, главныя доказательства, на которыхъ авторъ Изслѣдованій (*тамъ же, 400—417*) основываетъ свое мнѣніе о вліяніи Норманновъ на Русь, изчезаютъ (по крайней мѣрѣ для антинорманистовъ) вмѣстѣ съ мнимо-скандинавскимъ происхожденіемъ словъ бояринъ, вервь, гость, дума, людинъ, огнищанинъ, смердъ и т. д. Остается отысканный Струбе (*Нест. Шлец. I, 324.— Погод. Изслѣд. III. 381*) въ Русской Правдѣ законъ о ѣздѣ на чужомъ конѣ, являющій неоспоримое сходство съ одинаковымъ закономъ въ Judtsche Lowbok III. 54. «Ютландскій законъ, говоритъ Карамзинъ (*II, прим. 91*), новѣе Ярославова; но сіе сходство доказываетъ, что основаніемъ того и другаго, былъ одинъ древнѣйшій законъ скандинавскій или нѣмецкій». Почему? Розенкампфъ (*Тр. общ. ист. и древн. Росс. ч. IV, кн. I, 154*) указываетъ на

статью въ гречечкихъ правилахъ въ Кормчей книгѣ, еще ближе ютландской подходящую къ русскому подлиннику; Тобіенъ (*Die Prawda Russk. Thes. 5*) полагаетъ что какъ эта, такъ и другія статьи о конѣ перешли къ Германцамъ отъ Славянъ; о Скандинавахъ, въ особенности, должно замѣтить что до XII вѣка они не знали верховой ѣзды (*см. гл. X*). Денежныя пени, судъ двѣнадцати присяжныхъ, испытаніе желѣзомъ, судебные поединки (*Погод. Изслѣд. III, 381—384*) существуютъ у всѣхъ славянскихъ народовъ, наравнѣ съ скандинавскими. О пеняхъ свидѣтельствуетъ Дитмаръ: «Si quis vero ex conprovincialibus in placito his contradicit, fustibus verberatur, et si forinsecus palam resistit, omnia incendio et continua depredatione perdit, aut in eorum praesentia pro qualitate sua pecuniae persolvit quantitatem debitae» (*lib. VI. 65*). *Joh. Luc. de regn. Dalm. l. VI. p. 261:* «in homicidiis, vel membrorum mutilationibus, consanguineos petere solitos fuisse, compensationem pecuniariam pro sanguine, hanc que petitionem et compositionem Vrasdam nominatam apparet». *Kadłubek p. 407*, конечно о позднѣйшемъ Статутѣ Казимира великаго: «quoniam nòn poterant puniri in aere, puniti sunt in corpore». Пеня за голову (caput-głowa) основана, по мнѣнію Лелевеля, на древнѣйшемъ польскомъ и силезскомъ правѣ (*Lelewel ap. Macieiowsk. Sl. Rg. II. 134*); у Чеховъ эта пеня именовалась нарокомъ, narok (*ibid. 141*). О судѣ 12 гражданъ читаемъ у Богухвала: «Sed tum duodecim discretiores et locupletiores ex se eligebant, qui quaestiones inter se conjungentes diffiniebant et rem publicam gubernabant» (*ap.

Sommersb. II. 20); у Чеховъ эти судьи именовались кметами. Мартинъ Галлъ (*p. 67, 68*) свидѣтельствуетъ о двѣнадцати совѣтникахъ Болеслава I-го; Бѣльскій именуетъ ихъ судьями sędziowie (*Macieiowsk. Sl. Rg. I. 100. anm. 231*). Испытаніе желѣзомъ и водою находимъ у Козьмы Пражскаго: «detur inter eos judicium Dei.... ignito ferro sive adiurata aqua, utrum culpabiles sint, examinentur» (*Cosmas l. II. p. 26*). Въ поэмѣ Любушинъ судъ: «plamen prawdozvésten — svatočudná woda» (*Ruk. Kralodv. 63*). Ордаліи существуютъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ, съ наидревнѣйшихъ временъ (*Bandtkie ap. Palacky G. v. B. I. 184. anm. 171*). Поединковъ, преимущественно основанныхъ, какъ скандинавскіе hólmgângr и ânvîg, на обязанности мстить за оскорбленіе нанесенное словомъ или дѣйствіемъ (см. *Розенкампфъ обзор. к. кн. 97.— Strinholm, Wik.z. II. 138*), у насъ не было; и въ позднѣйшей Русской Правдѣ нѣтъ слѣдовъ постановленій о словесныхъ обидахъ. О поединкахъ имѣвшихъ цѣлью оправданіе («pugna corporalis deliberata hinc inde duorum, *ad purgationem* gloriam vel odii aggregationem» *Johah. de Lynian. vet. jurisc. ap. Du Cange, v. duellum*) или рѣшеніе спорнаго иска (у Германцевъ: «pugna per campionem ad Dei judicium») знаютъ Ибнъ-Даста и Мукаддеси въ X и XI столѣтіяхъ (*Хвольсонъ, изв. и пр. 37.—Fraehn, Ibn — Fosl. 3*); такія судебныя поля общій всѣмъ славянскимъ народамъ обычай (см. *Macieiowsk. Sl. Rg. II. 176, 178, 180, 181. IV. 355.—Boczek, II. 325—328*). Погодинъ указываетъ на единоборство Яна усмошвеца съ Печенѣжинымъ; Мстислава съ Редедею; подобныхъ примѣровъ

можно найти не одинъ и у прочихъ славянскихъ народовъ; о единоборствѣ между Вендомъ язычникомъ и Саксонцемъ христіаниномъ, при императорѣ Конрадѣ II, читаемъ у Виппо: «dicebant pagani, a Saxonibus pacem primitus confundi, id per duellum, si caesar praeciperet, probari. e contra Saxones ad refellandos paganos similiter singulare certamen, quamuis iniuste contenderent, Imperatori spondebant. Imperator hanc rem duello dijudicari inter eos permisit: statim duo pugiles congressi sunt, uterque a suis electus.... postremo christianus a pagano vulneratus cecidit» (*Wiponis Vita Chuonradi imp. ad ann. 1034 ap. Pertz, XIII. 271*). У Адама брем. *§. 62. p. 23:* «Ubi et Burgwido fecit duellum contra campionem Slauorum, interfecitque eum». У Туроца: «Pomeranis itaque paganis, et Polonis Christianis, communiter placuit, ut Duces eorum, duello confligerent; et si caderet devictus Pomeranus, consuetam persolveret pensionem, si vero Polonus, tantummodo damna fleret» (ap. *Schwandtn. I. 127*). Я умалчиваю о баснословномъ единоборствѣ Старкатера съ Русиномъ и Ляхомъ Васце или Вильцѣ (*Saxo Gramm. l. VI. 280, 281*). Кругъ (*Forsch. II. 506*) находитъ въ словахъ Льва Діакона о Руссахъ Святослава «φόνῳ γὰρ ἔτι καὶ αἵματι τὰ νείκη Ταυροσκύθαι διακρίνειν εἰώθασιν» (*Leo Diac. ed. Bonn. 150*), указаніе на скандинавскій обычай голмганга. Но это извѣстіе относится конечно не къ поединкамъ, для которыхъ у Грековъ есть особое слово μονομαχία. Такъ у Кедрина, о предложенномъ Цимисхіемъ Святославу и Святославомъ отказанномъ поединкѣ: «μονομαχίᾳ φήθη κρῖναι τὰ πράγματα» (*G. Cedren. ed. Bonn. II.*

409); у Георгія Акрополиты: «στρατιωτικὴ ἀπόδειξις, militaris probatio» (*G. Acrop. ed. Bonn. 102*). Слова Льва Діакона: «и донынѣ Тавроскиѳы (Русь) обыкли разсужать свои несогласія убійствомъ и кровью» указываютъ на мірскія сходки у Славянъ, гдѣ кровь не рѣдко лилась ручьями, какъ еще въ позднѣйшія времена на польскихъ сеймахъ. Ламбертъ ашафенбургскій (*Gesch. d. Deutsch. 258*) представляетъ намъ яркую картину кровавой сходки Лутичей въ 1073 году; безимянный Гнѣзенскій архидіаконъ пишетъ о вѣчахъ своей эпохи: «ad judicia enim veniunt cum multitudine armatorum concitantes lites et contenciones» etc. (ap. *Sommersb. II. 94*). Гваньини говоритъ о Сарматахъ (Полякахъ): «Caussas omnes et controversias publico in loco Marte judice armis dirimebant» (*rer. Polon. II. 19*). О враждѣ между концами Новгорода, насиліи и убійствахъ на вѣчахъ, сохранилось немало свидѣтельствъ и въ нашихъ лѣтописяхъ.

Въ основныхъ положеніяхъ и духѣ русскаго права нѣтъ и тѣни норманства; о древнемъ правѣ кровавой мести, это обстоятельно выведено у Тобіена (*die Blutrache etc. I. 110, 111*). Кругъ (*Forsch. II. 307*) сознаетъ что многое, какъ въ Русской Правдѣ, такъ и вообще въ древне-русскомъ государственномъ устройствѣ, совершенно противно тому, что извѣстно о законахъ и учрежденіяхъ германскихъ племенъ. У всѣхъ славянскихъ народовъ находимъ одну и туже, въ основныхъ статьяхъ, юридическую терминологію (см. *Macieiowsk. Sl. Rg. I. 192*); тѣже существенныя коренныя отличія отъ германскаго міра, въ отношеніи къ утвержденному на родовомъ началѣ праву преемства, къ

значенію женщины, къ положенію рабовъ [17]). Замѣчательно какъ въ нашемъ, такъ и въ другихъ славянскихъ правахъ отсутствіе тѣхъ изумительно разнообразныхъ и звѣрскихъ казней, о коихъ свидѣтельствуетъ каждая строка уголовныхъ германскихъ законовъ (см. *Grimm*, *DRA*. *II*. *701 — 710*); «вендское право, говоритъ Гизебрехтъ (*W*. *Gesch*. *I*. *54*), не знаетъ ни тѣлесныхъ наказаній, ни смертной казни». На убѣжденія миссіонеровъ св. Оттона принять христіанскую вѣру, язычники Штетинцы отвѣчаютъ: «Nihil nobis et vobis; patrias leges non dimittemus; contenti sumus religione, quam habemus. Apud Christianos fures sunt, latrones sunt, cruciantur pedibus, privantur oculis; et omnia genera scelerum et poenarum christianus exercet in christianum; absit a nobis religio talis» (*Anon*. *de Vita S*. *Ott*. *l*. *II*. *cap*. *XXV*).

Одного, даже поверхностнаго взгляда на начала русскаго язычества достаточно для опредѣленія разноплеменности Руси и Норманновъ. Русскіе князья Олегъ, Игорь и ихъ сподвижники клянутся, по русскому закону, Перуномъ и Волосомъ. По возвращеніи изъ варяжскихъ земель, Владиміръ ставитъ кумиры Перуну, Хорсу, Симарглу, Мокошю, Дажьбогу и Стрибогу (*Лавр*. *34*). Шлецеръ, Кругъ и г. Куникъ молчатъ объ этихъ сокрушающихъ фактахъ; Погодинъ (*Изслѣд*. *III*, *304*) рѣшается признать Перуна и Волоса скандинавскими божествами [18]). «haec optantis sunt non ratiocinantis» говоритъ Лейбницъ.

Лѣтосчисленіе у всѣхъ славянскихъ народовъ начинается съ Марта, а не съ Сентября, какъ у Грековъ (*Wacerad*, *Mat*. *verb*. *p*. *13*. *s*. *v*. *maius*. — *J*. *Grimm*, *DM*. *734*. —

Снегиревъ р. пр. пр. III, 1—5); слѣдовательно нѣтъ причины считать его заимствованнымъ у Норманновъ (*Погод. Изслѣд. I, 103*).

Объ одеждѣ Руси сохранилось любопытное извѣстіе у арабскаго писателя начальныхъ годовъ X вѣка, Ибнъ-Даста: «Шалвары носятъ они (Русь) широкія; сто локтей матеріи идетъ на каждыя. Надѣвая такія шалвары, собираютъ они ихъ въ сборки у колѣнъ, къ которымъ затѣмъ и привязываютъ» (*Изд. Хвольсона 39*). О Норманнахъ извѣстно, что они носили узкое исподнее платье (*Strinholm, Wik.z. II. 359*), какое и видимъ на рисункахъ ковра герцогини Матильды (the Tapestry of Bayeux etc.[19]).

Я не продолжаю этого утомительнаго разбора; какъ русскій языкъ, русское право и религія, такъ и народные обычаи, дѣйствія первыхъ князей, военное дѣло, торговля и пр. совершенно свободны отъ вліянія норманскаго. Многія изъ мнимо-скандинавскихъ частностей русскаго быта будутъ для насъ еще и впредь предметомъ дальнѣйшихъ, отдѣльныхъ замѣчаній; общія мѣста и произвольные выводы не требуютъ опроверженія. Впрочемъ что наша исторія въ общемъ значеніи, не допускаетъ вліянія норманскаго начала на внутренній организмъ Руси, это сознаетъ и самъ авторъ Изслѣдованій: «У насъ, говоритъ онъ (*III, 497*), нѣтъ рѣшительно ни одного характеристическаго явленія западныхъ исторій, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ; нѣтъ ни раздѣленія, ни феодализма, ни убѣжищныхъ городовъ, ни средняго сословія, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы».

Отсутствіе слѣдовъ норманскаго вліянія на Русь не

объясняется различіемъ призванія отъ завоеванія; допускать основою государства у насъ любовь, тогда какъ на западѣ ему положена ненависть (*Погод. Изслѣд. III, 510*), не сообразно съ понятіями европейскихъ народовъ IX вѣка. «Очевидно, говоритъ г. Куникъ (*Beruf. II. 376*), что дикіе, грубые воины каковы были Норманны 844 и 866 годовъ, не могли (не смотря на заключенныя условія) оставаться долго друзьями и защитниками Славянъ и Финновъ». Но допустивъ предположеніе Погодина, устранивъ еще и всѣмъ уже извѣстныя возраженія противъ призванія враждебнаго норманскаго племени, мы все таки въ правѣ спросить: почему норманство не отозвалось въ южной кіевской Руси? Кіевъ не призывалъ варяговъ; Норманнамъ слѣдовало бы завоевать южную Русь. «Олегъ принятъ въ Кіевѣ безъ сопротивленія» говоритъ г. Погодинъ (*III, 480*). Почему? какое было дѣло Кіевлянамъ до Олега, до варяжскихъ князей (если они были Норманны), до рода и до княжества Игоря? «Чувство такъ сказать призванія оставалось при видѣ этой безпрекословной покорности, которою обезоружено было даже звѣрство Норманновъ» (*тамъ же, 78*). Въ слѣдствіе какой исторической логики, безпрекословная покорность славянскаго народонаселенія выражается, вмѣсто воспріятія, отсутствіемъ норманскаго вліянія на Русь? И гдѣ данныя служащія основою подобной характеристикѣ славянскихъ народностей? Оставляя безъ отвѣта невинныя мечтанія изслѣдователей, созидающихъ на свидѣтельствѣ Ѳеофилакта о трехъ славянскихъ гуслярахъ, какой то идиллическій славянскій миръ, въ которомъ волынка заступаетъ мѣсто меча, я обращаю вниманіе читателей на особую,

характеристическую черту всѣхъ славянскихъ народовъ, подмѣченную какъ византійскими, такъ и западными лѣтописцами, а именно на непреодолимую любовь славянскаго племени къ независимости. «Sclavorum gentes et Antum.... libertatem colunt, nec ulla ratione ad serviendum vel parendum persuadentur, maxime in regione propria fortes, tolerantesque» (*Mauric. Strateg*, *XI. 5*). «Sclavorum gentes ingenuae atque liberae, quibus servitus et subjectio nulla umquam ratione persuaderi potuit» etc. (*Leon. Tact. XVIII. 100*). «Slavi bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes» (*Witikind. Annal. II*). «Slavi servitutis jugum armata manu submoverunt, tantaque animi obstinacia libertatem defendere nisi sunt, ut prius maluerint mori, quam christianitatis titulum resumere aut tributa solvere Saxonum principibus» (*Helmold. I. 25*). Покореніе, или вѣрнѣе истребленіе горсти вендскихъ Славянъ, брошенныхъ судьбою между германскими племенами съ одной, скандинавскими и Польшею съ другой стороны, стоило германо-скандинавскимъ народамъ четырехсотлѣтнихъ кровавыхъ усилій; что эти усилія не всегда были удачны, объ этомъ знаютъ и сѣверныя саги и нѣмецкіе лѣтописцы: «Dux noster Ordulfus in vanum saepe contra Slavos dimicans, per duodecim annos, quibus supervixit, nullam unquam potuit habere victoriam, totiensque victus a Paganis, a suis etiam derisus est» (*Ad. Brem. cap. 168*). Исторія Чеховъ, Сербовъ, Хорутанъ свидѣтельствуетъ о безпрерывной борьбѣ ихъ съ германскими и иными народами. Или восточная отрасль славянскаго племени проникнута особымъ духомъ миролюбія? На сѣверѣ

изгнаніе варяговъ, ихъ избіеніе при Ярославѣ (чувство призванія здѣсь видно не оставалось), вѣковыя войны съ Шведами, побѣды Александра Невскаго; на югѣ воины Полочанъ, Древлянъ, Уличей съ Аскольдомъ; восьмидесятилѣтняя борьба Древлянъ съ Олегомъ, Игоремъ, Святославомъ; Сѣверяне побѣждены Олегомъ; съ Уличами и Тиверцами онъ ратуетъ; Вятичи и Радимичи окончательно покорены только при Владимирѣ. Гдѣ же тутъ безпрекословная покорность? гдѣ отсутствіе завоеванія? [30]) Впрочемъ, по мѣрѣ надобности, норманская школа измѣняетъ свои положенія. Шлецеръ принимаетъ поочередно призваніе и завоеваніе (*Нест. Шлец. I, 302.—III, 475*); Кругъ (*Forsch. II. 430*) думаетъ, что въ земляхъ покоренныхъ первыми Рюриковичами, Норманны дѣйствовали въ родѣ Кнутовыхъ Датчанъ въ Англіи. И объ этомъ враждебномъ столкновеніи двухъ разноплеменныхъ народностей, славянской и скандинавской, не сохранилось бы и намёка у Нестора? ни слѣда въ народной жизни, въ преданіяхъ? Объ аварскомъ игѣ въ VII, о хазарской дани въ IX столѣтіяхъ, свидѣтельствуютъ и лѣтопись, и сказанія, и народныя пословицы; а иго норманское, сопровожденное всѣми ужасами подобныхъ явленій на западѣ, прошло незамѣтно для народа, незамѣтно для лѣтописи? Пусть сравнятъ варяжское завоеваніе у насъ, съ германскими завоеваніями въ землѣ прибалтійскихъ Славянъ; лѣтопись Нестора съ извѣстіями Эйнгарда, Дитмара, Гельмольда; народныя русскія пѣсни и слово о полку Игоревѣ съ поэмами краледворской рукописи!

Въ послѣднее время стали искать согласованія этихъ историческихъ невозможностей въ немедленномъ сліяніи

обоихъ началъ или, лучше сказать, въ поглощеніи норманскаго элемента славянскимъ. Въ IX вѣкѣ, думаетъ г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, 86*), національности германскихъ и славянскихъ племенъ еще не выработались, а потому и не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній; поклонникъ Тора такъ легко становился поклонникомъ Перуна, потому что различіе было только въ названіяхъ и т. д. Г. Ламбинъ (*Источн. лѣтописн. сказан. о происх. Руси. Ст. II, 75, 76*) полагаетъ, что горсть иноплеменной варяжской Руси переродилась въ Славянъ еще при жизни Олега; самъ Олегъ, утверждая въ 906 году договоръ съ Греками, по всей вѣроятности, не для виду только, не притворно, а уже сознательно и по убѣжденію клялся Перуномъ и Волосомъ какъ своими богами. Г. Куникъ, въ дополненіяхъ къ Каспію г. Дорна (*прилож. къ XXVI т. зап. Имп. Ак. Наукъ, 397, 398*), также не признаетъ антагонизма между норманскою и славянскою народностями въ IX — X вѣкѣ; Норманны, говоритъ онъ, уже вслѣдствіе незначительнаго своего числа и по недостатку норманскихъ женщинъ, рано стали сливаться съ туземнымъ элементомъ и во второмъ поколѣніи вѣроятно лучше говорили по славянски, чѣмъ по шведски.

Конечно, малочисленность сподвижниковъ Рюрика, отсутствіе всякихъ слѣдовъ норманскаго вліянія на внутренній бытъ Руси, преобладаніе туземнаго славянскаго начала надъ занесеннымъ изъ за моря варяжскимъ — историческіе факты въ дѣйствительности которыхъ, при современномъ положеніи науки, уже не позволено сомнѣваться; между тѣмъ, едвали можно признать удовлетворительными, приво-

димыя имъ, съ точки зрѣнія норманской теоріи, объясненія. Антагонизмъ народностей не изобрѣтеніе новѣйшихъ временъ; уже въ 745 году, св. Бонифацій называлъ поморскихъ Славянъ foedissimum et deterrimum genus hominum; о язычникахъ Саксахъ, о Норманнахъ опустошавшихъ прибрежныя германскія земли, франкскіе лѣтописцы никогда не отзываются съ тою ненавистью и высокомѣріемъ, какъ о Славянахъ. Олеговымъ Норманнамъ въ 881 году, не было никакого слѣда обращаться съ покоренными Полянами, Радимичами и пр., инымъ образомъ какъ въ 896, Норманны Рольфа обращаются съ покоренною Неустріею. Становясь поклонниками Перуна и Волоса, норманскіе конунги тѣмъ самымъ отрекались отъ своихъ родословныхъ; Инглинги вели свой родъ отъ Одина. «Nec de deorum genere esse probatur» говоритъ о христіанскомъ Богѣ Франкъ Хлодвигъ увѣщевавшей его принять христіанство Хротгильдѣ (*Greg. Turon. l. II. c. 29*). Еще въ концѣ X вѣка, человѣческія жертвы были въ полной силѣ у кіевской Руси; побѣдоносные Норманны не согласились бы приносить чужимъ богамъ, давно уже вышедшія у нихъ изъ употребленія, человѣческія (на собственныхъ ихъ дѣтей падавшія) жертвоприношенія. Вообще промѣна одного язычества на другое не знаетъ никакая исторія. «Въ Нормандіи, говоритъ г. Куникъ, Норманны чрезвычайно скоро разучились своему языку». Этого нельзя сказать положительно; современныя хроники о Норманнахъ въ Нормандіи писаны, не какъ наши, на туземномъ нарѣчіи, а на латинскомъ, всѣ національные идіотизмы сглаживающемъ языкѣ. Вильгельмъ I герцогъ нормандскій († 943) посылалъ своего

сына Рихарда въ Баиё для изученія скандинавскаго языка. Въ слёдствіе принятія христіанской вёры и подъ вліяніемъ подавлявшей ихъ своимъ превосходствомъ галло-франкской цивилизаціи, Норманны со временемъ отказались и отъ своихъ обычаевъ и отъ своего языка; за то силою навязали и свои новые обычаи, и свой новый языкъ, стоявшимъ на низшей противъ нихъ степени образованія, Британцамъ.

Ни въ какомъ случаѣ норманская школа не выиграетъ отъ даннаго ею старому дѣлу новаго оборота; принимая быстрое поглощеніе скандинавскаго элемента славянскимъ, она должна въ слѣдъ за тѣмъ отказаться отъ всего что, до сихъ поръ, составляло ея мнимую силу. Ибо, какой смыслъ имѣютъ для совершенно ославянившейся Руси 950 года, норманскія названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина багрянороднаго? О какихъ Норманнахъ — Руссахъ говоритъ въ 958 году Ліутпрандъ, если Русь Игоря и Святослава давно уже позабыла о своемъ норманскомъ происхожденіи, поклонялась Перуну и Волосу, говорила не норреною а чистымъ словено-русскимъ нарѣчіемъ? Какого Норманна—Русина, приводитъ въ противуположность покоренному Славянину, Русская Правда около 1020 года? Значеніе этихъ свидѣтельствъ, въ вопросѣ о скандинавскомъ происхожденіи Руси, обусловливается прежде всего полнымъ отчужденіемъ, до половины XI столѣтія, норманскаго элемента отъ славянскаго; при новой теоріи о быстромъ сліяніи обоихъ началъ, норманская школа теряетъ свои (по видимому) надежнѣйшія точки опоры. Это сознавалъ, кажется и г. Куникъ, когда (не отрекаясь однакоже отъ прежде имъ сказаннаго) онъ писалъ: «Не къ слиш-

комъ-ли раннему времени мы отнесли окончательное сліяніе Варяго — Руси съ Славянами и не болѣе ли правдивымъ будетъ мнѣніе М. П. Погодина?» (*Касп. 661*). Болѣе послѣдовательнымъ безъ сомнѣнія.

Не одна исторія, — наука дѣйствующая съ математическою опредѣленностію, нумизматика, представляетъ съ своей стороны, вѣское доказательство противъ мнѣнія о норманствѣ Варяговъ.

До 1847 года, монеты англо-саксонскія и германской имперіи найдены въ Россіи, вмѣстѣ съ куфическими, только въ двухъ кладахъ: 264 англо-саксонскихъ Кнута, Этельреда и другихъ королей, въ ораніенбургскомъ уѣздѣ с.-петербургской губерніи и серебряныя нѣмецкія деньги императоровъ Оттона II, Оттона III и Гейнриха, близь города Владимира на Клязьмѣ; сверхъ того, одна англо-саксонская монета 1040—1066 г. въ псковской губерніи, близь города Холма (*Савельевъ*, *Мухам. нум. 157*, *прим. 35*[a].—*18*, *прим. 6*.—*108*, *прим. 13*[b]). Въ кладахъ отрытыхъ послѣ 1847 года въ с.-петербургской, псковской, московской, владимирской, смоленской, ярославской, вологодской и пермской губерніяхъ, найдено еще нѣсколько нѣмецкихъ и англо-саксонскихъ монетъ, но всегда, замѣчаетъ г. Кёне (*Опис. европ. мон. найденн. въ Россіи*, *стр. 20*), не въ большемъ числѣ. Въ южной Россіи ихъ не найдено почти вовсе. Напротивъ, «въ нашихъ остзейскихъ провинціяхъ, въ Швеціи, Даніи и Германіи, онѣ (т. е. англо-саксонскія и нѣмецкія монеты) находятся вмѣстѣ съ куфическими, по крайней мѣрѣ въ четвертой части всѣхъ найденныхъ кладовъ» (*Савел. Мух. нумизм. XXXIV*).

Откуда это различіе между русскими и остзейскими губерніями? это сходство въ составѣ кладовъ остзейскихъ губерній и кладовъ находимыхъ въ Швеціи, Даніи, Германіи?

По всей вѣроятности, Эстляндія завоевана сѣверными викингами въ началѣ X вѣка (*Erici hist. gent. Danor. XCII*); аландскіе острова и Лифляндія еще прежде (*Kunik*, *Beruf. I. 154, 155.* — *Kruse*, *Urgesch. d. Esthn. Volkst. 477 ff.*). О раннемъ поселеніи Норманновъ въ этихъ земляхъ свидѣтельствуютъ, кромѣ сагъ и историческихъ извѣстій, вліяніе шведскаго на финскій и эстскій языки, существованіе шведскаго нарѣчія на островахъ эстляндскаго поморія, явное физическое отличіе между потомками Шведовъ и Эстовъ на островѣ Куноё, наконецъ языческія шведскія названія разныхъ мѣстностей въ остзейскихъ. земляхъ, напр. Odinsholm недалеко отъ Гапсаля; города и мѣстечки Othenkoates, Othengac, Asabäk, Odenpä, Torwestäwärä etc. (*Kunik*, *l. c.* — *Kruse 454, 466*); явленія, будь сказано момоходомъ, которымъ слѣдовало бы проявиться и у насъ, еслибы государство было основано Норманнами. Здѣсь стало быть, въ этихъ прибалтійскихъ земляхъ, Норманны были у себя дома; здѣсь они селились, жили, и по этому составъ кладовъ находимыхъ въ остзейскихъ губерніяхъ, представляетъ тѣ самыя особенности, какія встрѣчаемъ въ кладахъ вырываемыхъ въ самой Скандинавіи; вмѣстѣ съ арабскими диргемами, монетами пріобрѣтенными путемъ восточной торговли, встрѣчаются во всѣхъ кладахъ и монеты западныя, англо-саксонскія, свидѣтельствующія о постоянной связи съ норманскими

поселеніями въ Англіи. У насъ этого явленія нѣтъ или оно очень рѣдко и встрѣчается только въ малыхъ размѣрахъ, потому что Норманны въ Руси не селились, а только проѣзжали черезъ Русь для торговли; за пушной и иной товаръ они получали плату арабскими диргемами; такими же диргемами платили имъ вѣроятно и русскіе князья, у которыхъ они состояли на службѣ; иногда, вмѣсто серебра они брали жалованіе собольими и бобровыми мѣхами (см. *de Eym. et rege Ol. cap. 4*); сами же, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, платили англо-саксонскими монетами. Общее заключеніе: тамъ гдѣ присутствіе Норманновъ, какъ поселенцевъ, исторически доказано (т. е. въ остзейскихъ губерніяхъ), англо-саксонскія монеты составляютъ непремѣнную принадлежность всѣхъ кладовъ, какъ въ Швеціи, Даніи, Германіи; въ Россіи, гдѣ они были только гостьми, англо-саксонскихъ монетъ почти не находятъ.

Норманны не основный а случайный элементъ въ нашей исторіи. Что, между тѣмъ, ни одинъ изъ народовъ обитавшихъ въ сосѣдствѣ древней Руси, не принималъ въ ея жизни, въ ея политическомъ и внутреннемъ развитіи того постояннаго, дѣятельнаго участія, какимъ, уже съ первыхъ годовъ IX вѣка, ознаменованы отношенія скандинавскаго къ русскому міру, — фактъ несомнѣнный, естественный, истекающій какъ изъ географическаго положенія обоихъ племенъ, такъ и изъ однородности ихъ европейскаго организма. Отсюда и проявленіе въ древнѣйшей исторіи Руси, тѣхъ, всѣмъ извѣстныхъ случайностей, которыя, при особомъ на нихъ научномъ воззрѣніи, могли дать поводъ къ обращенію примѣтъ знакомства въ примѣты родства, и

тѣмъ самымъ положили основаніе теоріи скандинавскаго происхожденія Руси. Съ меньшимъ, но все же въ нѣкоторой степени присущимъ правомъ на историческую вѣроятность, выводили другіе изслѣдователи аналогическія заключенія изъ отношеній къ Руси другихъ ей соприкосновенныхъ народностей; что для представителей норманскаго мнѣнія, извѣстія бертинскихъ лѣтописей, Константина багрянороднаго и Ліутпранда, то для Эверса показанія Бакуви, Мирхонда, Димешки о тюркскомъ происхожденіи Руси; для г. Костомарова русская земля Петра Дюсбурга и т. д. Но уже одна возможность подобнаго разногласія изслѣдователей, какъ явно основанная на отсутствіи внутреннихъ, фактическихъ свидѣтельствъ о вліяніи на Русь какого бы то ни было внѣшняго этническаго начала, доказываетъ что ни одна иноплеменная народность не вошла въ составъ словено-русскаго общества.

II.

КТО ПРИЗЫВАЛЪ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЕЙ?

При изслѣдованіи о началахъ русскаго государства, представляются три вопроса:

1) Кто призывалъ варяжскихъ князей?

2) Въ слѣдствіе какихъ побужденій?

3) Кто были призванные варяги?

До сихъ поръ вниманіе изслѣдователей было преимущественно обращено на послѣдній вопросъ; о двухъ первыхъ мы имѣемъ только поверхностныя сужденія; между тѣмъ ихъ точнѣйшее изученіе необходимо для раціональнаго, по возможности, опредѣленія спорной варяжской народности.

Лѣтопись говоритъ: «Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма.

Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370. Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами

въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ къ Руси.... Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи» и т. д. (*Лавр. 8*).

На этихъ словахъ, принятыхъ въ буквальномъ смыслѣ, основываютъ Шлецеръ (*Нест. I, 297, прим. 5*), Карамзинъ (*I, 114*) и г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, 85, 89*) мнѣніе что финскія племена были равными, съ славянскими, участниками въ дѣлѣ призванія; другіе изслѣдователи, Кругъ, Порошинъ и пр. полагаютъ что Чюдь была главнодѣйствующею народностію въ финно-славянскомъ союзѣ. Кругъ (*Forsch. I. 122*) приводитъ то обстоятельство, что у Нестора имя Чюди всегда стоитъ впереди Словенъ. Порошинъ (*Ж. М. Н. П. 1840. VII, от. 2.* — Срвн. *Kunik, Beruf. I, Einleit. XXVII*) прямо говоритъ: 1) Финны были преобладающею народностію въ союзѣ Чюди, Мери, Веси, Словенъ и Кривичей; 2) князья (избранные) принадлежали къ тѣмъ иноземцамъ (варягамъ), которыхъ Финны именовали Русью; 3) славянское племя — Словене играли второстепенную роль въ призваніи иноземцевъ, что явствуетъ изъ самаго имени Русь, которымъ они прозвали пришельцевъ и которое было только заимствовано отъ Финновъ; 4) подданные прозвались Русью въ политическомъ смыслѣ, какъ нынѣ Лифляндцы и другіе именуются русскими за границею. Однимъ словомъ, здѣсь утвердилось въ то время, новое, до той поры не существовавшее государство, коего воспреемниками были Финны.

На тоже мнимое преобладаніе финскаго начала надъ славянскимъ, указываетъ и г. Куникъ: «если мы примемъ во вниманіе, что именно финскіе обитатели просторныхъ прибрежій финскаго залива гораздо болѣе, чѣмъ отдаленные отъ прибрежья Славяне въ верховьхъ Волхова или на среднихъ частяхъ Двины, подвергались нападеніямъ шведскихъ и датскихъ морскихъ разбойниковъ и нуждались въ защитѣ, то эти Финны, которые уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій были гораздо ближе знакомы съ Шведами, нежели съ Датчанами, Поморянами и Лютичами, призывая чужеземныхъ владыкъ, конечно вправѣ были заявить и свое, можетъ быть и порѣшившее этотъ вопросъ мнѣніе, хотя впослѣдствіи, когда Рюрикъ промѣнялъ Ладогу на столицу среди славянскихъ племенъ, они и отступили на второй планъ» (*дополн. къ Касп. 692*).

Понятно почему норманская школа такъ дорожитъ своею финскою ипотезою; отнимая у призванія варяжскихъ князей его чисто—славянскій характеръ, представляя этотъ основный фактъ русской исторіи общимъ дѣломъ разнородныхъ финно-славянскихъ племенъ или даже финскимъ дѣломъ по преимуществу, она тѣмъ хотя нѣсколько умаляетъ невѣроятность избранія Славянами князей, не изъ роднаго славянскаго племени, а изъ враждебной норманской народности. Только согласно ли это мнѣніе съ ходомъ русской исторіи и извѣстіями лѣтописца?

Для утвержденія своей теоріи, Норманнистамъ приходится прежде всего замѣнить положительное сказаніе лѣтописи объ избраніи князей миротворцами между враждовавшими племенами, догадкою о призваніи этихъ князей;

въ качествѣ оберегателей границъ, Landvärnarmenn'овъ. О неудачности этого, весь смыслъ русской исторіи извращающаго предположенія, будетъ сказано подробнѣе въ слѣдующей главѣ. Покуда спрашиваемъ: отъ кого слѣдовало призваннымъ Шведамъ оберегать финно-славянскія племена? Оказывается, что эти Шведы были призваны, по настоятельному требованію преобладавшей въ союзѣ сѣверныхъ племенъ финской народности, преимущественно для защиты ея приморскихъ владѣній отъ набѣговъ (другихъ?) шведскихъ и датскихъ разбойниковъ. Между тѣмъ старшій изъ трехъ братьевъ, Рюрикъ, садится въ словенскомъ Новгородѣ [21]); Труворъ у Кривичей. Казалось бы Синеусу, представителю финскихъ интересовъ, слѣдовало поселиться у Чюди, на прибрежіи балтійскаго (варяжскаго) моря. Онъ селится у Веси, на Бѣлоозерѣ, за семьсотъ слишкомъ верстъ отъ чюдскаго берега. Или принять съ Миллеромъ (*Нест. Шлец. I, 337*), что Шведы были призваны словено-чюдскими племенами для защиты Мери отъ Пермяковъ?

Ни сказанія лѣтописи, ни сама исторія не допускаютъ мысли, не только о преобладаніи финскаго элемента надъ славянскимъ, но даже объ историческомъ равенствѣ, въ IX вѣкѣ, обѣихъ народнотей. Рюрикъ, старшій князь, утверждаетъ свой столъ въ Новгородѣ; имя Руси, въ убѣжденіяхъ Нестора, переходитъ только на славянскія, отнюдь не на финскія народности [22]). По мѣрѣ ихъ сосредоточенія подъ властію варяжскихъ князей, словено-русскія племена (Сѣверяне, Древляне и пр.) обращаются изъ данниковъ въ участниковъ новаго государства; а финскія, не-

покоренныя, но призывавшія народности, являются данниками («А се суть иніи языци, иже дань дають Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома» и пр.) и это безъ малѣйшаго намёка на историческій переворотъ, который объяснилъ бы подобное измѣненіе въ судьбѣ ихъ. Нигдѣ Чюдь не является самостоятельною народностію; лѣтопись не знаетъ на Руси ни одного финскаго дѣятеля, за исключеніемъ, быть можетъ, ведущаго свое происхожденіе отъ Финновъ, Изяславова мужа Чюдина, о которомъ упоминается въ Правдѣ дѣтей Ярослава и въ лѣтописи подъ 1072 и 1078 годами.

Въ какомъ же смыслѣ должно принять извѣстіе лѣтописца объ участіи Чюди въ призваніи варяжскихъ князей? въ какихъ отношеніяхъ къ Новгороду состояли поименованныя у него финскія племена?

Шлецеръ (*Нест. I, 297, прим. 5*) принимаетъ союзъ Чюди, Мери, Словенъ и Кривичей, основанный на федеральной системѣ. О союзѣ финно-славянскомъ толкуютъ и Карамзинъ, и Савельевъ (*Мухаммед. Нумм. CLXIX*) и пр. Между тѣмъ (не говоря уже о другихъ историческихъ невозможностяхъ) въ самомъ фактѣ призванія князей проглядываетъ такое единство мысли, интересовъ и побужденій, которое едва ли можетъ быть отнесено, въ равной степени, къ двумъ разноплеменнымъ народностямъ.

Г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, прим. 159*) замѣчаетъ справедливо, что лѣтописецъ не могъ употребить выраженіе «усобицы» о войнахъ между тремя различными племенами. Что Несторъ думалъ только объ одной преобладающей народности, ясно выражено словами: «и воевати почаша сами на ся». Наша исторія не знаетъ ничего о вообра-

жаемой тѣсной связи между славянскими и чюдскими племенами; но предположивъ эту невозможную связь, она разрывалась войною; Славяне и Чудь могли воевать другъ на друга, но не сами на ся. Допустить ли что рѣчь идетъ о внутреннихъ, родовыхъ усобицахъ каждаго изъ отдѣльныхъ племенъ? Тогда должно допустить, въ одно данное время, у двухъ совершенно отличныхъ народностей, одинаковое проявленіе внутреннихъ несогласій, одинаковую потребность наряда, одинаковое ея выраженіе посредствомъ призванія, изъ третьей враждебной народности, одного общаго князя! Ибо если случай и навелъ на избраніе трехъ братьевъ, то все же избиравшіе хотѣли сначала только одного князя: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Этими словами утверждается мысль или, лучше сказать, положительный историческій фактъ, что въ главѣ избирателей стояла одна, господствующая народность, та самая, у которой долженъ былъ поселиться призванный князь, у которой садится старшій изъ трехъ избранныхъ братьевъ — Рюрикъ. Въ этомъ старшинствѣ Рюрика и кроется основная мысль, историческое значеніе призванія. Словене — Новгородцы старшее изъ славянскихъ племенъ на сѣверѣ; Кривичи — Полочане младшее; Чудь, Весь, Меря, Мурома — словенскіе данники; Бѣлоозеро, Ростовъ, Муромъ — словено-русскія колоніи, словено-русскіе города въ финскихъ земляхъ. Эти предположенія отчасти уже высказаны, и, должно сказать, съ замѣчательною ясностію взгляда, г. Костомаровымъ (*Соврем. 1860. Январь 21—23*); на нихъ наводитъ весь ходъ, все политическое развитіе русской исторіи.

Безъ принятія особаго вліянія Словенъ на чюдскія племена, безъ допущенія словенской колонизаціи финскихъ земель, славянскія названія Бѣлаозера, Клещина озера, Ростова (срвн. Ростовецъ на Деснѣ подъ 1070 г. *Лавр. 75.— Карамз. II, прим. 125*), необъяснимы. Этѣ мѣстности нигдѣ не являются финскими центрами; ихъ славянскій характеръ проглядываетъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ извѣстіи Нестора. Если принять въ смыслѣ норманно-финской системы, положительное этнографическое указаніе лѣтописи: «и по тѣмъ городомъ суть находници Варязи; а перьвіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома», значитъ, Несторъ думалъ, что въ его время населеніе Бѣлаозера, Ростова, Мурома состояло изъ Норманновъ (варяговъ) и Финновъ? Какимъ же образомъ изъ смѣси Норманновъ и Финновъ выходятъ Славяне? Откуда если не допустить словенскихъ поселеній въ финскихъ земляхъ, положительные слѣды славянскихъ языческихъ вѣрованій, упорная привязанность къ славянскому идолопоклонству въ Ростовѣ и Муромѣ? По свидѣтельству густинской лѣтописи (*258*), Владиміръ разрушилъ въ 990 году идолъ Волоса въ Ростовѣ; о вторичномъ ниспроверженіи Велесова идола въ Ростовѣ, св. Авраамiемъ въ XII столѣтіи, упомянуто въ Прологѣ (*Карамз. I, прим. 291*). По рукописному житію св. князя Константина, онъ нашелъ въ Муромѣ всѣ древнія обыкновенія славянской вѣры (*тамъ же*). Праздникъ въ честь Велеса, подъ названіемъ Велъ — Оксъ, совершается и донынѣ у Мордвы, потомковъ ростовской Мери (*Снегир. р. пр. пр. I, 187. — Срвн. Mone, Heidenth.*

I. 76). Не могли же финскія земли ославяниться въ продолженіи одного столѣтія подъ вліяніемъ норманской династіи.

Ранняя словенская колонизація Поволжья была естественнымъ слѣдствіемъ новгородской торговли съ востокомъ, опередившей двумя быть можетъ столѣтіями, основаніе государства варягами (*см. Савельева*, *Мухам. Нум. XLV*). И въ позднѣйшія времена идетъ между Новгородомъ и князьями ростовской области постоянный споръ о восточныхъ городахъ, находящихся на волжской системѣ (*Солов. ист. Росс. I*, *7*); въ числѣ новгородскихъ владѣній мы встрѣчаемъ Торжокъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкъ (*Догов. 1265 г. изд. Тобіена*, *108*); въ географическомъ отрывкѣ Полетиковскаго списка у Шлецера (*Нест. II*, *782*), Волокъ Ламскій и Бѣжецкій верхъ причислены къ Залѣскимъ городамъ. Какъ притязанія суздальскихъ князей основаны на объемѣ ростовской области (Бѣлоозеро является волостью Мономаха, которому принадлежитъ Ростовъ съ Поволжьемъ—*Солов. ист: Росс. I*, *17*), такъ притязанія Новгородцевъ — на словенскомъ происхождніи русскихъ колоній въ финскихъ земляхъ. О подобныхъ словенскихъ поселеніяхъ сохранились подробныя и достовѣрныя извѣстія въ хлыновскомъ лѣтописцѣ (*Карамз. III*, *33 — 35*, *прим. 31*, *32*); Новгородцы именовали хлыновскихъ выселенцовъ своими бѣглецами—рабами. Я полагаю что мордовская Пургасова Русь есть ничто иное какъ выселеніе словенъ—язычниковъ изъ Ростова и Мурома, въ мордовскую землю [23]).

Противурѣчатъ ли эти факты и выводы извѣстію лѣтописца о варяжской дани на Чюди и на Словенахъ, на Мери и на Кривичахъ? О призваніи князей словенскими и чюд-

скими племенами? Нисколько. Имѣя дань на Словенахъ, варяги имѣли ее и на словенскихъ поселенцахъ въ земляхъ Чюди и Мери. По основавшимся посреди ихъ словенскимъ колоніямъ, племена Чюди, Веси, Муромы, состояли къ Новгороду въ отношеніяхъ младшихъ племенъ къ старшему, пригорода къ старшему городу; безъ нихъ и безъ Кривичей Новгородцы не могли приступить къ избранію новой династіи; такъ дѣлали они и послѣ въ подобныхъ случаяхъ: «Новогородьци призваша Пльсковичѣ и Ладожаны, и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода» (*Новгор. л. 7*). Только изъ совокупности этихъ явленій объясняется какимъ образомъ, съ одной стороны, финскія племена (здѣсь словенскія колоніи въ финскихъ земляхъ) принимаютъ участіе въ призваніи, а съ другой, являются данниками Руси.

Призваніе варяжскихъ князей исключительно славянскій фактъ; но если этотъ фактъ въ первый моментъ своего проявленія, принадлежитъ одному только новгородскому сѣверу, то по основнымъ своимъ побужденіямъ, по общности своего значенія въ русской исторіи, онъ общее достояніе всѣхъ словено-русскихъ племенъ. Олегъ водворяется въ Кіевѣ не случайно, а вслѣдствіе лѣтописцемъ засвидѣтельствованнаго права. Уразумѣніе этого историческаго явленія зависитъ не мало отъ точнагó опредѣленія объема и значенія словено-русской народности въ девятомъ вѣкѣ.

«Подъ именемъ русскихъ Славянъ, говоритъ Шафарикъ, понимаемъ мы всѣ тѣ славянскія племена, кои по основаніи русской монархіи во второй половинѣ IX-го вѣка,

вскорѣ одно за другимъ вошли въ составъ новаго государства и замѣнили свои прежнія туземныя наименованія, чужимъ именемъ своихъ покорителей, сохраняя оное и до сего дня. Конечно, извѣстно что славянскія племена, населявшія безмѣрное пространство позднѣйшей Россіи, отличались другъ отъ друга какъ происхожденіемъ, такъ и нарѣчіями; между тѣмъ, при скудости дошедшихъ до насъ извѣстій, это отличіе не можетъ быть опредѣлено безъ большихъ затрудненій; оно же и мало входитъ въ предметъ нашихъ изысканій (*Sl. Alt. II. 51*).

Понятно, что знаменитому изслѣдователю столь блистательно возсоздавшему древній обще-славянскій міръ, нельзя было отвлекаться отъ конечной цѣли труда своего, спеціальнымъ изученіемъ частныхъ вопросовъ, касающихся до каждаго отдѣльнаго славянскаго племени. У насъ другая обязанность; на опредѣленіи словено-русской народности въ эпоху призванія варяжскихъ князей, основана вся первобытная исторія Руси. Несторъ писалъ лѣтопись русскаго племени, повѣсти времянныхъ лѣтъ откуду есть пошла Руская земля; неужели въ нихъ не сохранилось и намека на отличіе, отъ забредшихъ въ Русь разнородныхъ и разноязычныхъ славянскихъ племенъ, той совокупной славянской народности, которой было суждено преобладать надъ другими и слить въ одно русское цѣлое, всѣ постороннія народности и нарѣчія?

Въ эпоху призванія, т. е. около половины IX-го столѣтія, славянская расса уже съ давнихъ поръ занимаетъ назначенное ей исторіею пространство европейскаго материка. Она дѣлится на нѣсколько народностей, отличныхъ

одна отъ другой особыми нарѣчіями, отраслями одного общаго корня; у каждой изъ нихъ (за исключеніемъ такъ называемаго полабскаго племени, смѣси отъ Ляховъ, Чеховъ и Сербовъ) свое народное имя. Въ восточной части Европы, отъ Ильменя до низовья Днѣпра [25]), сидитъ однокровная прочимъ народность славянскаго происхожденія, говорящая особымъ словенскимъ нарѣчіемъ. Это нарѣчіе — русское; эта народность — Русь.

Шесть племенъ входятъ въ составъ ея, а именно: Поляне, Древляне, Дреговичи, Словсне, Полочане и Сѣверяне. Этѣ данныя высказаны у Нестора.

1. «Тако же и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же (въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: пришедше зДуная) сѣдоша около езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ» (*Лавр. 3*).

2. «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги, и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленьскъ; туда бо сѣдять Кривичи, таже Сѣверъ отъ нихъ» (*тамъ же*, *5*).

3. «Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне» (*тамъ же*).

Почему Кривичи стоятъ только во второмъ изъ трехъ приведенныхъ мѣстъ, будетъ объяснено ниже (см. *гл. III*); Бужане были не особое племя (какъ о таковомъ о нихъ въ лѣтописи болѣе не упоминается), а племенное подраздѣленіе Полянъ, какъ нѣкогда, уже въ Несторово время изчезнувшіе Дулѣбы: «Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне» (*Лавр. 5*). За тѣмъ, изъ сличенія выписанныхъ мѣстъ, оказывается что лѣтописецъ имѣлъ въ виду особую шестиплеменную славянскую народность, отличную отъ прочихъ по нарѣчію и происхожденію. Извѣстно, что кромѣ сказанныхъ шести племенъ, въ составъ подвластныхъ варяжской династіи славянскихъ народовъ, входили и другія, отъ центровъ своихъ отторгнувшіяся славянскія племена; таковы были Радимичи, Вятичи, Хорваты, Уличи, Тиверцы и т. д. Но эти славянскія племена не стоятъ на ряду съ шестью русскими племенами, потому что они случайный, а не основный элементъ русской народности. Лѣтописецъ не упоминаетъ о нихъ при разсказѣ о переселеніи съ Дуная на Днѣпръ и на Ильмень восточныхъ славянскихъ племенъ, потому что здѣсь дѣло идетъ о разселеніи по своимъ мѣстамъ особыхъ, совокупныхъ славянскихъ народностей; потому что онъ долженъ указать свое мѣсто Руси, какъ указалъ свои мѣста Моравѣ, Чехамъ, Хорватамъ, Сербамъ, Хорутанамъ, Ляхамъ. Онъ не упоминаетъ о нихъ при исчисленіи и территоріяльномъ распредѣленіи доваряжскихъ княженій въ Руси, потому что князья Радимичей,

Вятичей, Тиверцовъ, Уличей не принадлежатъ къ русскимъ княжескимъ родамъ, а ихъ территоріи не входятъ въ составъ общихъ, совокупныхъ владѣній русскаго племени. Наконецъ онъ не полагаетъ этихъ племенъ въ числѣ говорящихъ на Руси особымъ словенскимъ нарѣчіемъ, потому что выраженіе «Словѣнескъ языкъ» (будь оно принято въ смыслѣ народа или народнаго говора) имѣетъ частное, племенное значеніе; потому что на Руси только шесть племенъ отличались особымъ словенскимъ нарѣчіемъ и происхожденіемъ; остальныя имѣли хорватскую, ляшскую, сербскую рѣчь. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ выражаетъ свою мысль еще яснѣе: «Поляномъ же живущемъ особѣ, якоже рекохомъ, суще отъ рода Словѣньска, и нарекошася Поляне, а Древяня же отъ Словѣнъ же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ» (*Лавр. 5*). Здѣсь, съ одной стороны, Поляне и Древляне отличаются отъ двухъ ляшскихъ племенъ словенскимъ нарѣчіемъ и происхожденіемъ отъ Словенъ; съ другой, не смотря на свои мѣстныя, племенныя названія, оказываются такими же Словенами, какъ и прозвавшіеся своимъ именемъ Новгородцы. Въ томъ же смыслѣ и съ тою же цѣлью указать на единоплеменность Кіева съ Новгородомъ, говорится въ послѣдствіи: «аще и Поляне звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ» (*Лавр. 12*).

Что эти шесть племенъ, составлявшія особую, совокупную Славянскую народность, искони назывались Русью (какъ племена составлявшія чешскую, ляшскую, сербскую народность, назывались Чехами, Ляхами, Сербами) я постараюсь доказать въ своемъ мѣстѣ; покуда, если не оши-

баюсь, нами пріобрѣтена историческая данная не маловажнаго значенія, а именно этнографическое опредѣленіе той особой славянской народности, коей два центра, Новгородъ и Кіевъ, будутъ точками отправленія варягорусскаго государства и русской исторіи.

Теперь, что разумѣлъ Несторъ подъ выраженіями Словене, Словенскій языкъ?

Въ гл. XIII (срвн. *Отр. о вар. вопр. 31—43*) я, по возможности выясняю этническую терминологію Нестора и эпохи его. Какъ народное, имя Руси принадлежитъ всѣмъ племенамъ (первоначально только шести основнымъ) союза восточныхъ Славянъ; какъ племенное, одному только югу. Имя Словенъ имѣетъ исключительно племенное значеніе; всегда и во всѣхъ случаяхъ подъ нимъ разумѣются только славянскіе обитатели новгородской области. Остальныя русскія племена Словенами не именуются; но отличаются отъ прочихъ славянскихъ народовъ происхожденіемъ отъ Словенъ и словенскимъ нарѣчіемъ. На чемъ основано это отличіе?

Кромѣ словенскаго племени на Руси, были внѣ Руси и другія словенскія племена; имя Словенъ имѣетъ племенное значеніе у Прокопія (*de bello g. ed. Bonn. II. 334*); у Іорнанда (*de Get. s. Goth. or. c. V.*); у Кадлубка (*I. ep. 16*); въ его настоящемъ, общемъ смыслѣ, оно славянскимъ народамъ неизвѣстно; славянскими лѣтописателями употребляется только въ случаяхъ крайней, литературной необходимости. Только четыре племени въ Словенщинѣ носили генетическое имя Словенъ; Словене мизійскіе (болгарскіе), на чье нарѣчіе переведены книги св. писанія; Сло-

венцы въ Иллиріи и Панноніи; Словаки въ верхней Венгріи; наконецъ Словене ильменскіе (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 46, 199, 336, 448*). Въ изслѣдованіи о происхожденіи Славянъ, Шафарикъ принимаетъ однородность этихъ словенскихъ племенъ, какъ по имени, такъ по языку и происхожденію; въ своихъ «Древностяхъ» (*II. 347. Ânm. I*) онъ беретъ назадъ прежде сказанное о родствѣ между Словенцами хорутанскими и Словенами мизійскими; между тѣмъ, сихъ послѣднихъ считаетъ прямо колоніею нашихъ ильменскихъ Словенъ (*ibid. 234*). По всей вѣроятности, всѣ эти племена составляли нѣкогда одно общее, отдѣльное цѣлое, по языку и происхожденію; свидѣтельство русской лѣтописи подтверждаетъ, какъ увидимъ, историко-лингвистическіе выводы Шафарика и разсѣетъ, надѣюсь, имъ самимъ возбужденныя сомнѣнія. Онъ говоритъ: «что касается до Болгаръ, свидѣтельства Моисея хоренскаго и византійскихъ писателей доказываютъ непреложнымъ образомъ, что за долго до нашествія Болгаръ, этихъ татарскихъ Скиѳовъ, славянскія племена населяли Мизію, Ѳракію, Эпиръ и Иллирію. Имя Словенъ, въ византійской исторіи, осталось родовымъ достояніемъ этихъ метанастовъ; оно, въ сущности, не прилагается вселившимся въ позднѣйшее время Сербамъ и Хорватамъ. Когда задолго до крещенія своихъ татарскихъ завоевателей, эти метанасты отстали отъ язычества; когда около 855-го года, Константинъ и Меѳодій желая утвердить въ нихъ христіанскую вѣру и пріобщить простонародіе ея божественнаго духа, возвысили простую народную рѣчь до письменнаго слова; въ то время, этотъ языкъ получилъ

названіе, не болгарскаго, не сербскаго, а словенскаго, въ чемъ каждый можетъ удостовѣриться изъ древнихъ рукописей. И здѣсь, конечно, имя завоевателей,—какъ нѣкогда у Роксоланъ и Яцыговъ (Ютунги, Ютунгаланы), а позднѣе у Руси, вскорѣ стало вытѣснять имя побѣжденнаго народа; (Уже Симеонъ 911—927 титуловался, по Абульфараджу, княземъ Болгаръ и Словенъ; уже монахъ — не ахриданскій архіепископъ — Ѳеофилактъ, ученикъ Клементія, писалъ въ X столѣтіи: «τὸ τῶν Σϑλοβενῶν εἴτουν Βουλγαρῶν γένος»; а въ продолженіи всей средневѣковой эпохи Мизія было поочередно называема Болгаріею и Склавиніею); но заглушить его стоило ему не мало труда, истребить же его совершенно оно не могло и донынѣ. Взглянувъ на древнюю исторію Словенъ въ Болгаріи, Панноніи и верхней Венгріи, мы находимъ что въ VIII — IX вѣкѣ, эти племена, нынѣ столь отличныя другъ отъ друга по языку и обычаямъ, состояли еще въ тѣсной географической, а отчасти и политической взаимной связи. Не по одному сомнительному сказанію безимяннаго нотарія короля Белы, а по испытаннымъ свидѣтельствамъ византійскихъ и франкскихъ источниковъ, болгарская держава простиралась къ сѣверу, на всѣхъ Славянъ по правому берегу Дуная до Дравы, а по лѣвому до береговыхъ равнинъ рѣки Тисы. Въ сѣверозападной Венгріи, моравскіе князья владѣли тамошними словенскими племенами; въ верхней Панноніи, господствовали собственно словенскіе князья, отчасти вассалами Франковъ. Въ слѣдствіе сосѣдства Болгаръ и Франковъ, на Дравѣ и на Дунаѣ, возникали нерѣдко столкновенія между завоевателями и положеніе границъ измѣнялось; но не этими столкновеніями,

а вторженіемъ Мадяровъ въ Паннонію и ихъ поселеніемъ на берегахъ Дуная и Тисы, окончательно произведенъ разрывъ въ географической связи словенскихъ племенъ. Этими историческими фактами ярко освѣщается исторія жизни и дѣйствій Меѳодія. Только при непрерывности въ поселеніяхъ мизійскихъ, паннонскихъ и карпатскихъ Словенъ, и при первоначальномъ тождествѣ ихъ нарѣчій, понятны, какъ одновременная дѣятельность Меѳодія во всѣхъ трехъ словенскихъ владѣніяхъ, такъ и скорое распространеніе въ словено-македонскомъ переводѣ, греческой литургіи, въ Панноніи и Словакіи. Это основное тождество нарѣчій (вторичное доказательство одноплеменности трехъ, нынѣ разрозненныхъ народовъ), еще ощутительно и въ наше время, послѣ тысячилѣтняго раздѣленія. Извѣстно что Болгары, Словаки и Словенцы объявляютъ одинаковыя притязанія на такъ называемый церковный словенскій языкъ. «Нарѣчіе древнѣйшихъ славянскихъ метанастовъ въ Панноніи, говоритъ Копитаръ, на южномъ и восточномъ отвѣсѣ норійскихъ и іульскихъ Альпъ, вдоль рѣки Савы, Дравы, Муры, Раба и т. д., и теперь еще подходитъ къ церковному словенскому, ближе иллирійскаго (сербскаго и далматскаго); истина, въ которой безпристрастный Иллиріецъ и самъ убѣдится, если вѣрно переведетъ какое нибудь извѣстное мѣсто, сначала на такъ называемое кроатское или краинское нарѣчіе, а потомъ на свое собственное, и сравнитъ оба перевода, писанные Кирилловскою азбукою и правописаніемъ, съ древне-славянскимъ» (*Wien. Jahrb. 1822. Bd. XVII*). «Нынѣшніе Сербы въ Славоніи и Кроаціи, говоритъ Цапловичь, говорятъ языкомъ, который разнится отъ

церковно-словенскаго, какъ итальянскій отъ латинскаго. Гораздо ближе къ нему нарѣчіе словацкое. Словакъ понимаетъ сербское Евангеліе лучше самаго Серба, не изучившаго церковно-словенскаго языка» (я прибавлю: хотя уже около тысячилѣтія Словакъ не имѣетъ подобно Сербу, случая ежедневно слышать этотъ языкъ; хотя словенскій языкъ настоящихъ церковныхъ книгъ проникнутъ руссицизмами; хотя наконецъ, нынѣшній его выговоръ относится къ древнему, какъ нынѣшній греческій и латинскій выговоръ къ древнему) *Slavon. u. Kroat. I. 219.* А что народный языкъ древнихъ Словенъ въ Македоніи и во Ѳракіи (по сознанію самаго Добровскаго, величайшаго изъ славянскихъ лингвистовъ — историковъ) впервые положенъ на письмо двумя братьями апостолами, это можно принять за достовѣрный фактъ, на основаніи, какъ самой исторіи, такъ и множества дошедшихъ до насъ болгарскихъ рукописей. Начавшаяся въ Болгаріи (т. е. въ верхней и средней Македоніи, верхней Ѳракіи и Мизіи) словенская церковная литература продолжалась въ Панноніи. Конечно въ IX вѣкѣ быть можетъ уже существовало незначительное различіе нарѣчій между словенскимъ въ Болгаріи, словенцкимъ въ Панноніи и словакскимъ въ Венгріи; это слѣдуетъ изъ отдалѐннаго положенія племенъ и ихъ смѣшенія съ дальними родственными и чужими народностями, Болгаръ — съ остатками Трибалловъ, Иллирійцевъ и Ѳракіянъ; Словенцевъ—съ древними Паннонцами и Франками; Словаковъ—съ Чехами, Ляхами, Аварами и т. д. и подтверждается письменными свидѣтельствами; между тѣмъ, первобытное тождество трехъ нарѣчій проявляется несомнѣннымъ образомъ

и въ позднѣйшія времена (напр. въ словакскомъ переводѣ Кириллицею Евангелія богіанскаго монастыря), — и теперь еще можетъ быть грамматически и лексикографически доказано въ отдѣльныхъ частностяхъ, не смотря на безпримѣрное почти метадіалектизированіе словакскаго и болгарскаго языковъ» (*Schafar. Abk. d. Sl. 205 — 208*).

Это существованіе словенскихъ племенъ внѣ Руси было извѣстно и Нестору; онъ прилагаетъ имя Словенъ, въ племенномъ смыслѣ, только тѣмъ народностямъ, въ составъ коихъ вошли эти три словенскія племена. Онъ пишетъ: «ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бяша Словѣни первѣе» (*Лавр. 12*); и въ исчисленіи потомковъ Яфетовыхъ: «Илюрикъ, Словене (*тамъ же, 2*). Какъ Илюрикъ, т. е. иллирійскихъ Словенцевъ, такъ и Мораву— Словаковъ онъ зоветъ Словенами, моравскую землю словенскою (*тамъ же, 11.— Срвн. Бодянск. Слав. письм. 163*). О Болгарахъ онъ не употребляетъ имени Словенъ, ибо въ его время оно уже не существовало у нихъ въ племенномъ значеніи, какъ при Кириллѣ и Меѳодіи; но сохраняетъ для болгарскаго письма названіе словенской грамоты (*тамъ же*). Ляхи, Чехи, Сербы, Хорваты не смотря на обще-славянское происхожденіе, для него не Словене. Только не должно думать чтобы онъ имѣлъ ясное, опредѣленное понятіе о нерусскихъ словенскихъ племенахъ и ихъ географическомъ положеніи. Подъ именемъ Илюрика онъ разумѣетъ всѣ дунайскія земли (*Schafar. Sl. Alt. I. 229, 235*); подъ именемъ дунайскихъ Словенъ всю юго-западную Словенщину.

Его мысль можетъ быть угадана только изъ сравненія

его свѣдѣній о трехъ не русскихъ словенскихъ племенахъ, съ понятіями, какія онъ имѣлъ о своей словенорусской народности. При недостаточномъ опредѣленіи Несторовой этнографіи, при смѣшеніи въ одно хаотическое цѣлое всѣхъ славянскихъ народовъ обитавшихъ въ Россіи, Шафарикъ не могъ включить словенской Руси въ систему своихъ историко-лингвистическихъ изслѣдованій. Но теперь передъ нами не безимянная смѣсь всѣхъ племенъ и нарѣчій, а отдѣльный народъ, отличный по нарѣчію и происхожденію отъ окружающихъ его не русскихъ славянскихъ племенъ, тождественный по нарѣчію и происхожденію, а отчасти и по имени, съ остальными словенскими племенами. Это тождество ясно высказанное въ лѣтописи, служитъ вѣрнымъ подтвержденіемъ мысли Шафарика, о родствѣ и первобытномъ одноязычіи всѣхъ такъ называемыхъ словенскихъ народовъ. Понятія Нестора о словенствѣ русскихъ племенъ основаны: 1) на смутномъ, историческомъ преданіи о ихъ доисторическомъ родствѣ съ остальными словенскими племенами, о первомъ поселеніи всѣхъ словенскихъ племенъ на Дунаѣ, о прямомъ выселеніи съ Дуная ильменскихъ Словенъ; 2) на тождествѣ нарѣчій словенорусскаго съ остальными словенскими; 3) на желаніи удержать за своимъ народомъ, освященное переводомъ книгъ св. писанія словенское имя. Описавъ дѣятельность Меѳодія въ словенской землѣ (Моравѣ), Несторъ прибавляетъ: «Тѣмже Словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ апостолъ: въ Моравы бо ходилъ, и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бяше Словѣни первѣе. Тѣмже Словѣньску языку

учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есме Русь: тѣмже и намъ Руси учитель есть Павелъ апостолъ, понеже училъ есть языкъ Словѣнескъ, и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника Словѣньску языку. А Словѣнескъ языкъ и Рускый одинъ, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ, Полями же прозвашася занеже въ полѣ сѣдяху, языкъ Словѣньскій бѣ имъ единъ» (*Лавр. 12*). Шлецеръ не понимавшій ни историческаго, ни грамматическаго смысла этого мѣста, называетъ его несносно-глупою вставкою (*Нест. Шлец. II*, *553*); онъ не подозрѣвалъ сколь важно было для лѣтописца опредѣлить, съ одной стороны, одноплеменность всѣхъ словенскихъ народностей, съ другой, однокровность Кіева съ Новгородомъ (Словенами), по языку и происхожденію. Кругъ (*Forsch. II. 282*) впадаетъ въ другую ошибку, принимая здѣсь слово языкъ въ смыслѣ народа; выраженія «Словѣньская рѣчь бѣ — языкъ Словѣньскій бѣ имъ единъ» очевидно доказываютъ что дѣло идетъ о нарѣчіи въ племенномъ, не о народѣ въ общемъ смыслѣ. Значеніе словъ лѣтописца не допускаетъ двухъ толкованій, если вспомнить сказанное имъ въ началѣ, а здѣсь повторенное, о Словенствѣ Полянъ и Древлянъ, о не Словенствѣ Радимичей и Вятичей.

Для Нестора было одно отдѣльное словенское цѣлое, распадавшее на два центра; 1) Словене ильменскіе, къ которымъ примыкаютъ и остальныя русскія племена; 2) Словене дунайскіе.

Что было вѣрнаго въ этихъ представленіяхъ лѣтописца; въ чемъ заключались его заблужденія?

Въ сущности Несторова мысль справедлива. Между словенскими племенами существовала родственная связь; словенское имя было достояніемъ только четырехъ генетическихъ словенскихъ племенъ; подобно Словенамъ мизійскимъ, Словенцамъ и Словакамъ—Русь сохранила словенское имя для старшаго изъ своихъ племенъ въ Новгородѣ; для другихъ преданіе о происхожденіи отъ Словенъ. О тождествѣ словенскаго языка въ Болгарахъ, моравскихъ Словакахъ и Хорутанскихъ Словенцахъ, мы видѣли мнѣнія Шафарика и Копитара; что еще въ Несторово время тоже самое, или по крайней мѣрѣ мало измѣнившееся словенское нарѣчіе господствовало и на Руси, несомнѣнно (*см. Срезневскаго, Мысли и пр. 23*); только отсюда объясняется немедленное воспріятіе на Руси книгъ Св. Писанія, составленный Болгарами переводъ договоровъ и пр. Таково было, основанное на положительныхъ фактахъ, на собственномъ опытѣ, наконецъ на убѣжденіи современниковъ, и мнѣніе самаго Нестора: «А Словѣнескъ языкъ и Рускый одинъ» — «языкъ Словѣньскій бѣ имъ единъ» — «Симъ бо первое преложены книги Маравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ» [25]).

Между тѣмъ, утвержденныя на исторической дѣйствительности и вѣрныхъ лингвистическихъ выводахъ, понятія лѣтописца о связи и этнографическомъ значеніи словенскихъ племенъ, затемнены для насъ и для самаго Нестора, съ одной стороны, принятою имъ ложною системою происхожденія русскаго имени отъ варяговъ; съ другой, заблужденіями, къ которымъ вело его желаніе согласовать слово-

употребленіе словенскаго имени въ церковномъ смыслѣ, съ невѣрнымъ убѣжденіемъ въ переводѣ книгъ Св. Писанія для Моравы. О первомъ изъ этихъ положеній будетъ сказано подробно въ своемъ мѣстѣ; второе (нѣкогда отстаиваемое Копитаромъ *Glagol. Cloz. Cap. XII*), основательно и кажется навсегда опровергнуто Шафарикомъ, по слѣдамъ Добровскаго. Словенская грамота, τὰ σθλοβένικα γράμματα — было техническимъ названіемъ изобрѣтеннаго Кирилломъ, для болгарскихъ Словенъ алфавита; Кириллъ вездѣ именуется словенскимъ учителемъ; Кирилловская литургія словенскою. «Ritus aut secta Bulgariae gentis, ve Russiae, aut slauonicae linguae» (*письмо Папы Іоанна XIII въ 967 г. у Кузьмы пражскаго I, 14*)[26]. «Ten arcibiskup Rusín biéše, Mšu svú Słovansky słúžieše» (*Dalim. p. 42 о Меѳодіи*). Но въ слѣдствіе извѣстнаго посольства къ греческому императору, моравскихъ князей Ростислава, Святополка и Коцела и долголѣтней дѣятельности Меѳодія въ моравской землѣ, вскорѣ распространилось (и Несторомъ раздѣленное) мнѣніе о переводѣ книгъ для Моравы. Отсюда недоумѣнія лѣтописца; двоякое значеніе у него моравскаго имени; невѣрный объемъ его Моравы. Какъ особое племя моравскихъ Славянъ, Несторова Морава принадлежитъ къ западнымъ, не-словенскимъ, отъ Словенъ выродившимся племенамъ; какъ земля (вмѣстилище Словаковъ и иллирійскихъ Словенцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, классическая почва словенской грамоты), Морава имѣетъ для него значеніе дунайской Словенщины. Вотъ почему при повѣствованіи о переводѣ церковныхъ книгъ, онъ постоянно отличаетъ Мораву племеннымъ на-

званіемъ «Словене», а Ростислава, Святополка и Коцела зоветъ князьями словенскими, не моравскими. «Словѣномъ жиущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу..... и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови. Сима же пришедъшема, начаста съставливати писмена азъбуковьная Словѣньски..... ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ» (*Лавр. 11*). Здѣсь выраженіе «Словене» о Моравѣ и моравскихъ князьяхъ очевидно основано на церковномъ значеніи словенскаго имени; на мысли о переводѣ для нихъ церковныхъ книгъ на словенскій языкъ. Въ сербскихъ памятникахъ всегда говорится о Моравлянахъ: «Растиславль бо Моравьскыи кнезь, богомъ оустимъ совѣть сотвори съ кнези свои Моравляны» (*Šafař. Pam. dr. Pis. житіе Св. Костант. стр. 18*). Черноризецъ Храбръ именуетъ Ростислава (Растица) княземъ моравскимъ, Коцела — блатенскимъ (*Экс. бол. 192*). И такъ на понятіяхъ Нестора о значеніи словенскаго языка, въ смыслѣ нарѣчія церковныхъ книгъ, утверждались, пополняя другъ друга, его понятія о племенномъ, особомъ значеніи словенскаго имени; между славянскими племенами одни только словенскія говорили церковнымъ нарѣчіемъ. Апостолъ Павелъ и Андроникъ были учителями только словенскому языку, не Ляхамъ, Чехамъ, Хорватамъ. Изъ того же источника, какъ сказано выше, и фантастически-неопредѣленное представленіе Нестора о моравской землѣ; еслибы онъ зналъ что Кириллъ и Меѳодій переводили на словено-болгарскій языкъ, названіе Моравы изчезло бы у него для Иллирика и дунайскихъ Словенъ.

Наконецъ, Нестору было извѣстно общее значеніе славянскаго имени у иноземныхъ народовъ, преимущественно у Грековъ. Сами Славяне не знаютъ для себя всенароднаго туземнаго прозвища; по крайней мѣрѣ оно до насъ не дошло; общимъ достояніемъ всей рассы у иноземныхъ писателей, славянское имя стало по мнѣнію Шафарика, въ слѣдствіе воинъ славянскихъ племенъ съ Франками и Греками (*Abk. d. Sl. 209*). Употребленіе его въ этомъ иноземномъ общемъ смыслѣ, проявляется только въ рѣдкихъ случаяхъ и чисто литературнымъ образомъ у славянскихъ писателей. Какъ въ лѣтопись Мартина Галла и Кадлубка отъ Нѣмцевъ, такъ въ Несторову славянское имя въ общемъ значеніи, могло при случаѣ перейти отъ Византійцевъ; между тѣмъ, вліяніе греческаго словоупотребленія отразилось не столько въ этнографической терминологіи лѣтописца, сколько въ его понятіяхъ о первенствѣ и первородствѣ генетическихъ словенскихъ племенъ, въ обще-славянскомъ мірѣ. Только объ одномъ мѣстѣ лѣтописи можно сказать съ нѣкоторою увѣренностію, что въ немъ славянское имя является въ общемъ смыслѣ; это слѣдующее: «Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Марава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (*Лавр. 11*). Но принимать исключеніе за правило невозможно и напрасно утверждаетъ Шафарикъ, что по примѣру латинскихъ и греческихъ писателей среднихъ вѣковъ, Несторъ именуетъ Словенами всѣ славянскія племена въ Европѣ (*Sl. Alt. II. 99*). Мы разобрали тексты лѣтописи на которыхъ основано это мнѣніе; вездѣ имя Словенъ явилось въ значеніи особомъ, пле-

менномъ, какъ у Скандинавовъ норманское имя; только при недостаткѣ опредѣленныхъ географическихъ свѣденій и невозможности согласовать значеніе словенскаго имени съ ложнымъ понятіемъ о переводѣ книгъ Св. Писанія для Моравы, сами племена обозначены темно и невѣрно, а границы земель произвольно отодвинуты и перемѣшаны.

Таковы, если не ошибаюсь, были понятія и данныя объ этнографіи славянскихъ народовъ и о значеніи словенскаго имени, по которымъ надлежало Нестору расположить свою исторію славянскаго племени, сообразивъ ее съ преданіемъ основаннымъ на исторической дѣйствительности, о первомъ поселеніи славянскихъ племенъ на Дунаѣ.

Отсюда два основныхъ положенія славянской исторіи въ его лѣтописи:

1) Словенское племя зародышъ и начало всѣхъ славянскихъ племенъ; въ главѣ его стоитъ словенская Русь, Словене ильменскіе. Онъ пишетъ: «Отъ сихъ 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Норци (Нарци *Л.* — нарицаемѣ(і)и Норци *И. Х. Т.* — нарицаеми иновѣрци *Р.*), еже суть Словѣне» (*Лавр. 3*).

О Норикахъ здѣсь думать нельзя. Во первыхъ, въ Несторово время, Нориками (Norici) у западныхъ лѣтописцевъ именовались Баварцы. «Omnis Noricorum laetitia de multis retro victoriis conversa est in luctum et lamentationem» (*Annal. Fuld. ap. Pertz I. 384.* Cfr. *II. 324*). Дѣло идетъ о пораженіи претерпѣнномъ отъ Святополка, Баварцами и Австрійцами. Во вторыхъ, нельзя допустить чтобы имя Нориковъ (если бы подъ этимъ именемъ Несторъ понималъ первородныхъ Славянъ) встрѣчалось только

одинъ разъ въ его лѣтописи и не было бы имъ употреблено о дунайскихъ Славянахъ. Наконецъ, откуда могло оно зайти въ его лѣтопись? Нигдѣ византійскіе историки не именуютъ Славянъ Нориками; а по славянскимъ преданіямъ онъ могъ знать только туземное славянское имя. Шафарикъ вмѣсто Норци, Норцы, читаетъ Илюрци (*Abk. d. Sl. 154*) [27]; но противъ его предположенія говоритъ справедливое замѣчаніе Шлецера (*Нест. I, 130*), что въ спискахъ читающихъ инорци, начальное *и* приставлено отъ предидущаго нарицаеміи. «Замѣчаніе, возражаетъ Шафарикъ (*тамъ же, 155*), что въ шести спискахъ читающихъ инорци, начальное *и* только пристало отъ предшествующаго нарицаеміи, неумѣстно; ибо въ множественномъ числѣ отвлеченной формы склоненія (im Plural der abstracten Declinationsform), причастіе имѣетъ только одно *и*». Конечно не въ русскомъ нарѣчіи: одинаковая форма причастія, съ окончаніемъ на *іи*, встрѣчается во многихъ мѣстахъ лѣтописи. «.... придоша отъ Скуѳъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгаре» (*Лавр. 5*). Въ Никоновскомъ спискѣ и Степенной книгѣ читаемъ: «Роди же нарицаеміи Руси» (*Ник. л. I, 21—22.—Кн. Степ. I, 7—8*). Норци, Норцы—по всей вѣроятности ничто иное какъ искаженное или небрежно сокращенное Новгородьци. На это чтеніе указываетъ какъ смыслъ Несторовой этнографіи славянскихъ племенъ, такъ и сохранившаяся въ варіантѣ иновѣрци буква *в* [28]). Значеніе Несторовыхъ словъ было бы слѣдующее: «Въ числѣ сихъ же 72 народовъ, былъ народъ словенскій, отъ племени Яфетова, такъ называемые (нынѣ) Новгородцы» или «такъ назвавшіеся (въ послѣдствіи) Новгородцы, кои суть

и Словене». Тому кто знакомъ съ одинаковымъ у всѣхъ народовъ стремленіемъ древнихъ лѣтописцевъ къ прославленію своего племени передъ другими, не покажется страннымъ это притязаніе нашего лѣтописца, на старшинство своихъ ильменскихъ славянъ [29]).

2. Первородное славянское племя, говорящее первороднымъ словенскимъ (церковнымъ) нарѣчіемъ, имѣетъ въ Европѣ только два центра: словенскую Русь и дунайскихъ Словенъ. Всѣ прочія славянскія племена выродки отъ Словенъ.

По переселеніи на Дунай, словенское племя распадаетъ на двѣ части. Одна, отказавшись отъ словенскаго имени и отъ словенскаго языка, превращается въ Мораву, Чеховъ, Хорватовъ, Сербовъ, Хорутанъ, Ляховъ. «По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хровате Бѣліи, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашаея Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне» (*Лавр. 3*).

Другая половина первороднаго словенскаго племени, сохранившая словенское имя и словенскій языкъ, подраздѣляется, какъ сказано, на два центра:

а) Словене ильмено-днѣпровскіе. «Тако же и ти

Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же (пришедше зДуная) сѣдоша около езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ» (*тамъ же*). Этимъ русскимъ Словенамъ Несторъ не даетъ отдѣльнаго народнаго имени, какъ въ слѣдствіе принятой имъ системы происхожденія Руси отъ варяговъ, такъ и потому что похваляется словенскимъ именемъ и происхожденіемъ своей народности. Въ отношеніи къ прочимъ славянскимъ народностямъ, русскія племена Словене, какъ къ отношеніи къ Норвежцамъ и Датчанамъ, всѣ шведскія племена Шведы; на Руси Словенами именуются только одни Новгородцы, какъ въ Швеціи Шведами, одни только населенцы собственнаго Swealand, Swithiod (см. *Geijer*, *Gesch. Schwed. I. 61*).

b) Словене дунайскіе. «Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуѳъ, рекше отъ Козаръ, рѣкоміи Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, населници Словѣномъ быша. Посемъ придоша Угри Бѣліи, наслѣдиша землю Словѣньску» (*Лавр. 5*). Эти дунайскіе Словене, эта словенская земля на Дунаѣ, остатокъ отъ первороднаго словенскаго племени, послѣ выселенія въ Русь другой его половины. Несторъ видимо дорожитъ одноименностію и родствомъ своихъ ильменскихъ Словенъ

съ дунайскими, учениками апостола Павла. Вотъ почему онъ пишетъ: «Словѣни же пришедше зДуная сѣдоша около озера Илмера» (прибавка «пришедше зДуная» находится въ семи спискахъ. *Нест. Шлец. I, 146*). Въ Никоновскомъ спискѣ сказано что передъ избраніемъ варяжскихъ князей, Словене долго спорили между собою о выборѣ; одни предлагали Козаровъ, другіе Полянъ, Дунайчей и Варяговъ; нѣкоторые единоземцевъ своихъ «и бысть о семъ молва велія» (*Нест. Шлец. I, 300. — Карамз. I, прим. 273*). Здѣсь, кромѣ историческаго убѣжденія, дѣйствовало и преданіе о Дунаѣ (преимущественно русское), какъ о святой словенской рѣкѣ; и донынѣ воспоминанія о Дунаѣ живутъ въ припѣвахъ народныхъ пѣсенъ у насъ и у венгерскихъ Русиновъ (*Schafar: Sl. Alt. I. 235. Anm. 1*).

III.

ОСНОВНЫЯ ПРИЧИНЫ ПРИЗВАНІЯ.

Вопреки положительному сказанію лѣтописи, Шлецеръ не допускаетъ призванія князей, въ смыслѣ правителей. «Люди, говоритъ онъ, возвращенные къ дикой свободѣ и можетъ быть подобно Далекарльскимъ крестьянамъ, столь же мало знавшіе, что такое значитъ король, не могли вдругъ и добровольно перемѣнить гражданское свое право (civitas) на монархическое (imperium). Они искали только защитниковъ, предводителей, оберегателей границъ (по исландски Landvärnarmenn), въ случаѣ прихода новыхъ грабителей» (*Нест. Шлец. I, 305, 306*). Мы не узнаемъ отсюда ни въ какомъ качествѣ, на какихъ правахъ и условіяхъ были призваны эти Landvärnarmenn'ы; ни въ слѣдствіе какихъ логическихъ побужденій, Славяне и Чюдь, выведенные изъ терпѣнія жестокостію и насиліями Норманновъ (*тамъ же, 296*), сначала изгоняютъ своихъ притѣснителей, а потомъ, опасаясь возвращенія изгнанныхъ, призываютъ ихъ оберегателями своей безопасности (*тамъ же, 304, 305*). Эверсу (*Vorarb. 58—64*) не стоило большаго труда опровергнуть эту тео-

рію; если бы выведенныя Шлецеромъ положенія принадлежали и самому Нестору, историкъ имѣлъ бы полное право отбросить ихъ, какъ противныя исторической вѣроятности и здравому смыслу; что же когда они только плодъ Шлецеровскаго воображенія! Приводимые изъ исторіи другихъ народовъ, мнимые примѣры подобныхъ призваній, убѣждають насъ только въ одномъ, а именно что фактъ призванія, каковымъ онъ представленъ у Шлецера, явленіе безпримѣрное въ исторіи народовъ древнихъ и новыхъ. Британцы призываютъ Англо-Саксовъ на помощь противъ Пиктовъ и Скоттовъ, не противъ самихъ себя (*Нест. Шлец. I, 305.— Ewers, Vorarb. 70*). Жители Руана, изнемогая отъ набѣговъ Гастингса, угрожаемые нападеніемъ отъ Норманновъ Роллона, лишенные наконецъ всякой надежды на помощь отъ короля Карла, рѣшаются признать надъ собою власть Роллона, съ тѣмъ чтобы онъ защищалъ и судилъ ихъ по праву (*Depping у Погод. Изслѣдов. III, 25*). Это болѣе или менѣе исторія всѣхъ беззащитныхъ, къ сдачѣ принужденныхъ людей; но что общаго между жителями Руана, ожидающими погибели отъ двухъ, уже остальною землею овладѣвшихъ враговъ и побѣдными, только что отъ ига освободившимися племенами Славянъ и Финновъ? Объ отличіи между сдачею Руана и призваніемъ варяжскихъ князей, можно судить по послѣдствіямъ той и другаго. Роллонъ владѣетъ Нормандіею на правахъ завоевателя; земля побѣжденныхъ размежевана по веревкѣ; товарищи Роллона дѣлятъ между собою города и деревни; прежніе владѣльцы изгоняются или становятся вассалами новыхъ. Знаетъ ли русская исторія о подобныхъ явленіяхъ? Допу-

ская причину, норманская школа не въ правѣ отдѣлять ее отъ послѣдствій.

Кругъ, принимающій призваніе князей, ссылается на Геруловъ и указываетъ на отправленное ими посольство изъ Мизіи въ Скандинавію, чтобы избрать себѣ тамъ властелина изъ царскаго рода (*Forsch. II. 410. Anm.* ***). Но Герулы и Скандинавы были одного племени, одного языка. Онъ могъ бы указать и на другой, еще болѣе разительный примѣръ у Тацита: «eodem anno Cheruscorum gens regem Roma petivit, amissis per interna bella nobilibus et uno reliquo stirpis regiae, qui apud urbem habebatur, nomine Italicus. paternum huic genus e Flavio fratre Arminii, mater ex Catumero principe Cattorum erat» (*Annal. II. 16*). Славянскіе народы были не менѣе германскихъ привержены къ своей національности. Мы не видимъ чтобы Славяне балтійскіе, бывшіе въ несравненно тѣснѣйшихъ противъ Руси, то враждебныхъ, то дружескихъ отношеніяхъ къ Норманнамъ, призывали ихъ княжить надъ собою; Венды платятъ дань германскому императору, князья ихъ ѣздятъ за рѣшеніемъ споровъ въ Компьенъ; но ни Венды, ни Чехи, ни другія славянскія племена не просятъ князей у своихъ враговъ Германцевъ, Норманновъ, Аваровъ. Въ эпоху позднѣйшую (*1068 г.*), когда по мѣрѣ возрастающаго образованія, должна была усилиться въ людяхъ привязанность къ родной почвѣ, Кіевляне грозятъ Ярославичамъ покинуть Кіевъ и уйти въ Грецію (*Лавр. 74*); и мы знаемъ что вообще подобнаго рода выселенія были въ духѣ славянскихъ народовъ (*Солов. ист. Росс. I, 63*). Не рѣшились ли бы скорѣе Словене и

Кривичи выселиться изъ Новгорода, Изборска или Полоцка (допустивъ вѣроятность ничѣмъ не оправдываемаго въ нихъ паническаго страха отъ изгнанныхъ варяговъ), нежели «подвергнуть себя снова игу тирановъ раздраженныхъ, или искать въ нихъ самихъ защитниковъ противъ ихъ самихъ» (*Арцыбашевъ у Погод. Изслѣд. III, 24*)?

Сознавая основательность этого возраженія, Погодинъ (*l. c.*) полагаетъ что были призваны не изгнанные въ 859 году (?), а особое норманское племя, Варяги — Русь «извѣстное имъ (Славянамъ и Финнамъ) вѣроятно болѣе другихъ, въ слѣдствіе какихъ нибудь предидущихъ обстоятельствъ, напр. торговли, которую искони производили Новогородцы на морѣ балтійскомъ» и пр. Я не думаю чтобы въ призваніи того или другаго норманскаго племени, могло быть существенное различіе; самое призваніе не могло слишкомъ разниться отъ завоеванія. Какъ бы то ни было, если принять съ большинствомъ норманнистовъ что варяги — Русь были шведскіе Россы, обитавшіе на ближайшемъ къ новгородскимъ Словенамъ и Чюди упландскомъ берегѣ, на такъ называемомъ Роденѣ, выходитъ что варяги — Норманны имѣвшіе дань на Словенахъ, Чюди и пр. и изгнанные въ 862 году, принадлежали къ дальнему, менѣе извѣстному племени; роденскіе же шведы, наши сосѣди, жили съ нами въ согласіи, почему и призваны княжить надъ нами! Гдѣ же тутъ историческая вѣроятность и логика?

Ни Кругъ, ни г. Куникъ не обращаютъ особаго вниманія на вопросъ о причинахъ призванія; послѣдній (не смотря на заглавіе своей книги) едва ли не принимаетъ

чистаго норманскаго завоеванія (*Beruf. II. 375. Anm.* *. *376*. cfr. *II. Einleit. XIV*).

Г. Соловьевъ не отвергаетъ преданія лѣтописи; но основываясь преимущественно на словахъ Нестора «и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся», полагаетъ что до призванія князей, общественное устройство славянскихъ племенъ на Руси не переходило еще родовой грани.... вѣча, сходки старшинъ, родоначальниковъ не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда.... чему доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей (*Ист. Росс. I*, *51*). Цѣлью призванія, говоритъ онъ далѣе, было установленіе наряда, нарушеннаго усобицами родовъ: «роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ и потому самому стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чужаго рода» (*тамъ же*, *88*).

Взирая на причины призванія варяго-норманскихъ князей, какъ на естественное слѣдствіе тогдашняго положенія славянскихъ племенъ, а на самый фактъ призванія, какъ на явленіе исторически необходимое, г. Соловьевъ забываетъ что этотъ фактъ (если допустить норманство варяжской Руси) является случаемъ безпримѣрнымъ, единственнымъ въ исторіи народовъ, тогда какъ причины его, (без-

порядки и смуты въ слѣдствіе родовыхъ усобицъ) существуютъ въ данную эпоху и при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, у всѣхъ извѣстныхъ народовъ. Что Несторъ говоритъ о восточныхъ Славянахъ въ IX вѣкѣ, то самое говорятъ Дитмаръ, Адамъ бременскій, Гельмольдъ о западныхъ; его слова «и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ» представляютъ живую картину состоянія вендскихъ племенъ въ концѣ XII-го столѣтія; между тѣмъ, вендскіе Славяне не призываютъ князей отъ Норманновъ или отъ Нѣмцевъ. Какимъ образомъ (при относительно меньшей степени образованія) является у восточныхъ Славянъ въ девятомъ вѣкѣ, политическая потребность наряда, выражающаяся призваніемъ князей отъ чужаго народа, неизвѣстная при одинаковыхъ условіяхъ, западнымъ Славянамъ XII-го? Можетъ ли народъ или общество желающіе князя миротворца и судію (*тамъ же*, *89*), обратиться къ князьямъ чужаго, враждебнаго племени, не знающимъ ни языка на которомъ должны выслушать притязанія родовъ, ни права по которому судить своихъ подданныхъ? Замѣтимъ, что у г. Соловьева, не смотря на его теорію славяно-чюдскаго союза, дѣло идетъ здѣсь объ однихъ только славянскихъ племенахъ; при участіи Финновъ въ призваніи, являются новыя, неразрѣшимыя затрудненія. Между Славянами и Финнами не можетъ быть рѣчи о столкновеніи родовъ на одномъ мѣстѣ, о возникшемъ отсюда стремленіи къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою и пр.; а только о столкновеніи двухъ разнородныхъ и враждебныхъ народностей, историческомъ явленіи всегда и вездѣ вызывавшемъ не призваніе одного общаго князя, а крово-

пролитныя войны, завоеванія, истребленіе одного народа другимъ. Самое стремленіе къ новому порядку вещей, къ переходу изъ патріархальнаго состоянія въ политическій бытъ, понятное (въ смыслѣ проводимой г. Соловьевымъ теоріи) у славянскихъ народовъ, оказывается произвольною мечтою историка, относительно финскихъ племенъ; подобныя стремленія въ народахъ не изчезаютъ; а о чюдскихъ населенцахъ Руси, самъ г. Соловьевъ замѣчаетъ что еще въ XIII вѣкѣ они оставались на той же ступени гражданственности, на какой, по его мнѣнію, славянскія племена, Дреговичи, Сѣверяне, Вятичи находились въ половинѣ IX-го вѣка; жили особными и потому безсильными племенами, которыя раздробляясь, враждовали другъ съ другомъ (*тамъ же*, *II*, *401*)[30]. Наконецъ дозволяетъ ли историческая вѣроятность допустить въ Славянахъ и Финнахъ IX-го столѣтія, странное убѣжденіе что норманскіе конунги, призванные съ своими родами (*Лавр. 8*) или дружиною (*Спп. у Шлец Нест. I*, *333*, *334*), явятся не завоевателями, а миротворцами?

Норманская теорія не объясняетъ ни причинъ, ни послѣдствій призванія; и тѣ и другія чисто славянскаго свойства; для настоящаго ихъ уразумѣнія необходимо предварительное указаніе на тѣ, всѣмъ славянскимъ народамъ общія условія ихъ внутренняго организма, изъ случайнаго развитія которыхъ вышло, по нашему мнѣнію, дѣло призванія. Только посредствомъ аналогическаго сравненія извѣстныхъ явленій обще-славянскаго быта, съ одинаковыми явленіями въ бытѣ доваряжской Руси, можно извлечь изъ скудныхъ извѣстій Несторовой лѣтописи, сокры-

тые въ ней намёки на то особое состояніе восточныхъ славянскихъ племенъ, которое во второй половинѣ IX-го вѣка, вызвало ихъ къ избранію князей изъ иноплеменнаго, хотя и славянскаго рода.

Два основныхъ факта проявляются во всѣхъ славянскихъ исторіяхъ; это, съ одной стороны, особое преобладаніе родоваго и религіознаго старшинства въ отдѣльныхъ племенахъ; съ другой, утвержденное на понятіяхъ о родовой собственности, значеніе княжескаго достоинства [81]).

Совокупность родовъ образуетъ племя; совокупность племенъ землю. Понятіе о землѣ неразлучно у Славянъ съ понятіемъ о народности; Čechy и Česka zeme, Morawa и Morawska zeme, Русь и русская земля означаютъ вмѣстѣ народъ и землю [82]). При общей основѣ ихъ организма, отношенія какъ родовъ, такъ и племенъ опредѣляются законами старшинства. Каждый родъ въ племени, каждое племя въ землѣ составляютъ особый міръ; старшинство въ отношеніяхъ родовъ и племенъ получаетъ значеніе **благородства и власти**, прямой источникъ раздоровъ, нерѣдко взаимной ненависти племень. «Igitur cum multi sint Winulorum populi fortitudine celebres, soli quatuor sunt qui ab illis Wilzi, a nobis vero Leuticij dicuntur, inter quos de nobilitate potentiaque contenditur» (*Ad. Brem. cap. 140*). По свидѣтельству безимяннаго біографа св. Оттонна, Юлинцы уважая старѣйшинство и благородство Щетинянъ (hanc enim civitatem antiquissimam et nobilissimam dicebant in terra Pomeranorum), не рѣшались принять христіанства безъ предварительнаго ихъ согласія (*Anon. de vita S. Otton. II. cap. 24, 26*). По мѣрѣ раз-

множенія родовъ и племенъ, на основаніи особыхъ родовыхъ отношеній, образуются союзы (таковы у прибалтійскихъ Славянъ союзы Оботритовъ и Лутичей), постоянно измѣняющіе свой составъ и значеніе, въ слѣдствіе вольнаго или вынужденнаго перехода племенъ отъ одного союза къ другому. Отсюда безпрерывныя измѣненія въ этнографіи и самой ономастикѣ западныхъ славянскихъ племенъ у Эйнгарда, Дитмара, Адама, Гельмольда, Видукинда и другихъ. Какъ у насъ Дулѣбы переходятъ въ Бужанъ, а Бужане въ Волынянъ, такъ Эйнгардовы Велетабы въ Дитмаровыхъ Лутичей. Имена Линоновъ, Смельдинговъ и Бетенцевъ (*Einh. Annal. — Chron. Moissac. ad ann. 808, 811*), смѣняются именами Варовъ или Вукраинцевъ и Абатареновъ (*Widuk. III. 68. — Contin. Regin. 934. — Ann. Sangall. maj. 955*); Вукраинцы переходятъ у Гельмольда въ Вагировъ; измѣненія вызываемыя временнымъ преобладаніемъ одного племени надъ другимъ, иногда сліяніемъ двухъ или нѣсколькихъ племенъ и свидѣтельствующія о вѣчномъ состояніи броженія въ самобытно развивающихся славянскихъ народностяхъ. Дѣленію на племена и союзы отвѣчаетъ дѣленіе на религіозныя обедіенціи; старшинству племенному старшинство ѳеократическое. «Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur, et simulacra daemonum singula, ab infidelibus coluntur. Inter quae civitas supra memorata (Riedegast) principalem tenet monarchiam» (*Ditmar. VI. 65*). «Siquidem Riaduri sive Tolenzi propter antiquissimam urbem et celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Radigast ostenditur, regnare volebant, adscribentes sibi singularem nobilitatis honorem» (*Helmold, I.*

cap. XXIII). Въ Гельмольдово время, ѳеократическое первенство надъ всѣми славянскими племенами принадлежало Арконѣ и Руѣ: «Rani qui et Rugiani, gens fortissima Slavorum, qui soli habent regem, extra quorum sententiam nihil agi de publicis rebus fas est, adeo metuuntur propter familiaritatem deorum, vel potius daemonum, quos majore prae ceteris cultu venerantur» (*ibid. cap. II*). Вражды племенныя вызываютъ религіозныя и на оборотъ; нерѣдко и самое понятіе о княжеской власти опредѣляется ѳеократическимъ значеніемъ или старшинствомъ племени или города [38]). Премыслидъ владѣвшій вышеградскимъ столомъ, былъ ipso facto законнымъ княземъ чешской земли (см. *Palacky*, *G. v. B. I. 164*, *165*. *Anm. 134*).

Князьями начинается исторія всѣхъ славянскихъ народовъ. У Хорватовъ пять братьевъ: Клюкасъ, Лобель, Козенецъ, Мухло, Хрватъ и двѣ княжескія сестры, Туга и Буга (*Const. P. de adm. imp. cap. 30. ed. Bonn. p. 143*). У Сербовъ два брата неизвѣстныхъ по имени (*ibid. cap. 32. p. 152*); у Хорутанъ Борутъ; въ біографіи св. Руперта упоминается о «Carentanorum rege» около 684—718 годовъ. У Ляховъ Попелъ; у Чеховъ Чехъ, Само, Крокъ и т. д. Напрасно навязываютъ Славянамъ первоначально демократическій бытъ. «Сей народъ, говоритъ Карамзинъ (*I. 72*), подобно всѣмъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ ни рабовъ въ землѣ своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человѣка» (срвн. *Lelewel*, *Numism. du m. âge*, *3me p. 86* и *Macieiowsk. Sl. Rg. I. 73*). Это мнѣніе не основапо на изученіи

коренныхъ законовъ историческаго быта славянскаго общества; въ превратности толкованія приводимыхъ ему въ доказательство мѣстъ иноземныхъ писателей [34]), удостовѣряютъ положительные, историческіе факты, засвидѣтельствованные этими же писателями или ихъ современниками. Понятно, что при множествѣ однородныхъ князьковъ, дѣлившихъ верховную власть между собою, при княжескихъ съѣздахъ опредѣлявшихъ права ихъ, при городскихъ вѣчахъ и пр., внутреннее устройство славянскихъ племенъ не отвѣчало понятіямъ Византійцевъ о монархіи, въ греческомъ смыслѣ единодержавія. Въ самомъ дѣлѣ славянскія племена признавали власть не одного лица οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς ἑνὸς (*Procop. ed. Bonn. II. 334*), а всѣхъ членовъ княжескаго рода. Отъ Прокопіева современника, императора Маврикія (*582—602*), узнаемъ мы настоящее значеніе этого мнимаго демократизма славянскихъ народовъ. «Non fuerit inconveniens, говоритъ онъ о славянскихъ князьяхъ (ῥῆγες), aliquos eorum trahere in partes suas, vel persuasionibus, vel largitionibus.... ne se omnes hostiliter jungant, et, sub unius imperium concedant—μοναρχίαν ποιήσῃ» (*p. 281*). Выводить изъ Прокопіевыхъ словъ демократическое устройство славянскаго общества, также невѣрно какъ основывать мнѣніе объ отсутствіи у Славянъ княжеской власти, на извѣстіи Константина багрянороднаго, объ управленіи далматскихъ Славянъ, не князьями, а старѣйшинами и жупанами. «Itidem conterminae illis gentes, Croati, Servii, Zachlumitae, Terbuniotae, Canalitae, Diocletiani et Pagani, excussis Romani imperii habenis, liberi suisque, non alienis legibus usi sunt. Principes vero (ἄρχοντας), ut aiunt, hae gentes non habent,

praeter zupanos senes, quemadmodum reliqui Sclavorum populi» (*de adm. imp. cap. 29. ed. Bonn. pp. 128, 129*). Это, плохо понятое, а можетъ быть и переписчикомъ искаженное мѣсто Константина, поясняется соотвѣтствующимъ ему въ лѣтописи продолженнаго Өеофана; по словамъ ея, всѣ эти народы управлялись собственными князьями, еще до крещенія при Василіѣ Македонянинѣ: ὑπό ἰδίων ἀρχόντων μόνον ἀρχόμενοι (*Theoph. Contin. ed. Bonn. 288*) [35]). Самъ Константинъ свидѣтельствуетъ о существованіи князей и княжескихъ родовъ у всѣхъ славянскихъ племенъ, при первомъ ихъ появленіи въ исторіи. Объ иллирійскихъ Хорватахъ онъ говоритъ: «habebantque et ipsi principem supremum (ἄρχοντα ἀυτεξούσιον), qui ad Chrobatiae tantum principem amicitiae ergo legationem mittebat» (*de adm. imp. p. 144*). О Сербахъ: «Ceterum Serviae princeps (ἄρχων) ab initio, id est ab imperio Heraclii, Romanorum imperatori suberat, non Bulgarorum principi» (*ibid. p. 159*). Тоже самое о Захлумцахъ, Тервуніотахъ, Каналитахъ (*ibid. pp. 147, 157, 160*) и т. д. Въ книгѣ о церемоніяхъ князья всѣхъ этихъ народовъ титулуются архонтами, наровнѣ съ русскими князьями: «Ad Archontem Chrobatiae, Serblorum, Zachlumorum, Canali, Trabunorum, Diocleae, Morabiae sic scribitur: Mandatum a philochristis Despotis ad illum, archontem illius provinciae» (*de Cerim. ed. Bonn. I. 691*). Какъ въ VI вѣкѣ Прокопій (non uni parent viro), такъ въ XI Дитмаръ (his.... dominus specialiter non praesidet ullus, т. е. въ смыслѣ Каролинговъ), свидѣтельствуютъ не о демократическомъ устройствѣ славянскаго общества, а объ основномъ началѣ славянской гражданственности, о началѣ

родовомъ, въ его примѣненіяхъ къ княжеской власти. Изъ современныхъ германскихъ источниковъ, намъ извѣстно существованіе княжескихъ родовъ у Лутичей, уже въ VIII вѣкѣ (*Einhard. Annal.—Annal. Lauresham. ad. ann. 789*); у Оботритовъ эти роды ведутся въ непрерывной связи, отъ конца VIII-го до конца XII-го столѣтія (срвн. *Giesebr. W. G. I. 46*). У Чеховъ, Козьма пражскій пересчитываетъ до временъ историческихъ, т. е. отъ Крока (VII вѣкъ) до Бориваго I-го, десять князей, наслѣдственныхъ обладателей чешской земли (*Cosmas I. 8*). Самые историки утверждающіе свое мнѣніе о первоначально-демократическомъ бытѣ славянскихъ народовъ, на невѣрно толкуемыхъ свидѣтельствахъ писателей X-го, XI-го и XIII-го столѣтій, сознаютъ развитіе у нихъ монархическаго и аристократическаго начала уже въ VI и VII вѣкѣ (*Palacky, G. v. B. I. 160*).

Подъ какими бы названіями не являлись эти властелины (у бо́льшей части славянскихъ племенъ князья; у Славянъ діоклейскихъ великіе жупаны, переходящіе потомъ въ королей [36]), основныя начала и права княжеской власти одинаковы у всѣхъ славянскихъ народовъ; у всѣхъ повторяются извѣстныя намъ явленія русской исторіи, при князьяхъ варяжской династіи. Владѣніе сообща родовымъ наслѣдіемъ (на западѣ nedilnost, spolek, hromada), подъ верховнымъ управленіемъ старшаго въ родѣ или семьѣ, коренное общеславянское право, существующее и донынѣ у Черногорцевъ, сохранившееся у Чеховъ до XVII-го столѣтія (*Macieiowsk. Sl. Rg. IV. 441 ff. — Palacky, G. v. B. I. 169. Anm. 142*). Отсюда встрѣчающееся только у Славянъ выраженіе дѣдина (*Лавр. 153.—Ипат. 16.—*

у Поляковъ dziedzictwo; у Чеховъ dědina), для обозначенія общаго родоваго наслѣдія; отчина уже выдѣлъ изъ общаго достоянія, основанный на частномъ пріобрѣтеніи, въ строгомъ смыслѣ, нарушеніе права дѣдины [87]). На примѣненіи къ управленію землею этихъ органическихъ законовъ славянской семьи, утверждается значеніе княжеской власти въ славянскомъ мірѣ. Всѣ князья члены одного рода; обладаніе землею составляетъ нераздѣльную родовую собственность; великій князь означаетъ старшаго въ родѣ (см. *Солов. Отнош. вступл. 1. — Palacky. G. v. B. I. 163. — Giesebr. W. G. I. 46 ff*). «Erant, пишетъ Эйнгардъ, Meligastus et Celeadragus filii Liubi regis Wilzorum, qui licet cum fratribus suis regnum suum divisum teneret, tamen propterea quod natu major esset, ad eum totius regni summa pertinebat» (*Annal. ad. ann. 823*). Самая ѳеогоническая система языческой Славянщины основана на законахъ родоваго начала, въ ихъ примѣненіи къ верховной власти боговъ, небесныхъ князей; Славяне, по свидѣтельству Гельмольда (*I. LIII. — II. XII*), признавали одного верховнаго бога, родоначальника всѣхъ другихъ боговъ, а ихъ исполнителями порученныхъ имъ должностей, такъ что происходя отъ него, они были тѣмъ сильнѣе чѣмъ ближе родствомъ къ всемогущему богу боговъ (см. *Срезневск. святил. и пр. 6*). Утвержденное на однихъ и тѣхъ же патріархальныхъ началахъ, старшинство родовъ, племенъ, религіозныхъ обедіенцій и городовъ, не противорѣчитъ идеѣ о княжескомъ полновластіи, а только довершаетъ органическое зданіе славянскаго общества. Славянскій князь полный хозяинъ въ землѣ; но надъ кня-

жескою властію есть древній обычай, законъ, правда (lex divina у Вацерада). Выдающіяся отсюда славянскія особенности, мірскія сходки, вѣча, совѣты старшинъ, могутъ представляться въ исключительно демократическомъ видѣ, только неславянскимъ или предубѣжденнымъ историкамъ.

Какъ изъ начала родоваго и религіознаго старшинства племенъ, вражды племенныя, такъ изъ начала старшинства въ родахъ княжескихъ, усобицы княжескія; о тѣхъ и о другихъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы всѣхъ временъ и народовъ; поразительнѣе прочнхъ императоръ Маврикій: «Ἄναρχα δέ καὶ μισάλληλα ὄντα (τὰ ἔθνη τῶν Σκλάβων καὶ Ἀντῶν).... πολλῶν δὲ ὄντῶν ῥηγων καὶ ἀσυμφώνως ἐχόντον πρός ἀλλήλους» κ. τ. λ. (*Strateg. XI. 5*). Въ этихъ немногихъ словахъ онъ опредѣляетъ уже въ VI-мъ вѣкѣ, главныя явленія всѣхъ славянскихъ исторій; вражду племенъ, отсутствіе единодержавія, существованіе княжескихъ родовъ, усобицы княжескія.

Исторія словенорусскихъ племенъ должна повторить въ IX-мъ вѣкѣ, общія всѣмъ славянскимъ народамъ условія ихъ внутренняго устройства, какъ ихъ повторяетъ въ послѣдствіи при князьяхъ варяжской династіи. Эти русскія историческія явленія могутъ быть дознаны и опредѣлены, не смотря на сухость и неясность источниковъ.

О состояніи Руси въ эпоху призванія передъ нами два мнѣнія, отличныхъ по выраженію, но ведущихъ къ одинаковымъ историческимъ заключеніямъ; Шлецера о дикости, г. Соловьева о младенчествѣ словенорусскихъ племенъ. И то и другое воззрѣніе вынуждено (быть можетъ и безсознательно) необходимостію согласовать историческую

вѣроятность съ теоріею о скандинавскомъ происхожденіи Руси; добровольная подчиненность славянскихъ племенъ враждебному игу полудикихъ Норманновъ, логически немыслима если не представить этихъ племенъ стоящими въ IX вѣкѣ, на несравненно низшей, противъ своихъ скандинавскихъ властителей, степени гражданскаго образованія.

Подъ вліяніемъ этой необходимости, Шлецеръ принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ слова лѣтописца о звѣриныхъ обычаяхъ славянскихъ племенъ, населявшихъ въ IX вѣкѣ нынѣшнюю Россію (*Лавр. 6*); въ слѣдствіе чего и изображаетъ ихъ людьми, не имѣвшими до 860-го года, политическаго постановленія, сношенія съ иноплеменными, письма, искусствъ, религіи, или только глупую религію (*Нест. Шлец. I*, кд); дикарями въ родѣ Ирокойцевъ и Альгонкинцевъ (*тамъ же*, *389*) и пр.

Въ наше время, послѣ изслѣдованій Шафарика и трудовъ русской исторической школы послѣднихъ десятилѣтій, послѣ нумизматическихъ открытій Френа, Савельева и другихъ, мнѣніе Шлецера о чрезмѣрной дикости словенорусскихъ племенъ, уже далеко не имѣетъ прежняго значенія; оно основано не на изученіи фактовъ, не на опредѣленіи настоящихъ законовъ гражданскаго устройства доваряжской Руси, а на ложныхъ понятіяхъ энциклопедической школы XVIII-го столѣтія, объ историческихъ началахъ народовъ. Въ девятомъ вѣкѣ, ни западные, ни восточные Славяне не стояли на той низкой ступени человѣческаго образованія, о которой, вмѣстѣ съ Шлецеромъ, мечтали Гебгарди и большинство нѣмецкихъ, Славянамъ враждебныхъ историковъ. Изслѣдованія основан-

ныя на положительныхъ фактахъ, утвердили за славянскимъ языческимъ міромъ, существованіе, въ извѣстной степени, права, торговли, городовъ, письма, сложной языческой ѳеогоніи, всѣхъ условій общественной жизни. Переводы церковныхъ книгъ, чешскія поэмы временъ язычества и пр. явно свидѣтельствуютъ, какъ о высокой степени ранняго образованія славянскаго языка, такъ и о его превосходствѣ, по развитію грамматическихъ формъ, надъ современными ему нарѣчіями другихъ, новѣйшихъ европейскихъ народовъ. Изъ безпристрастныхъ нѣмецкихъ историковъ, многіе сознаютъ сравнительное превосходство славянскаго надъ германскимъ образованіемъ, въ эпоху язычества; пораженные торговымъ и земледѣльческимъ благосостояніемъ поморскихъ славянскихъ земель, бамбергскіе миссіонеры сравнивали вендскую область съ обѣтованною землею (см. *Sprengler*, *üb. d. Einfl. d. Wend. etc.* — *Neumann ap. Ledebur*, *Arch. XV*). «Еще въ то время, говоритъ графъ Столбергъ (*Gesch. d. relig. J. Christi. 279*), когда германскія племена жили только охотою и рыбною ловлею, мало занимаясь земледѣліемъ, Славяне были уже искусными и трудолюбивыми хлѣбопашцами, готовили неизвѣстныя Нѣмцамъ земледѣльческія орудія, ткали полотно и выдѣлывали шерсть, промышляли и иными ремеслами. Для многихъ житейскихъ потребностей, предполагающихъ уже высшее развитіе образованія, славянскіе языки знаютъ туземныя, опредѣленныя, чисто-славянскія выраженія, тогда какъ тѣ же предметы означены въ германскомъ языкѣ словами явно заимствованными изъ латинскаго; ясное доказательство что Германцы узнали ихъ гораздо позднѣе отъ

Римлянъ»[38]). Отличались ли восточные Славяне отъ западныхъ особою суровостію нравовъ, особою невоспріимчивостію началъ просвѣщенія? Мы имѣемъ доказательства противнаго; уже однѣ торговыя связи съ востокомъ не могли не способствовать развитію въ Руси всѣмъ славянскимъ племенамъ природныхъ наклонностей къ гражданственности и образованію; и если Шафарикъ зашелъ слишкомъ далеко въ представленіи новгородскихъ Славянъ IX-го вѣка, народомъ изнѣженнымъ роскошью и богатствомъ (*Sl. Alt. II. 75, 76. Anm. 2.* — Cfr. *I. 536*), то все же основная его мысль исторически вѣрна; въ разсказахъ исландскаго сѣвера, Гардарикія временъ Владиміра и Ярослава представлена землею блеска и пышности; изъ американскихъ дикарей Шлецера и Добровскаго, никакое призваніе не создастъ Руси XI-го столѣтія. Самое дѣло призванія (если только не извращать смысла лѣтописи въ угодность прихотямъ скандинавизма) обличаетъ замѣчательную, не одного изслѣдователя поразившую, степень развитія гражданскаго чувства въ словено-русскихъ (по крайней мѣрѣ сѣверныхъ) народностяхъ. Противополагать исторически дознаннымъ фактамъ, мрачную картину дикости славянскихъ племенъ у Нестора или Козьмы пражскаго, значитъ не вѣдать духа и направленія христіанскихъ лѣтописателей среднихъ вѣковъ; отличительная черта ихъ, умышленное униженіе всего былаго, въ похваленіе книжной образованности своего времени (см. *Palacky, G. v. B. I. 191*).

Теорія г. Соловьева о состояніи младенчества словено-русскихъ племенъ вь IX-мъ вѣкѣ, утверждается на двухъ

главныхъ положеніяхъ: 1) отдѣльный, уединенный бытъ по родамъ этихъ племенъ; 2) управленіе родовъ родоначальниками, ненаслѣдственными старшинами.

Онъ говоритъ: «лѣтописецъ прямо даетъ знать что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общею жизнію въ слѣдствіе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство, хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достичь только тогда, когда этотъ старшина, князь, не принадлежалъ ни къ одному родy, былъ изъ чужаго рода» (*Ист. Росс. I, 210*).

Я оставляю покуда въ сторонѣ нѣсколько произвольное толкованіе лѣтописи; допускаю правильность выводимыхъ г. Соловьевымъ изъ словъ Нестора заключеній о первобытномъ состояніи словенорусскаго общества въ IX-мъ вѣкѣ, но спрашиваю: на чемъ основанъ авторитетъ лѣтописца, въ общемъ дѣлѣ о степени образованія русскихъ племенъ до варяговъ? Онъ могъ знать по преданіямъ, былинамъ и пѣснямъ о положительныхъ фактахъ, о варяжской и хазарской дани, о призваніи варяжскихъ князей, о дѣйствіяхъ Рюрика, Олега, Игоря; но здѣсь передъ нами не факты, а представленіе какое монахъ XI — XII столѣтій себѣ составилъ объ устройствѣ словенорусскаго

общества въ эпоху миѳической древности. Почему должны мы вѣрить на слово Нестору, въ вопросѣ о которомъ такъ смѣло и рѣшительно отвергаемъ свидѣтельство его современника Козьмы пражскаго? (см. *Palacky*, *G. v. B. I. 191*). Въ подобныхъ случаяхъ, сказанія лѣтописца имѣютъ вѣсъ, только при согласіи съ законами исторической аналогіи и правдоподобія, при подтвержденіи ихъ свидѣтельствами современныхъ иноземныхъ писателей. Но, за исключеніемъ еврейской семьи, исторія не знаетъ ни одного земледѣльческаго народа, въ томъ состояніи и при тѣхъ условіяхъ первобытности, въ которыхъ является Русь IX-го вѣка у г. Соловьева. Діонисій галикарнасскій (*II. 62. II. 47*), Плутархъ (*Romul. 9*) и другіе сохранили память о началахъ римскаго общества; но въ основу ему полагаютъ не родъ (gens), а племя (tribus) Рамнетовъ, составленное изъ тысячи родовъ, распадавшихъ на десять курій, при совѣтѣ старшинъ (decuriones) или сенатѣ, въ главѣ коего стоялъ князь—rex. За восемь столѣтій до Рюрика, Тацитовы Германцы являются совокупною народностію, распадающею на племена, съ общимъ для всѣхъ народнымъ правомъ, верховною властію, судами, сословіями (*Barth. T. Urg. IV. 196 ff.*). Прямыхъ свидѣтельствъ о внутреннемъ состояніи Руси въ IX-мъ и предшествующихъ вѣкахъ до насъ не дошло; но мы имѣемъ извѣстія Эйнгарда, ѳульдскихъ лѣтописателей, Видукинда и пр. о прибалтійскихъ Славянахъ; византійскихъ историковъ о Славянахъ болгарскихъ и адріатическихъ; ни тѣ, ни другіе не представлены американскими дикарями или Израильтянами временъ Арваама. Да и къ какой эпохѣ относятся слова

лѣтописи, на которыхъ г. Соловьевъ утверждаетъ свою систему? Онъ говоритъ: «что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ» (*Ист. Росс. I, 46*). Лѣтопись говоритъ: «Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. Быша 3 братья» и пр. (*Лавр. 4*). Здѣсь рѣчь идетъ не о девятомъ столѣтіи, а объ эпохѣ задолго до построенія Кіева. Положимъ что Несторъ не отличалъ быта Полянъ Кіевыхъ отъ быта Новгородцевъ и Кривичей въ эпоху призванія; историкъ XIX-го столѣтія не имѣетъ права впадать въ ту же ошибку, ни смѣшивать Славянъ временъ Рюрика, съ Славянами, у которыхъ гостилъ апостолъ Андрей.

Я не знаю той эпохи всемірной исторіи, къ которой можно бы отнести то состояніе словенорусскихъ племенъ, въ которомъ они представляются г. Соловьеву; но только конечно не къ IX-му вѣку. Въ это время намъ извѣстны не отдѣльные роды, живущіе на своихъ мѣстахъ, безъ общенія и связи; а словенорусскій народъ, отличный отъ прочихъ славянскихъ народовъ по нарѣчью, распадающій на шесть извѣстныхъ племенъ, имѣющій свои города, свое право, свое особое язычество, свою торговлю, свои общіе и племенные интересы. Если вникнуть въ смыслъ лѣтописи, мы увидимъ что въ доваряжскій періодъ нашей исторіи принадлежатъ такія общественныя явленія, которыя

не возможны иначе какъ при соединеніи всѣхъ словенорусскихъ племенъ въ одно гражданское цѣлое. Эта исторія знаетъ при самомъ началѣ своемъ, князей, воеводъ, бояръ, княжихъ мужей, денежныя пени, налоги, пошлины, права наслѣдства; не говоря уже о тѣхъ многочисленныхъ юридическихъ постановленіяхъ и лицахъ, о которыхъ упоминается въ Русской Правдѣ и бóльшая часть коихъ была безъ сомнѣнія исконнымъ достояніемъ словенорусскаго общества. Возможны ли эти учрежденія при томъ состояніи первобытности русскихъ людей, какое предполагаетъ г. Соловьевъ? или, въ самомъ дѣлѣ, это явленія позднѣйшія? въ такомъ случаѣ должно указать на ихъ происхожденіе. Норманская школа, если и не для поясненія народнаго русскаго быта, о которомъ она никогда не заботилась, но изъ этимологическихъ видовъ, выводила князей, бояръ, тіуновъ, гридь, мечниковъ, ябетниковъ, вирниковъ, метниковъ, огнищанъ, смердовъ, людей, обла и пр. и пр., изъ скандинавскаго источника; это понятно; по крайней мѣрѣ послѣдовательно. Принимая славянскія племена въ IX-мъ вѣкѣ, за разъединенныя стада человѣкообразныхъ существъ, еще не дошедшихъ до понятій о Богѣ и о княжеской власти, она вносила къ нимъ всѣ учрежденія германо-скандинавскаго общества; даже самый скандинавскій языкъ. Конечно, все это невѣрно и даже смѣшно; но для допускающихъ норманское происхожденіе варяжскихъ князей, естественно и логически необходимо; такъ естественно и логически необходимо, что въ продолженіи ста слишкомъ годовъ, весь ученый славянскій и не славянскій міръ вѣрилъ въ норманнорусскихъ больярловъ, гирдменновъ, еингандиновъ,

лидовъ, смаердовъ, тановъ, думансовъ и т. д.; и только недавно г. Срезневскій покончилъ съ этою этимологическою мистификаціею [89]). Варягами ли (т. е. какъ увидимъ, западными Славянами) занесены къ намъ всѣ общественныя учрежденія и званія, о которыхъ упоминается въ первые два вѣка нашей исторіи? иныя конечно; но далеко не всѣ, далеко не бо́льшая часть ихъ; о подробностяхъ см. гл. IX.

Какъ на западѣ славянскія земли дѣлятся на союзы Оботритовъ и Лутичей, Моравы и Словаковъ, такъ шестиплеменная земля на востокѣ распадаетъ на Словенъ и на южную Русь. Прокопій кажется уже зналъ объ этомъ дѣленіи (см. *гл. XII*); у Нестора связь и антагонизмъ Новгорода и южной Руси проглядываютъ въ первыхъ строкахъ лѣтописи. Я старался выяснить по возможности обстоятельно это явленіе въ моихъ Отрывкахъ, стр. 31—43; на родственной и политической связи Новгорода съ Кіевомъ и выдающихся отсюда историческихъ особенностяхъ, основана вся первобытная исторія Руси. Замѣтимъ здѣсь, что уже изъ Несторова преданія о словенскомъ происхожденіи шести русскихъ племенъ, слѣдуетъ заключить о племенномъ старшинствѣ Новгорода въ русской землѣ; отъ Словенъ, по сказанію лѣтописца, принимаетъ Кіевъ сначала Аскольда, потомъ династію Рюрика; и въ обоихъ случаяхъ не въ слѣдствіе прямаго завоеванія. Еще при Всеволодѣ Георгіевичѣ (не смотря на измѣнившіяся отношенія племенъ, послѣ перенесенія великокняжескаго стола на югъ), великій Новгородъ считается старшимъ городомъ на Руси: «А Новъгородъ Великый старѣйшиньство имать княженью во всей Русьской земли» (*Лавр. 177*); историческое явленіе далеко

восходящее за эпоху призванія варяговъ. На югѣ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ о племенной враждѣ между Полянами и Древлянами; Аскольдъ и Диръ воюютъ на Древлянъ (*Соф. вр. изд. Стр. I, 13*); по смерти Игоря, Древляне домогаются власти и старшинства, посредствомъ сочетанія своего князя съ вдовою Игоря. Нѣтъ сомнѣнія, что и между прочими племенами велись кровавые споры о старшинствѣ; о подобныхъ, всѣмъ славянскимъ народамъ общихъ явленіяхъ, находимъ отголосокъ и въ позднѣйшее время: «Непротиву же Ростиславичема бьяхутся Володимерци, но не хотяще покоритися Ростовцемъ, зане молвяхуть: пожьжемъ й, пакы ли посадника въ немъ посадимъ; то суть наши холопи каменьници» (*Лавр. 159*). «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть; а здѣ городъ старый Ростовъ и Суждаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья, но како намъ любо, рекоша, тако створимъ, Володимерь есть пригородъ нашь» и пр. (*тамъ же, 160*.—Срвн. *Татищева III. 213*). И здѣсь опять древній обычай, остатокъ прежняго порядка вещей, основаннаго на древне-славянскомъ правѣ.

Труднѣе, при извѣстной скудости дошедшихъ до насъ преданій о словенорусскомъ язычествѣ, указать на слѣды нераздѣльныхъ отъ племенныхъ междоусобій, религіозныхъ распрей у русскихъ Славянъ. Въ существованіи самаго явленія не дозволяютъ сомнѣваться, какъ законы исторической аналогіи, такъ и засвидѣтельствованное лѣтописью

религіозное отличіе между славянскими племенами. Г. Буслаевъ (см. *Солов. Ист. Росс. I. Дополн. 36*) справедливо замѣтилъ, что Несторъ опредѣлительно и ясно отличаетъ три брачныхъ обычая; древлянскій (умыканіе), сѣверскій (побѣги) и полянскій (бракъ съ родительскаго согласія). Только напрасно, думаю, видитъ онъ здѣсь три ступени, три эпохи въ историческомъ развитіи брака. Поляне, Древляне, Сѣверяне, какъ одновременные поселенцы въ землѣ, какъ однокровные члены словенорусской семьи, не могутъ быть отличены другъ отъ друга по эпохамъ и періодамъ образованія; и донынѣ древлянскій обычай насильственнаго, враждебнаго умыканія сохранился у Сербовъ (*тамъ же*). Здѣсь отличіе по сектамъ, по религіознымъ обедіенціямъ племенъ, какъ у балтійскихъ Славянъ; тоже самое видимъ и въ отношеніи къ сожженію и погребенію мертвыхъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне сожигали мертвыхъ; арабскіе писатели и Левъ Діаконъ свидѣтельствуютъ объ обрядѣ сожженія у Руси X-го вѣка; другія племена держались обычая погребенія; Аскольдъ и Олегъ преданы землѣ; Игорь погребенъ Древлянами (*Лавр. 10, 16, 23*). У Вендовъ и Чеховъ оба обряда существовали одновременно (*Masch, Beiträge etc. 157. — Palacky, G. v. B. I. 183*); явленіе очевидно основанное на преобладаніи того или другаго племеннаго богопоклоненія [40]). По всѣмъ вѣроятностямъ, Кривичи принадлежали къ обедіенціи ромовскаго жреца Криве-Кривейто (см. *Касторск. начерт. Слав. мио. 64 — 66*) [41]); уже однимъ этимъ обстоятельствомъ, такъ явно свидѣтельствующимъ о значеніи какое словенорусскія племена придавали религіознымъ вопросамъ, обусловливаются и необ-

ходимыя послѣдствія этого мистическаго направленія умовъ; и при отсутствіи прямыхъ историческихъ указаній, очевидно что разнообразіе религіозныхъ обрядовъ и сектъ вызывало религіозныя усобицы на доваряжской Руси, какъ ихъ завѣдомо вызываетъ въ землѣ балтійскихъ Славянъ [42]).

Какъ теорія Шлецера о дикости, такъ теорія г. Соловьева о младенческомъ состояніи Руси въ эпоху призванія, необходимо ведетъ къ отрицанію княжеской власти у словенорусскихъ племенъ до варяговъ. Мнѣніе это, нашедшее себѣ опору въ невѣрно понятныхъ свидѣтельствахъ двухъ, трехъ иноземныхъ писателей о мнимо-демократическомъ бытѣ славянскихъ племенъ вообще, стало, вмѣстѣ съ норманскимъ происхожденіемъ Руси и призваніемъ варяжскихъ князей изъ Скандинавіи, каноническимъ догматомъ русской исторіи, отъ Шлецера до нашихъ дней; между тѣмъ, для утвержденія этого догмата, приходится, какъ сейчасъ увидимъ, отвергнуть цѣлый рядъ историческихъ фактовъ внесенныхъ въ Несторову лѣтопись; отвергнуть понятіе самаго Нестора о значеніи словъ князь, княженіе, княжить; допустить что русскіе Славяне стояли несравненно ниже всѣхъ остальныхъ славянскихъ народностей, не только по образованію, но и по самой способности къ образованію; принять наконецъ, что дикари еще неспособные къ самому понятію о княжеской власти, вдругъ почувствовали (въ соединеніи съ другими финскими дикарями) необходимость монархическаго устройства и приняли отъ Скандинавовъ, основанное на неизвѣстномъ Скандинавамъ родовомъ началѣ, нераздѣльное управленіе землею однимъ княжескимъ родомъ.

Мы привели, утвержденныя свидѣтельствомъ современ-

ныхъ писателей, доказательства древнѣйшаго существованія княжескихъ родовъ, у всѣхъ славянскихъ народовъ; въ эпоху призванія мы знаемъ у моравскихъ Славянъ, князей Ростислава, Святополка и Коцела; у Ляховъ, Пястовъ; у Чеховъ, Премыслидовъ; у Оботритовъ и Лутичей, потомковъ Дражка и Драговита; у всѣхъ княжеская власть и княжескіе роды съ временъ незапамятныхъ. Гдѣ причины предполагать невозможное отличіе въ основныхъ формахъ народной жизни, между Славянами русскими и остальными славянскими племенами? Еслибы лѣтопись не упоминала положительно о русскихъ князьяхъ до варяговъ, и тогда бы законы исторической аналогіи утвердили это основное, общеславянское явленіе и за словенорусскимъ міромъ. Но мы не имѣемъ недостатка въ положительныхъ, несомнѣнныхъ, доказательствахъ. «Но се Кій княжаше въ родѣ своемъ» говоритъ лѣтопись (*Лавр. 4*) и далѣе: «и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое», и пр. (*тамъ же, 5*); «а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю» (*тамъ же, 24*). Кій съ братьями въ Кіевѣ, князь Малъ у Древлянъ, «князья подъ Ольгомъ суще» — какъ увидимъ покорившіеся остатки прежнихъ владѣтельныхъ родовъ — явно указываютъ на существованіе у насъ, наровнѣ съ прочими славянскими племенами и при тѣхъ же конечно условіяхъ, родоваго монархическаго начала.

Шлецеръ и г. Соловьевъ, каждый по своему, толкуютъ значеніе князей и княжескаго имени въ лѣтописи Нестора.

О русскихъ князьяхъ до варяговъ, Шлецеръ даже не

помышлялъ. Онъ искалъ аналогій Руси у американскихъ дикарей, у далекарлійскихъ крестьянъ и т. д., вездѣ кромѣ славянскихъ племенъ. «Какая нужда Русскимъ, говоритъ онъ (*Нест. I, 422*), до всѣхъ мелкихъ подробностей о Мизійскихъ Болгарахъ, Моравахъ, Дунайскихъ Словенахъ, Вендахъ при балтійскомъ морѣ и пр.?» На основаніи и вслѣдствіе историческихъ понятій, выдающихся изъ примѣненія этого положенія къ изученію древнерусскаго быта, мы узнаемъ, что русскіе Славяне въ IX-мъ вѣкѣ, подобно далекарлійскимъ крестьянамъ при К. Сверрѣ, еще не знали, что такое король (*тамъ же, 306, 52*); слово князь имѣло у нихъ значеніе, не государя, а главнаго Супана, главнаго старѣйшины (*тамъ же*); въ Лаузицѣ оно вообще означаетъ почтеніе; въ нижнемъ Лаузицѣ и въ Богеміи, священникъ преимущественно называется кнезъ (*тамъ же, 308*).

Эверсъ (*Vorarb. 62. 63*) опровергалъ Шлецера примѣрами изъ св. писанія и самой лѣтописи; и въ томъ и въ другой слово князь имѣетъ постоянное значеніе греческаго ἄρχων — владыки, государя; о князьяхъ до варяговъ онъ заботился не болѣе Шлецера. Я не знаю до какой степени извѣстіе Торфея (*ap. Schloetz. A. N. G. 469*) о невѣроятной дикости Далекарлійцевъ во второй половинѣ XII-го столѣтія, понято Шлецеромъ въ его настоящемъ значеніи; но позволю себѣ замѣтить, что понятія о княжеской власти, о знаменитости рода и пр. проявляются у всѣхъ народовъ, при первомъ ихъ вступленіи на историческое поприще и нисколько не предполагаютъ необыкновеннаго развитія общественнаго образованія. Не говоря уже о народахъ древняго міра, мы знаемъ, изъ Тацита и другихъ писате-

лей, что Германцы имѣли князей и старинные княжескіе роды задолго до Рождества Христова. «Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt» (*German*. *7*). «Marcomannis Quadisque usque ad nostram memoriam reges manserunt, ex gente ipsorum, nobile Marbodui et Tudri genus» (*ibid*. *42*). «Omnim harum gentium insigne, rotunda scuta, breves gladii et erga reges obsequium» (*ibid*. *43*). Какъ Маркоманны и Квады изъ родовъ Марбода и Тудра, такъ Вандалы избирали своихъ королей изъ рода Ардинговъ; Вестготы изъ Бальтовъ, Остготы изъ рода Амаловъ. «Nam et hoc vestrae nobilitati fuisset adiectum, пишетъ Аталарикъ къ королю Вандаловъ, si inter Ardingorum stirpem retinissetis Amali sanguinis purpuream dignitatem» (*Cassiodor*. *IX*. *2*). Мнѣ допустятъ, надѣюсь, что славянское племя въ XI-мъ вѣкѣ, стояло по образованію не ниже германскаго въ первомъ. Аттиловы Гунны не отличались особенною утонченностью просвѣщенія; между тѣмъ едва ли кому войдетъ въ голову превратить Аттилу изъ царя въ оберъ-Супана или Landvärparmann'а. Что же касается до религіознаго значенія слова князь, оно не умаляетъ, а усугубляетъ его политическое значеніе. Славянскій князь былъ вмѣстѣ жрецомъ и судьею. Какъ Лехъ Воймиръ въ поэмѣ Čestmir a Vlaslav (*Rukop*. *Kralodv*. *31*), такъ у насъ Владимиръ лично приноситъ жертвы богамъ (*Лавр*. *35*). У древнихъ Грековъ временъ героическихъ достоинство жреца было неразлучно съ княжескимъ званіемъ (*Aristot*. *Polit*. *3*. *9*. *7*); о готскомъ королѣ Комозикѣ читаемъ у Іорнанда: «hic etenim et rex illis et pontifex ob suam peritiam habebatur et in sua justitia populos judicabat» (*ap*. *Grimm*,

8*

DRA. I. 243, 244). «Слово князь, говоритъ Эверсъ (*Vorarb. 63*), является безъ числа въ лѣтописи Нестора и при различныхъ сочетаніяхъ, но никогда не означаетъ оберегателя границъ, молодаго дворянина или попа» [48]).

Г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, 211—214*) именуетъ прежнихъ князей до варяговъ родоначальниками, старшинами, князьями племенъ; достоинство старшинъ у Славянъ, говоритъ онъ, не было наслѣдственно въ одной родовой линіи, т. е. не переходило отъ отца къ сыну; боярскіе роды не могли произойти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ (у Нестора князей) по ненаслѣдственности этого званія; вотъ почему славянскіе князья исчезаютъ съ приходомъ князей варяжскихъ и пр. Единственная причина, по которой словенорусскіе князья до варяговъ представлены у г. Соловьева какими то ненаслѣдственными старшинами - родоначальниками, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что, по его мнѣнію, старшинство ихъ не было наслѣдственно въ въ одной линіи, не переходило отъ отца къ сыну, какъ въ бытѣ клановъ; «у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линіи рода были равны относительно старшинства, каждый членъ каждой линіи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству» (*212*). Это, впрочемъ совершенно правильное представленіе княжескихъ отношеній и правъ на доваряжской Руси, очевидно взято г. Соловьевымъ изъ примѣра отношеній между князьями Рюрикова дома въ XI, XII и послѣдующихъ вѣкахъ; и у нихъ старшинство не переходило отъ отца къ сыну, не было наслѣдственно въ одной родовой линіи; слѣдуетъ ли отсюда

превращать ихъ въ ненаслѣдственныхъ старшинъ? гдѣ отличіе между прежними князьями и Ярославичами, Ольговичами, Мономаховичами? или одно и тоже проявленіе родоваго начала въ бытѣ доваряжскихъ и варяжскихъ князей, принимаетъ по надобности названіе «ненаслѣдственности старшинъ» или «права князей на дѣдовское наслѣдство»? (*Солов. Отнош. 33*). Одно изъ двухъ: или прежніе князья были временными, на извѣстный срокъ или пожизненно избираемыми старшинами, безъ вниманія къ роду и происхожденію, какъ въ наше время президенты соединенныхъ штатовъ; или они были наслѣдственными князьями въ славянскомъ значеніи этого слова, въ смыслѣ Премыслидовъ, Пястовъ, Рюриковичей. Мы видѣли наслѣдственныхъ, однородныхъ князей у всѣхъ славянскихъ племенъ, съ временъ незапамятныхъ; Константинъ говоритъ довольно ясно о Славянахъ временъ Василія: «principes ipsis ex eadam stirpe fiunt, et non ex alia». Обратимся къ Нестору. Только въ двухъ мѣстахъ лѣтописи говоритъ онъ прямо о князьяхъ до Рюрика: «но се Кій княжаше въ родѣ своемъ» — «и по сихъ братьѣ почаша родъ ихъ держати княженье въ Поляхъ, въ Деревляхъ свое» и пр. Мнѣ кажется эти слова не допускаютъ двухъ толкованій, особенно если къ нимъ примѣнить то спеціальное, строго опредѣленное значеніе, какое всегда имѣютъ у лѣтописца выраженія князь и княжить (см. *слѣд. главу*); здѣсь передъ нами уже конечно не ненаслѣдственные старшины, а князья, княжескіе роды въ полномъ смыслѣ этихъ выраженій во всѣхъ мѣстахъ лѣтописи, у всѣхъ славянскихъ народовъ. Не иначе понимали сказаній Нестора и позднѣйшіе составители лѣто-

писей; особенно замѣчательна такъ называемая густинская лѣтопись, по вѣрности взгляда на его опредѣленіе доваряжской Руси (см. *Прибавл. къ Ипат. л. 234*).

Представителемъ значенія въ лѣтописи и въ исторіи доваряжскихъ князей на Руси, является древлянскій князь Малъ, около половины X-го вѣка. Онъ не Норманнъ, не варягъ; онъ единственный, намъ извѣстный по имени, не покорившійся вяряжской династіи князь, отъ прежнихъ словенорусскихъ князей. Г. Соловьевъ не признаетъ его княземъ всей древлянской земли; «по всему видно, говоритъ онъ, что онъ былъ князь Коростенскій только, что въ убіеніи Игоря участвовали одни Коростенцы подъ преимущественнымъ вліяніемъ Мала, остальные же Древляне приняли ихъ сторону послѣ, по ясному единству выгодъ; на то прямо указываетъ преданіе; «Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея». Малу, какъ главному зачинщику, присудили жениться на Ольгѣ; но, повторяемъ, ниоткуда не видно, чтобъ онъ былъ единственнымъ княземъ всей Древлянской земли; на существованіе другихъ князей, другихъ державцевъ земли, прямо указываетъ преданіе въ словахъ пословъ Древлянскихъ: «наши князи добри суть, иже распали суть Деревьску землю»; объ этомъ свидѣтельствуетъ и молчаніе, которое хранитъ лѣтопись относительно Мала во все продолженіе борьбы съ Ольгою» (*Ист. Росс. I, 53*). Что именно хотѣлъ сказать г. Соловьевъ этимъ не совсѣмъ понятнымъ объясненіемъ, угадать мудрено; по всему видно, что Несторовъ Малъ никакъ не ложился въ принятое имъ представленіе о доваряжскихъ князьяхъ на Руси. Одни Коростенцы,

говорить онъ, участвовали въ убіеніи Игоря, подъ вліяніемъ Мала? но не всѣ же Древляне, отъ перваго до послѣдняго, могли убивать кіевскаго князя, въ одно данное время. Ольга пошла на Коростень? но куда же ей было идти? Слова древлянскихъ пословъ доказываютъ, существованіе, кромѣ Мала, другихъ князей, державцевъ древлянской земли? безъ сомнѣнія. Какъ Изяславъ Ярославичь не былъ единовластцемъ въ русской землѣ, а только кіевскимъ т. е. старшимъ русскимъ княземъ, такъ и коростенскій князь Малъ, въ отношеніи къ прочимъ древлянскимъ князьямъ, своимъ родичамъ. Исторія Мала свидѣтельствуетъ до очевидности, какъ о старшинствѣ Коростеня между древлянскими городами («что хочете досѣдѣти? говоритъ Ольга Коростенцамъ; а вси гради ваши предашася мнѣ» *Лавр. 25*), такъ и о старшинствѣ Мала передъ прочими князьями—родичами древлянской земли. Древляне, посланные къ Ольгѣ, договариваются отъ имени всей древлянской земли, не одного Коростеня. «Посла ны Деревьска земля, рькуще сице: мужа твоего убихомъ, бяще бо мужь твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да пойди за князь нашь за Малъ; бѣ бо имя ему Малъ, князю Дерьвьску» (*тамъ же, 24*). Не знаю, можно ли выразить яснѣе понятіе о Малѣ, какъ о старшемъ въ родѣ древлянскихъ князей [44]). Что слова «а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю» относятся къ одному, опредѣленному древлянскому княжескому роду, разумѣется само собою. Сказаніемъ о Малѣ объясняется прежде выведенное о доваряжскихъ князьяхъ вообще: «и по сихъ братьѣ

почаша родъ ихъ держати княженье въ Поляхъ, въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое» и пр. Мысль лѣтописца ясна; ея выраженія опредѣленны; никакая софистическая изворотливость не возможетъ противъ положительно засвидѣтельствованнаго Несторомъ существованія на Руси до варяговъ, наслѣдственныхъ князей и княжескихъ родовъ, наровнѣ съ другими славянскими племенами.

Были ли русскіе князья до варяговъ членами одного рода, какъ у Оботритовъ и Лутичей въ VIII—XII вѣкахъ, какъ Премыслиды у Чеховъ, какъ въ послѣдствіи у насъ Рюриковичи? При началѣ вѣроятно; эпоха призванія застаетъ княжескіе роды уже въ полномъ разстройствѣ. Несомнѣнно кажется дѣленіе Руси на два родовыхъ княжескихъ центра (такъ было и у вендскихъ Славянъ), соотвѣтствующихъ ея древнѣйшему племенному дѣленію на Словенъ и на собственную южную Русь. Въ слѣдствіе недошедшихъ до насъ и, вѣроятно, до самаго Нестора историческихъ переворотовъ, каждое изъ южныхъ племенъ является у него уже отдѣльнымъ княженіемъ; мы видимъ тоже самое и на Руси XIII-го столѣтія; Русь раздѣляется на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей (см. *Солов. Отнош. вступл. VI*). Сѣверный центръ обозначенъ яснѣе по волостямъ. Я повторяю, съ надлежащими по моему мнѣнію объясненіями, слова лѣтописца: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Соловѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое (т. е. Словене держали другое княженіе) на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же

(т. е. отъ Словенъ же имѣли свое княженіе) Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и наверхъ Двины, и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи, таже Сѣверъ отъ нихъ» (т. е. отъ Словенъ, *Лавр. 5*).

Этихъ словъ нельзя кажется понять иначе, ни въ грамматическомъ, ни въ историческомъ смыслѣ. Шлецеръ переводитъ неправильно и произвольно. Онъ говоритъ: «также Дреговичи, Словене новгородскіе и Полочане, сѣдящіе на Полотѣ, имѣли каждый свое особое княженіе» (*Нест. Шлец. I. 187*). Слова «и другое на Полотѣ» относятся очевидно къ Словенамъ; одно княженіе въ Новгородѣ, другое въ землѣ Полочанъ, вотъ смыслъ Несторовыхъ словъ. Иначе ему слѣдовало бы сказать: «А Полочане свое на Полотѣ».

Далѣе у Шлецера: «отъ сихъ (въ сторону?) сидятъ Кривичи на Двинѣ» и пр. У Нестора сказано: «отъ нихъ же Кривичи иже сѣдять». По какому праву выпускаетъ Шлецеръ слово иже? между тѣмъ, все значеніе Несторовой мысли заключается въ этомъ словѣ. Отъ Словенъ же, говоритъ онъ, имѣли свое княженіе и остальные Кривичи, тѣ что сидятъ наверхъ Волги и пр., т. е. Кривичи смоленскіе. Кривичи у Нестора дѣлятся на полоцкихъ («а первіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи» и пр.) и Смоленскихъ. Кривичи полоцкіе, тѣ же Словене, какъ по происхожденію, такъ по языку и по имени; они стоятъ въ лѣтописи подъ именемъ Полочанъ, въ числѣ племенъ говорящихъ особымъ словенскимъ нарѣчіемъ; смоленскіе, вѣроятно смѣшанные съ Литвою или ляшскими племенами,

не упоминаются въ исчисленіи шести словенскихъ племенъ; новое доказательство въ пользу вышеприведеннаго мнѣнія Касторскаго, что имя Кривичей не этнографическое, а служило отличіемъ тѣхъ племенъ на Руси, которыя въ религіозномъ отношеніи, признавали власть ромовскаго жреца Криве-Кривейто. Полоцкіе Кривичи (вѣрнѣе Полочане) единоплеменники Словенъ Новгородцевъ, участвуютъ въ призваніи варяжскихъ князей; Труворъ садится въ ихъ старшемъ городѣ Изборскѣ «а то нынѣ пригородокъ Псковскій, а тогда былъ въ Кривичехъ большій городъ» (*Арханг. сп. у Шлецера, Нест. I, 330*). Мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода принимать, ни старѣйшинство Полоцка передъ Изборскомъ, ни завоеванія Синеусомъ Мери и Муромы; Труворомъ Полоцка (*Солов. Ист. Росс. I, 97.*—срв. *Schafar. Sl. Alt. II. 77*). Это мнѣніе основано единственно на опущеніи въ лѣтописи Мери и Муромы въ числѣ призывавшихъ племенъ; Полоцка въ числѣ городовъ Рюрика, Синеуса и Трувора, въ первую минуту призванія. Но если придерживаться буквально словъ лѣтописца, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ ясно выражается въ общемъ смыслѣ, какимъ образомъ объяснить его молчаніе объ Изборскѣ, въ числѣ городовъ, перешедшихъ къ Рюрику послѣ Трувора? Всѣ эти города, иные какъ чисто-словенскіе, таковы Изборскъ, Псковъ, Полоцкъ; другіе, какъ словенскія поселенія въ финскихъ земляхъ: Бѣлоозеро, Ростовъ, Муромъ, входятъ въ составъ сѣверныхъ волостей и по смерти двухъ братьевъ, поступаютъ въ единую власть старшаго, Рюрика. «По дву же лѣту Сунеусъ умре, и братъ его Труворъ, и пріа власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ;

овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро» (*Лавр. 9*). О смоленскихъ Кривичахъ, мы знаемъ навѣрное, что они не участвовали въ призваніи и Рюрикъ не сажаетъ у нихъ своихъ мужей; что между тѣмъ ихъ земля была дѣйствительно удѣломъ новгородскаго княженія, видно не только изъ словъ лѣтописи «отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги» и пр., но также изъ дѣйствій Олега и преданія Несторова: «поиде Олегъ... и приде къ Смоленьску съ Кривичи (разумѣется полоцкими) и прія градъ, и посади мужь свой» (*Лавр. 10*). Выраженіе прія не допускаетъ мысли о завоеваніи; такъ выше «и прія власть Рюрикъ»[45]). Замѣчаніе лѣтописца «и приде къ Смоленьску съ Кривичи» указываетъ на добровольную сдачу; вѣроятно смоленскіе Кривичи состояли къ полоцкимъ, въ отношеніяхъ младшаго племени къ старшему. Олегъ принялъ Смоленскъ отъ имени и по праву новгородскаго (въ тѣснѣйшемъ смыслѣ полоцкаго) княжича Игоря.

Наконецъ у Шлецера: «На Сѣверъ отъ нихъ у Бѣлаозера сидитъ Весь» и пр. (*Нест. Шлец. I. 187*). Здѣсь, посредствомъ произвольной пунктуаціи, Шлецеръ соединяетъ, не менѣе произвольно, два совершенно отдѣльныхъ предложенія, а подъ словомъ «Сѣверъ» разумѣетъ ошибочно «на сѣверъ». Я замѣчаю: 1) Несторъ всегда упоминаетъ о Сѣверянахъ, въ исчисленіи словенскихъ племенъ; опущеніе ихъ въ этомъ мѣстѣ было бы непонятно; 2) «таже Сѣверъ отъ нихъ» по русски не значитъ «на сѣверъ»; 3) какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ за нимъ тотчасъ мѣстѣ, Сѣверяне означены подъ собирательною формою, «Сѣверъ»: «Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: По-

ляне.... Сѣверъ» и пр. (*Лавр. 5*). Изъ Несторовыхъ словъ должно заключить, что въ прежнія времена, Сѣверяне принадлежали къ новгородскому княжеству, т. е. что ихъ область была волостью княжескаго рода, имѣвшаго свой столъ въ Новгородѣ. Имя Сѣверянъ указываетъ на сѣверную колонію; Новгородъ Сѣверскій такъ названъ въ память о великомъ Новгородѣ. При повѣствованіи о разселеніи племенъ, Сѣверяне также приводятся въ связь съ Новгородцами; Несторъ какъ бы указываетъ на нихъ, въ смыслѣ словенской (новгородской) колоніи: «Словѣни же сѣдоша около езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ, а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ» (*Лавр. 3*). Въ обоихъ мѣстахъ упоминается о Сѣверянахъ, не по географическому ихъ положенію, послѣ Полянъ и Древлянъ, но по родственному, послѣ Новгородцевъ-Словенъ. Не случайнымь образомъ соединяетъ лѣтописецъ Сѣверянъ и въ религіозномъ отношеніи, съ ляшскими племенами, Радимичами, и Вятичами. «И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху», а о сожженіи мертвыхъ «еже творятъ Вятичи и нынѣ» (*Лавр. 6*). Сѣверяне были отъ Новгородцевъ; а Новгородъ, какъ увидимъ, состоялъ уже задолго до Рюрика въ особыхъ отношеніяхъ къ вендскому западу. И въ послѣдствіи, Вятичи принадлежали къ черниговскому (сѣверскому) княжеству (*Солов. Ист. Росс. I, 73*). По всему видно, что Нестору были хорошо извѣстны отношенія княженій и племенъ на доваряжской Руси. Вполнѣ вѣрно замѣчаетъ по этому предмету г. Срезневскій: «на правахъ древнихъ княжескихъ родовъ основано первое дѣ-

ленie Руси на волости; въ родѣ Рюрика оно только повторилось, уже утвержденное древнимъ обычаемъ» (*Мысли объ ист. р. яз. 141*).

Какъ на западѣ, такъ и у насъ, основанное на патріархальномъ началѣ господство княжескихъ родовъ, должно было непремѣнно вести къ усобицамъ княжескимъ. Мы уже видѣли, что объ этихъ усобицахъ, какъ объ общеславянскомъ фактѣ, свидѣтельствуютъ всѣ иноземные писатели; приведенныя выше слова императора Маврикія (какъ все что касается до Антовъ) относятся преимущественно къ русскимъ Славянамъ. Объ этихъ усобицахъ сохранилось преданіе и въ позднѣйшее время. «Не можемъ знати, въ кая времена и лѣта княжаше сей Кій, и колько лѣтъ княжи, и какова дѣла и строенія и брани его быша, или кто по немъ княжи, имѣяше ли сына, или нѣ, и колико лѣтъ по немъ премину до великаго князя Рурика, его же бояре Аскольдъ и Диръ княжаху въ Кіевѣ; о томъ бо писанія не имамы, токмо се вѣмы, яко по смерти сихъ братій многая нестроенія и междособныя брани быша, возста бо родъ на родъ» (*Густинск. л. 234*). Несторъ зналъ разумѣется болѣе составителя густинской лѣтописи объ эпохѣ до Рюрика, по крайней мѣрѣ по народнымъ преданіямъ, пѣснямъ и пр., и если его лѣтопись не представляетъ намъ подробностей о бытѣ и объ отношеніяхъ прежнихъ князей, это должно отнести не къ одному невѣденію лѣтописателя. Сухость извѣстій, а иногда и умышленное его молчаніе о княжескихъ родахъ до варяговъ понятны; новая династія боялась воспоминаній и переворотовъ. Какъ у подозрительныхъ Грековъ, такъ и у насъ не терпѣли князей изъ чужаго

рода: «Cum Haraldus Constantinopolim venit, verum nomen dissimulans, Nordbriktum se vocavit, neque vulgo constabat, eum regio genere ortum esse; in ea enim terra cautum erat, ne quibus exterorum regum filiis ibi morari, aut cum imperio esse liceret» (*hist. Harald. sev. cap. 3*). «Lex fuit in Gardarikia, quae vetuit, ne quis, regio sanguine ortus, ibi se contineret, nisi permittente rege» (*hist. Ol. Tr. f. cap. 47*). Изъ благочестія Несторъ молчитъ о язычествѣ; изъ осторожности о прежнихъ князьяхъ, о судьбѣ постигшей Мала и древлянскій княжескій родъ, послѣ Ольгиной мести и пр. Преданіе о Вадимѣ и о возстаніи Новгородцевъ, дошло до насъ только въ одномъ, позднѣйшемъ спискѣ лѣтописи.

Ни законы историческихъ аналогій, ни положительное свидѣтельство нашихъ лѣтописей, ни, какъ увидимъ, самый ходъ и развитіе начальной русской исторіи, не допускаютъ уединенія словенорусскихъ племенъ отъ общихъ органическихъ условій славянской жизни. Шлецеръ удивлялся какимъ образомъ Шторхъ, ученый человѣкъ, свѣдущій въ нѣмецкой словесности, могъ напасть не только на неученую, но и уродливую мысль о торговли Россіи съ востокомъ въ VIII столѣтіи, мысль, говоритъ онъ, которая конечно опровергала бы все, что до сихъ поръ о ней (о Россіи) думали (*Нест. Шлец. I, 389*). Намъ извѣстно теперь, что эта торговля восходитъ не къ VIII-му, а къ VII-му столѣтію, а можетъ быть и далѣе. Что арабскія монеты въ отношеніи къ торговлѣ, то самое въ отношеніи къ гражданскому развитію и быту доваряжской Руси, ея непремѣнная аналогія съ остальными славянскими племенами, засви-

дѣтельствованныя въ ней лѣтописью общеславянскія гражданскія учрежденія, положительныя указанія Нестора на существованіе княжескихъ родовъ въ древней Руси, ходъ и развитіе русской исторіи въ послѣдующія эпохи. Отвергать совокупность этихъ явленій также невѣрно, какъ представлять наше древнее язычество еще неразвившимся до поклоненія богамъ; Перунъ и Волосъ въ миѳологіи имѣютъ значеніе Кія и Мала въ исторіи; г. Соловьевъ, не допускающій князей на Руси до варяговъ, не имѣетъ права отвергать, основаннаго на его же ученіи, мнѣнія г. Кавелина объ отсутствіи у нашихъ предковъ-язычниковъ понятія о богахъ и ѳеогонической системы. Вообще всѣ эти представленія о дикости и младенчествѣ древнихъ, осѣдлыхъ народовъ берутъ свой источникъ въ ложномъ понятіи о законахъ нравственнаго организма человѣка, въ невѣрной точкѣ сравненія прошедшаго времени съ настоящимъ. Грекамъ временъ Гомера было неизвѣстно письмо; между тѣмъ герои троянской войны не были ни Ирокойцами, ни Альгонкинцами. Осѣдлое русское племя, имѣвшее города и торговлю (несравненно болѣе развитую чѣмъ остальныя славянскія племена), не могло въ органическомъ развитіи своемъ, отстать на нѣсколько столѣтій, отъ прочихъ ему однокровныхъ народностей. Какъ у нихъ, такъ и на Руси, патріархальному началу слѣдовало проявиться (и оно дѣйствительно проявляется) съ одной стороны, въ особомъ значеніи родоваго и племеннаго старшинства, вызывающемъ вражды племенныя и религіозныя; съ другой, въ утвержденномъ на понятіяхъ о родовой собственности, значеніи княжескихъ родовъ и власти, вызывающемъ усобицы княжескія.

Послѣ всего сказаннаго до сихъ поръ о характерѣ словено-русскаго быта до варяговъ, мы считаемъ себя въ правѣ заключить: будь призваніе князей проявленіемъ, въ словено-русскихъ племенахъ, потребности перехода отъ родоваго или, какъ другіе хотятъ, общинно-семейнаго быта въ гражданскій, слѣды этого перехода отозвались бы въ каждой строкѣ лѣтописи; но гдѣ они? Гдѣ намёкъ на Рюрика, Олега, Игоря, Святослава какъ на миротворцевъ, посредниковъ между враждующими родами или общинами? Какъ до Рюрика, такъ и при князьяхъ варяжской династіи, начальная исторія знаетъ одни только племена. Ольга идетъ по древлянской и новгородской землѣ, уставляя уставы, уроки и дани; о примиреніи родовъ, общинъ, старѣйшинъ нѣтъ и помину. Представленіе какое иные изъ нашихъ изслѣдователей себѣ составили о внутреннемъ устройствѣ доваряжской Руси, взято, по ихъ собственному сознанію, изъ примѣровъ позднѣйшаго времени, указывающихъ, говорятъ они, на древній бытъ племени, а не на послѣдующія нововведенія (*Бѣляевъ*, *Русск. земля предъ приб. Рюрика*, *75*). Но по ученію тѣхъ же изслѣдователей, варяжскіе князья призваны именно для нововведеній. Находя на Руси XII—XIII столѣтій тѣ самыя учрежденія, для безотлагательной отмѣны которыхъ Новгородцы и Полочане рѣшились на призваніе князей отъ враждебнаго скандинавскаго племени, мы въ правѣ предположить что необходимость наряда, какъ цѣль, мало отвѣчала отчаянной попыткѣ сѣверныхъ общинъ, какъ средство. Варяжскіе династы не только не касаются коренныхъ постановленій словено-русскаго общества, но еще при первой возмож-

ности подчиняются добровольно его основнымъ законамъ; Святославъ дѣлитъ русскую землю между своими дѣтьми, на общихъ всѣмъ славянскимъ народамъ правахъ княжескихъ родовъ. Гдѣ же новый элементъ внесенный варягами въ русскую жизнь? Гдѣ отличіе во внутреннемъ бытѣ восточныхъ племенъ до варяговъ и при варяжскихъ князьяхъ?

Я не отрицаю присуствія родоваго начала въ коренныхъ явленіяхъ древне-русскаго быта; это начало живетъ и донынѣ въ исконныхъ учрежденіяхъ славянскаго міра. Но между началомъ и бытомъ есть рознь; первое допускаетъ даже противорѣчащія ему постановленія общегражданскаго свойства; при исключительно родовомъ или исключительно общинномъ бытѣ, не можетъ быть рѣчи ни о сословіяхъ (а они были: бояре, гридь, огнищане); ни о городахъ, какъ отдѣльныхъ центрахъ, при особомъ значеніи племеннаго и религіознаго старшинства; ни о наслѣдственности въ родахъ княжескихъ и т. п. Вообще жизнь народовъ явленіе сложное, не удобоподводимое подъ какой нибудь предвзятый теоретическій уровень; всего менѣе здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о народѣ древнемъ, земледѣльческомъ, бывшемъ, какъ думаютъ не безъ основанія, еще до Геродота въ близкихъ сношеніяхъ съ греческими поселенцами Черноморія. Ни въ какомъ случаѣ, а для насъ это главное, сказаніе лѣтописи о призваніи князей не найдетъ себѣ поясненія въ навязываемыхъ Славянамъ и Финнамъ искуственныхъ побужденіяхъ; по ученію норманнистовъ, варяги призваны для обереганія Славянъ и Чюди отъ нападеній балтійскихъ пиратовъ и они не оберегаютъ ихъ ни отъ

какихъ нападеній; по ученію приверженцевъ родоваго и общиннаго устройства, они призваны миротворцами между родами и общинами; и они не мирятъ никакихъ родовъ или общинъ.

Слова лѣтописца «и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся» представляютъ живую, всеславянскому историку знакомую картину того состоянія броженія и смутъ, откуда вышло призваніе новой династіи князей. По мѣрѣ размноженія прежнихъ княжескихъ родовъ, при недостаткѣ образованія и письменности, терялась нить старшинства и вмѣстѣ съ нею идея законности; пользуясь враждами племенъ, разжигаемыми до нельзя притязаніями одного города передъ другимъ, на родовое и религіозное старшинство, князья находили въ нихъ неисчерпаемый предлогъ къ усобицамъ; сами же, при неясности своихъ правъ и выдающейся отсюда шаткости княжеской власти, постепенно теряли въ глазахъ народа свое значеніе, какъ владѣльцевъ земли. Нѣтъ сомнѣнія, что вражды племенъ и междоусобія князей имѣли мѣсто и при варяжской дани; Норманны и Германцы, бравшіе временныя дани съ вендскихъ Славянъ, Хазары на южной Руси, Монголы въ XIII — XIV столѣтіяхъ, не вступались во внутреннее управленіе покоренныхъ ими земель; изгнаніе варяговъ было, по всѣмъ вѣроятностямъ, нечѣмъ въ родѣ избіенія татарскихъ баскаковъ въ Твери, при князѣ Александрѣ Михаиловичѣ. Между тѣмъ, понятно, что первое упоеніе торжества надъ иноплеменниками, обнаружилось новымъ разгаромъ страстей въ князьяхъ и въ народѣ, новыми при-

тязаніями на старшинство родовъ, племенъ и князей; изъ этого хаотическаго состоянія, новгородская держава могла выдти только передачею княжескихъ правъ въ новую княжескую династію.

Эта мысль, этотъ фактъ не представляются явленіемъ безпримѣрнымъ въ исторіи славянскихъ народовъ. Наша лѣтопись полна извѣстій объ изгнаніи (особенно Новгородцами) одного князя, для замѣщенія его другимъ; мы знаемъ, что у вендскихъ Славянъ, въ случаѣ несоблюденія княземъ основныхъ законовъ государственнаго устройства, народъ считалъ себя въ правѣ отрѣшать его отъ стола. Въ 819 году, по настоянію оботритскихъ бояръ и нарочитыхъ мужей, императоръ Людовикъ осудилъ оботритскаго князя Славомира къ изгнанію, передавъ всѣ права его Сидрагу Дражковичу (*Einhard. Annal. ad ann. 819*). Въ 823 году, Лутичи изгоняютъ своего старшаго князя Милогостя и сажаютъ на великокняжескій столъ меньшаго, Сидрага Любовича: «Sed cum is (sc. Meligastus) secundum ritum gentis commissum sibi regnum parum digne administraret, illo abiecto juniori fratri regium honorem detulerunt» (*ibid. ad ann. 823*). Еще въ 762 году, уже ославянившіеся Болгары истребивъ, до послѣдняго отпрыска, свой древнекняжескій родъ Кубратичей, избираютъ себѣ въ князья (впрочемъ ими также вскорѣ убитаго) Тальца (Τελέτζις). Объ изгнаніи Новгородцами, Полочанами и т. д. прежнихъ князей, какъ предшествовавшемъ призванію варяжскихъ, я надѣюсь представить положительныя по возможности доказательства, въ слѣдующей главѣ.

Теперь чего искали Словене въ своихъ новыхъ князь

яхъ, куда должны были обратиться для избранія новой династіи? Требованія призванія опредѣляются его причинами. Притязанія прежнихъ княжескихъ родовъ прекращались только передачею правъ ихъ въ иной, высшій по своему значенію въ Славянщинѣ, родъ славянскихъ князей; потребности наряда могло удовлетворить только призваніе князя, который бы владѣлъ словенскою землею и судилъ по праву, разумѣется словенскому. «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Таковымъ не могъ быть никто изъ южныхъ князей; Новгородъ былъ старшимъ городомъ, его князья старшими князьями въ Руси; никто изъ князей неславянскаго происхожденія, ибо старшинство или благородство иноземнаго князя не имѣло смысла для словенскихъ племенъ; судить же по словенскому праву, могъ очевидно только славянскій князь, вскормленный на основныхъ законахъ славянской гражданственности. «Совѣтъ даю вамъ, говоритъ новгородскій старѣйшина, да послѣте вРуськую землю мудрые мужи, и призовете князя отъ тамо сущихъ родовъ» (*В. Алат. сп. у Шлец. Нест. I, 278*). Еслибы не исторія и народное преданіе, историческая логика указала бы на поморскихъ князей.

IV.

ПРИЗВАНІЕ.

Что въ IX-мъ вѣкѣ новгородскіе Словене уже издавна были въ сношеніяхъ съ прибалтійскими Вендами, болѣе чѣмъ вѣроятно. Клады куфическихъ монетъ отрываемые въ прибалтійскихъ земляхъ, отъ Любека до Куришгафа, доказываютъ положительно, что въ IX, а быть можетъ и въ VIII столѣтіи, между полабскими Славянами и дальнимъ востокомъ существовалъ торговый союзъ, коего посредниками были Русь, Хазары и Болгаръ (срвн. *Giesebr. W. G. I. 23.* — *Barthold*, *Gesch. v. Rüg. u. Pomm. I. 500—504*). Объ этихъ сношеніяхъ, въ позднѣйшее время, свидѣтельствуютъ Мартинъ Галлъ (*prooem.*), Адамъ бременскій (*cap. 66.*) и другіе; безъ нихъ непонятны извѣстія арабскихъ писателей о вендскихъ Славянахъ; двинскій варяжскій путь относится прямо къ торговому сообщенію между Русью и балтійскимъ поморіемъ. Другимъ поводомъ къ сношеніямъ Новгорода съ Поморіемъ, было вѣроятно религіозное первенство балтійскихъ Вендовъ надъ прочими славянскими племенами; мы знаемъ изъ Гель-

мольда, что на поклоненіе идолу Радегаста въ Ретрѣ, стекались ежегодно изо всѣхъ славянскихъ земель: «Siquidem Riaduri sive Tolenzi, propter antiquissimam urbem et celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Radigast ostenditur, regnare volebant, adscribentes sibi singularem nobilitatis honorem, eo quod ab omnibus populis Slauorum frequentaretur, propter responsa et annuas sacrificiorum impensiones» (*I. cap. XXI*). Еще въ концѣ XI-го столѣтія, Чехи посылали тайнымъ образомъ въ Аркону и Ретру, за языческими наставленіями и оракулами (*Palacky, G. v. B. I. 336*). Каченовскій и Погодинъ (*Изслѣдов. III, 413*) думали о колонизаціи Новгорода отъ балтійскихъ Славянъ; мы увидимъ ниже, что поселеніе, еще задолго до Рюрика, вендской колоніи въ Новгородѣ имѣетъ неоспоримую историческую вѣроятость [46]).

Мы положили конечнымъ требованіемъ и цѣлью призванія, высокое рожденіе избранныхъ варяжскихъ князей. Уваженіе къ благородству и старшинству уже само по себѣ необходимое слѣдствіе патріархальныхъ формъ быта; оно проявляется основною чертою славянскаго характера, во всѣхъ славянскихъ исторіяхъ. «Но се Кій княжаше въ родѣ своемъ»—«вы нѣста князя, ни рода княжа, говоритъ Олегъ Аскольду и Диру, но азъ есмь роду княжа» (*Лавр. 4, 10*). Митрополитъ Иларіонъ о Владимирѣ: «Сій славный отъ славныхъ рожьдся, благородный отъ благородныхъ, каганъ нашъ Владимеръ» (*Твор. св. отц. годъ 2-й, кн. II, стр. 8*). Знаменитые роды у Чеховъ восходятъ къ временамъ доисторическимъ, къ первому поселенію племени въ Чешской землѣ: Chrudoš, Staglaw—oba bratri, oba Kleno-

wica, roda stara Tetwy Popelowa, jenže pride s pleky s Čechowými, v seže žirne vlasti preš tri řeky» (*Ruk. Kralodv. 62. — См. также hist. convers. Carantan. ap. Kopitar. Glagol. Cloz. LXXV*). О высомъ значеніи племеннаго благородства и знаменитости родовъ у прибалтійскихъ Славянъ, знаютъ уже лѣтописцы VIII и IX вѣка; такъ Эйнгардъ о Драговитѣ: «Dragawit.... ceteris Wilzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe praeminebat» (*Annal. ad ann. 789*). «Et venerunt reges terrae illius cum rege eorum Tragwito» (*Annal. Lauresham. ad ann. 789*). Князья и бояре (principes, optimates, barones, suppani, nobiles, primores populi) встрѣчаются у Вендовъ, съ первыхъ годовъ ихъ исторіи. Само собою разумѣется, что значенію и благородству князей отвѣчало религіозное значеніе и старшинство городовъ и племенъ; какъ у языческихъ Чеховъ, такъ кажется и у насъ, достоинство жрецовъ было наслѣдственно въ родахъ княжескихъ; мы видѣли, что у многихъ славянскихъ народовъ, слово kněž было первоначально общимъ наименованіемъ жреца и князя (срвн. *Palacky, G. v. B. I. 167*). Изъ сказаннаго выше о религіозномъ первенствѣ балтійскихъ Славянъ надъ прочими славянскими племенами, выдается и преимущество вендскихъ князей передъ русскими; на нихъ долженъ былъ пасть выборъ новгородскихъ Словенъ, если-бы его не оправдывали и самая близость сношеній и—какъ уже сказано, вѣроятная родственная связь между Новгородомъ и Поморіемъ.

Не на однѣхъ вѣроятностяхъ и возможностяхъ, мнѣніе о призваніи варяжскихъ князей отъ балтійскихъ Славянъ,

основано (кромѣ фактическихъ доказательствъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ), на историческихъ преданіяхъ, на убѣжденіи лѣтописца, его современниковъ и потомства.

Какъ въ концѣ XI-го столѣтія Аркона и Руя, такъ въ половинѣ IX-го, Старгардъ и оботритское племя Вагировъ имѣли первенство во всей славянской землѣ. «Tales autem in eis (Wagiris), говоритъ Гельмольдъ, quandoque reguli fuisse probantur, qui omni Obotritorum, sive Kycinorum et eorum qui longe remotiores sunt dominio fuerint potiti» (*I. cap. XII*). Выраженіе «et eorum qui longe remotiores sunt» не можетъ быть отнесено ни къ одной изъ сосѣднихъ Оботритамъ славянскихъ народностей; самая легендарная форма повѣствованія говоритъ о фактѣ необычайномъ, давно прошедшемъ, о столкновеніи съ дальнею, уже отчуждившеюся отъ балтійскаго поморія народностію. Гельмольдъ жилъ и писалъ у Вагировъ; онъ называетъ ихъ землю «nostra Wagirensis provincia» (*I. cap. 2*); онъ знаетъ о Славянахъ по славянскимъ преданіямъ; въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «narrant seniores Slavorum, qui omnes Barbarorum gestas res in memoria tenent» etc. (*ibid. cap. 14*). Конечно, это извѣстіе объ обладаніи родомъ вагирскихъ князей, землею дальняго народа, какъ относящееся къ призванію варяговъ, есть намёкъ и не болѣе; но при другихъ историческихъ вѣроятностяхъ, такой намёкъ получаетъ историческое значеніе; онъ знаменателенъ и въ сравненіи съ извѣстнымъ молчаніемъ скандинавскихъ сагъ и исторій о мнимо-норманскомъ происхожденіи варяжскихъ князей.

Еще другое темное преданіе о выселеніи цѣлаго рода славянскихъ князей, изъ балтійскаго поморія въ глубину европейскаго материка, сохранилось у арабскаго писателя Эдриси, извѣстнаго подъ названіемъ нубійскаго географа: «Tota haec prima pars Climatis septimi est mare tenebrosum, insulae que ipsius sunt obrutae atque incultae [47]). Attamen author libri mirabilium ait, esse tres in hac parte urbes lapsis temporibus habitatas, ad quas erant solitae naves divertere ad emendum ab earum incolis ambarum, lapidesque coloratos. Volente autem quodam ex ipsimet regnare super eos, praelium una cum suis commisit, in illos, ac licet debellatus fuerit, tamen ob exortas inimicitias atque dissidia, quidam eorum inde profecti in mediterraneum penetravere, atque ita urbes illorum dirutae, incultaeque mansere» (*Geogr. Nubiens. p. 271*). Торговля янтаремъ, доказываетъ что дѣло идетъ именно о балтійскомъ поморіи. О разноцвѣтныхъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, о кораллѣ и изумрудѣ (lapides colarati), украшавшихъ храмы язычниковъ-Вендовъ, свидѣтельствуетъ Масуди (*ap. Charmoy, relat. de Masoudy. 319—321, 340, 358*). Кто знаетъ въ слѣдствіе какихъ внутреннихъ переворотовъ было предложено тремъ братьямъ и они рѣшились выселиться въ Русь [48]).

Есть у насъ и свои преданія, преданія истинно народныя, выдающіяся изъ самаго хода и смысла нашей исторіи. Какъ эта исторія, такъ и они распадаютъ на двѣ категоріи, относящіяся къ двумъ эпохамъ и фактамъ, отдѣльнымъ другъ отъ друга. Къ первой категоріи принадлежатъ преданія древнѣйшія, собственно русскія, не знающія ни

лѣтописи, ни варяговъ, ни Рюрика. Таково историческое преданіе о Русѣ, Чехѣ и Лехѣ, напрасно относимое къ XIII-му столѣтію; о немъ уже знали Византійцы при Игорѣ (см. *гл. XVII*); географическое, производящее Русь отъ рѣки Рось или Русы; этимологическое, выводящее имя Руси отъ разсѣянія (см. *гл. XII*). Преданія новѣйшія, относящіяся къ варягамъ, основаны, съ одной стороны, на извѣстіяхъ лѣтописи; съ другой, на общенародномъ убѣжденіи о выходѣ Рюрика изъ земель балтійскаго поморія или Пруссіи (см. *Нест. Шлец. I, 277. Спис. ВАлат.* — *281. Стп. Книга.* — *283. Даніель принцъ фонъ Бухау.* — *285. Петрей и т. д.*). Въ этихъ преданіяхъ Шлецеръ (*Нест. I, 277, слѣд.*) и г. Куникъ (*Beruf. I. 115*) хотятъ видѣть плодъ подражанія и проникшей въ Русь XVI-го столѣтія польской учености; между тѣмъ ни одинъ польскій историкъ не производитъ и не могъ производить русскихъ князей отъ Августа Кесаря; какъ Поляки (*Стеф. Баторій въ ed. Svirens. 1579*), такъ и Нѣмцы (*Magni Moscov. duc. Geneal. in rer. Mosc. scrpt.*) смѣются, не безъ тайной досады, надъ генеалогическими притязаніями русскихъ царей. Плодомъ польской учености было извѣстіе о занесенныхъ бурею въ балтійское море Римлянахъ, о ромовской колоніи, Палемонѣ и т. д.; плодомъ русской учености, сказка объ Августѣ Кесарѣ, Прусѣ и пр. Но основою этой сказки все таки остается убѣжденіе, что варяги, у которыхъ поселился братъ Августовъ Прусъ и отъ которыхъ въ 862 году вышли Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, жили не въ Швеціи, не въ упландскомъ Роденѣ, а на берегахъ Вислы рѣки, т. е. были западно-славянскаго происхожденія. Не отъ

сказки объ Августѣ и Прусѣ родилось преданіе о поморской отчизнѣ варяжскихъ князей, а на оборотъ; въ эпоху когда никто еще не думалъ объ этой сказкѣ, лѣтопись упоминаетъ о сербскихъ князьяхъ «съ Кашубъ, отъ поморія Варязскаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ» (*Ипат. 227*).

Неразлучно съ преданіемъ о выходѣ варяжскихъ князей изъ поморія, другое, о новгородскомъ старѣйшинѣ Гостомыслѣ. Сомнѣнія Шлецера, основанныя на хронологическихъ несообразностяхъ и на существованіи только въ двухъ спискахъ лѣтописи, воскресенскомъ и алатырскомъ, позднѣйшей вставки «о Рускихъ князехъ» (*Нест. Шлец. I, 149, 277*), были бы на своемъ мѣстѣ при критическомъ обсужденіи спорнаго историческаго факта; здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о народномъ преданіи, коего главное значеніе состоитъ въ связи между Гостомысломъ, какъ представителемъ западно-славянскаго начала въ Новгородѣ[49]) и сказаніемъ о поморскомъ происхожденіи князей, они свидѣтельствуютъ только о бóльшей или меньшей сообразительности лѣтописца. Кругъ (*Forsch. I. 111 — 127*) въ специальномъ изслѣдованіи о Гостомыслѣ, почитаетъ относящееся къ нему извѣстіе изобрѣтеніемъ Герберштейна, будто бы перенесшаго въ Новгородъ оботритскаго князя Gotzomiuszl'a, о которомъ упоминается въ фульдскихъ и другихъ лѣтописяхъ, подъ 844 годомъ. «Оботритскаго князя Табомысла, пишетъ онъ (*ibid. 126*), о которомъ говорится подъ 862 годомъ, нельзя было пустить въ ходъ, какъ малолѣтняго. Удобнѣе приходился упоминаемый въ 844 году rex Obotritorum Goztomiuzl; онъ конечно могъ посовѣтовать ильменскимъ Славянамъ, выбрать себѣ князя изъ

своего сосѣдства». Едвали! Если въ 862 году, Табомыслъ былъ слишкомъ молодъ, то оботритскаго Гостомысла уже 18 лѣтъ какъ не было на свѣтѣ: «Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum Gotzomiuszli, terramque illorum et populum sibi divinitus subjugatum per duces ordinavit» (*Annal. Fuldens. ad ann. 844*). «Lutharius rex regem Sclavorum Gestimulum occidit, ceteros que sibi subegit» (*Annal. Weissemburg. ad ann. 844.* — Cfr. *Lamberti annal. ap. Pertz V. 47*)[50]). Что не русскій лѣтописецъ списывалъ Герберштейна (котораго онъ зналъ посломъ Максимиліана, но не авторомъ комментаріевъ о московскихъ дѣлахъ), а наоборотъ, очевидно[51]). Во первыхъ, Герберштейнъ повторяетъ (исправляя его по возможности) грубый промахъ русской лѣтописи, упоминающей объ одномъ и томъ же новгородскомъ старѣйшинѣ Гостомыслѣ, и при первомъ поселеніи Славянъ на Ильменѣ (*Нест. Шлец. I, 146*), и въ эпоху призванія (*тамъ же, 278*). Онъ пишетъ: «alii circum lacum Ilmen, qui Novvogardiam occupaverunt, sibi que Principem Gostomissel nomine constituerunt» (*Comm. 2*) — и далѣе: «tum Gostomissel, vir et prudens, et magnae in Novvogardia authoritatis, in medium consuluit, ut ad Waregos mitterent» etc. (*ibid. 3*). Здѣсь два Гостомысла; одинъ князь, другой мужъ. Изобрѣтая своего Гостомысла (въ какихъ видахъ и съ какою непонятною цѣлью у Круга не сказано), умный и ученый посолъ Фердинанда и Максимиліана умѣлъ бы найти два имени для двухъ отличныхъ историческихъ личностей и эпохъ; въ фульдскихъ лѣтописяхъ, у Адама бременскаго, у Дитмара и Гельмольда нѣтъ недостатка въ славянскихъ

именахъ. Во вторыхъ, еслибы русскій лѣтописецъ или составитель списывалъ Герберштейна, неужели бы онъ взялъ у него только одного Гостомысла, а дѣльную (хотя и не совсѣмъ вѣрную) догадку о Вагирахъ — варягахъ оставилъ безъ всякаго вниманія?

Гостомыслъ не историческое лице; онъ болѣе; какъ по имени, такъ и по отношеніямъ къ балтійскому поморію, онъ представитель въ русской исторіи, народнаго преданія о западно-славянскомъ происхожденіи варяжской династіи.

Не иначе понимали вопросъ о варягахъ и другіе, конечно позднѣйшіе составители временниковъ; понимали его, не по однимъ догадкамъ или преданіямъ, а на основаніи положительныхъ убѣжденій и фактовъ.

Гдѣ Несторъ говоритъ о варягахъ, позднѣйшіе списки лѣтописи именуютъ Нѣмцевъ и нѣмецкую землю. Пол.: «и избрашась отъ Варягъ отъ Нѣмецъ три братіа сроды своими».—ПНлк.: «Влѣто 6370 поидоша изъ Немецъ три браты со всѣмъ родомъ своимъ». — Арх.: «Въ лѣто 6371, пріидоша князи Нѣмскія на Русь княжити три браты». — ВАлат.: «Влѣто 6370. И приидоша отъ Нѣмецъ три браты сроды своими». — Пол. 2: «и избрашася отъ Немецъ три браты сроды своими» (*Нест. Шлец. I*, *333*, *334*).

Норманская школа видитъ здѣсь ясное доказательство скандинавскаго происхожденія варяговъ—Руси; «ибо, говоритъ г. Куникъ (*Beruf. I. 114. Anm.* *), нельзя доказать чтобы въ древнѣйшія времена, славянское названіе Германцевъ (Нѣмцы) было употребляемо и о негерманскихъ народахъ». Уже Эверсъ (*Vorarb. 79*, *80*) приводилъ примѣры противнаго. Нѣмьци отъ Рима посланіи отъ Па-

пежа къ Владимиру (*Лавр. 36*, *вар. р.*), не германскіе Нѣмцы; въ Ипат. л. подъ 1254 г. Чехи названы Нѣмцами (*стр. 190*); въ описаніи путешествія митрополита Пимена въ Грецію, въ 1398 году, читаемъ: «Бяху же ту и Римляне отъ Рима, и отъ Испаніи Нѣмцы, и Фрязове отъ Галаты» и пр. (*Карамз. V*, *прим. 133*, *стр. 449*) [52]). Но не въ этомъ дѣло.

Кого именно понимали составители позднѣйшихъ лѣтописей подъ названіями варяговъ—Нѣмцевъ, какую землю подъ названіемъ Нѣмецкой? Въ одномъ мѣстѣ, списки воскресенскій и алатырскій читаютъ: «Влѣто 6370. И приидоша отъ Нѣмецъ три браты сроды своими», а въ другомъ: «обладающу Августу всею вселенною, и нача ряди покладати на вселенную. Постави брата своего Патрекія Египту.... А брата своего Пруса въ березѣхъ Вислы рѣкы, воградъ Мадборокъ и Торунь и Хвоиница и преславы Гданескъ, и иныхъ многихъ градовъ по рѣку глаголемую Нѣмонъ, впадшую вморе. И до сего часа по имени его зовется Прусская земля. А отъ Пруса четвертое на десять колѣно Рюрикъ» (*Нест. Шлец. I*, *277*, *278*). Тоже самое и Степенная книга (*тамъ же*, *282*). Ясно, что для позднѣйшихъ лѣтописцевъ, эти варяги-Нѣмцы, вышедшіе къ намъ въ 862 году, были не изъ Скандинавіи, а изъ Пруссіи; не съ береговъ Родена, а съ береговъ Вислы и Нѣмана.

Кто же теперь эти Нѣмцы? Литвины, Венды, Поляки? Здѣсь разстаемся мы съ народными преданіями и входимъ въ область исторіи.

Не одинъ Рюрикъ съ братьями, не одни Рогволодъ и

Туръ, вышли къ намъ изъ Поморія; мы знаемъ и о другихъ выходцахъ. Вмѣстѣ съ Рюрикомъ, по свидѣтельству Курбскаго, вышли къ намъ и Морозовы: «тогда же, або мало предъ тѣмъ, убіенъ отъ него мужъ благовѣрный, Андрѣй, внукъ славнаго и сильнаго рыцаря Дмитрія, глаголемаго Шейна, съ роду Морозовыхъ, яже еще вышли отъ Нѣмецъ, вкупѣ съ Рюрикомъ, прародителемъ Русскихъ княжатъ, седьмъ мужей храбрыхъ и благородныхъ» (*Сказ. Курбск. 111*) [53]. «И вкупѣ побіени съ нимъ предреченные мужи, Ѳеодоръ и Василій Воронцовы, родомъ отъ Нѣмецка языка, а племени княжатъ решскихъ» т. е. имперскихъ, Reichsfürsten. (*Сказ. Курбск. 7*) [54]. «Потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ, также мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единоплеменныхъ сущихъ Шереметевымъ; бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ: глаголютъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ» (*тамъ же*, *108*, см. *прим. 162*).

И такъ, варяги-Нѣмцы, выходцы изъ Пруссіи, товарищи Рюрика, решскіе княжата — одно и тоже для Курбскаго и его современниковъ. Въ достовѣрности иныхъ, Курбскимъ приводимыхъ генеалогическихъ подробностяхъ сомнѣваться можно; общая основа неоспоримо вѣрна. Прародители Морозовыхъ, Колычевыхъ, Шереметевыхъ, Воронцовыхъ вышли отъ Нѣмцевъ, изъ Пруссіи, изъ родины Рюрика. Происхожденіе Воронцовыхъ и Колычевыхъ отъ решскихъ (имперскихъ) князей, объясняетъ окончательно что должно разумѣть подъ названіями прусская земля — Нѣмцы, варяги.

О германскихъ имперскихъ князьяхъ думать нельзя. Выселеніе въ Русь германскихъ княжатъ не могло пройти незамѣтно; въ историческихъ отношеніяхъ Руси къ германскому западу, не находимъ никакого повода къ подобному выселенію; къ тому же, у Курбскаго, германскіе выходцы были бы означены родомъ изъ Цесаріи (см. *Сказ. Курбск. 421, прим. 73*); выраженіе отъ Нѣмецъ, отъ Нѣмецкія земли всегда указываетъ на Пруссію. Но решскими князьями, со второй половины XII-го столѣтія, являются поморскіе герцоги; Богуславъ возведенъ въ 1180 году, императоромъ Фридрихомъ I, въ достоинство герцога Славіи (Slaviae dux) и имперскаго князя (см. *Barthold, G. v. Rüg. u. Pomm. II. 258.—Dahlmann, G. v. Dänem. I. 306*); въ 1184 онъ уже является на имперскомъ праздникѣ (Reichsfest) въ Майнцѣ: «Ad hanc curiam totius imperii principes, utpote Francorum, Teutonicorum, Sclavorum, cet. congregantur» (*Otto de S. Blasio Append. Urstis. p. 210*)[55]). Отъ этихъ поморскихъ решскихъ князей, вели безъ сомнѣнія свой родъ наши варяго-прусскіе выходцы Воронцовы, Шереметевы, Колычевы и т. д. Для составителей родословыхъ и лѣтописей они были отъ Нѣмецъ и отъ Нѣмецкія земли, какъ для Эйнгарда Славяне VIII-го столѣтія: «Natio quaedam Sclavorum est in Germania, sedens super littus Oceani». (*Annal. ad ann. 789*)[56]). Ни Эйнгардъ, ни русскіе лѣтописцы не думали о германскомъ происхожденіи поморскихъ варяговъ или Славянъ; но въ XVI вѣкѣ, земли нѣкогда населенныя Полабами, были уже землями чисто-германскими. Отсюда, за невозможностью согласовать историческія преданія Руси, съ географіею

эпохи, названіе Пруссіи для бывшей вендославянской земли; славянскія Висла и Нѣманъ на мѣсто онѣмеченныхъ Лабы и Одера. Самая несвязность этихъ извѣстій, географическія несообразности и промахи, свидѣтельствуютъ объ основной дѣйствительности преданія, выводившаго династію Рюрика изъ Поморія; варяжская родина исчезла; но память о ней сохранилась въ легендарныхъ сказаніяхъ народа.

Славянскій характеръ призванія опредѣляется окончательно характеромъ отношеній прежнихъ князей и подвластныхъ имъ словено-русскихъ племенъ къ варяжской династіи.

Г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, 212*) полагаетъ, что «славянскіе князья исчезаютъ съ приходомъ князей варяжскихъ; нельзя искать ихъ и въ боярахъ.... потому что достоинство старшинъ у Славянъ не было наслѣдственно въ одной родовой линіи». Въ предыдущей главѣ я старался показать неосновательность этого взгляда на значеніе доваряжскихъ князей на Руси; не признавать въ Малѣ и древлянскихъ князьяхъ рода славянскихъ князей тождественнаго по правамъ и значенію, съ княжескими родами у всѣхъ остальныхъ славянскихъ племенъ и народовъ, значитъ жертвовать для системы очевидною историческою дѣйствительностію. Одно заблужденіе ведетъ за собою другое; отвергая существованіе на Руси при варягахъ, прежнихъ князей, г. Соловьевъ вынужденъ подъ именемъ мужей, разосланныхъ первыми князьями по городамъ, разумѣть князей—родичей Рюрика, потому что въ прелиминаріяхъ договора съ Греками сказано: «даяти уклады на Рускіе городы.... по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще» (*Лавр. 13*). Между тѣмъ, онъ

тутъ же говоритъ: «князьями никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владѣтельныхъ родовъ. Объ отношеніяхъ этихъ родичей къ князьямъ мы ничего не знаемъ; можемъ только сказать, что эти отношенія не были подобны послѣдующимъ родовымъ княжескимъ, именно уже потому, что родичи Рюрика называются мужьями его, что указываетъ на отношеніе дружинное, слѣд. служебное, а не на родовое» (*Отнош. 41*). Я не вижу возможности согласить эти противорѣчащія другъ другу воззрѣнія; и не доказываетъ ли самая сухость извѣстій лѣтописца объ этихъ князьяхъ, что дѣло идетъ не о родичахъ варяжской династіи?

Новгородскіе Словене, а съ ними и прочія племена, входившія въ составъ сѣвернаго союза, возмутясь противъ своихъ прежнихъ князей, показали имъ путь отъ себя; изгнанные пошли вѣроятно на югъ, сказавъ своимъ тамошнимъ родичамъ: кормите насъ! («братья! вамъ челомъ бью, вамъ животъ дати и хлѣбомъ накормити» *Лавр. 215*). Рюрикъ и его братья не находятъ князей у призывавшихъ племенъ; по смерти Синеуса и Трувора, Рюрикъ раздаетъ своимъ мужамъ города ихъ, Полоцкъ, Ростовъ, Бѣлоозеро[57]); ясное доказательство, что варяжскихъ княжескихъ родичей (за исключеніемъ Олега) не было; въ противномъ случаѣ нельзя объяснить ихъ отчужденія отъ обладанія землею. Понятно, что при избраніи князей, Словене, испытанные усобицами княжескихъ родовъ, искали по преимуществу князей малосемейныхъ; сначала они хотѣли только одного князя: «поищемъ собѣ князя»[58]). Роды, о которыхъ упоминается въ лѣтописи («и изъбрашася 3 братья съ роды

своими»), означаютъ здѣсь не княжескіе роды, а единоплеменниковъ вообще (срвн. слова Олега Аскольду: «да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ» *Лавр. 10*). У трехъ братьевъ, вмѣстѣ вышедшихъ изъ Поморія, могъ быть только одинъ родъ; такъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ: «и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ». Никоновскій списокъ поправляетъ: «со всѣмъ родомъ своимъ»; другіе говорятъ о дружинѣ (*Нест. Шлец. I, 333*). Нигдѣ лѣтопись не намекаетъ на существованіе князей, родичей Рюрика и Олега; считать же съ гг. Соловьевымъ (*Ист. Росс. I, 106, 107*) и Куникомъ (*Beruf. II. 176, 177*) князей, о которыхъ говорится въ договорахъ Олега и Игоря (*Лавр. 13, 14, 20*), варягами-родичами, невозможно, кромѣ другихъ причинъ, о которыхъ ниже, и потому: 1) что эти князья извѣстны только на югѣ, послѣ водворенія Олега въ собственной Руси; при Рюрикѣ о нихъ не упоминается; а называть князьями простыхъ мужей мы не имѣемъ права; 2) что вмѣсто необходимаго развитія, лѣтопись знаетъ о постепенномъ упадкѣ этихъ княжескихъ родовъ, до совершеннаго ихъ исчезновенія при Святославѣ.

На югѣ, русская исторія образуется иначе; здѣсь Олегъ является не по призванію; здѣсь онъ находитъ прежнихъ, славянскихъ князей. Основаніе новой державы на югѣ, перенесеніе на Кіевъ всего что предназначалось Новгороду, фактъ первенствующій въ русской исторіи; между тѣмъ, на сколько мнѣ кажется, значеніе и побудительныя причины этого факта еще недостаточно выяснены.

Г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, 101*) полагаетъ, что Олегъ, какъ старшій въ родѣ, а не какъ опекунъ мало-

лѣтняго княжича, получалъ всю власть Рюрика и удерживалъ ее до конца жизни своей. Но выраженіе лѣтописи «въдавъ ему сынъ свой на руцѣ», на которомъ преимущественно основано это мнѣніе (*Ист. Отнош. 41, прим. 2*), указываетъ именно на опеку до совершеннолѣтія; такъ въ Русской Правдѣ, II, § 93; «аще будуть въ дому дѣти мали, а не джи ся будуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужь, то кто имъ ближни будеть, тому же дати на руцѣ і съ добыткомъ и съ домомь донелѣже возмогуть»; и въ Ипатьевской лѣтописи, 151: «Давыдъ же столъ свой далъ сыновцю своему Мьстиславу Романовичю, а сына своего Костантина въ Русь посла, брату своему Рюрикови на руцѣ». Съ другой стороны, до водворенія въ Кіевѣ, Олегъ не князь; онъ говоритъ Аскольду и Диру: «вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, и се есть сынъ Рюриковъ». Игорь единственный представитель княжескаго достоинства отца своего; но и онъ, какъ состоящій подъ опекою Олега, слѣдовательно не полновластецъ въ землѣ своей, названъ не княземъ, а княжичемъ (*Лавр. 10*) [59]; ибо князьями начальная лѣтопись именуетъ только владѣтельныхъ князей, князей княжащихъ, а не, какъ думаетъ г. Соловьевъ, всѣхъ членовъ княжескаго рода. Олегъ могъ сдѣлаться княземъ, потому что онъ былъ роду княжа; но для этого ему было нужно княженіе.

«Въ нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ повѣстяхъ, говоритъ Карамзинъ (*I, прим. 291*), Олегъ названъ племянникомъ Рюрика». Дѣйствительно мы читаемъ въ воскресенскомъ и алатырскомъ спискахъ лѣтописи: «князже Рюрикъ взя ссобою два брата Синеуса и Трувора и племян-

ника своего Олга» (*Нест. Шлец. I, 300, 301*). Судя по вѣроятностямъ возраста, Олегъ могъ быть сыномъ старшаго, умершаго до призванія, брата Рюрика; и въ этомъ случаѣ, не Игорю а ему, слѣдовало послѣ Рюрика право па княженіе, по закону славянскому. Между тѣмъ, притязаніе на это право (допустивъ его предъявленіе Олегомъ) должно было встрѣтить въ Новгородѣ отпоръ, основанный на заключенныхъ съ Поморіемъ условіяхъ; ибо, если Новгородцы и согласились на принятіе къ себѣ (по общеславянскому обычаю) трехъ братьевъ—князей, то вѣроятно не иначе, какъ выгородивъ себя предварительно отъ обратнаго дѣйствія славянскаго права наслѣдства т. е. отъ какого бы то ни было домогательства власти, со стороны заморскихъ родичей Рюрика. Этимъ объяснилось бы то постоянное нерасположеніе Олега къ Новгороду, о которомъ находимъ не одно свидѣтельство въ лѣтописи. Какъ бы то ни было (ибо я нисколько не дорожу своей эпизодическою догадкою), Олегъ рѣшился основать, уже для себя, новую, независимую державу на югѣ; средства были у него въ рукахъ; съ одной стороны — варяги и подвластныя Игорю словено-чюдскія племена; съ другой — обаяніе варяжскаго княжескаго имени и на южную Русь. На эту мысль наводитъ и образъ дѣйствій его; онъ представленъ въ лѣтописи (по справедливому замѣчанію г. Соловьева, *Ист. Росс. I, 102*) не завоевателемъ, а возстановителемъ своего права, права рода своего, нарушеннаго дерзкими дружинниками. Онъ принялъ Смоленскъ отъ имени Игоря, будущаго словенскаго князя; онъ отнимаетъ Кіевъ, у хищниковъ Аскольда и Дира. Здѣсь онъ становится княземъ, полновластцемъ

въ своей русской землѣ [60]). Южныя племена и князья ихъ (разумѣется сначала не всѣ, и не всѣ по доброй волѣ), признаютъ господство Олега, и какъ князя варяжскаго, имѣщаго надъ туземными премущество родоваго и вѣроятно религіознаго благородства; на послѣднее указываетъ можетъ быть прозваніе Олега вѣщимъ; и какъ князя, обладающаго двумя старѣйшими на Руси городами: Новгородомъ — какъ представитель словенскаго князя; Кіевомъ — по собственному княжескому праву. Объ этомъ династическомъ, можно сказать мирномъ завоеваніи, свидѣтельствуетъ вся начальная исторія Руси; сюда хотѣлось бы мнѣ отнести и характеристическе выраженіе Льва Діакона о покореніи русскимъ оружіемъ сосѣднихъ племенъ и областей безъ труда и кровопролитія (*Leo Diac. ed. Bonn. 151*); въ рѣчи Святослава эти слова не у мѣста; но самая странность ихъ показываетъ, что они не изобрѣтенныя, а слышанныя.

Несторъ молчитъ вообще объ отношеніяхъ къ варяжскимъ князьямъ туземныхъ, покорившихся династовъ; между тѣмъ, довольно опредѣленное понятіе о природѣ этихъ отношеній, можемъ извлечь изъ исторіи древлянскаго княжества. «Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ ѝ, имаше нà нихъ дань по чернѣ кунѣ.... И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверены и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци имяше рать» (*Лавр. 10*). Въ 907 году, Древляне участвуютъ въ походѣ противъ Грековъ (*тамъ же, 12*). «Въ лѣто 6421.... И Деревляне заратишася отъ Игоря по Олговѣ смерти.—Въ лѣто 6422. Иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ възложи на ня дань болшю

Ольговы» (*тамъ же*, *18*). Наконецъ, въ 945 году, возстаніе Древлянъ и ихъ князя Мала; убіеніе Игоря; въ 946, мщеніе Ольгино; присоединеніе древлянской земли къ кіевскому княжеству (*тамъ же*, *23*, *24*, *25*). И такъ, въ теченіи 63 годовъ, Древляне платятъ дань, при случаѣ даютъ войско, иногда возстаютъ противъ кіевскаго князя, но сохраняютъ свою внутреннюю независимость, свой княжескій родъ, своихъ князей «иже распасли суть Деревьску землю». Тоже самое, хотя и не въ столь рѣзкихъ размѣрахъ, должно принять и у прочихъ племенъ; варяжское завоеваніе проявляется, не какъ норманское въ Англіи и во Франціи, порабощеніемъ одной народности другою, замѣщеніемъ прежнихъ владѣльцевъ новыми; оно основано на извѣстномъ правѣ, на условіяхъ; это преимущественно династическое явленіе. Варяжскіе князья обладаютъ покоренными племенами въ томъ смыслѣ, что получаютъ отъ нихъ дань и военную помощь; но прежніе владѣльцы остаются на своихъ столахъ и по прежнему владѣютъ своею землею, за исключеніемъ городовъ и волостей, вошедшихъ въ непосредственный составъ новой державы; таковыми, кромѣ сѣверныхъ городовъ, участвовавшихъ въ призваніи, являются на югѣ Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Любечъ. Г. Соловьевъ (*Отнош. 43*) полагаетъ напрасно, что въ этихъ городахъ сидѣли князья — родичи, подручники Олеговы: Бѣлозеро же, Муромъ, Смоленскъ пропущены у Нестора, потому что въ нихъ сидѣли простые мужи (*тамъ же*, *прим. 7*). Въ опредѣленіи историческаго явленія, основаннаго единственно на отличіи, по юридическому значенію, мужа отъ князя, невозможно смѣшивать произвольно этихъ

названій, ни толковать текстъ лѣтописи: «Поиде Олегъ.... и прія градъ (Смоленскъ), и посади мужь свой. Оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свой» (*Лавр. 10*), такимъ образомъ, что мужь въ Смоленскѣ означаетъ дѣйствительно простаго мужа, а въ Любечѣ князя-родича [61]). Въ текстѣ лѣтописи «.... даяти уклады на Руские городы: первое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще» (*Лавр. 13*), послѣднія слова: «по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще» относятся не къ Кіеву, Чернигову, Полоцку, Любечу и т. д., а къ прочимъ непоименованнымъ городамъ. Мы знаемъ, что въ Полоцкѣ и Ростовѣ Рюрикъ посадилъ своихъ мужей; Олегъ сажаетъ также мужей (а не князей-родичей, которыхъ у него быть не могло) въ Смоленскѣ и Любечѣ; откуда же было взяться князьямъ [62])? Самое выраженіе «князья подъ Ольгомъ суще» — «отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ», указываютъ на отношенія не родовыя, а державца-побѣдителя къ вассаламъ-подручникамъ. Никогда наши князья Рюриковичи не являются подъ рукою великаго или старшаго князя (срвн. чешское područj — подданство). Князь Мстиславъ говоритъ послу Андрееву: «иди же ко князю своему и рци ему: мы тя досихъмѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ» (*Ипат. 190, подъ 1174 г.*). Князья подъ Ольгомъ суще, князья сущіе подъ рукою, означаютъ покорившихся прежнихъ династовъ,

совершенно въ смыслѣ греческаго ὑποχείριος; ὑποχείριον ἔχειν τινά-captivum tenere (*Polyb. I. 21. 8*). Въ словѣ Даніила заточника: «и умножи, Господи, вся человѣки подъ руку его» (князя. *Изд. Сахар. 44*). Олегъ требовалъ укладовъ, 1) на всѣ свои собственные и Игоревы города, Кіевъ, Полоцкъ, Черниговъ, Любечь, Ростовъ и т. д. [63]). 2) На города, въ которыхъ сидѣли (а не были посажены) прежніе славянскіе князья, бывшіе подъ его рукою (напр. на Коростень у Древлянъ) т. е. по одному городу на каждаго малаго князя. Этими укладами, какъ частію военной добычи, онъ вознаграждалъ словенорусскихъ князей, за полученную отъ нихъ военную помощь. На природу отношеній къ князьямъ данникамъ указываютъ слова договора: «и не вдадимъ, елико наше изволеніе быти (т. е. на сколько зависитъ отъ насъ) отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ, никакому же съблазну или винѣ» (*Лавр. 14*). Олегъ является здѣсь не родовымъ старѣйшиною въ русской землѣ, а главою покорившихся, явшихся по дань, но въ сущности еще независимыхъ, мелкихъ династовъ.

При Игорѣ эти отношенія измѣняются, какъ по причинѣ завоеваній и постепенно возрастающаго могущества и значенія варяжскихъ князей, такъ безъ сомнѣнія и въ слѣдствіе сліянія русскихъ династій съ варяжскою, посредствомъ брачныхъ союзовъ между представителями прежнихъ княжескихъ родовъ и княжнами варяжскими, родными и двоюродными сестрами Олега и Игоря. О существованіи этихъ союзовъ свидѣтельствуютъ упоминаемые въ договорѣ Игоря его нетіи, т. е. сестрыничи Слуды и Акунъ, являющіеся

послами, одинъ отъ самаго Игоря, другой отъ русскаго князя или боярина Карша. Съ другой стороны, въ числѣ женъ Олега и Игоря были вѣроятно и родственницы, сестры и дочери покоренныхъ русскихъ князей; Древляне помышляютъ о сліяніи кіевскаго княжества съ древлянскою землею, посредствомъ брака Мала съ Ольгою. Вѣрнымъ кажется что изъ князей-данниковъ, около половины X вѣка, уже многіе уступили Кіеву лучшую часть своихъ волостей (Черниговъ и Переяславль еще прежде), при замѣтной утратѣ своего княжескаго значенія; другіе обратились въ бояръ; является нѣчто въ родѣ двора. Новый порядокъ вещей явно обнаруживается при сличеніи Игорева договора съ Олеговымъ. При Игорѣ уже нѣтъ тѣхъ свѣтлыхъ князей, сущихъ подъ рукою Олега, покоренныхъ (ὑποχείριοι), но самовластцевъ въ своихъ княженіяхъ, независимыхъ данниковъ варягорусскаго князя. Игоревы послы договариваются: «Отъ Игоря великаго князя Рускаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Рускія земли» (*Лавр. 20*). Являются формулы: «Великій князь Игорь и князи и бояре его». — «Великій князь Русьскій и бояре его» — «къ великому князю Русьскому Игорю, и къ людемъ его» (*Догов. Игоря изд. Тобіена, стр. 21, 22, 37*). Нигдѣ Олегъ не говоритъ отъ одного своего имени; Греки договариваются и съ нимъ, и черезъ него съ подчиненными ему мелкими, племенными династами; въ основныхъ статьяхъ Игорева договора, рѣчь идетъ только о великомъ князѣ, какъ о единодержавцѣ въ землѣ; прежніе князья упоминаются только въ формулахъ; жены ихъ, русскія княгини сопровождаютъ Ольгу въ Царьградъ; какъ бояре, такъ и князья

имѣютъ своихъ пословъ едвали не ради одного блеска и пышности; новое доказательство ранняго образованія великокняжескаго двора въ Кіевѣ [64]). Конечно, не всѣ прежніе князья одинаково скоро уступали свои права на независимость и княженіе; Древляне держатъ себя вдали отъ варяжской династіи; при Игорѣ они не участвуютъ въ греческомъ походѣ, вѣроятно откупаясь данью. Съ покореніемъ древлянской земли при Ольгѣ, падетъ сильнѣйшее независимое словенорусское княжество; древлянская земля входитъ въ составъ варяжской державы. Ольга уже не довольствуется одною данью, какъ Олегъ и Игорь; она идетъ по древлянской землѣ, уставляя уставы и уроки; Святославъ сажаетъ сына своего Ольга «въ Деревѣхъ», какъ въ своей волости. Родъ Маловъ, если не былъ истребленъ совершенно, перешелъ, по примѣру другихъ княжескихъ родовъ, въ боярскій.

При Святославѣ исчезаетъ самый княжескій титулъ для потомковъ прежнихъ князей; въ договорѣ съ Греками упоминается только о боярахъ; Святославъ говоритъ отъ себя: «Азъ Святославъ князь Рускій». Князья окончательно превратились въ бояръ; прежніе роды исчезли; естественный историческій ходъ.

Не такъ, конечно, понимаютъ эти факты представители норманскаго мнѣнія. «Рюрикъ, Труворъ и Синеусъ, говоритъ г. Куникъ (*Beruf. II. 176*) выселились на востокъ съ своими кровными, родственниками. Кромѣ Олега, къ нимъ, по всей вѣроятности, принадлежали всѣ тѣ лица, которымъ Игоревъ договоръ приписываетъ княжеское происхожденіе. По своимъ отцамъ, матерямъ и мужьямъ, всѣ они могли состоять въ близкихъ отношеніяхъ къ Рюрикову княже-

скому дому, образуя болѣе или менѣе древнія боковыя его линіи, изъ коихъ иныя выводили свое начало еще изъ Швеціи» (срвн. *тамъ же*, *154*). Мы видѣли что и по мнѣнію г. Соловьева эти smâkonungar, подъ названіемъ князей, сидѣли въ Черниговѣ, Полоцкѣ, Переяславлѣ, Ростовѣ, Любечѣ и прочихъ городахъ. Но подобное состояніе новорожденнаго общества условливаетъ цѣлый рядъ явленій, о которыхъ нѣтъ даже и намёка въ нашей исторіи. Я возражаю:

1. Если эти малые князья были Норманны, Smâkonungar (Kleinkönige), родичи Рюрика, мы въ правѣ, какъ и прежде, спросить: почему этихъ норманскихъ князей нѣтъ на сѣверѣ при Рюрикѣ, а только на завоеванномъ югѣ при Олегѣ и Игорѣ? Норманское вліяніе должно быть тѣмъ ощутительнѣе чѣмъ ближе къ началу государства.

2. На какомъ правѣ состояли при Олегѣ и Игорѣ эти князья (Smâkonungar) родичи ихъ? Съ норманской точки зрѣнія, конечно на ленномъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ повода предполагать, чтобы норманскіе конунги (будь они родичи Рюрика или нѣтъ) согласились оставаться въ завоеванномъ ими краѣ, управителями Олега и Игоря, когда тѣ же Норманны въ Англіи и во Франціи дѣлятъ между собою завоеванную землю на участки и наслѣдственные феоды. Но развѣ русская исторія знаетъ о дѣленіи земель? о наслѣдственныхъ баронахъ или ярлахъ Чернигова, Ростова, Любеча? Предполагаемое Норманство малыхъ князей условливаетъ развитіе на Руси въ высшей степени феодальной системы. Исчезаютъ ли такія явленія, не оставя по себѣ ни памяти, ни слѣда въ народной жизни, въ исторіи? и

что же сталось съ этими Smâkonungar и потомствомъ ихъ послѣ Игоря? При Рюрикѣ ихъ еще нѣтъ; при Святославѣ ихъ уже нѣтъ болѣе.

3. Князьями, какъ сказано, назывались у насъ только владѣтельные; но если допустить, что слова лѣтописи «по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще» относятся къ варяжскимъ родичамъ Олега (smâkonungar), выходитъ, что Черниговъ, Переяславль, Любечь и пр. образовали отдѣльныя княженія, подвластныя особымъ норманскимъ династамъ?

4. Въ предположеніи норманской школы, всѣ личности являющіяся историческими дѣятелями на Руси, отъ Рюрика до Ярослава включительно, чисто норманскаго происхожденія. Неужели между ними (я разумѣю Аскольда, Дира, Ольму, Свенгелда, Люта, Мстиша, Ясмуда, Прѣтича, Блуда и пр.) не было ни одного smâkonung'а — родича варяжскихъ князей[65])? А если были такіе, какимъ образомъ родство ихъ съ княжескимъ русскимъ домомъ остается тайною, какъ для Нестора, такъ и для сѣверныхъ сагъ? Неужели, съ другой стороны, между мнимыми многочисленными князьями-родичами Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, не было ни одного чье имя, съ обозначеніемъ родства его, проникло бы въ нашу лѣтопись?

5. При норманской системѣ, равно невозможны малые князья, норманскаго и славянскаго происхожденія; въ послѣднемъ случаѣ отношенія туземныхъ династовъ къ Норманнамъ завоевателямъ и князьямъ ихъ, представляются неразрѣшимою историческою загадкою. Да и что же станется съ норманскими именами этихъ князей въ Игоревомъ договорѣ?

Норманская школа не имѣетъ права основывать на однихъ (болѣе чѣмъ спорныхъ) подобозвучіяхъ именъ, историческія явленія которыхъ она не объясняетъ и объяснить не въ состояніи. Свидѣтельства письменныя требуютъ подтвержденія отъ фактовъ и на оборотъ. Навязывать же исторіи факты огромнаго политическаго значенія, предоставляя будущимъ вѣкамъ ихъ невозможную разгадку, значитъ писать повѣсть, не того, что было, а того, что могло бы случиться, при данныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ.

V.

ВАРЯГИ. — ΒΑΡΑΓΓΟΙ. — VAERINGJAR.

(*См. Прилож. къ II т. Зап. Имп. Акад. Наукъ. № 3. Отрывки изъ изслѣдов. о вар. вопр. С. Гедеонова. Стр. 130 — 168*).

Имя Варяговъ — внѣ памятниковъ русской письменности, является впервые подъ формою Vaeringjar въ исландскихъ сагахъ, около 1020 года; подъ формою Варангъ, у Абу-Рейханъ Мухаммеда Эль-Бируни, въ 1029[66]); у византійца Кедрина, подъ формою Βάραγγοι, въ 1034 году.

Такъ какъ слово варягъ обличаетъ не собственно русское лингвистическое начало, а между тѣмъ извѣстно на Руси уже въ IX столѣтіи, т. е. за 150 слишковъ годовъ до перваго помина о варягахъ у Скандинавовъ, Арабовъ и Грековъ, то мы въ правѣ заключить, что оно зашло къ намъ не скандинавскимъ, арабскимъ или греческимъ путемъ; что стало быть, тѣ варяги, отъ которыхъ, по сказанію лѣтописи, вышелъ Рюрикъ — были, по всей вѣроятности, не изъ Швеціи.

Этого заключенія норманская школа допустить не можетъ.

Въ прежніе годы отыскивали скандинавскихъ Vaeringjar въ федератахъ IX вѣка и Фарганахъ Константина багрянороднаго.

Нынѣ эта связь порвана.

Въ своихъ дополненіяхъ къ изысканіямъ Круга, г. Куникъ покончилъ съ высказаннымъ впервые Стриттеромъ (*Mem. pop. IV. 400. № b*) предположеніемъ о мнимомъ тождествѣ варанговъ съ Фарганами (см. *Krug. Forsch. II. 770 — 782*). Къ представленнымъ имъ вполнѣ убѣдительнымъ доводамъ, я прибавилъ указаніе на приводимое Рейске изъ Абулфеды свидѣтельство о восточномъ происхожденіи фарганской дружины и на сохранившееся у нубійскаго географа извѣстіе объ азіатской (трансоксанской) провинціи Farghâna, отчизнѣ, этихъ Фаргановъ [67]) (*Отр. о вар. вопр. 131*).

Фаргановъ, какъ извѣстно, считали продолженіемъ псевдо-готской дружины федератовъ, будто бы исчезающей въ началѣ IX вѣка. Но уже Олимпіодоръ и Прокопій знали о разноплеменномъ составѣ этого войска, готскаго только при началѣ; г. Куникъ, отрекшійся еще въ 1862 году отъ предположенія о происхожденіи варяговъ отъ федератовъ (*тамъ же, замѣч. 217*), приводитъ въ Каспіѣ г. Дорна *стр. 420*, мѣсто изъ Кедрина (*ed. Bonn. II. 546*) въ которомъ объ отрядѣ федератовъ, какъ состоявшемъ изъ дикихъ обитателей Ликаоніи и Писидіи, упоминается подъ 1041 годомъ, слѣдовательно современно варангскому корпусу и совсѣмъ независимо отъ него.

Какъ Фаргановъ, такъ и федератовъ слѣдуетъ считать выбывшими изъ русской исторіи.

Что же станется теперь съ теоріею норманскаго происхожденія варяговъ?

Съ послѣднимъ манифестомъ норманской школы по вопросу о зачаткахъ варяжскаго имени, выступилъ г. Куникъ въ изданныхъ имъ дополненіяхъ къ сочиненію г. Дорна, Каспій. Изъ этихъ дополненій мы извлекаемъ слѣдующія положенія: подъ предполагаемою формою Wâring, на древне-шведскомъ нарѣчіи, разумѣлись дружинники (ротники, отъ предполагаемаго же древне-скандинавскаго wâra = обѣтъ, присяга) шведскихъ конунговъ; отъ этого шведскаго wâring, около 850 года или ранѣе, наше варягъ; около 950-го греческое βάραγγος.

Система эта, какъ видно, зародилась не подъ вліяніемъ какихъ либо новыхъ открытій по части исторіи варяговъ, а только въ слѣдствіе вынужденнаго отреченія Норманнистовъ отъ тѣхъ внѣшнихъ точекъ опоры, которыми, до послѣднихъ годовъ, они привыкли считать, съ одной стороны — мнимую связь норманскихъ вэринговъ съ готскими федератами; съ другой — мнимое существованіе у народовъ готской крови, изъ среды коихъ Греки по временамъ набирали наемное войско, соотвѣтствующей греческому βάραγγος, но въ историческихъ памятникахъ не имѣющейся и, притомъ, лингвистически невозможной формы wąrang.

Объ употребленіи у Скандинавовъ варангскаго или варяжскаго имени, намъ извѣстно слѣдующее:

1. Оно дошло до насъ въ норвего-исландскихъ источникахъ, подъ формою Vaeringi (множ. ч. Vaeringjar). Никакой другой формы скандинавская письменность не знаетъ.

Отсюда конечно еще не слѣдуетъ, чтобы въ вопросѣ, загадочномъ по преимуществу, норманская школа не имѣла права искать подкрѣпленія своимъ убѣжденіямъ, въ открытой для всѣхъ области историческихъ и лингвистическихъ предположеній. Выговаривая это право для себя, мы охотно предоставляемъ его и другимъ. Дѣло однакоже въ томъ, что предлагаемая форма wâring далеко не отвѣчаетъ выводимымъ изъ ея мнимаго существованія заключеніямъ. Возможность ея перехода въ греческое βάραγγος болѣе чѣмъ сомнительна; изъ wâring могло бы образоваться только βάριγγος. Въ приводимыхъ изъ византійской письменности примѣрахъ мнимаго усиленія первоначальной основной гласной передъ носовою гортанною (Γαστέλεγκος и Γαστέλαγκος, Σφέγγος и Sphangus, Σφέγκελος и Σφάγγελος; *Kunik, ap. Dorn. 636, 637*), я вижу только происшедшіе отъ нерадѣнія или произвола переписчиковъ варіанты различныхъ кодексовъ; тоже самое должно сказать и о встрѣчающихся въ грамотѣ 1088 г. формахъ Βάραννοι, Κούλπιννοι (*ibid. 417*); онѣ очевидно произошли отъ таковой же ошибки списывателя, принявшаго двойную γγ за двойное νν. Да и самая (предполагаемая) форма wâring не можетъ устоять противъ дошедшаго случайно до насъ, въ названіи острова Väringö (ö = островъ), подлиннаго древне-шведскаго имени Väring. «Väringö, сообщаютъ мнѣ изъ Стокгольма, островокъ лежащій вблизи отъ твердой земли, въ большомъ проливѣ между Стокгольмомъ и Фурусундомъ» [68]). Названіе Väringö этотъ островъ вѣроятно получилъ потому что служилъ сборнымъ мѣстомъ наемникамъ, отправлявшимся въ Грецію для поступленія въ варангскую дружину; оно

вполнѣ тождественно съ норвего-исландскимъ vaeringi и доказываетъ, что подобно Норвежцамъ, Шведы X—XI ст. говорили не Wâring, а Vaering. Но отъ обще-скандинавскаго vaeringi = väringi не могли произойти ни русское варягъ, ни греческое βάραγγος.

2. Въ памятникахъ древне-скандинавской письменности, о вэрингахъ (Vaeringjar) упоминается не прежде первой четверти XI столѣтія.

На основаніи системы, относящей начало (и притомъ начало русское) варангской дружины въ Греціи къ 988 году, г. Васильевскій полагаетъ, что Болле сынъ Болле былъ первымъ Норманномъ (въ общемъ значеніи этого слова) поступившимъ въ эту дружину, около 1020—1026 года (Ж. М. Н. П. ч. *CLXXVI. Отд. 2, стр. 112*). Если бы даже такова и была мысль записанной въ началѣ XIII ст. Лаксдэльской саги, то все же нельзя основать строгаго хронологическаго вывода на словахъ: «Nec nobis quidem relatum est, Normannorum aliquem sub Constantinopolitano rege meruisse prius, quam Bollium, Bollii filium». Этими словами доказывалось бы только, что около 1020 года, учрежденіе постояннаго варангскаго корпуса въ Греціи, было дѣйствительно еще новизною для норвего-исландскихъ слагателей сагъ или что здѣсь говорится о Болле Боллесонѣ только въ смыслѣ знаменитаго и по знатности рода извѣстнаго Норманна. Но должно замѣтить что тамъ, гдѣ издатели Лаксдэльской саги по рукописямъ Арна Магнусона, читаютъ Nordmadr (*Laxd. S. Hafniae. 1826. p. 314—315*), въ тѣхъ рукописяхъ, которыми пользовался Эрихсенъ (*Disquis. hist. antiq. ap. Schloetzer,*

Allg. Nord. Gesch. 565) стояло несравненно вѣроятнѣйшее Islendskr madr; къ тому же вся та часть саги, къ которой принадлежитъ исторія Болле Боллесона, почитается позднѣйшимъ и весьма сомнительной достовѣрности ея дополненіемъ (*Finn. Iohann. Hist. eccles. Isl. vol. 4. praefat. p. VI.— Laxd. S. praefat. XVI*). Что Норманны ѣздили въ Грецію, для поступленія на императорскую службу, задолго до 1020 года, историческій фактъ, основанный, не столько на положительныхъ свидѣтельствахъ (впрочемъ см. *Kunik ap. Dorn. 675*), сколько на томъ логическомъ выводѣ, что при постоянныхъ сношеніяхъ Норманновъ съ Русью IX — X вѣка (будь эта Русь скандинавскаго или славянскаго происхожденія), почти немыслимо, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не доходили до Кпля и, по примѣру своихъ союзниковъ или (какъ думаютъ Норманнисты) однокровниковъ, не служили наемниками въ византійскихъ войскахъ. Только, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ признать не менѣе положительнымъ фактомъ и позднее учрежденіе въ Греціи варангскаго корпуса, и позднее упоминовеніе въ памятникахъ древнескандинавской письменности объ имени вэринговъ (Vaeringjar), то, этихъ Норманновъ, греческихъ наймитовъ въ IX— X вѣкѣ, придется искать не подъ варангскимъ, а подъ другимъ именемъ, о чемъ см. *гл. XIX*.

3. Вэрингами у Норманновъ, назывались только служившіе въ варангскомъ корпусѣ въ Греціи.

До сихъ поръ это положеніе, увержденное на безчисленныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ, считалось историческою, всѣми принятою, аксіомою (см. *Krug, Forsch. I. 231.—Kunik, Beruf. I. 41—46*). Г. Васильевскій

старается подорвать его указаніемъ на мнимое употребленіе Гейдарвига-сагою названія Vaeringjar для обозначенія и тѣхъ Норманновъ, которые служили варягами у русскихъ князей. Вига-Барди, разсказывается въ этой сагѣ, изгнанный судомъ изъ своей исландской родины, послѣ долгихъ скитаній «прибылъ въ Гардарики, и сдѣлался тамъ наемникомъ, и былъ тамъ съ Вэрингами, и всѣ Норманны высоко чтили его и вошли съ нимъ въ дружбу». Это свидѣтельство имѣло бы цѣну, еслибы дѣло шло о временахъ Олега, Игоря, Святослава; какъ вошедшее въ народное преданіе или сагу не менѣе сорока лѣтъ послѣ учрежденія варангскаго корпуса въ Греціи, оно можетъ быть отнесено только къ варангамъ въ Византіи (съ чѣмъ согласны Гопфъ и К. Мауреръ, а въ послѣднее время и г. Куникъ, *ap. Dorn. 675*) или къ Норманнамъ, возвращавшимся на родину изъ Греціи черезъ Русь, по отбывкѣ своей варангской службы. На Руси всѣ Норманны слыли варягами; между тѣмъ сага именно отличаетъ Вига-Барди отъ вэринговъ (какъ при началѣ, Гаральдова сага Гаральда Гардреда), указывая только на его сообщество съ ними; значитъ (если даже и допустить, что дѣло идетъ собственно о Руси) сага думала не о русскихъ варягахъ, а о греческихъ варангахъ. Да и какой вѣсъ можетъ имѣть уединенное свидѣтельство Гейдарвига-саги, при отсутствіи во всѣхъ остальныхъ, имени вэринговъ для Норманновъ, служившихъ наемниками у русскихъ князей? «Если гдѣ либо, говоритъ Сенковскій, то въ этой (Эймундовой) сагѣ, слово Варяги, Vaeringar или Vaeringiar долженствовало бы встрѣчаться на каждой страницѣ, потому что повѣствователи сами служили зд

въ званіи Варяговъ, сами исполняли ихъ должность; къ удивленію, оно нигдѣ не встрѣчается и кажется имъ неизвѣстнымъ» (*Библ. д. чт. 1834. II, 30, прим. 4*). Уже Байеръ говорилъ съ тѣмъ же выраженіемъ изумленія: «inauditum apud hos piratas nomen Varegorum» (Срвн. *Отр. о вар. вопр. 137—149*). Слишкомъ часто приводимая норманнистами ссылка на недостатокъ шведскихъ источниковъ IX и X столѣтій, здѣсь не у мѣста; исландскія саги разсказываютъ съ возможными подробностями о пребываніи именно на Руси (и не рѣдко по найму русскихъ князей), своихъ норвежскихъ выходцевъ Олафа Тригвасона, Магнуса, Эйлифа, Рагнара, Эймунда и пр.; но варягами (вэрингами) ихъ не называютъ. Норвежцы Гаральдъ и Эйлифъ служатъ у Ярослава въ качествѣ оберегателей границъ (*Hist. Har. Sev. cap. 2*); для Руси они варяги какъ по народности, такъ и по служебному званію; но сага признаетъ за Гаральдомъ имя вэринга, только со дня его поступленія въ варангскую дружину, въ Константинополѣ (*ibid. cap. 3*). Допустить ли что варяжскимъ именемъ на Руси, отличали себя одни только Шведы; Норвежцы же и Датчане отправлявшіе, вмѣстѣ съ ними, варяжскую службу у русскихъ князей, варягами себя не называли, сберегая это имя (подъ формою Vaeringjar) только для тѣхъ изъ своихъ соотчичей, которые служили наемниками въ варангской дружинѣ греческихъ императоровъ? Я не думаю, чтобы это предположеніе могло расчитывать на большое сочувствіе въ ученомъ мірѣ.

Позднее и вмѣстѣ съ тѣмъ одновременное появленіе варяжскаго имени у Грековъ и у Норманновъ, понятно только при слѣдующихъ условіяхъ: а) варяжское имя вод-

ворилось у Грековъ въ слѣдствіе учрежденія въ Греціи, при посредничествѣ Руси, особаго, постояннаго норманскаго корпуса варяговъ-варанговъ, въ послѣдніе годы X вѣка; b) Норманны приняли отъ Грековъ имя варанговъ подъ формою Vaeringjar и обозначали этимъ именемъ только служившихъ наемниками въ варангской дружинѣ.

Откуда же на Руси имя варягъ и какое имѣетъ оно значеніе?

Это имя кажется не коренное русское. По причинамъ о которыхъ ниже, я не могу вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ (*Sjögren*, *Ber. Finn Magn. 74. Kunik*, *Beruf*, *I*, *1 — 37*), которые приписываютъ исключительно иноземное, преимущественно германское происхожденіе всѣмъ словамъ славянскихъ нарѣчій, заканчивающимся суффиксомъ ang;[69]) относительно русскаго языка, оно, въ извѣстной степени, основательно.

Но непосредственныхъ сношеній съ германскими народами, до-Рюриковская Русь не имѣла. Остается предположить (и съ этимъ предположеніемъ вполнѣ согласна и историческая вѣроятность) что, подобно тому какъ слова szelag и sterlag перешли къ намъ отъ Германцевъ польскимъ путемъ, слово varag, германское по своему корню, занесено къ намъ съ варяжскаго (балтійскаго) поморія, господствовавшими на немъ славянскими племенами.

Въ др. верхне-германскомъ нарѣчіи wari (Wehr) оборона; warjan, готск. varjan (wehren) оборонять; отсюда и Wehr въ смыслѣ оружія. Съ другой стороны, въ сохранившемся въ трехъ редакціяхъ вендскомъ словарѣ Геннига (по списку Гильфердинга) имѣется:

Ped. I. Degen—Waro. Schwerdt—Warang, waró. Wehren, sich wehren - Warrjóissa.

Ped. II. Degen—Warów, Warang. Auf dem Degen—No wára. Schwerdt —waráng, warów, Wehren, sich wehren—warryjoýssa.

Ped. III. Degen — Waró, accus. Warang. Auf den Degen — no wara. Schwerdt—warang, waró. Wehren, sich wehren —warryóissà.

Что waro есть ничто иное какъ древне - германское wari (Wehr) несомнѣнно (срвн. *Schleicher. L. u. F. Lehre d. Polab. Spr. 213*); но warang? У Геннига warang противополагается waro, какъ мечь шпагѣ; по другой редакціи оба слова признаются однозначащими: по третьей warang оказывается винительнымъ падежемъ waro. Какъ видно показанія вустровскаго пастора довольно неопредѣленны. О винительномъ падежѣ warang (warā-варѧ), при именительномъ waro думать нельзя; warang (warā) могло бы быть винительнымъ падежемъ только (мужск. рода) слова war'-варь (срвн. царь, царя и т. п.), еслибы дѣло шло о существѣ одушевленномъ; при обозначеніи неодушевленныхъ предметовъ мужскаго и средняго рода, винительный падежъ не разнится отъ именительнаго. Г. Шлейхеръ (*185*) объясняетъ warā (warang) уменьшительнымъ отъ waro; но среднія уменьшительныя на ѧ также исключительная принадлежность одушевленныхъ существъ (на пр. теля, куря, ягня); приводимые на стр. 186 мнимые примѣры противнаго нимало нѐ убѣдительны[70]). Скорѣе можно бы предположить особую форму вáрѧ (срвн. имя, пламя, буря, тля); но что же станется тогда съ другою, однозначащею формою waro?

Относительно производства русскаго варягъ изъ вендскихъ нарѣчій, конечно равно передаетъ ли Геннигово warang форму warā-варѧ или (что вѣроятнѣе) составное, при суффиксѣ ąg, слово varąg-варѧгъ—мечникъ (см. *Отр. о вар. вопр. 160*), такъ какъ, вопреки слишкомъ увѣрительно постановленному Норманнистами лингвистическому закону, суффиксъ ang, ank, можетъ быть доказанъ въ коренныхъ славянскихъ словахъ, преимущественно польскихъ; на пр. pstrąg (salmo fario, форель) отъ прилаг. pstry—пестрый, у Чеховъ pstruh, по русски пеструшка, у Иллирійцевъ bistranga (*Diction. Megis. 1592*), у Мадяръ pisztrang; morąg (чернобурый звѣрь; срвн. murček, bos niger, Linde); pająk (паукъ), у Древанъ, по Геннигу, poyang; Krishank (Krzyzak, Kreutzherr) отъ Хорутанскаго krish, крестъ; omięg (cicuta virosa), чешск. omēg, womēg, русск. ómегъ, церк. омѣгъ; wasąg (waząz'ek, rad. wiąz, Flechtwagen, Carn. vesénga)[71]) и т. д., не говоря уже о словахъ каковы: krąg (кржгъ), drąg (држгъ, tignum); urąg (ржгъ), łąg, ciąg, przą̧g (?), съ производными: brzegołąg, dyląg, pociąg, zaciąg, zaprząg, poprąg и пр., въ которыхъ конечное ąg если и не является въ значеніи суффикса, то все же свидѣтельствуетъ противъ мнимаго отвращенія славянскихъ нарѣчій къ этой формѣ окончанія словъ [72]).

Грамматическая правильность производства русскаго варягъ отъ живаго, по всѣмъ законамъ славянской лингвистики составленнаго, у Геннига буква въ букву записаннаго вендскаго varąg,-warang, неотрицаема; естественность этой этимологіи особенно заманчива въ виду тѣхъ невѣроятныхъ истязаній которымъ ревнители норманнизма подвер-

гаютъ скандинавскіе языки и исторіи, въ тщетной надеждѣ вымучить у нихъ нѣчто подходящее къ вендо-русскому varag-варагъ, къ словено-русскому Русь. Въ этомъ отношеніи норманская школа оказала существенную услугу русскому дѣлу; каждая новая, неудавшаяся ей попытка разъясненія основныхъ пунктовъ вопроса, умаляетъ въ значительной степени вѣру въ непогрѣшимость ея положеній; между тѣмъ, при настоящемъ состояніи науки, выборъ предоставляется едва-ли не исключительно между шведскимъ и вендскимъ происхожденіемъ варяговъ; между шведскимъ и словено-русскимъ происхожденіемъ Руси. Эта-то необходимость выбора и упрочиваетъ за не слишкомъ богатою письменными свидѣтельствами (въ особенности историческими памятниками вендскаго края) славянскою теоріею, строго научное значеніе.

Какъ Норманны понимали норманно-вендскихъ пиратовъ подъ общимъ именемъ Viking'овъ, такъ, по всей вѣроятности, вендо-германскіе слыли въ Поморіи подъ общимъ названіемъ varag'овъ (меченосцевъ, ратниковъ). О постоянныхъ союзахъ Вендовъ съ Норманнами въ дѣлѣ морскаго разбоя см. Отр. о вар. вопр. 157—159. Въ этомъ смыслѣ пиратовъ-воиновъ (при томъ почетномъ значеніи какимъ, въ свое время, отличаются равносильныя варяжскому, названія Гуцуловъ, казаковъ и т. п.), перешло слово varag отъ балтійскихъ Славянъ къ восточнымъ; подъ этимъ названіемъ стали они разумѣть всѣхъ вообще балтійскихъ пиратовъ, были ли они Шведы, Норвежцы, Оботриты, Маркоманны-Вагиры и пр. Это первоначальное значеніе варяжскаго имени никогда не изчезало совершенно въ рус-

скихъ понятіяхъ; въ книгѣ о древностяхъ Рос. государства упоминается о Варягахъ (разбойникахъ) жившихъ еще до основанія Кіева, на берегахъ Теплаго (Чернаго) моря (*Синод. библ. № 329 у Карамз. I, прим. 282*); въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, князь Дмитрій Ольгердовичъ говоритъ о собранной имъ (противъ Венгровъ?) дружинѣ: «Божіимъ промысломъ совокуплени быша иные люди, брани дѣля належащія отъ Дунайскихъ Варягъ» (*Изд. Сахар. 52*). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1379 г., Варягами названы, кажется, литовскіе ратники: «Князь Ягайло Литовскій.... совокупилъ Литвы много и Варягъ и Жемоти и прочее и поиде на помощь Мамаю царю»[73]). Полабское varag отозвалось и въ польскомъ названіи мѣстечка Waręž въ Галиціи (см. *Москвит. 1841 г.*). Словомъ варяжá областной архангельскій говоръ обозначаетъ заморца; заморье, заморскую сторону (*Слов. Даля*).

Сами Венды себя варягами, въ этническомъ смыслѣ, не называли; это имя, какъ уже сказано, было походнымъ, подобно имени Viking; въ русской лѣтописи (тоже самое должно сказать о договорахъ, о Русской Правдѣ, о похвальномъ словѣ митрополита Иларіона) нѣтъ и слѣда чтобы первые русскіе князья считали себя варягами или отъ варяжскаго рода. У восточныхъ Славянъ слово varag вскорѣ перешло изъ нарицательнаго въ географическое — народное, въ смыслѣ имени Франкъ на востокѣ; имъ стали обозначать всѣ тѣ народности, отъ которыхъ выходили балтійскіе пираты — варяги. Многозначущи въ этомъ отношеніи слова лѣтописи: «ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжьска» (*Лавр. 9*). Голый фактъ засвидѣтельство-

ванный этими словами тотъ, что еще въ Несторову эпоху, Новгородцы похвалялись, если не прямымъ варяжскимъ происхожденіемъ, то родствомъ съ варягами; отличались отъ прочихъ русскихъ племенъ варяжскими особенностями своего быта. Этихъ словъ Несторъ не могъ бы написать, еслибъ они не были въ самомъ дѣлѣ, выраженіемъ основаннаго на вѣрныхъ преданіяхъ и примѣтахъ, народнаго убѣжденія. Теперь, были ли эти Новгородцы-варяги скандинавскаго происхожденія? Тогда пусть намъ укажутъ на слѣды Норрены въ новгородскомъ нарѣчіи; на слѣды Одиновой вѣры въ новгородскомъ язычествѣ; на скандинавское начало въ правѣ, обычаяхъ, образѣ жизни древняго Новгорода. Если же норманская школа не въ состояніи удовлетворить этимъ, болѣе чѣмъ справедливымъ требованіямъ исторической логики (а что она не въ состояніи, мы уже видѣли), остается допустить, засвидѣтельствованный и фактическими доказательствами (см. *гл. IX*), западнославянскій характеръ новгородскаго варяжства въ IX — XII вѣкахъ. Это варяжство Несторъ относитъ къ вліянію именно тѣхъ дружинниковъ, которые пришли вмѣстѣ съ Рюрикомъ; но трудно предположить, чтобы въ 17-тилѣтнее княженіе Рюрика (княженіе, какъ извѣстно, ознаменованное не совсѣмъ дружелюбными отношеніями Новгородцевъ къ пришлымъ варягамъ), Новгородъ могъ сдѣлаться варяжскою землею (когда и Кіевъ не названъ варяжскимъ у Нестора), да еще въ томъ, до невозможнаго преувеличенномъ размѣрѣ, о которомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись: «преже бо бѣша Словѣни». Рюрикъ привелъ съ собою не болѣе трехъ, четырехъ сотъ человѣкъ; призывавшія князей племена не

разрѣшили бы имъ дружины, которая при составѣ болѣе многочисленномъ, могла бы немедленно сдѣлаться господствующею силою [74]). Но подъ вліяніемъ ли этихъ 300—400 человѣкъ оваряжилась новгородская область въ теченіи нѣсколькихъ годовъ? Всего естественнѣе предположить, что еще до Рюрика (и не позднѣе половины VIII столѣтія) колонія Вендовъ, быть можетъ тѣхъ Маркоманновъ, о которыхъ Гельмольдъ говоритъ: «Sunt autem in terra Slavorum Marcae quamplures, quarum non infima nostra Wagirensis est provincia, habens viros fortes et exercitatos praeliis, tam Danorum, quam Slavorum» (*cap. 87*), поселилась въ Новгородѣ; у туземцевъ они слыли подъ общимъ названіемъ варяговъ.

Такова, по нашему разумѣнію, была исторія варяжскаго имени до второй половины IX вѣка; таковы историческія событія и особенности, съ которыми мы имѣемъ сообразить дошедшія до насъ въ лѣтописи и во многомъ уже противъ прежняго измѣнившіяся понятія Нестора о варягахъ. Но объ этомъ въ главѣ XIV.

О судьбахъ варяжства и варяжскаго имени, послѣ призванія, независимо отъ воззрѣній самаго лѣтописца, должно замѣтить, что, если его сильно занимаютъ Варяги (и потому что Рюриковичи были отъ варяжскаго рода, и въ слѣдствіе того значенія какое получило варяжское имя по учрежденіи въ Греціи дружины варанговъ), то собственно русскихъ людей X вѣка они мало интересовали. Варяжскіе князья, утвердившіе свой столъ въ Кіевѣ и выселившіеся съ ними поморскіе дружинники, стали Русью; варяжскіе наемники, приходившіе въ Русь по рѣдкому зову

князей, были явленіемъ случайнымъ, мало замѣтнымъ въ русской жизни; варягами Русь себя никогда не называли. Вотъ почему, идущія отъ Руси, извѣстія арабскихъ писателей о варягахъ, начинаются не прежде второй четверти XI столѣтія, то-есть съ того времени когда поѣздки Норманновъ въ Кпль усилились до того, что по вестготскому закону, никто изъ сидѣвшихъ въ Греціи не могъ пользоваться правомъ наслѣдства въ Готландіи (*Вестготск. зак. II. О правѣ наслѣдства XVI*), а имя варанговъ пріобрѣло особый почетъ и извѣстность (даже въ самой Руси), какъ отборнаго византійскаго войска. Если бы основателями государства въ 862 году были такъ называемые Варяги—Русь (Норманны); если бы эти Норманны прилагали себѣ всегда и вездѣ названіе варяговъ (Wâring); еслибы наконецъ извѣстія Арабовъ о варягахъ шли отъ Норманновъ (см. *Kunik*, *Beruf. I. 72*), было бы совершенно необъяснимо почему варяжское имя (Warang, Wareng, Warank) не отозвалось въ сочиненіяхъ Ибнъ-Даста, Ибнъ-Фоцлана, Масуди и другихъ писателей X вѣка, такъ подробно разсказывающихъ о Руси, какъ съ 1029 года оно отзывается у Бируни, а за нимъ у Ибнъ-Эль-Варди, Димешки и пр. Ясно, что только съ водвореніемъ варяжскаго имени въ Греціи, оно проникаетъ черезъ Русь и на востокъ; по отсюда и двоякій характеръ арабскихъ извѣстій о варягахъ. Съ одной стороны, подъ названіемъ варанговъ, Арабы понимаютъ уже однихъ Скандинавовъ [75]); въ самомъ дѣлѣ, съ принятіемъ христіанства, сношенія Руси съ вендо-варяжскимъ поморіемъ должны были прекратиться; при Ярославѣ Варяги состоятъ исключительно изъ Норман-

новъ. Съ другой стороны, въ тѣхъ же арабскихъ извѣстіяхъ передаются не скандинавскія, а коренныя русскія понятія о варягахъ. Варангами называется народъ, варенгскимъ — море. У Норманновъ варяжское море Ostersalt; варяжскій путь Austurweg; вэрингами (Vaeringjar) именуются только состоящіе въ греческой службѣ. Но не могли же Норманны, вмѣсто своихъ собственныхъ, передавать Арабамъ словено-русскія понятія о варягахъ.

Мы читаемъ въ лѣтописи, подъ 944 годомъ: «а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конець Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни». Въ этихъ словахъ г. Куникъ (*ap. Dorn. 429*) видитъ доказательство отождествленія лѣтописью Руси и варяговъ. Мнѣ кажется они свидѣтельствуютъ о противномъ. Выраженіе «сборная церкви» прямо указываетъ на церковь св. Ильи (безъ сомнѣнія единственную христіанскую въ Кіевѣ), какъ на общую Руси (туземцамъ) съ варягами (иноплеменниками). Русскихъ христіанъ, въ 944 году, было конечно не много; Святославъ говоритъ еще въ 955 г.: «како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ?» По всей вѣроятности церковь св. Ильи посроена крестившимися въ Греціи варягами. Русинами не называетъ лѣтопись и варяговъ-мучениковъ при Владимирѣ; но объ Ольгѣ, какъ о русской святой, восклицаетъ восторженно: «Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Рустіе сынове, аки началницю: ибо по смерти моляше Бога за Русь»; тоже самое о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ (*Лавр. 29, 59*). Я уже не говорю о томъ, что противъ исклю-

ченія изъ числа присягавшихъ Игоревыхъ людей, всего славянскаго элемента его войска, равно протестуетъ и лѣтопись и исторія.

Я высказалъ еще въ 1862 году предположеніе о зачаткѣ варангскаго корпуса въ Греціи въ 980 г., какъ состоящемъ въ прямой связи съ поступленіемъ въ греческую службу, отправленныхъ Владиміромъ къ императору сварливыхъ варяговъ-Норманновъ (*Отр. о вар. вопр. 164*). Въ монографіи, впрочемъ въ высшей степени замѣчательной, какъ по вѣрности научной оцѣнки скандинавскихъ сагъ, такъ и по собраннымъ въ ней новымъ извѣстіямъ и даннымъ о значеніи и составѣ греко-варангскаго корпуса, г. Васильевскій относитъ начало варангской дружины къ 988 году, а первыми Варангами считаетъ тотъ шеститысячный (по указанію армянскаго писателя Асохика) русскій отрядъ, который былъ посланъ Владиміромъ на помощь императору Василію. Противъ моего предположенія г. Васильевскій приводитъ, съ одной стороны, свидѣтельство Лаксдэльской саги о Болле Боллесонѣ, какъ о первомъ Норманнѣ, вступившемъ въ военную службу къ византійскому императору; съ другой, то обстоятельство, что на основаніи этого (моего) предположенія, пришлось бы допустить, что императоръ не послушался совѣта Владиміра: «не мози ихъ держати въ градѣ.... но расточи я разно» и т. д. Слова Лаксдэльской саги, какъ сказано выше, относятся по всей вѣроятности къ однимъ Исландцамъ; даннаго ему совѣта императоръ послушался на половину. Варяговъ въ градъ не пустили; въ градѣ не держали; еще въ 1034 году, при первомъ поминѣ о варангскомъ корпусѣ,

онъ квартируетъ въ отдаленномъ ѳракисійскомъ Ѳемѣ, въ въ малой Азіи. Менѣе удобоисполнимою оказалась вторая половина совѣта (быть можетъ изобрѣтеніе самого лѣтописца); Норманны не дали бы себя расточить по два и три человѣка, кого въ хазарскій, кого въ фарганскій, кого въ армянскій отрядъ. Къ тому же сила и цѣнность варангской дружины состояла въ ея совокупности; Норманны имѣли свое оружіе, свою тактику, свою сноровку въ битвахъ; всѣ этѣ выгоды исчезали при расточеніи ихъ по другимъ войскамъ. Не могла наконецъ и греческая имперія бояться переворота отъ горсти, въ отдаленную провинцію Малой Азіи отправленныхъ Норманновъ, когда эти самые Норманны не смѣли противостать Владиміру «сольстившему ими» и въ добавокъ выгнавшему ихъ изъ Кіева.

Остается разсмотрѣть на чемъ основана теорія о русскомъ происхожденіи варангскаго корпуса.

Въ приводимыхъ г. Васильевскимъ изъ исторіи Аѳона преосв. Порфирія, изъ греческой вивліоѳики г. Саѳы, изъ византійской исторіи г. Гопфа и пр. грамотахъ 1060, 1075, 1079 и 1088 гг., Варанги и Русь стоятъ рядомъ и притомъ безъ раздѣлительной частицы **или** (ἢ), которою отдѣляются остальные члены предложенія. Отсюда г. Васильевскій (*Ст. III*, *129*) заключаетъ о равнозначимости, въ греческомъ словоупотребленіи, выраженій Βάραγγοι и Ῥῶς и о первоначально русскомъ составѣ варангской дружины, допуская однакоже что Скандинавы, которые ушли въ Византію въ 980 году отъ князя кіевскаго Владиміра, могли поступить въ составъ корпуса, организованнаго черезъ восемь лѣтъ (*тамъ же*, *151*).

И здѣсь, на сколько мнѣ кажется, примѣты товарищества двухъ другъ отъ друга различныхъ народностей, произвольно обращены въ примѣты родства. Судя по воззрѣніямъ Норманнистовъ на дѣятельность Скандинавовъ въ Руси IX—XI вѣковъ, едва ли не придется допустить что не только Норманны призванные въ 862 году и потомство ихъ, но еще и всѣ вообще Скандинавы (Шведы въ особенности) хозяйничали по произволу въ землѣ восточныхъ Славянъ, приходили на Русь когда и куда имъ хотѣлось, то малыми партіями, то сотнями и тысячами, отправлялись черезъ Новгородъ и Кіевъ въ Грецію, безъ зова и дозволенія русскаго князя и греческаго императора; однимъ словомъ, видѣли въ обреченныхъ «на свое любезное земледѣліе Славянахъ», своихъ поставщиковъ дароваго провіанта, въ Грекахъ—своихъ природныхъ банкировъ. Этого не было и быть не могло, даже если бы призванные варяги и были Норманнами. Изъ дошедшихъ до насъ постановленій договоровъ: «приходящіи Русь да витаютъ у святаго Мамы, и послетъ царство наше, да испишютъ имена ихъ.... и да входятъ въ городъ одиными вороты, съ царевымъ мужемъ, безъ оружья, мужь 50» (*Лавр. 13;* срвн. *Игор. догов. тамъ же, 21*), видно, во первыхъ, что наймомъ Руси у Грековъ распоряжался великій князь кіевскій; во вторыхъ, что Греки не допускали къ себѣ иноземцевъ-наемниковъ, иначе какъ при извѣстныхъ мѣрахъ предосторожности. Отъ варяговъ-Норманновъ требовалось, разумѣется, тоже, что отъ Руси. Безъ дозволенія новгородскихъ посадниковъ, Шведы не могли прибыть въ Новгородъ; безъ дозволенія и посредничества русскаго князя (конечно вза-

мавшаго съ нихъ установленную пошлину) — въ Константинополь. Уже при Игорѣ водились писанные паспорты: «нынѣ же увѣдѣлъ князь вашь посылати грамоту ко царству нашему: иже посылаеми бывають отъ нихъ сли и гостье, да приносять грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селько» (*дог. Игор. 20*). На писанную грамоту или паспортъ указывають прямо слова варяговъ Владиміру: «да покажи намъ путь въ Греки». Отправленное передъ ними посольство имѣетъ характеръ извинительнаго (по случаю многочисленности варяговъ 980 года) объясненія. При этихъ условіяхъ, то-есть, съ одной стороны, при выходѣ варяговъ изъ Руси, съ русскою грамотою; съ другой, при естественномъ, почти обязательномъ товариществѣ Руси и варанговъ, не удивительно, что Греки соединяли какъ бы въ одинъ, оба корпуса; почти тоже дѣлаютъ они и въ отношеніи Хазаръ и Фаргановъ (*Const. Porph. de Cerim. ed. Bonn. I. 576*). Иные изъ византійскихъ и армянскихъ писателей XI вѣка считали, кажется, варанговъ видомъ Руси; Пселлъ, въ разсказѣ о возмущеніи Варды Ѳоки въ 988 году (см. *Васильевск. Ст. I, 122*), указываетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, на новоучрежденный въ 980 году варангскій и Василіемъ къ русскому присоединенный отрядъ, словами: ἡ ξενικὴ ἑτέρα δύναμις [76]). Ни одно изъ приводимыхъ г. Васильевскимъ свидѣтельствъ не оправдываетъ его предположенія будто бы «сами Русскіе, служившіе въ Византіи, называли себя Варягами, принеся съ собою этотъ терминъ изъ Кіева» (*Ст. I, 143*). На Руси, подъ именемъ варяговъ (будь оно принято въ смыслѣ народа или воиновъ-наемниковъ), постоянно разумѣются иноземцы. Никакого

особаго повода прилагать себѣ это иноземное, варяжское прозвище, не могли имѣть тѣ шесть тысячъ Руссовъ, которые, въ 988 году, состояли на службѣ у греческаго императора. Византійскіе писатели знаютъ о Руси-наемникахъ въ 902, 935, 949, 962, 963 годахъ; о «работающихъ въ Грецѣхъ Руси у Хрестьяньского царя» упоминается въ договорахъ Олега и Игоря; почему же и эти Русь не называютъ себя варягами?

Противно мнѣнію г. Васильевскаго, г. Куникъ (*ap. Dorn*, *655—662*) полагаетъ, на основаніи извѣстнаго мѣста Льва остійскаго о Гуаланахъ, что имя «Варангъ», раздавалось въ Византіи по крайней мѣрѣ уже около 950 года. Я думаю дѣйствительно, что подъ названіями Gualani, Guarani, Guarain, южно-итальянскія лѣтописи понимаютъ варанговъ; но отсюда еще не слѣдуетъ учрежденіе постояннаго варангскаго корпуса въ Греціи, до 980 года. Константинъ багрянородный, исчисляющій (преимущественно по поводу лангобардскаго похода въ 935 и критскаго въ 949 году) всѣ наемныя войска, служившія въ его время у Грековъ, знаетъ между ними: Руссовъ, Далматовъ, Мардаитовъ, Фаргановъ, Хазаръ, Мослемовъ, Палермитанцевъ, Турокъ, Армянъ (*de Cerim. ed. Bonn. I. 576*, *579*, *654*, *655*, *661*, *664*, *673*); но о варягахъ не упоминаетъ, чего, при его точности, нельзя объяснить ни небрежностію, ни умышленнымъ включеніемъ варанговъ въ составъ русской дружины (cfr. *Kunik*, *ap. Dorn*, *660*). По всей вѣроятности Guarani Льва остійскаго были варягами-наемниками, посланными съ русскимъ отрядомъ и подъ именемъ которымъ ихъ отличала Русь, великою кня-

гинею Ольгою на помощь греческому императору, по случаю одного изъ лангобардскихъ походовъ, между 950 и 964 годами [77]). По отбывкѣ своей службы, эти варяги возвратились черезъ Русь во свояси. Это явленіе уединенное, не записанное и забытое Византійцами.

Что касается до другаго мнѣнія г. Куника, будто бы изъ русской формы варягъ не могло, въ лингвистическомъ отношеніи, образоваться греческое βάραγγος (см. *Каспій Дорна*, *637*), я замѣчу, что гг. Норманнисты вольны не признавать западно-славянскаго происхожденія Рюрика и варяговъ его; для насъ слово варягъ, еще долго послѣ призванія, произносилось по законамъ вендской фонетики, varąg, какъ Святославъ Svętosłâv (у Грековъ Σφενδοσθλάβος); да и въ самомъ русскомъ нарѣчіи, IX — XI вѣковъ, вѣроятно еще господствовалъ (по крайней мѣрѣ отчасти), ринизмъ общеславянскаго ѫ.

Отъ Грековъ приняли Скандинавы имя варанговъ подъ формою Vaeringi — Vaeringjar, замѣняя греческое ang своимъ сѣвернымъ ing, а начальное *a* въ слогѣ βαρ, скандинавскимъ ae; такъ ἅγια Σοφία — Aegisif, παλάτια — Pólótur и т. д. Названію Vaeringjar прилагался, кажется, смыслъ наемниковъ (см. *Отр. о вар. вопр. 165*, *166*); что этимъ названіемъ отличались исключительно служившіе въ греческой варангской дружинѣ, показано выше. Какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, скандинавскіе Βάραγγοι — Vaeringjar представляютъ разительную аналогію съ другою греко-германскою дружиною, съ такъ называемыми Нѣмицами. И тѣ и другіе отличаются въ Греціи спеціальнымъ, отъ Славянъ Гре-

ками занятымъ именемъ; и тѣ и другіе знаютъ это имя только въ Греціи; ни Норманны-Варанги, ни Германцы-Нѣмцы не именуютъ себя Варангами и Нѣмцами, внѣ предѣловъ своей византійской дружины. Отыскивать первородную форму варяжскаго имени у Шведовъ VIII вѣка, то же самое, что указывать на греческое Νεμίτζοι какъ на туземное германское прозвище Геруловъ временъ Одоакра.

———

VI.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИМЕНАХЪ.

А) **Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Олегъ, Ольга, Игорь, Владимиръ.**

Увлекаясь легкостію, съ которою всевозможныя въ мірѣ имена могутъ быть (хотя бы только и приблизительно) объяснены изъ богатой до невѣроятности германо-скандинавской ономатологіи [78]), норманская школа выводитъ изъ скандинавскаго источника, всѣ варяжскія и всѣ русскія имена нашей исторіи, отъ Рюрика до Ярослава (см. *Bayer, de Varagis 281—291.—Шлец. Нест. III, 100—Kunik, Beruf. II. 116 ff*). Что нѣкоторыя изъ встрѣчающихся въ ней не-славянскихъ именъ, преимущественно въ договорахъ, дѣйствительно принадлежатъ германо-скандинавскому міру (какъ другія, остальнымъ, въ ея развитіи участвовавшимъ народностямъ: Литвѣ, Угрѣ и т. д.) уже слѣдуетъ изъ сказаннаго прежде о тѣсной связи бывшей между вендскими Славянами и германскими племенами съ одной, норманскими съ другой стороны; о составѣ Рюриковой дружины; о сношеніяхъ варяжскихъ князей съ Норманнами; наконецъ, изъ географическаго положенія самой

Руси. Но выводить всѣ варяго-русскія имена и личности, или хотя бо́льшую часть изъ нихъ, изъ норманскаго начала; относить къ этому началу имена Святослава, Передславы, Володислава и пр. (*Байеръ у Шлец. Нест. III, 104, 105.— Kunik, Beruf. II. 177*); видѣть однихъ Норманновъ въ дружинникахъ и мужахъ князей Святослава, Владимира, Ярослава; производить отъ Норманновъ, по имени, князей явно славянскаго происхожденія по своимъ дѣйствіямъ и историческому значенію, Рюрика, Олега, Игоря, Рогволода; это значитъ основывать русскую исторію не на фактахъ, не на исторической логикѣ, а на этимологическихъ случайностяхъ и созвучіяхъ. Ни здѣсь, ни при изслѣдованіи другихъ явленій народныхъ исторій, лингвистическій вопросъ не можетъ быть отдѣленъ отъ историческаго; филологъ отъ историка. А въ состояіи ли кто уяснить себѣ начальный характеръ нашей исторіи, когда съ одной стороны, на основаніи однихъ ономастическихъ подобозвучій, норманская школа требуетъ отъ насъ безусловнаго вѣрованія въ скандинавское происхожденіе князей и пришедшихъ съ ними варяговъ-дружинниковъ; а съ другой, не можетъ указать ни на одну норманскую особенность въ русскомъ правѣ, язычествѣ, образѣ правленія, обычаяхъ; ни на одно норманское слово въ русскомъ языкѣ; ни на одинъ намёкъ самихъ Скандинавовъ на существованіе у нихъ подъ рукою, громадной свео-славянской колоніи? При отсутствіи иныхъ, положительныхъ слѣдовъ норманскаго вліянія на внутренній бытъ Руси, норманство, до XI-го столѣтія, всѣхъ историческихъ русскихъ именъ, уже само по себѣ дѣло несбыточное.

Тѣмъ не менѣе, основанные на созвучіяхъ нѣкоторыхъ варяго-русскихъ именъ съ скандинавскими, этимологическіе выводы о мнимо-норманскомъ происхожденіи призванныхъ Варяговъ, немогутъ быть оставлены безъ отвѣта. До сихъ поръ изслѣдователи славянской школы не обращали должнаго вниманія на эту сторону занимающаго насъ вопроса. Одни объясняли норманскій (по ихъ мнѣнію) складъ именъ варяжскихъ князей и ихъ сподвижниковъ, сношеніями Вендовъ съ Германцами, русскихъ Славянъ съ Скандинавами; но такое изъясненіе идетъ къ однимъ только исключеніямъ въ русской исторіи; распространенное на всю массу варяго-русскихъ именъ, оно теряетъ свое значеніе и силу. Другіе признавали исключительное славянство спорныхъ именъ; но, къ сожалѣнію, безъ достаточныхъ доказательствъ. Или эти доказательства дѣйствительно невозможны?

Въ противность германо-скандинавской, славянская ономатологія, въ томъ видѣ, въ которомъ дошла до насъ, не отличается числительнымъ богатствомъ именъ. Съ одной стороны, по самому свойству внутренняго организма славянскихъ народовъ, отдѣльныя личности рѣдко являются двигателями народной жизни, въ славянскихъ племенахъ; славянскія исторіи знаютъ однихъ князей и народъ. Ни Нестору, ни Козьмѣ пражскому, ни Мартину Галлу, не извѣстна такъ называемая анекдотическая исторія; отсюда, соотвѣтствующая малочисленности историческихъ дѣятелей, малочисленность, въ ихъ сказаніяхъ, личныхъ славянскихъ именъ. Съ другой стороны, за немногими исключеніями, исторіи славянскихъ народовъ писаны иноземцами, на иноземномъ языкѣ; они не обращали и не могли обращать

вниманія на частности (срвн. *Schafar. Sl. Alt. II. 351*). Невыгодность этихъ условій, съ точки зрѣнія ономастическихъ розысканій, очевидна. Сверхъ того, и въ сдѣланныхъ въ послѣднее время опытахъ систематической разработки древне-славянской ономатологіи, при всей неоспоримой цѣнности этихъ трудовъ, насъ все-таки преслѣдуетъ неправильная, а не рѣдко и фантастическая транскрипція выписанныхъ изъ германо-латинскихъ источниковъ, славянскихъ именъ [79]).

Напрасно требуютъ ревнители норманскаго мнѣнія отъ всѣхъ славянскихъ именъ, какъ опредѣленнаго смысла, такъ и непремѣнныхъ славянскихъ окончаній на славъ, миръ, гость, владъ и т. д. «Довольно есть древне-славянскихъ именъ, говоритъ г. Куникъ (*Beruf. II. 118. Anm.* **), у Полабовъ, Ляховъ, Чеховъ и Сербовъ; у нихъ находимъ многочисленные примѣры древне-русскимъ Ярославъ, Яромиръ (?), Святославъ, Святополкъ, Владиміръ, Людмила (?) и пр.; у нихъ же должно указать и на соименниковъ князьямъ Рюрику, Трувору, Аскольду, Диру, Олегу, Рогволоду, Свенке, Игорю, Ивору и т. д.; на имена русскихъ княгинь Ольги, Рогнѣди и Малфреди; варяжскихъ воиновъ и сановниковъ, если кто и впредь еще вздумаетъ отыскивать родину Варяговъ-Руси внѣ Швеціи». На основаніи этихъ ономастическихъ правилъ, мы должны выключить изъ славянскихъ исторій болѣе половины ихъ дѣятелей, какъ представляющихъ всѣ требуемыя условія къ подозрѣнію въ германо-скандинавскомъ происхожденіи. Еслибы изслѣдователи норманской школы не состояли подъ вліяніемъ извѣстныхъ предубѣжденій, они вѣроятно бы

замѣтили, что, во-первыхъ: кромѣ составныхъ прозвищъ, съ онкончаніемъ на славъ, миръ, гость, обыкновенно повторяющихся въ извѣстной мѣрѣ, у отдѣльныхъ славянскихъ родовъ [80]) (какъ у древнихъ Римлянъ ихъ praenomina), славянская ономатологія знаетъ не малое количество простыхъ именъ (nomina simplicia, *Varro ap. Valer. Max. de nom. rat.*), которыя, по смыслу, для насъ уже непонятны; по формѣ, нерѣдко удаляются отъ принятаго славянскаго первообраза; по употребленію, являются и исчезаютъ въ славянскихъ исторіяхъ, безъ повторенія (за исключеніемъ переходящихъ въ родовыя). Таковы у Чеховъ: Čech, Klen, Bech, Heriman, Tetwa, Mun, Tepta, Weš, Chyna, Keien, Česta, Tyra, Porej, Bezprem, Tas, Prkoš, Olen, Čač, Tista, Preda, Chren, Ben, Čuch, Syndal, Nas и пр.; у Сербовъ: Жунь, Жань, Бальде, Гатальдъ, Браіенъ, Бунь, Микъ, Бучь, Мильцъ, Тольчь, Грдань, Плѣнь, Тусь, Грипонь, Гуня и пр. Или эти имена (я беру только чешскія и сербскія, засвидѣтельствованныя туземными документами, слѣдовательно не искаженныя) звучатъ по славянски болѣе нашихъ: Рюрикъ, Труворъ, Игорь, Олегъ, Диръ, Лютъ, Блудъ, Рогволодъ? Или норманская школа знаетъ многимъ изъ нихъ примѣры внѣ чешской и сербской письменности? Во-вторыхъ: какъ наша исторія не Святославами, Всеволодами, Ярополками [81]), такъ и прочія славянскія исторіи начинаются не Болеславами, Бранимирами, Спитигнѣвами, а являютъ имена, у Ляховъ: Popiel, Piast, Krak, Leško, Wanda; у Чеховъ: Čech, Samo, Krok, Kasi, Teta; у Хорутанъ: Валухъ, Боруть, Каратъ; у Хорватовъ: Клюкасъ, Лобель, Козенецъ, Мухло, Хрватъ, Туга,

Буга, Порга, Борна, Поринъ. Почему же и ихъ не считать Германо-Норманнами [82])? И въ послѣдствіи, какъ у насъ, такъ и у прочихъ славянскихъ народовъ, имена составныя (praenomina, cognomina) рѣдко являются принадлежностію личностей не княжескаго происхожденія; особенность, какъ увидимъ, основанная на извѣстныхъ ономастическихъ требованіяхъ. Въ третьихъ: отозвавшаяся въ русской исторіи вендская ономатологія удаляется, болѣе прочихъ, отъ обычнаго склада обще-славянскихъ именъ; самое племя полабскихъ Славянъ состоитъ, по языку, вѣрѣ, обычаямъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, литовскаго начала; съ другой, германской (преимущественно сакской) и скандинавской народностей. При сравнительно маломъ количествѣ составныхъ именъ, обнаруживающихъ съ перваго взгляда славянское происхожденіе, каковы: Sclaomir, Meligastus, Gotzomuizl, Miseco, Praebislavus и т. п., вендская исторія знаетъ много простыхъ славянскихъ именъ, являющихъ отпечатокъ, иныя — по видимому, другія — дѣйствительно иноземный, преимущественно германскій. Таковы у Эйнгарда: Thrasico, Godolaibus, Ceadrag, Borna, Tunglo; у Дитмара: Naccon, Zolunta, Flopan, Connildis, Procui, Deiux; у Адама бременскаго: Estred, Gneus, Anatrog, Sederich; у Гельмольда: Billug, Grin, Race, Mike, Rochel. Въ колбяжскомъ (colbacense) монастырѣ хранилась слѣдующая надпись, съ именами шести Славянъ, гонителей св. Оттона: «Nomina eorum qui percusserunt d. Ottonem episcopum Bambergensem cum doceret et baptizaret in Wollino anno 1124:

Cistemil, Tredegras, Boydan, Knips, Jesse, Golias,

Hi sex dant plagas o Otto dive tibi (*hist. episc. Cammin. in scrpt. rer. ep. Bamberg. II. 519*). У Саксона грамматика славяно-вендскими и русскими именами являются: Dagus, Dal, Duc, Floccus, Tranno, Rötho, Regnaldus, Scalcus и пр. Еслибы вмѣсто Рюрика, Синеуса и Трувора, варяжскіе князья назывались западно-славянскими именами: Grin, Borna и Skalk, безъ сомнѣнія норманская школа привела бы въ доказательство ихъ скандинавизма своихъ Grim'овъ, Björn'овъ и Skalk'овъ. И нашъ древлянскій Малъ попалъ бы вѣроятно въ Норманны (отъ сѣвернаго Amal), не будь его славянство положительно засвидѣтельствовано лѣтописью [89]).

Отсюда еще не слѣдуетъ ни невозможность раціональнаго объясненія значительной части варяго-русскихъ именъ, ни право, для славянской школы, оставить вопросъ объ именахъ безъ должнаго разсмотрѣнія. Разумѣется, это изслѣдованіе можетъ быть основано на законахъ только славянской, а не скандинавской, ономатологіи. Извѣстно, и всѣми славянскими филологами принято за правило, что бо̀льшая часть мѣстныхъ славянскихъ именъ происходитъ отъ личныхъ (*Palacky, Gesch. v. Böhm. I. 169. anm. 143.— Jordan, Gramm. d. Wend. Serb. Spr. 49*); на этомъ основаніи указываетъ Шафарикъ на личныя: Krak, въ именахъ городовъ Краковъ, Кракополь, Краковецъ; Witorad, въ имени города Witorazi (Витражъ), нынѣ Weitrach и т. п. (*Sl. Alt. II. 360, 426*). Мы не можемъ, въ угодность невозможнымъ требованіямъ, исключить изъ круга нашихъ ономастическихъ доказательствъ, утвержденныхъ славянскою наукою аналогій, ни вѣрить, чтобы между названіемъ

города Regic и личнымъ Рюрикъ, не было лингвистической связи, существующей между именами городовъ Ярославль, Олжичи, Володимерь и личными Ярославъ, Ольга, Володимеръ. Не менѣе странно и другое притязаніе норманской школы, не допускать къ объясненію простыхъ славянскихъ именъ, тѣхъ же именъ въ ихъ составной формѣ, т. е. славянскихъ Luto-mir, Kasi-mir, Wladi-slaw, къ объясненію славянскихъ Ljut, Kasi, Wlad. (см. *Kunik, Beruf. II. 118. Anm.***). Дѣло въ томъ, чтобы ономастическія изслѣдованія были основаны не на произволѣ, не на однихъ, часто случайныхъ созвучіяхъ, а на правилахъ благоразумной филологіи, въ связи съ историческимъ значеніемъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ подлежатъ нашимъ розысканіямъ. Что же до увѣренности, съ которою норманская школа полагается на безгрѣшность своихъ этимологическихъ выводовъ, я замѣчу, во-первыхъ: что до появленія въ свѣтъ изслѣдованій г. Куника, эта школа основывала свое мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи варяго-русскихъ именъ нашей исторіи, на этимологическихъ изысканіяхъ Байера (*de Varagis 281 — 291*), представляющихъ, по мнѣнію Шлецера, настоящій образецъ благоразумной и ученой этимологіи и сравненія именъ (*Нест. Шлец. III. 100*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 116*) не утверждаетъ Шлецерова сужденія, а выводы Байера признаетъ крайне невѣрными и отчасти принужденными. Удерживая только немногія изъ прежнихъ этимологій, онъ является съ новымъ, полнѣйшимъ (и должно сказать, несравненно болѣе раціональнымъ и ученымъ) запасомъ скандинавскихъ именъ; вмѣсто Байеро-Шлецеровыхъ Alak, Alogia, Askel, Tyr, Rotwigda, онъ читаетъ:

Hölgi, Hölga, Höskuldr, Dýri, Ragnheidr и т. д.; тѣмъ не менѣе въ продолженіи около полутораста годовъ, мы были обманугы, съ одной стороны, крайне-невѣрными и принужденными словопроизводствами Байера; съ другой, положительными увѣреніями Шлецера въ ихъ непогрѣшность, ученость и благоразуміе; во-вторыхъ: что въ продолженіи тѣхъ же полутораста годовъ, было принято въ число аксіомъ русской исторіи, что общеславянскія слова: бояринъ, безмѣнъ, вервь, верста, луда, огнищанинъ и пр., происходятъ отъ скандинавскихъ: boljarl, bismer, hvarf, rasta, lodha, eingandin и т. д. Не могутъ ли наши Рюрикъ, Олегъ, Рогволодъ происходить точно также отъ скандинавскихъ Hraerekr, Hölgi, Ragnwaldr?

Рюрикъ. Въ германо-латинскихъ документахъ среднихъ вѣковъ, встрѣчаются формы: Roricus, Roric, Rorigo. «Abiectus est etiam ibi Hugo Remensis pervasor a Romana Synodo excommunicatus, et Odelricus inthronizatus a Widone Suessionensi, Roricone Laudunensi, Gibuino Catalaunensi, Wigfredo Virdunensi, Aistulfo Noviomensi» (*Hugonis Chron. I. ad ann. 961 ap. Pertz X. 364*). «Karolus rex genuit.... ex concubina Arnulfum, Drogonem, Roriconem et Alpaidim» (*Genealog. Comit. Flandr. ib. XI. 303*). «....regnante.... piissimo Ludovico augusto.... Rorigo venerabilis comes» etc. (*Fragm. hist. Fossatens. ib. 370*). «Roricus procurator Frider. duc. Lothar. ad. ann. 1065» (*Triumph. S. Remacli de Malmundar. Coenob. ib. XIII. 441*). Вѣроятно имя Roric есть сокращенное Roderich (*Байеръ у Шлец. Нест. III. 101. 237*); у Датчанъ и у Норвежцевъ оно является подъ формами Hrorecur[84]),

Hraerekr (вар. Hraedrekr и Rodrekr); у Шведовъ оно неизвѣстно. «Въ древне-шведскихъ памятникахъ, говоритъ г. Куникъ (*Beruf. II. 123*), Рёрики (die Röriker) встрѣчаются, кажется, не часто; я знаю только одного Стефана Рёриксона и одного Анунда Рёриксона, двухъ редакторовъ древняго сюдерманландскаго уложенія» [85]). Для шведскаго конунга имя Hraerekr также странно и необычайно, какъ для русскаго князя имена Казимира или Прибислава; вслѣдствіе чего норманская школа должна, или отказаться отъ шведскаго происхожденія нашего Рюрика и выводить его уже не изъ Швеціи, а изъ Даніи или Норвегіи, чѣмъ подрывается все ученіе знаменитѣйшихъ корифеевъ скандинавизма; или же, по примѣру сдѣланнаго въ отношеніе къ именамъ варягъ и Русь, прибѣгнуть къ изобрѣтенію (никакими, даже косвенными свидѣтельствами не утвержденной) формы шведскаго имени, которая бы подходила къ русскому Рюрикъ [86]).,

. Колларъ (*Rozpr. o gmen. 358 слѣд.*) отыскивалъ этимологію имени Рюрикъ, въ чешскомъ raroh, польскомъ rarog = falco cyanopus, соколъ; roryk = hirundo apus, стрижъ; въ имени вендскаго племени Рериковъ — Reregi и города Reric (Мекленбургъ). При отсутствіи указаній на историческую и лингвистическую связь между этими названіями и именемъ Рюрика, предположенія Яна Коллара безъ сомнѣнія много теряютъ изъ настоящаго своего значенія. Г. Куникъ отвергаетъ ихъ по двумъ причинамъ: 1) въ древне-польскихъ и древне-славянскихъ именахъ, нѣтъ живыхъ примѣровъ имени Рюрикъ; 2) rarog имя не личное, а названіе города или птицы; сходство имени

Рюрика съ названіемъ города Reric и сокола raroh, явленіе случайное (*Beruf. II. 122, 123*).

На первое изъ этихъ возраженій я могъ бы отвѣчать что историкъ, не допускающій славянскаго происхожденія Рюрика потому что имя его не встрѣчается у прочихъ славянскихъ народовъ, долженъ, вмѣстѣ съ нимъ, производить отъ Норманновъ и князей Sederich'а, Пяста, Крока, Tunglo, Щека, Хорива и т. п., коихъ имена не только неизвѣстны у прочихъ Славянъ, но и въ своихъ собственныхъ исторіяхъ являются только по одному разу. Но мы не имѣемъ надобности прибѣгать къ этому толкованію. Псковская лѣтопись упоминаетъ о польскомъ воеводѣРирикѣ, подъ 1536 г.: «Ририка Воеводу убиша Лятцкаго» (*Карамз. VIII. прим. 48*)[87]). Имя Рюрика, подъ его основною формою Рерикъ—Rerich, встрѣчается въ числѣ именъ древне-чешскихъ родовъ (die Ritter-Standes Familien), засѣдавшихъ на богемскихъ сеймахъ; см. любопытную книгу: *Das Sehenswürdige Prag. v. Redel. 1710. c. XIV. 103.* Оно сохранилось и въ горлицкомъ дипломатическомъ актѣ 1490 года: «Peter Rerig der Stadschreiber» (*Script. rer. Lusatic. II. 1. 117*). Если не ошибаюсь, это живые примѣры, ничѣмъ не уступающіе шведскимъ Рёриксонамъ.

Отвѣтъ на второе замѣчаніе требуетъ изслѣдованія болѣе подробнаго.

Имя Рериковъ (Reregi) не есть собственно племенное, а прозвище. «Deinde sequuntur Obotriti, qui altero nomine Reregi vocantur et civitas eorum Magnopolis» (по славянски Reric. *Ad. Brem. c. 64*). «Obotriti vel Reregi» (*ibid. c. 138*). «Abodriti vel Reregi» (*Annal. Saxo ad*

ann. 962). Такъ и о Лутичахъ: «Leutici, qui alio nomine Wilzi dicuntur» (*Ad. Brem. c. 66*). «Igitur cum multi sint Winulorum populi fortitudine celebres, soli quatuor sunt qui ab illis Wilzi, a nobis vero Leuticii dicuntur» etc. (*ibid. c. 140*). «Luticii sive Wilzi» (*Helmold. I. XXI*). Какъ Лутичи волками, такъ Оботриты прозывались соколами, въ слѣдствіе особаго уваженія къ религіозному и символическому значенію этихъ животныхъ, у той и у другой народности. «Должно замѣтить, говоритъ Шафарикъ (*Sl. Alt. II. 692. Anm.*), что древніе Славяне и Литовцы сражались подъ стягами, на которыхъ были представлены изображенія животныхъ, служившихъ имъ религіозными символами; имена этихъ звѣрей могли весьма легко перейти на роды или племена, состоявшіе подъ этими стягами. Примѣромъ служатъ Кршане т. е. Иллирійцы, обитающіе на островѣ Кркѣ (Veglia)[88]) и получившіе отъ изображеннаго у нихъ на стягахъ коршуна, названіе Чучей (Čuči; čuc = bubo). Не есть ли это ключь къ объясненію многихъ родовыхъ и фамильныхъ именъ?» Орелъ (или соколъ) изображенъ у Маша на двухъ фигурахъ (11 и 14) оботритскихъ боговъ; на прозваніе Оботритовъ соколами намекаетъ и скальдъ Гутормъ Синдри, прославляющій короля Гакона, за то что онъ покорилъ Зеландію и подчинилъ себѣ гнѣздо вендскаго сокола, Vinda vals (*hist. Ol. Tr. f. c. 18*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 122. 123*) читаетъ по Шафарику (*Sl. Alt. II. 588*). Rarožane и Rarog, вмѣсто Reregi и Reric; но Шафарикъ употребляетъ этѣ формы только въ переводномъ значеніи; онъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Мы замѣтимъ (о древанскомъ нарѣчіи)

что многія явленія, по видимому происходящія отъ позднѣйшихъ искаженій языка, встрѣчаются уже въ наидревнѣйшихъ источникахъ и безъ сомнѣнія берутъ свое начало, не столько въ иноземномъ вліяніи, сколько въ организмѣ и самобытномъ развитіи славянскаго языка, напр. переходъ а въ е; по древански breda, bredawejcja, wilereiz (weleraz, slowak: weloraz, pluries), grenca (граница) ritis (rákos); у древнихъ: Redigast, Ridegast, Redari, Redara, Retra, Kemnitz, Reregi, Reric, Brennaborg, Jesne, Riedawice, Gersleff, Jereslaw и т. д.» (*Sl. Alt. II. 623*). Я прибавлю, что обще-славянское рокъ, рогъ является у древанскаго племени подъ формою rik; такъ wotrok (отрокъ)=woatrik; rog (рогъ) = rik (*Hennig въ сп. Гильфердинга*)[89]. Формы Рерики, Рерикъ принадлежатъ стало-быть не германскому искаженію, не невѣденію Эйнгарда, Адама бременскаго и т. д., а грамматическимъ свойствамъ славянскаго племени, произносившаго рерикъ (соколъ) вмѣсто raroh, rarog. На форму Reric указываетъ и постоянно одинаковое чтеніе имени города Reric, Rerich у Эйнгарда ad ann. 808, 809; Reric въ Annal. Fuldens. et Met. подъ тѣми-же годами. Ту-же форму находимъ и въ названіяхъ впадающей въ Одеръ, подъ Кенигсбергомъ, рѣки Рерикъ die Rörike) и принявшаго отъ нея имя Рерикъ, коммандорства Іоаннитеровъ, около половины XIII столѣтія (*Barthold, Gesch. v. Rüg. u. Pomm. I. 33. II. 416, 417*)[90].

Теперь, въ какихъ отношеніяхъ состоитъ личное Рюрикъ къ нарицательному reric (соколъ); къ племенному Reregi (Рерики); къ названіямъ города и рѣки Рерикъ?

а) Братъ Рогволода именуется Туръ; въ Ипатьевской

лѣтописи подъ 1208 г. Петръ Туровичь. Другіе славянскіе вожди и князья называются Волками. Имя Соколъ встрѣчается между чешскими дворянскими родами. «Thaboritarum Orphanorumque Socol et Czapecus» (*Zachar. Theob. jun. bell. Hussit. 158*). «der alde von Coldice und her Socol» (*Scultet. Annal. in scrpt. rer. Lusatic. I. 2. 242*). «Johannes I. Primus hic ex natione et nobilitate Polonica, Accipitri nempe Familia, Pontificalem promeruit in Silesia dignitatem.... ao. *1072* vivere desiit» — «Johannes I, ein edler Pohl aus dem habichten geschlechte» (*Henel. ser. ep. Wratislaw. ap. Sommersb. II. 5*). «Dietel de Schalitz» (*Boczek, III. № 223*). — Рюрикъ (reric — соколъ) можетъ быть личнымъ именемъ, какъ туръ, волкъ, соколъ, дятелъ.

b) Племенному названію Драговитовъ (*Schafar. Sl. Alt. II. 613, 629*), отвѣчаетъ личное имя вендскаго князя Драговита (*Einhard. Annal. ad ann. 789:* Dragawit. — *Annal. Lauresh. ad ann. 789:* Tragwit). Племенному названію Вильцевъ, личное княжеское Wiltzan (*Einhard. Annal. ad ann. 789. cfr. Schafar. Sl. Alt. II. 558:* Wlčkowe, племя; *559:* Wlk, Wlčan, имя). Племенному Древане (*ibid: 593, 594;* срвн. у Нестора: Древяня, *Лавр. 5*), личное княжеское Древанъ или Дерванъ: «Deruanus dux, qui urbibus praeerat Sclavorum» (*Aimoin. de gest. Francor. 369. — Fredeg. c. 68*). — Племенному Рерики (Reregi) отвѣчаетъ личное княжее Рюрикъ.

c) Имени города Оногощь («Podgoria.... zupaniae Onogoste, Moratia» etc. *ap. Luc. p. 293*) отвѣчаетъ личное Оногость, имя Славянина патриція у Грековъ, въ 470 г. (Ἀναγάστος *ap. Prisc. ed. Bonn. 162*). Имени города

Радогощь (*Царств. кн. 39. — Сказ. Курбск. 182. — Anonym. Archidiac. Gnesn. ap. Sommersb. II. 91:* Ridgostia), личное Радгость, Radohost (Ἀρδαγάστος *ap. Theophyl. Simocatt. ed. Bonn. 253*), Radhost (*Boczek, II. 16*) [91]). Имени города Olstin (*Archidiac. Gnesn. ap. Sommersb. II. 104, 144:* Holstin), личное Ольстинъ (*Лавр. 162*). Имени крѣпости Соколъ (въ сербскомъ Дубровникѣ, *Schafar. Sl. Alt. II. 272* и у насъ на рѣкѣ Дрысѣ, *Карамз. IX, 117, прим. 223*), личное Соколъ. Имени города Bezprem («Urbs quae vulgo Besprem nuncupatur» *Steph. reg. Ung. vita min. ap. Pertz, XIII. 227*), личное Bezprem и т. д. — Имени города Reric (cfr. villa Roreke, *прим. 90*), личное Рюрикъ [92]).

d) Названію рѣки Radogost (*Kollar, Sl. Boh. 74*) отвѣчаетъ личное Радѳгость. Названію рѣки Дунай, личное Дунай (*Ипат. 209.* Dunag, *Čas. Česk, m. VI. 62*); рѣки Днѣпръ, личное Dnepr (*Boczek, II. 67, 176*).—Названію рѣки Рерикъ (Rörike), личное Рюрикъ.

Шлецеръ упоминаетъ въ слѣдующихъ, краткихъ словахъ о мнимо-фризскомъ герцогѣРерекѣ: «въ Фрисландіи былъ около 810 года герцогъРерекъ» (*Нест. III, 102, прим.*). ЭтотъРерекъ былъ не фрисландскій герцогъ, а вендскій князь.

Мы читаемъ въ сагѣ Олафа Тригвасона (*I. cap. 60*): «Quo tempore Karlamagnus regnavit, Jotiae praefuit rex, Godefridus dictus; hic Hroerekum, principem Frisonum, interfecit, et Frisonibus tributum imposuit. Postea rex Karlamagnus ingentem exercitum contra Godefridum duxit; tum Godefridus a suis interfectus est, Hemingus vero,

fratruelis ejus, rex creatus est». Почти также *Fragm. prim. ad res Danic. pertin:* «Quo tempore Carolus Magnus imperavit, fuit rex, nomine Godefridus; is Raerekum, Frisonum principem, interfecit, et Frisonibus tributum imposuit». Мы знаемъ дѣйствительно что Годефридъ (у Саксона грамм. VIII. 433: Gotricus) дѣлалъ нападеніе на Фрисландію въ 810 году: «Imperator vero Aquisgrani adhuc agens, et contra Godefridum regem expeditionem meditans, nuncium accepit, classem ducentarum navium de Nordmannia Frisiam appulisse, cunctasque Frisiaco littori adiacentes insulas esse vastatas, iamque exercitum illum in continente esse, terrenaque proelia cum Frisonibus commisisse, Danosque victores tributum victis imposuisse, ac vectigalis nomine centum libras argenti a Frisonibus jam esse solutas, regem vero domi esse, quod et revera ita erat.... Sed dum imperator in memorato loco statiua haberet, diversarum rerum nuncii ad eum perferuntur. Nam et classem quae Frisiam vastabat, domum regressam; et Godefridum regem a quodam suo satellite interfectum.... nunciatur» (*Einhard. Annal. ad ann. 810.* cfr. *Annal. Loiselian. ap. du Chesne scrpt. hist. Franc. II. 47*). Ни въ одной изъ германскихъ лѣтописей не упоминается объ убіеніи Готрикомъ, фрисландскаго герцога Ререка; всѣ напротивъ утверждаютъ что Годефридъ не принималъ личнаго участія въ фризскомъ походѣ: «regem vero domi esse, quod et revera ita erat» (cfr. *Dahlmann, Gesch.* v. *Dänem. I. 25*). О герцогѣ Ререкѣ не знаетъ и Саксонъ грамматикъ (*VIII. 437, 438*). Молчаніе германскихъ лѣтописей тѣмъ знаменательнѣе, что въ 810 году, собственно фризскихъ князей уже не было;

послѣдній изъ древняго рода ихъ, Radbod, бѣжалъ въ Данію, послѣ убіенія майнцкаго архіепископа Бонифація въ 754 году (*Einhard. annal. ad ann. 754*); Фризіею же стали управлять германскіе герцоги, отъ имени императора «duces qui Fresiam providebant» (*Regin. chron. ad ann. 809*)[98]). Но возможно ли допустить чтобы германскіе лѣтописцы (преимущественно Эйнгардъ), описывающіе съ такою подробностію походъ Годефрида на Фризовъ въ 810 году, не знали объ убіеніи имъ намѣстника императора?

Съ другой стороны, скандинавскія саги, знающія о датскомъ походѣ на Фрисландію въ 810 году, не упоминаютъ вовсе о предшествовавшихъ ему походахъ Готрика противъ Оботритовъ, въ 808 и 809 годахъ. Изъ германскихъ лѣтописей узнаемъ мы что датскій король, съ согласія нарочитыхъ оботритскихъ мужей, недовольныхъ своимъ княземъ Дражкомъ (Thrasico, Drasco, Thrasco, Drosocus; сокр. Драговитъ), вступилъ, вмѣстѣ съ враждебными Лутичами, въ землю Оботритовъ, прогналъ старшаго князя Дражка, а младшаго (въ лѣтоп. Godelaibus, Godolaibus) повѣсилъ, разорилъ торговый городъ Рерикъ, подчинилъ себѣ двѣ трети оботритской земли и возвратился во свояси съ огромною добычею, но при утратѣ лучшаго цвѣта своего войска. Въ слѣдующемъ 809 году, Готрикъ велѣлъ предательски умертвить князя Дражка, въ его городѣ Рерикѣ: «Thrasico dux Abotritorum in emporio Rerich ab hominibus Godofridi per dolum interfectus est» (*Einhard. annal. ad ann. 808, 809. — Chron. Moissac. ad ann. 810 ap. Pertz, I. 309. — Reginon. Chronic. ad ann. 809. ibid. 565*).

Если не ошибаюсь, скандинавскія саги соединили въ

одно два различныхъ произшествія и похода и отнесли къ Фризамъ убіеніе славянскаго князя Рерика. Главнымъ поводомъ къ этому смѣшенію былъ тотъ дѣйствительный фактъ, что при императорѣ Людовикѣ († 840), Норманнъ Rorih (соименникъ, по созвучію, оботритскому Рерику) держалъ на ленномъ правѣ, Дорештадскую волость въ Фрисландіи: «Rorih, natione Nordmannus, qui temporibus Hludowici imperatoris cum fratre Herioldo vicum Dorestadum jure beneficii tenuit» (*Annal. Fuld. ad ann. 850*). Къ тому же исландскіе писатели безпрестанно смѣшиваютъ Саксонію (Saxland), Фризію (Frisland) и Вендію (Vindland); см. *Scrpt. hist. Islandor. XII. 280 v. Holsatia.* Между народами этихъ земель существовала дѣйствительно тѣсная связь [94]). Въ 789 году Фризы являются союзниками Оботритовъ противъ Лутичей, союзниковъ Датчанъ (*Ann. Lauriss. ad ann. 789*). Какъ Датчане съ Норвежцами, Шведы съ Готами, такъ Фризы приводятся у сѣверныхъ лѣтописцевъ въ связи съ Вендами (Danos et Norvegenses, Gothos et Swathedos, Wandalos et Freses. *Math. Westm. Bromton Chronic. ap. Twysden*). Этому сближенію было причиною, кромѣ сосѣдства обоихъ народовъ, славянское поселеніе въ фризской землѣ, еще вполнѣ ощутительное въ первые годы IX-го вѣка (см. *Van Kampen*, *Gesch. d. Niederl. I. 58.* — *Schafar. Sl. Alt. II. 570. Anm. 4*). Подобныя ошибки не рѣдки у лѣтописателей среднихъ вѣковъ; какъ скандинавскія саги выдаютъ славянскаго Рерика за фризскаго князя, такъ одни только англійскіе лѣтописцы (первый Флоренцій подъ 1029 г.) знаютъ о небываломъ вендскомъ князѣ Виртгорнѣ (Wirtgeorn, rex

Winidorum), смѣшивая Вендовъ съ датскою землею Wendile (*Dahlmann*, *Gesch. v. Dänem. I. 179. n. 1*). У Саксона грамматика вмѣсто побѣжденныхъ Годефридомъ Славянъ, являются не Фризы, а Саксы: «Gotricus, speciosam ex Saxonibus victoriam referens» (*VIII. 436*).

Теперь, почему убитый Готрикомъ славянскій князь Дражко (Драговитъ) названъ Рерикомъ въ скандинавскихъ источникахъ? По всей вѣроятности, имя Рерикъ (соколъ) было **прозвищемъ** вендскаго Дражка, а городъ его Рерикъ былъ civitas Rerici (у Эйнгарда civitas Dragawiti) какъ Wiztrach—civitas Wiztrachi; Bezprem — civitas Bezpremi и т. д. Прозвище Рерикъ могло быть родовымъ въ семействѣ оботритскихъ князей, родичей нашего Рюрика[95]). Гдѣ краладворская рукопись знаетъ Честмира (Čmir), воеводу Неклана, Козьма пражскій и Далимилъ именуютъ Тира или Стира (Туго, Styr), конечно не по ошибкѣ; подобно Дражку-Рерику, воевода Неклановъ носитъ два имени: Čestmir Styr (cfr. *Wocel*, *B. Alt. 72*). Туроцъ знаетъ имя Безенъ (срвн. Besenez и Wezen, *ap. Bocsek I. 126. II. 173*) для Ярослава Святополковича (*Scrpt. rer. Hungar. Schwandtn. I. 173.*—*Карамз. II. прим. 226*)[96]). Какъ прозвище безъ имени, такъ имя употребляется нерѣдко безъ прозвища; напр. Водовикъ (*Карамз. III, прим. 331*), Русалка (*Соф. врем.*) и т. д.

Замѣчательно, что съ убіеніемъ Дражка, названіе Reric изчезаетъ для Мекленбурга.

Синеусъ. «Snio, Sinnuitr, Signiauter, Siniam, Sune» (*Нест. Шлец. I. 337, прим. 6*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 133 — 138*) останавливался когда-то на формѣ Signiautr;

удовлетворительнѣе ли она прочихъ? На сколько мнѣ лично извѣстно, ученый авторъ призванія Родсовъ причисляетъ нынѣ имя Синеуса къ необъяснимымъ ономастическимъ гіероглифамъ.

Длугошь писалъ Şcyniew, Sciniew; Стрыйковскій Sinaus albo Syniew. Они думали безъ сомнѣнія о польскомъ имени Сигнѣвъ, Сигнавъ (см. *Ипат. 185, 203*); въ польской грамотѣ 1256 г. латинизированное Signeus (*Бод. де Куртенэ, о др. польск. яз. 45*).

Корень имени Синеусъ должно искать въ прилагательномъ синій, польск. siny; въ Игоревомъ договорѣ одинъ изъ пословъ именуется Синко (*Лавр. 20*); въ грамотѣ сербскаго короля Стефана (1222—1228) встрѣчаются имена: Сина, Чьрнота, Бѣлота (*Šafar. Pam. drevn. pisemn. Jihosl. Č. VII. 7*): у Чеховъ Besenez Sina (*Boček, I. 126*); у Ляховъ Sinoch (грам. 1136 г. *Б. де Курт. 39*) и т. д. Окончаніе на усъ (камень претковенія для скандинавскихъ нарѣчій) не представляется необычайнымъ явленіемъ въ славянской ономатологіи; у Вендовъ: Blusso (*Helmold, I. cap. XXIV.*—Plusso *Ad. Brem. cap. 168*), очевидно тождественное съ русскимъ Блусъ (*Ипат. 210*); Vitus (*Cod. P. ad ann. 1252*); у Чеховъ и Моравлянъ: Мочгусъ (Mochus см. *Морошк. именосл. 130*); у Сербовъ: Тусь (*Šafar. Pam. d. p. Jihosl. VII. 7*) и т. д. На Руси: Бѣлоусъ (старый Бѣлоусъ, село въ 6 верстахъ отъ Чернигова; Бѣлоусъ, рѣка у *Карамз. II. 256; въ Ипат. 76:* Бѣловѣсъ), Сивоусъ, Прудыусъ и т. д. (см. *Маякъ, 1844 г. Іюль, Матер. 61*); рѣка Міусъ и городъ Калміюсъ (*Кн. больш. Черт.*). Быть можетъ Синеусъ есть ничто иное

какъ передѣланное на русскій ладъ (съ окончаніемъ на усъ) западное Синеушъ или Синушъ (срвн. Бѣлеушъ и Бѣлушъ у *Морошк. именосл. 32.* — Драгашь и Драгушь у *Шафар. изб. хрисов. č. VII*, *7* и *лѣтоп. госп. Срьбск. 74*) то-есть сокращенное Sineslaw, Sinoslaw (срвн. Бѣловолодъ и Синеволодьско въ *Ипат. 132, 178;* въ Анатоліи славянскій городъ Синеславль, Sinescla *ap. Kollar, Rozpr. 119*), какъ Нѣгушь, Драгушь, Длугошь — сокращенныя Нѣгославъ, Драгославъ, Длугославъ. Примѣръ перехода западнаго окончанія на ucz въ русское усъ представляетъ названіе понизовскаго города Kaluscz; въ лѣтописи Калiусъ (*Ипат. 180.* — *Карамз. III*, *248.* — *IV*, *прим. 20*).

Труворъ, Триворъ, Труберъ. «Thruwar, Truere, Truve, Trygge, Trygr» (*Нест. Шлец. I*, *337*, *прим. 6*). «Rurici fratri Trewur, Trubar, Trowur, nomen fuit, ut ruthenicae habent historiae» (*Bayer ap. Schloetz. ibid. III. 237*). Откуда взялъ онъ эти варіанты? Г. Куникъ (*Beruf. II. 131*) указываетъ на прозвище thruwar, которымъ, по свидѣтельству Саксона грамматика, отличался одинъ изъ норвежскихъ воиновъ, участниковъ въ бравалльской битвѣ: «Ywarusque cognominatus Thruwar» (*Saxo Gramm. VIII. 383*). Но thruwar (слово не существующее ни въ древне-скандинавскихъ, ни въ древне-германскихъ нарѣчіяхъ) есть ничто иное какъ одинъ изъ обычныхъ Саксону грамматику евфимизмовъ, въ родѣ его Regnaldus вмѣсто Rögnwaldr, Siritha вм. Sigrid, Syfridus вм. Sigfrid и т. п.; это самое thruwar записано подъ своею настоящею формою þrjúgr (treu, вѣрный), въ исландскомъ Сёгубротѣ, гдѣ и является прозвищемъ (пропущеннаго по ошибкѣ у Саксона грамма-

тика) Норвежца Эйнарра. Приводимыя г. Куникомъ въ объясненіе русскому Трувору, формы Thrugillus и Thrugotus, опять таки Саксоновы искаженія скандинавскихъ Thorgill и Thorgot (у *Ад. брем. гл. 231:* Thurgot, имя перваго готландскаго епископа). Остается передъ нами, вмѣсто вымышленной Саксономъ формы thruwar, только скандинавское þrjúgr (произн. трюгъ), въ которомъ едва ли кому изъ современныхъ лингвистовъ вздумается признать противень славянскому Трувору. Другихъ подходящихъ къ Трувору формъ, сѣверная ономатологія не знаетъ.

Имя третьяго варяжскаго князя является у насъ подъ формами: Труворъ; Триворъ (полет. патр. никон. списки лѣтописи; *Нест. Шлец. I, 333, 334;* эрмит. хронографъ у *Круга*, *Forsch. I. 95*); Труберъ (*лѣтоп. русск. цар.* въ *Супрасльск. рук. кн. Оболенск. 172*). У Длугоша: Trubor; у Стрыйковскаго: Truwor albo Trubor.

Помѣщенный въ принадлежавшемъ императрицѣ Екатеринѣ II-й сборникѣ XV вѣка, *Лѣтописецъ Рускихъ царей* оканчивается 1214 годомъ; списанъ онъ, по всей вѣроятности, съ одного изъ древнѣйшихъ экземпляровъ начальнаго Русскаго временника (см. *предисл. кн. Оболенск. 162, 163*). Встрѣчающееся дважды въ немъ чтеніе Трѹберъ можетъ быть отнесено къ первородной (вендской) формѣ этого имени; живой противень этой формѣ находимъ въ имени извѣстнаго краинскаго проповѣдника Primus Truber (1508—1586. См. *Dobrowsky*, *Slavin*, *194—211*). Тоже чтеніе, подъ малоизмѣненною формою Trubor, находимъ у Длугоша и Стрыйковскаго; оно не схвачено съ воздуха и безъ сомнѣнія указываетъ на существованіе въ

западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ славянскаго имени Trubor. На Руси вендское Trubor (Truber) переходило въ Труворъ, какъ Lutobor (*Boczek*; *I. 192*) въ Лютаворъ (*Акт. истор. I*, *182*) и Литаворъ (*Сбор. Мухан. 70*); Boreš (*Čas. Č. m. VI. 60*) въ Воршъ (*Ипат. 183*) и т. д. Впрочемъ новгородская лѣтопись читаетъ Раковоръ и Ракоборъ, Граворъ и Граборъ (*59*, *159*, *163* см. *вар. і*). Объ окончаніи на воръ личныхъ славянскихъ именъ см. гл. VIII [97]).

Ольгъ (Олегъ) и Ольга. У Байера: Alak; у Шлецера: Олофъ, Олафъ (*Нест. Шлец. III. 105*); Ольга — Alogia (*ibid.* — *Погод. изслѣд. III*, *91*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 142 ff.*) приводитъ скандинавскія формы Helgo, Hölgi, Helga, Hölga, ссылаясь преимущественно на греческое Ἔλγα (Ольга) у Константина багрянороднаго (*de Cerim. ed. Bonn. I. 594*) и у Кедрина (*ed. Bonn. II. 329*). Нѣтъ сомнѣнія что скандинавскія Hölgi, Hölga, могли бы проявиться у насъ подъ формами Ольгъ, Ольга, какъ западные jedin, jelen подъ формами одинъ, олень и т. д. Но въ предположеніи норманской системы, Греки слышали Ольгино имя не подъ его славянскою, а подъ его скандинавскою формою Hölga; а въ этомъ случаѣ греческое Ἔλγα едва ли могло обойтись безъ придыханія [ʽ spiritus asper]. Естественнѣе объясняется переходъ русскаго Ольга въ греческое Ἔλγα, изъ природной греческому и славянскимъ языкамъ равнозначимости звуковъ *о* и *е;* такъ: ὁλκὴ — tractio, tractus и ἕλκω, ἑλκύω — traho; ὁλκάζω traho ἕλκω, χαλιναγωγῶ. Hesych. — ὁλκός ἄνθρωπος· ὁ ἑλκυστικος καὶ ἐπαγωγός. Suid. v. ὁλκὸς (срвн. влеку и волоку). Такъ и

сербскій городъ Ольгунъ (нынѣ Dulcigno, см. *Schafar. Abk. d. Sl. 171* и *Sl. Alt. II. 272*), у Плинія Olchinium (*Hist. nat. III. 26*), у Тита Ливія и Птолемея Olcinium, Ὀλκίνιον (*Cellar. Notit. Orb. Ant. II. 617*), переходитъ именно у Константина багрянороднаго въ форму Ἑλκύνιον, относящуюся къ Olcinium, Olchinium, какъ греческое Ἔλγα къ русскому Ольга (*de adm. imp. ed. Bonn. 145*). Да и на какомъ основаніи будемъ мы допускать переходъ скандинавскаго Hölga въ русское Ольга, когда тоже начальное Hö въ формѣ Höskuldr превращается, по мнѣнію норманнистовъ, въ начальное *а* въ формѣ Аскольдъ (см. *гл. VII*)? Всѣ эти созвучія простая случайность, которой можно найти десятки примѣровъ и въ другихъ языкахъ.

Начальный слогъ *ол* входитъ въ составъ множества мѣстныхъ и личныхъ именъ у всѣхъ славянскихъ народовъ: У Моравлянъ городъ и погостъ Olomutiči въ 864—882 г., нынѣшній Олмюцъ; рѣка Ольцава (*Schafar. Sl. Alt. II. 501*); у Чеховъ личныя: Olata, Olbram, Olek, Olen, Olata (*Boczek, I. 115, 233, 226, 176; II. 56*) и т. п.; у полабскихъ Славянъ городъ Ольгощь (*Andr. V. S. Otton. ap. Ludew. I. 500:* Hologost; *Inc. auct. chron. Slav. 209:* Wolgost; *Vita Otton. e passion. monast. S. Crucis 352:* Ologast; *al:* Hologasta, Wolgast, Wolegast); на Руси, рѣки: Олто (Алта), Olычь (Олицъ), Олшаница (*Ипат. 43, 46, 51*); Ольстинъ Олексичь (*тамъ же, 129*); Olimarus rex Orientalium sc. Ruthenorum (*Saxo Gramm. V, 231*) и т. д. Что этотъ слогъ *ол* — *ol* есть ничто иное какъ вел — wel (велій, великій), уже видно изъ того что почти каждое изъ приведенныхъ именъ имѣетъ соотвѣтствующее на вел;

напр. Olek — Welek, Olen — Welen, Olimarus — Welemir, Wolin — Welin, Olstin — Welestin, волотъ — welet, Волосъ — Veless и т. д. [98]). Теперь, въ какомъ значеніи проявляется коренное славянское *ол* въ имени Ольгъ, Олегъ?

Непремѣннымъ правиломъ сокращенія славянскихъ именъ кончающихся на миръ, мыслъ, славъ, гость и т. д., должно признать удержаніе, въ концѣ сокращенія, основныхъ звуковъ *м*, *с*, *г*. Радимъ (*Лавр. 5.* — Radim, братъ св. Адалберта, *Cosm. II, 40;* Radim, Castellanus de Preroue, *ap. Boczek, I. 115*) сокращенное Radimjr, древне-славянское имя (*Čas. Č. m. VI. 65*); отсюда и Длугошевы Radzymierzane, Радимирцы. Branim (сынъ Лешка *Kadlub. I. cap. 16.* — *Boguchw. 22, 23.* — Cfr. Barnim, Stettini, Pomeraniae, Schlauiae et Cassubiae dux ao 1343. *Scrpt. rer. ep. Bamberg. Append. Diplom. I. 555*), сокращенное Branimir, имя хорватскаго князя около 879 года (*Schafar. Sl. Alt. II. 287*). Гостимъ (Gestimus, *Annal. Xantens. ap. Pertz, II. 228*) сокращенное Гостомыслъ (Gotzomiuzli, Gostomwil, *annal. Trecens. 445.* — Gestimulus, *Lamberti annal. ap. Pertz, V. 47*). Нѣгушь, Драгушь, Мирошь, Радишь, Ярошь, Бранишь, Мстишь — сокращенныя: Нѣгославъ, Драгославъ, Мирославъ, Радославъ, Ярославъ, Браниславъ, Мстиславъ. — Anatrog, имя вендскаго князя у Адама бременскаго (*гл. 105*) сокращенное ѩдрогость, Jądrogost (Ἀνδραγάστος, ap. *Theophyl. Simocatt. ed. Bonn. 47;* у Шафарика, кажется ошибочно, Onodrag. *Sl. Alt. II. 535*). Billug, (regulus Obotritorum *ap. Helmold. I. XIII*) сокращенное Бѣлогость (срвн. лич-

ныя: Бѣловолодъ, Бѣлота и пр.). Mileg, Radeg, Jareh, Spitieh—сокращенныя: Milgost, Radhost, Jarohnew, Spitihnew (см. *Boczek*, *I. 114*, *115*, *125*, *233*. *II. 16*, *65*, *58*) и т. д. Ольгъ, Олегъ сокращенное Ольгость. Но имѣемъ ли мы основаніе полагать личное Ольгость въ числѣ славянскихъ именъ?

Мы уже видѣли что бо́льшая часть мѣстныхъ славянскихъ именъ образуется изъ личныхъ. Таковы, безъ исключенія, всѣ мѣстныя имена съ окончаніемъ на гощь, славль, мирь, мышль и т. п. Изъ происходящихъ отъ личныхъ съ окончаніемъ на гощь, на́мъ извѣстны города и села: Оногощь, Радогощь, Оргощь (*Ипат. 84;* личное Орогость, *Лавр. 116*), Пирогощь (Пирогощая богоматерь въ *Сл. о полк. Иг.* и *Лавр. 132, 148;* срвн. Πειράγάστος *ap. Theophyl. Simoc. VII. 4*), Домагощь (*Ипат. 30.* Domagost личное имя *ap. Boczek, I. 181*) и т. д. Очевидно что форма поморскаго Ольгощь (Hologost, Wolgost, Ologast) предполагаетъ личное вендское Ольгость; въ самомъ дѣлѣ, между личными именами, приводимыми у Шафарика (*Sl. Alt. I. 55*), мы встрѣчаемъ форму Wolhost. Какъ Ольгощь и Вольгощь (Hologost, Wolgost), какъ Олимиръ (Olimarus *ap. Sax. Gramm.*) и Волимиръ (*Sommersb. II. 67, 76*), какъ Ольга и Вольга въ лѣтописи, такъ Ольгость и Wolhost; Ипат. л. (*148*) читаетъ Волговичь вмѣсто Ольговичь.

Существованіе личнаго Ольгость, Wolhost несомнѣнно; его сокращеніе подъ формою Ольгъ, Олегъ, непремѣнная потребность лингвистическихъ аналогій. Подъ этою сокращенною формою, находимъ мы личное Oleg или Oley у Че-

ховъ въ 1088 г. (*ap. Boczek I. 184.* срвн. Olek *ibid. 233*) [99]). Герберштейнъ хорошо владѣвшій славянскими языками и произношеніемъ, пишетъ Olech (*Comm. 3*) [100]).

Какъ отъ сокращеннаго Туго (Tungo, Tugost) [101]) женское Туга (*Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 143*), такъ отъ сокращеннаго Ольгъ женское Ольга.

Г. Куникъ производитъ это имя отъ скандинавскаго Hölga. Но Скандинавы знали русскую Ольгу подъ другимъ именемъ; они называли ее Аллогіею, Allogia.

Уже нѣкоторые изслѣдователи (между прочими и протоіерей Сабининъ) догадывались что подъ именемъ Аллогіи, супруги Владимира (*Hist. Olavi Tr. f. cap. 46*), сокрыта бабка его Ольга. Г. Куникъ (*Beruf. II. 148*) отвергаетъ это предположеніе; но кажется безъ основанія. Сага Олафа Тригвасона знаетъ объ Ольгѣ, съ одной стороны, по преданіямъ вывезеннымъ изъ Руси Норманнами дружинниками; какъ у Нестора Ольга, такъ въ сагѣ Аллогія именуется «мудрѣйшею всѣхъ человѣкъ»—«omnium feminarum sapientissima» (*Лавр. 46. — Hist. Ol. Tr. f. cap. 57*); и въ сагѣ и въ лѣтописи она является первою христіанкою на Руси. Другимъ источникомъ саги (объясняющимъ почему Ольга— Allogia представлена не бабкою, а женою Влададимира) была древняя германская хроника Imago mundi, о которой сага отзывается слѣдующимъ образомъ: «Haec, quae de annuntiata in Gardarikia ab Olavo Tryggvii filio fide Christiana jam relata sunt, fidem non excedunt (по свидѣтельству Саги Аллогія, Владимиръ и вся Русь крестились по совѣту Олафа) nam liber praestans, et ad rerum cognitionem frugifer, qui inscribitur Imago Mundi, clare testa-

tur, has nationes, quae appellantur Rusci, Polavi, Ungarii, ad christianismum conversas esse diebus Ottonis imperatoris hoc nomine tertii» (*ibid. cap. 76*). Въ самомъ дѣлѣ мы читаемъ въ Honorii Summa tot. et imag. Mundi ad ann. 1002: «Ruzi, Polani et Ungarii facti sunt Christiani» (*Pertz, XII. 130*). Составителю саги приходилось согласовать преданіе объ Ольгѣ, какъ о первой христіанкѣ на Руси, съ эпохою пребыванія въ Кіевѣ Олафа Тригвасона и крещенія Владиміра, что онъ и сдѣлалъ по своему. У Дитмара находимъ тоже извѣстіе, но при слѣдующихъ обстоятельствахъ: «Amplius progrediar disputando, regisque Russorum, Vlodimiri, actionem iniquam prostringendo. Hic a Grecia ducens uxorem Helenam nomine, tertio Ottoni desponsatam, sed ei fraudulenta calliditate substractam, Christianitatis sanctae fidem eius hortatu suscepit, quam iustis operibus non ornavit» (*VII. 103, 104*). Какъ въ сагѣ, такъ и у Дитмара поставлена Ольга (Allogia-Helena) супругою Владиміра, вмѣсто греческой царевны Анны. Ошибка естественная; преданіе соединяло въ одно двѣ эпохи христіанства и двухъ великихъ просвѣтителей Руси [102]). Скандинавы знали подъ именемъ Аллогіи ту самую Ольгу, которая была извѣстна Дитмару подъ именемъ Елены.

И теперь, норманское-ли это имя Allogia, Arlogia (*Codd. B. C. Scrpt. hist. Island. I. XXII. 93. 161*)? Оно извѣстно въ скандинавскихъ сагахъ (см. выше и *Hist. Ol. Tr. f. ab. Oddo mon. cap. 5*) только о мнимой супругѣ Владиміра. Г. Куникъ (*Beruf. II. 148*) называетъ ее Норманкою и утверждаетъ, на свидѣтельствѣ Снорре, что она

имѣла собственныхъ норманскихъ тѣлохранителей — вэринговъ. Но саги не знаютъ ни о норманскомъ происхожденіи Аллогіи, ни о норманскихъ тѣлохранителяхъ, ни о вэрингахъ, а только о тѣлохранителяхъ (satellites), дружинѣ (cohors militum) и придворныхъ (aulici) въ общемъ значеніи [103]). Сознавая отсутствіе у Норманновъ имени Allogia, авторъ призванія Родсовъ однакоже говоритъ: «Быть можетъ она (т. е. какая то миѳическая Glöd) называлась также и Halôgia; по крайней мѣрѣ должно принять, что норманскія жены носили это имя въ самодревнѣйшія времена, ибо иначе его присутствіе на Руси необъяснимо» [104]).

Имя Аллогіи неизвѣстно какъ на Руси, такъ и у Норманновъ. Этимъ именемъ, занятымъ ради его подобозвучія съ именемъ Ольги, отъ прозвища Hâlogi (Hochlohe) которымъ отличался у Скандинавовъ богъ огня Logi (отсюда по толкованію Fornald. Sögur II. 383. и названіе Гелголанда — Hâlogaland; у Сакс. грамм. Hallogia), сѣверныя саги передаютъ имя русской княгини, которую очевидно смѣшиваютъ съ извѣстною Ольгою. Называютъ ли онѣ эту княгиню Норманкою? Нисколько. Гдѣ же причины приписывать ей скандинавское происхожденіе?

Съ вопросомъ объ имени Ольги тѣсно связанъ вопросъ о родѣ ея.

Единственное достовѣрное объ ея происхожденіи свидѣтельство сохранилось въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца: «Въ лѣто 6411 (903). Игореви възрастъшю и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу» (*Лавр. 12*).

Въ 903 году Игорю было 25—26 лѣтъ отъ роду. Уже

однимъ этимъ обстоятельствомъ опровергается разсказъ Степенной книги и Макаріевыхъ большихъ рукописныхъ Миней, будто бы Ольга была «отъ рода ни княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей» (*Степ. кн. I, 6;* срвн. *Тр. общ. ист. и древн. Росс. I, IV, 134*). Такихъ дѣвушекъ «отъ простыхъ человѣкъ» было не мало въ Кіевѣ; при тогдашнихъ обычаяхъ (16-тилѣтній Владиміръ беретъ за себя Рогнѣдь) нѣтъ сомнѣнія что у Игоря были наложницы до 903 года. Бракъ Игоревъ рѣшенъ въ слѣдствіе засвидѣтельствованныхъ лѣтописью его сыновнихъ отношеній къ Олегу; жену (то-есть будущую княгиню) ему приводятъ изъ Пскова, не иначе какъ по волѣ и по распоряженію великаго князя. Этотъ заочный бракъ заключенъ на основаніи политическихъ соображеній, какъ, на основаніи другихъ политическихъ соображеній, древлянскій Малъ сватаеся заочно за Ольгу, Владиміръ заочно за Рогнѣдь, а въ послѣдствіи за царевну Анну, Ярославъ за Ингигерду и т. д.[105]). Какъ возрастъ Игоревъ, такъ и Ольгинъ имѣетъ особое значеніе въ спорномъ дѣлѣ о родѣ ея. Если допустить съ Шлецеромъ, что въ 903 году ей было около 16-ти лѣтъ, окажется что въ 942 (годъ рожденія Святослава по лѣтописи), ей было 55 лѣтъ, а Игорю 67 — 68. Должно думать (какъ бы оно ни казалось страннымъ, при господствующемъ воззрѣніи на начала общественнаго быта древней Руси) что, Ольга привезена въ Кіевъ младенцемъ, быть можетъ двухъ лѣтъ отъ роду; въ 942 году ей было бы 41 годъ. Браки по приличію, между малолѣтними, были въ обычаѣ у всѣхъ народовъ того времени; такъ Erchempert 25: «Athanasius Landoni iuniori,

filio ultimo Landonis, praestantissimi viri, neptem suam adhuc lactentem in coniugium cessit» а въ Василикахъ: «Minor annis XII nupta, tunc legitima fit uxor, quum apud virum XII annos expleverit» (см. *Krug*, *Byzant. Chronolog. 221*). Въ 1221 году малолѣтній сынъ Андрея, короля венгерскаго, обрученъ съ малолѣтнею же дочерью князя Мстислава (*Карамз. III, прим. 196*, *197*). Этимъ, хронологію лѣтописи нисколько не нарушающимъ предположеніемъ о возрастѣ Ольги, объясняется и возможность древлянскаго сватовства [106]).

Была-ли Ольга княжною норманскою? Но въ Швеціи не могло быть недостатка въ взрослыхъ княжнахъ; для чего же было выбирать малолѣтнюю? Да и лѣтопись говоритъ положительно что Ольга приведена изъ Пскова; а мы видѣли что норманскихъ князей не было ни въ Псковѣ, ни въ иныхъ городахъ.

Татищевъ пишетъ по Іоакиму что Ольга была рода прежнихъ князей славянскихъ, внука Гостомысла (*Росс. ист. II*, *372*). Оставляя въ сторонѣ сомнительное, быть можетъ самимъ Татищевымъ изобрѣтенное родство съ Гостомысломъ, нельзя не признать за извѣстіемъ Іоакима, значительной, противъ всѣхъ другихъ сказаній, степени вѣроятности. Мысль о сліяніи посредствомъ браковъ, прежнихъ династій съ новою варяжскою, ясно высказалась въ предложеніи Мала; удивительно ли что, съ своей стороны, Олегъ задумалъ укрѣпить себя и Игоря на владѣніи русскою землею, тѣмъ же простымъ и совершенно естественнымъ политическимъ способомъ? Ольга могла быть одною изъ главныхъ представительницъ правъ прежнихъ крив-

скихъ князей[107]). Отсюда должно быть частію и тѣ княгини, родственницы ея, о которыхъ упоминаетъ Константинъ багрянородный.

Вѣроятностію славянскаго происхожденія Ольги обусловливается въ значительной степени и славянское происхожденіе именъ: Ольгъ (Олегъ) Ольга [108]). Не знаю въ какой мѣрѣ можно причислить къ языческимъ древнечешскимъ именамъ, встрѣчающееся въ сборникѣ Палацкаго (*Čas. Česk. m. VI. 64*) Olha [109]).

Игорь. «Ингваръ, Иваръ, Иѳваръ, Иѳаръ, Ингверъ» (*Байеръ у Шлец. Нест. III, 103*). У г. Куника (*Beruf. II. 156 — 165*): Ingwar.

Что ни одна изъ этихъ формъ не могла перейти непосредственно въ русское Игорь, знаютъ нынѣ и сами Норманнисты, почему и должны поневолѣ прибѣгнуть къ предположенію необходимой для нихъ (но на дѣлѣ не существующей) посреднической формы Inger, Ingari (которую пишутъ Ing(v)ari), признаваемой за сокращеніе имени Ingwar (*Kunik, ap. Dorn. 416. 707. — Beruf. II. 164*) [110]). Въ вопросѣ ономастическомъ сражаться противъ именъ предполагаемыхъ — безполезно; такова между тѣмъ, сила полуторастолѣтняго предразсудка, что едвали не будетъ преждевременно (собственно въ видахъ славянскаго ученія) довольствоваться однимъ отсутствіемъ въ скандинавскихъ источникахъ формы имени, которая бы ложилась, по законамъ лингвистики, въ русское Игорь; найдутся вѣрующіе для которыхъ Игорь останется все-таки воспроизведеніемъ норманскаго Ingwar, какъ Синеусъ — Sune, Труворъ — Tryggr'а и т. п. Къ счастію, имя Игоря есть одно

изъ тѣхъ, которыя носятъ въ самихъ себѣ достаточныя доказательства противъ мнимаго норманства ихъ происхожденія.

Мы спрашиваемъ: какою изъ двухъ формъ, Ingwar или Игорь былъ прозванъ, въ смыслѣ норманской системы, сынъ Рюриковъ при рожденіи? Разумѣется Ingwar. Чтобы дать ему имя Игоря, было бы необходимо чтобы эта (положимъ) славянизированная форма шведскаго Ingwar, уже существовала у новгородскихъ Славянъ; а въ этомъ случаѣ она не доказываетъ ничего въ пользу норманскаго происхожденія варяжской династіи, а напротивъ.

Откуда же форма Игорь въ договорѣ; форма Ἴγγωρ у византійцевъ?

Греческіе послы были въ Кіевѣ; русскіе въ Царьградѣ. Греки имѣли дѣло, не съ Славянами, а съ господствующею норманскою Русью. Отъ самаго Игоря въ Кіевѣ, отъ приближенныхъ его и пословъ, они слышали имя Ingwar. Между тѣмъ въ договорѣ пишется Игорь. Остается предположить что Несторъ передѣлалъ на свой славянскій ладъ стоявшую въ греческомъ оригиналѣ форму Ingwar.

Но если греческій оригиналъ договора гласилъ Ingwar, Ἴγγουαρ, почему, подписывавшій этотъ оригиналъ императоръ Константинъ багрянородный, пишетъ въ своихъ сочиненіяхъ не Ἴγγουαρ, а Ἴγγωρ? почему встрѣчается таже форма Ἴγγωρ и у Льва Діакона? Ясно что Игорь былъ извѣстенъ Византійцамъ не иначе какъ подъ формою Ἴγγωρ; что стало быть русскіе (норманскіе) послы говорили не Ingwar, даже не Ingari или Inger (ибо и эти изобрѣтенныя имена явились бы у Грековъ подъ формами Ἴγγαρ или

Ἴγγερ) а Ингорь; что и для Руси Святослава Игорь былъ не Ingwar, а Ингорь. Но въ такомъ случаѣ окажется что Греки имѣли дѣло не съ шведскою, а съ единственною въ исторіи извѣстною славянскою Русью.

Княжее русское имя Игорь является подъ двоякою формою: 1) въ договорѣ 944-го года, у Нестора и въ лѣтописи вообще, подъ формою Игорь; 2) у Конст. багрянороднаго (*de adm. imp. ed. Bonn. 74*), Льва Діакона (*ed. Bonn. 106. 144*), Ліутпранда (*V. cap. VI*) и въ лѣтописи, при поминѣ о двухъ князьяхъ Рюрикова дома (см. *прим. 113*), подъ формою Ἴγγωρ, Inger, Ингорь. Въ первобытномъ тождествѣ обѣихъ формъ сомнѣваться нельзя; варяжскіе князья и ихъ единоплеменники, Славяне поморскіе, произносили Ингорь (Įgor)[111]); отъ нихъ перешла эта форма къ Византійцамъ и черезъ Византійцевъ къ Ліутпранду; русскіе Славяне говорили Игорь[112]). Ту же одновременную двойственность формъ, варяжской или княжей и русской, замѣчаемъ и въ другихъ именахъ нашей исторіи; такъ Вольга (Wolha) и Ольга; Володимеръ и Володимиръ; Велесъ и Волосъ и т. п. (см. *гл. IX*). Въ отношеніи къ имени Игорь, эта двойственность засвидѣтельствована лѣтописью, безразлично употребляющею названія Инжиръ бродъ и Игоревъ бродъ (*Ипат. 127, 87*). Въ послѣдствіи времени обѣ формы отдѣлились, кажется, совершенно и образовали каждая особое имя: Игорь, Ингорь[113]).

Исторія хорутанскихъ Славянъ знаетъ подъ 803 годомъ, славянскаго князя именемъ Инго: «Arnon Episcopus sedis Juvaviensis curam gessit, mittens in Slavoniam, in partes videlicet Charantanas, atque inferioris Pannoniae

illis Ducibus atque Comitibus, quorum unus Ingo vocabatur, multum carus populis» (*Convers. Bagoarior. et Carantanor. ap. Pertz, XIII. 9*). Hansitz (*Germ. sacr. II. 103. 109*) считаетъ его тождественнымъ съ виндскимъ герцогомъ св. Домиціаномъ [114]). У Чеховъ находимъ коренное инг въ составномъ Hynchwog (Инговой), о которомъ Hagek упоминаетъ подъ 736 г.: «Prěmysl a Hynchwog»; въ мѣстныхъ: Ingrowitz (Ингоревичи) у Коллара (*Rozpr. 254*); Ingmerovicz (Ингомировичи) у Бочка (*I. 314*) и т. д. Мы сами не имѣемъ недостатка въ свидѣтельствахъ о существованіи на Руси, языческаго славянскаго инго, инг. Въ числѣ Игоревыхъ пословъ, въ договорѣ 944 года, встрѣчается Ингивладъ. Въ числѣ литовскихъ городовъ географическаго отрывка у Шлецера (*Нест. II, 781*): Ижославъ; между рязанскими XIII столѣтія: Ижеславецъ (*Сказ. о нашеств. Бат. 33*). Какъ формы Ижора, Ижера передаютъ финское Ingeri (*Sjögren, Gesam. Schrift. I. 570*), такъ формы Ижославъ, Ижеславецъ западныя Ингославъ или Ингиславъ. Тоже начальное Ingoslaw переходитъ, черезъ среднее Ижеславъ («преставися Святополкъ Ижеславичь» *Кратк. новгор. лѣтоп. изд. кн. Обол. подъ 1113 г.*), въ княжее русское Изяславъ [115]).

Ingo форма юго-западная; срвн. Иво, Шварно, Tungo или Tunglo («unus de Soraborum primoribus» *Adelm. Benedict. ad. ann. 826*) и т. д. Окончаніе на орь, оръ преимущественно принадлежность восточныхъ нарѣчій; на Руси: Тудорь, Жихорь (*Лавр. 87*), Лазорь (*Ипат. 179*), Лихорь (*Карамз. V, прим. 145*); у Сербовъ: Тудорь, Букорь (*Šafar. Pam. Pisemn. Jihosl. I. 7*). Впрочемъ у Че-

ховъ и Моравлянъ: Владорь (Vladorius ad. ann. 1227; *Именосл. Морошк. 42*), Синогорь («Sinogorum Velpridek eum sex filiis» (*Boczek, I. 126.* срвн. сербск. Синьгоурь *Шафар. l. c.*) и т. д.

Имя Игоря, подъ формою Ингеръ встрѣчается и у Грековъ въ IX вѣкѣ. Байеръ (*Шлец. Нест. III, 103, 104*) и г. Куникъ (*Beruf. II. 162, 163*) полагаютъ что прадѣдъ Константина багрянороднаго, Ингеръ или Инкиръ (*Leo Gramm. ed. Bonn. 230:* Ἴγγερ; *Glycas ed. Bonn. 552:* Ἴγκηρ) изъ рода Мартинаковъ, былъ скандинавскаго или германскаго происхожденія. О знаменитыхъ готскихъ или скандинавскихъ родахъ въ византійской исторіи той эпохи, ничего не извѣстно; о славянскихъ свидѣтельствуютъ всѣ лѣтописцы. Византійская исторія знаетъ о греческихъ воеводахъ и сановникахъ изъ Славянъ Добрегостѣ, Всеградѣ, Татимирѣ; о патриціи Оногостѣ; о константинопольскомъ патріархѣ Никитѣ (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 196*) и т. д. Нестонги (Андроникъ и Исакъ) двоюродные братья Іоанна Дуки (*Georg. Acropol. ed. Bonn. 39, 40, 151, 161*), носятъ славянское прозвище; Нестонгомъ Νεστόγγος именовался братъ хорватскаго князя Срема или Сермона, убитаго Греками въ 1019 году (*Cedren. ed. Bonn. II. 476*). Изъ греческихъ императоровъ славянскаго происхожденія особенно извѣстны Юстиніанъ и Василій Македонянинъ; за послѣдняго выдалъ императоръ Михаилъ Евдокію Инговревну (τὴν Ἰγγιρίναν, *Leo Gramm. ed. Bonn. 248.* cfr. *Genesius, ed. Bonn. 111*), безъ сомнѣнія, какъ онъ самъ, славянскаго рода [116]).

Владимиръ. Шлецеръ (*Нест. III. 105*) считаетъ

имя Владимира совершенно отличнымъ отъ Валдемара: «первое, говоритъ онъ, есть славянское, а послѣднее скандинавское, и кажется имѣетъ совсѣмъ особенное начало и значеніе». Г. Куникъ (*Beruf. II. 112*) полагаетъ, что оба имени испоконная принадлежность германскихъ и славянскихъ племенъ, хотя съ одной стороны окончаніе на миръ занято Славянами отъ гото-германскаго; merjan = verkündigen; vaila-mêrs = wohllautend; mâri = kund, ruchbar, berühmt; а съ другой, имя Владимира, подъ этою формою, извѣстно только сербскимъ и болгарскимъ Славянамъ.

Искусственнаго нѣтъ, кажется, ничего въ этимологіи славянскаго Владиміръ отъ владѣти и міръ; окончаніе на миръ (Friede) соотвѣтствуетъ германскимъ Siegfried, Meinfried, Warnefried и т. п. Форма Владиміръ, кромѣ Болгаръ и Сербовъ, извѣстна у Чеховъ: «Wladimir dux de Holomucz cum fratre suo Brecizlao» (*Boczek, I. 309 ad ann. 1183*); о городѣ или мѣстечкѣ Wladimierz въ Моравіи упоминается подъ 1204 г. (*ibid. II. 23*). Одинъ изъ девяти аманатовъ, врученныхъ польскимъ Премысломъ поморскому Святополку въ 1256 году, именовался Владиміромъ: «Wladimirus, filius Prandothe» (*Archid. Gnezn. ap. Sommersb. II. 88*); Владиміромъ (Woldemarus) назывался также одинъ изъ сыновей оботритскаго герцога Прибислава — Генриха (*Helmold. I. cap. XXIX*).

Имя Waldemar, Waldomar, Waldomeris etc. держится у германскихъ племенъ еще въ VIII вѣкѣ (*Куникъ, зам. къ Отр. Гедеон. 274*); что оно не скандинавское, а зашедшее къ Скандинавамъ отъ Руси, доказано его норманскою исторіею. Первымъ Валдемаромъ былъ великій (род. 1131 г.),

сынъ Канута св. и Ингибіарги, дочери Мстислава — Гаральда; имя Валдемара (по славяно-скандинавскому обычаю того времени) дано ему въ честь Владиміра Мономаха, его прадѣда по матери, обстоятельство засвидѣтельствованное съ возможною точностію, Саксономъ грамматикомъ: «Nam octava post hac luce Ingiburga Canuti conceptum ex eo marem enixa proditur; cui et materni avi nomen inditur» (*XIII. 641*). Дальманнъ замѣчаетъ: «Das Kind erhielt den Namen ihres verstorbenen Grossvaters Wladimir, der sich bei den Dänen in Waldemar oder Woldemar verwandelt. Seitdem war der Name hier eingebürgert» (*Gesch. v. Dänem. I. 229*). Сумъ (*V. 372*) вѣрилъ сомнительному извѣстію Книтлинга-саги (*cap. 93*) о рожденіи и воспитаніи на Руси датскаго Валдемара, единственно потому что русское имя онъ могъ получить только въ Руси; вѣроятно и самъ составитель саги не имѣлъ инаго повода къ обнародованію своего извѣстія. Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что сынъ Кнута Лаварда названъ русскимъ именемъ совершенно правильно и сообразно съ обычаями эпохи; сказаннаго до сихъ поръ, кажется довольно для укрѣпленія за славянскимъ міромъ исключительной (въ X вѣкѣ) принадлежности спорнаго имени.

Въ древне-русской письменности преобладаетъ почти исключительно форма Володимеръ вмѣсто Володимиръ; между тѣмъ, остальныя имена съ окончаніемъ на миръ (за исключеніемъ имени Ратмѣръ, *Лавр. 206*) пишутся всегда: Творимиръ, Станимиръ, Судомиръ и т. д. Это явленіе имѣетъ свою причину. «У Славянъ, говоритъ г. Буслаевъ (*о ел. христ. 191*), миръ сближается своею

формою съ мѣра, напр. у Лужичанъ: mèr — pax, mèra — modus, соединяющіяся или смѣшивающіяся въ прилаг. mèrny». Въ вендо-нѣмецкомъ словарѣ Бозе: mjer — der Friede; mjera — das Maas. Варяжскіе (вендскіе) князья сохраняли на Руси вендскую форму пан-славянскаго имени Владимиръ [117]).

Г. Куникъ (*Beruf. II. 124, 159*) замѣчаетъ справедливо, что имена Рюрика, Олега и Игоря составляютъ у насъ исключительную принадлежность князей варяжской династіи; но приводя это явленіе въ доказательство ихъ скандинавскаго происхожденія, онъ забываетъ что тоже самое должно сказать и о прочихъ княжескихъ именахъ, каковы Святославъ, Святополкъ, Ярославъ, Ярополкъ, Всеволодъ и т. д. Эти имена, не исключая и святыхъ Владимира, Бориса, Глѣба и Ольги, мало извѣстны въ древней исторіи Руси, внѣ княжескаго рода; изъ простыхъ людей я знаю только Глѣба Тиріевича (*Ипат. 126*) и Вячеслава Малышева внука (*Новг. 42*); Святополкъ Одовичь, о которомъ Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ подъ 1229 г., былъ родомъ Поморянинъ «Suantopulus, capitaneus Pomeraniae» (*Guagn. I. 92*). Какъ у древнихъ Римлянъ извѣстные роды (gentes) имѣли каждый свои особыя прозвища (у Сципіоновъ: Cneius, Lucius, Publius, Marcus; у Клавдіевъ: Appius, Publius, Caius, Marcus, Quintus, Tiberius и т. д.), такъ и княжескіе роды у Славянъ отличались особыми княжескими именами. У Поляковъ господствуютъ: Leško, Boleslaw, Mečislaw или Meško, Casimir, Wladislaw; у Хорватовъ: Branimir, Krjesimir, Trpimir; у Чеховъ: Wrati-

slaw, Wenčeslaw, Spitihnew, Pribislaw. На Руси, съ одной стороны, древне-русскія княжескія имена: Святославъ, Ярославъ, Ярополкъ, Святополкъ, Всеволодъ и т. д.; съ другой, перешедшія къ намъ отъ Варяговъ: Рюрикъ, Олегъ, Ольга, Игорь. Эти послѣднія имена были вѣроятно принадлежностію какой-нибудь особой отрасли одного изъ княжескихъ поморскихъ родовъ, какъ имена Рогволода, Брячислава и Рогнѣди въ отраслѣ князей полоцкихъ. У Вендовъ они должны были изчезнуть съ выселеніемъ въ Русь того княжескаго рода которому принадлежали.

VII.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИМЕНАХЪ.

В) Имена прочихъ князей, княгинь, воеводъ, мужей и т. д.

Авторъ «Изслѣдованій» говоритъ: «Варяжскими воями на войнѣ и по городамъ, разумѣется, начальствовали Варяги. Этого мало, князья были окружены ими; намѣстники, посланники, кормильцы ихъ, даже ближайшіе слуги были Норманны, домашніе и наѣзжіе. Всѣ важныя мѣста предоставлялись имъ. Такъ было и во всѣхъ странахъ, гдѣ поселялись Норманны.... Туземцы совершенно не употреблялись, обреченные на свое любезное земледѣліе» (*Погод. изслѣд. III*, *125*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 119*) относитъ къ Норманнамъ по имени и происхожденію (кромѣ князей, бояръ, пословъ и гостей, о которыхъ упоминается въ договорахъ Олега и Игоря): Аскольда, Дира, Рогволода, Тура, Рогнѣдь, Малфрѣдь, Глѣба, Сфенга, Хрисохира, Голтія, Якуна, Шварна; Ольму, Асмуда, Свѣнальда, Прѣтича, Икмора, Сфенкела, Люта, Блуда, Варяжка, Ждьберна, Волчій хвостъ, Рогдая, Улѣба. Изъ непричисленныхъ здѣсь къ Норманнамъ русскихъ

историческихъ личностей до Ярослава, кажется остаются только Малуша, Малкъ и Добрыня (впрочемъ и они выведены Норманнами у Погодина, *Изслѣд. III*, *прим. 159*, *160*) и пять убійцъ Глѣбовыхъ: Путьша, Талецъ, Еловитъ, Ляшко, Горясѣръ «коихъ имена, говоритъ онъ (*тамъ же*, *прим. 227*), звучатъ, кажется, болѣе по славянски».

Съ перваго взгляда на это норманнизированіе древней Руси, раждается вопросъ: какимъ образомъ Норманны-вяряги, родственники или слуги норманно-варяжскихъ князей, сохраняютъ до XI столѣтія, свои норманскія имена, когда сами князья, уже со втораго поколѣнія династіи, принимаютъ славянскія: Святославъ, Передслава, Володиславъ, Ярополкъ, Владиміръ, Святополкъ и т. д.? Или потомство Норманновъ пришедшихъ на Русь вмѣстѣ съ Рюрикомъ и Олегомъ, воспитанное на Руси вмѣстѣ съ князьями, отличалось отъ нихъ особымъ норманствомъ обычаевъ и образа мыслей? Или въ лицахъ, окружавшихъ варяжскихъ князей, въ ихъ намѣстникахъ, кормильцахъ, воеводахъ, служителяхъ, должно видѣть не домашнихъ, а только наѣзжихъ Норманновъ? На какомъ основаніи предполагать норманское Gliph или Glibr въ имени Глѣба, сына Владиміра и болгаро-византійской царевны [118]), когда сыновья того же Владиміра и Норманки Рогнѣди именуются Изяславъ, Мстиславъ, Ярославъ и Всеволодъ? Г. Куникъ (*Beruf. II. 155*) думаетъ что Святославъ носилъ норманское имя при славянскомъ. Но почему же онъ и у Грековъ извѣстенъ подъ именемъ Σφενδοσθλάβος? Почему въ договорѣ Игоря, актѣ оффиціальномъ и госу-

дарственномъ, Святославъ, Передслава и Володиславъ не являются подъ своими норманскими именами? Я уже не говорю о невозможности исключить изъ русской исторіи не только словено-русскій, но и прочіе, въ ея развитіи участвовавшіе элементы. Вообще воззрѣніе норманской школы на русскую исторію имѣетъ нѣчто отвлеченное, мертвое; до призванія норманскихъ князей, какіе нибудь двадцать или тридцать славянскихъ народцевъ, не соединенныхъ между собою живою, внутреннею связью, живутъ, разбросанные по огромному пространству Россіи, дикарями въ родѣ Ирокойцевъ и Альгонкинцевъ, безъ имени, безъ князей, безъ торговли; являются триста — четыреста Шведовъ и вдругъ все преобразовалось; есть народъ, есть имя, города, торговля, государство; Финны, преобладающая въ дѣлѣ призванія народность, изчезли; Хазары пропадаютъ въ волжскихъ степяхъ; Печенеги и Венгры, ближайшіе сосѣди Руси на юго-востокѣ, Литва на западѣ, едва извѣстны по имени; вездѣ Норманны и одни Норманны. Полно такъ ли?

Аскольдъ и Диръ. (*Лавр. с.* Аскольдъ, Оскольдъ, Аколъдо; *другіе:* Аоскольдъ и Сколдъ; см. *Нест. Шлец. II. 15*. Диръ, поправлено въ ипат. Дирдъ; см. *Лавр. 10, прим. ж.*). У Байера: Оскель, Ашкель, Аскель (*Нест. Шлец. III, 105*); у г. Куника (*Beruf. II. 138*): Höskuldr и Dýri.

Hölgi превращается у насъ въ Ольгъ, Олегъ; почему же Höskuldr не въ Оскольдъ а въ Аскольдъ? (Что форма Оскoлдъ позднѣйшее искаженіе сознаютъ и Бередниковъ и Карамзинъ и наконецъ самъ г. Куникъ l. c.).

Съ другой стороны, скандинавскому Asmôdhr отвѣчаетъ славянское Асмудъ (*Kunik*, *ap. Dorn*, *680*); славянскому Аскольдъ должно бы отвѣчать скандинавское (несуществующее) Askold, Askuldr. Отъ системы основывающей свои доказательства на однихъ лингвистическихъ соображеніяхъ, мы въ правѣ требовать лингвистической точности.

Аскольдъ и Диръ, если допустить Норманство варяжскихъ князей, были не скандинавскаго происхожденія; это явствуетъ изъ словъ лѣтописца: «не племени его но боярина» (*Лавр. 9*). Кругъ (*Forsch. II. 332*) переводитъ племя — Stamm и прибавляетъ: Askold und Dir konnten also nicht, wie Rurik, unter ihren Vorfahren Könige zählen, welches ihnen nachher Oleg auch vorwirft». Г. Соловьевъ (*Отнош. 40*) говоритъ: «если у Рюрика было 2 мужа, не племени его, то могли быть мужи племени его — родичи». Но, во 1-хъ) слово племя имѣетъ, въ древне-русской терминологіи, опредѣленный смыслъ; имъ обозначается или потомство (сѣмя, σπέρμα, *Кн. быт. 38*, *9*), какъ напр. въ выраженіяхъ лѣтописи: племя Хамово, Афетово, Хананейское, Авраама, Давыда. «Іаковъ же сниде въ Еюпетъ, сый лѣтъ 100 и 30, съ родомъ своимъ (т. е. семьею) числомъ 60 и 5 душь; поживе же въ Еюптѣ лѣтъ 17 и успе, и поработиша племя его (т. е. потомство) за 400 лѣтъ» (*Лавр. 40*). «Князи же милостиви племя (т. е. потомство) Ростиславле» (*Лавр. 215*) «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ» (*Ипат. 145*) или народъ то-есть совокупность однокровныхъ родовъ (natio, gens, tribus. Откровеніе Іоанна 10, 11, переводитъ греческое ἔθνος словомъ племя); напр. болгарское, эллинское

племя (*Miklos. Lexic. Palaeoslov.*). Отсюда выраженіе иноплеменники для иноземцевъ: «и разъгнѣвася Богъ, предаяшеть і иноплеменникомъ на расхищенье» (*Лавр. 41*). «Архіерѣи обладаху ими до Ирода иноплеменьника» (*тамъ же, 43*). «Се бо Ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменникы, Русскія князи» (*Ипат. 2, 3*), «Придоша иноплеменьници на Рускую землю, безбожніи Измалтяне, оканьніи Агаряне» (*тамъ же, 121*). О племени Рюрика, въ смыслѣ потомства, не могло быть рѣчи въ 864 году; значитъ лѣтописецъ имѣлъ въ виду народность. Другимъ выраженіемъ, кромѣ «не племени его», онъ и не могъ передать понятія объ инородствѣ Аскольда и Рюрика; во 2-хъ) имѣя означить однокровность Рюрика и Олега, онъ тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, пишетъ совершенно правильно и умѣстно: «Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща» (*Лавр. 9*); въ 3-хъ) выраженіе «не племени его» указываетъ на исключеніе, на особенность. Но, взятое съ точки зрѣнія норманской системы, это выраженіе являетъ тотъ смыслъ что многимъ бо́льшая часть дружинниковъ Рюрика, были отъ рода ему то-есть его родичи. Это очевидная невозможность. Трехъ сотъ родичей, на, примѣрно, четыреста человѣкъ дружинниковъ, не могъ взять съ собою ни Рюрикъ, ни какой либо другой князь на свѣтѣ[119]). Да и не странно-ли, при подобномъ толкованіи словъ лѣтописи, что изъ этой по истинѣ громадной родни Рюрика, она знаетъ только одного его родича, Олега?

Что Аскольдъ и Диръ были въ убѣжденіяхъ народа и

лѣтописца иноплеменники Рюрику и Олегу, что вся ихъ исторія есть ничто иное какъ развитіе первыхъ словъ лѣтописи: «не племени его», въ смыслѣ инородцевъ, истина ясная, но конечно не совмѣстная съ системою норманскаго происхожденія Руси; ибо если Аскольдъ и Диръ Норманны, то Рюрикъ, Олегъ и призванные варяги не скандинавскаго происхожденія; если Аскольдъ и Диръ инаго, не скандинавскаго рода, откуда имя Руси (Ῥῶς) для пиратовъ 865 года у Нестора и у византійскихъ писателей?

Эверсъ (*Krit. Vorarb. 237*) первый вывелъ научнымъ образомъ мнѣніе о венгерской народности Аскольда и Дира, основываясь на чтеніи воскресенскаго списка лѣтописи: «яко гость есмь подугорской.... да придѣте къ намъ къ родомъ своимъ» (*ibid. 243. прим. 10*). Шлецеръ (*Нест. II, 237*) находитъ смѣшными слова «подугорскіе гости»; Кругъ (*Forsch. II. 383*) укоряетъ воскресенскій списокъ вставкою переписчика. Всего болѣе повредилъ своему предположенію самъ Эверсъ, утверждая что «гость подугорской» безсмыслица, ибо никто не знаетъ подугорской земли; почему и предлагаетъ чтеніе «родоу оугорьска». Названіе «Подугоріе» могло и должно было существовать у славянскихъ народовъ, какъ равносильныя ему Подрусіе, Подляшіе, Подлитовіе, Podczachy (см. *Schafar. Sl. Alt. I. 345. Anm. 3*). Здѣсь не къ чему приводить иноземныя выраженія «inferiores Hungariae partes» (*Krug, Forsch. II. 383. Anm.**) или «Pannonia inferior» (*Anonym. de convers. Boioar. ap. Boczek. I. 21*), о которыхъ не знали ни Несторъ, ни пѣсня или слово изъ которыхъ онъ черпалъ свое преданіе объ Аскольдѣ. Подчехами, Подугоріемъ,

Подлитовіемъ назывались ближайшія къ тому или другому славянскому племени, части этихъ земель, какъ пограничные Латыши (украинскіе) Летгаллами (Леттола), отъ латышскаго gall, граница (*Kruse*, *Urg. d. Esthn. Vs. 137*). Основательнѣе ли другія возраженія Круга? Онъ думаетъ (*Forsch. II. 387*, *388*) что Олегу было естественнѣе назвать себя русскимъ т. е. скандинавскимъ купцомъ, чѣмъ венгерскимъ. Если Аскольдъ и Диръ были Венгры, конечно нѣтъ; ибо Норманнъ не скажетъ Угрину: «да придѣте къ намъ къ родомъ своимъ». Если они были Норманны, еще менѣе. Преданіе гласило о убіеніи кіевскихъ династовъ посредствомъ хитрости и обмана; оно признавало между Кіевомъ и варяжскими князьями отношенія враждебныя, недовѣрчивость; въ самомъ дѣлѣ извѣстно что вскорѣ послѣ призванія, Кіевъ сталъ притономъ недовольныхъ Рюрикомъ Новгородцевъ и варяговъ (*Ник. I*, *67*, *17*). Олегъ таится отъ своихъ враговъ Аскольда и Дира; но предупредитъ-ли онъ ихъ подозрѣнія на счетъ выходцевъ съ сѣвера, если скажетъ: «я норманскій купецъ; иду отъ враждебныхъ вамъ Олега и Игоря въ Грецію; приходите ко мнѣ, вашему (но и Олегову) единоплеменнику, Норманну»? Недовѣрчивость Аскольда и Дира изчезала только передъ вымысломъ Олега, выдающаго себя за венгерскаго гостя, единоплеменника Венграмъ Аскольду и Диру, измѣняющаго варяжскимъ князьямъ (Норманнамъ или Вендамъ, все равно), въ пользу своихъ соотечественниковъ. Весь разсказъ лѣтописи о походѣ Олега на Кіевъ, о его хитрости, о убіеніи Аскольда и Дира и ихъ погребеніи, безъ сомнѣнія взятъ изъ народныхъ пѣсенъ; а народ-

ный смыслъ рѣдко обманывается въ затѣйливости своихъ вымысловъ и соображеній.

Другое, изъ саги взятое доказательство венгерскаго происхожденія Аскольда и Дира находимъ въ названіи «угорскимъ» мѣста ихъ погребенія: «И убиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь (*Пол:* еже *и нынѣ* нарицается) Угорское, кдѣ нынѣ Олминъ дворъ» (*Лавр. 10*). О происхожденіи этого названія «Угорское» было довольно прѣній; Погодинъ (*Изслѣд. II*, *266*, *прим. 422*) и Кругъ (*Forsch. II. 365—378*) думаютъ что угорскимъ прозвано то мѣсто, на которомъ Угры, при Олегѣ (или еще до него) [120]), шедъ мимо Кіева, останавливались вежами: «въ лѣто 898. идоша Оугри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Оугорское, пришедше къ Днѣпру и сташа вежами» (*Лавр. 10*). Будь это мѣсто гора (*Погод. l. c.*) или берегъ (*Кругъ l. c.*), ясно что Угры становились вежами не на немъ, а прошедъ мимо него. Откуда же для этой горы или части берега названіе угорскаго [121])? Погодинъ говоритъ: «мѣсто объ Аскольдѣ и Дирѣ въ архангельскомъ спискѣ, испорченное переписчиками, удовлетворительно поправляется лаврентьевскимъ спискомъ: придоста Олегъ.... и приплу подъ Оугорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя: яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ». Но какъ Погодинъ самое продолженіе, такъ Кругъ забываетъ объясненіе продолженія этого мѣста: «и убиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь угорьское, кдѣ нынѣ

Олминъ дворъ». Эти слова очевидно содержатъ этимологическое объясненіе слова Угорское, отъ погребенія на мѣстѣ, носившемъ это названіе, Венгра Аскольда. На это объясненіе указываетъ и самое размѣщеніе словъ «еже ся нынѣ зоветь угорьское», поставленныхъ не послѣ перваго предложенія «несоша на гору», но послѣ слѣдующаго за нимъ «и погребоша и на горѣ»; и чтеніе полетиковскаго списка: «еже и нынѣ нарицается Угорское» (*Нест. Шлец. II, 219*), какъ относящееся прямо и исключительно къ мѣстоположенію могилы Аскольда. Относить эту этимологію не къ первому, а ко второму помину объ этомъ мѣстѣ и его названіи, натяжка тѣмъ менѣе дозволительная, что повторенія въ родѣ приводимаго Погодинымъ, не рѣдки въ лѣтописи; напр. подъ 915 г.: «Пріидоша Печенѣзи первое на Рускую землю»; а подъ 968: «придоша Печенѣзи на Русску землю первое». Такъ и подъ 898 годомъ, лѣтописецъ буквально списываетъ уже сказанное имъ подъ 881: «еже ся нынѣ зоветь Угорьское».

Взятая съ этой точки зрѣнія сага или пѣсня объ Аскольдѣ и Дирѣ является вполнѣ и логически довершенною. Основные пункты ея: инородность Венгровъ Аскольда и Дира и варяговъ Олега и Игоря; хитрость Олега, основанная на присвоеніи себѣ угорской народности; названіе Угорскимъ мѣста погребенія угорскихъ династовъ. Въ понятіяхъ норманской школы, слова «не племени его» грамматическая невозможность; «придѣта къ намъ къ родомъ своимъ» безсмыслица; «гость подугорской» вставка; «еже ся нынѣ зоветь Угорьское» (о мѣстѣ погребенія Аскольда) случайность необъяснимая.

Къ доказательствамъ взятымъ изъ лѣтописи, я присовокупляю сказанное въ другомъ мѣстѣ (см. *гл. XVIII*) о существованіи русскаго хаганата въ 839—871 годахъ; о названіи Кіева венгерскимъ именемъ Sambath; о вассальскихъ отношеніяхъ русскихъ династовъ къ хазарскимъ хаганамъ, до водворенія въ Кіевѣ варяга—Славянина Олега и т. д. Азіатское происхожденіе Аскольда падетъ не иначе какъ съ опроверженіемъ приведенныхъ по этому поводу историческихъ документовъ и фактовъ.

Я перехожу къ ономастическому вопросу.

Подъ 556 годомъ Θеофанъ упоминаетъ о посольствѣ отправленномъ къ греческому императору, Аскеломъ или Аскелтомъ, княземъ Гермехіоновъ, народа, живущаго на берегахъ океана: «Τῷ δ'αὐτῷ μηνὶ ἦλθον πρέσβεις Ἀσκὴλ τοῦ ῥηγὸς Ἑρμηχιόνων τοῦ ἔσωθεν κειμένου τῶν βαρβάρων ἔθνους πλησίον τοῦ ὀκεανοῦ» (*Theoph. Chronogr. ed. Bonn. I. 370, 371*). Анастасій переводитъ: «eodem anno venerunt legati Ascelti (онъ стало быть читалъ: Ἀσκήλτου)[122]) regis Ermechionorum, qui (populus?) positus est intra barbarorum gentem iuxta oceanum, Constantinopolim» (*Hist. eccles. ed. Bonn. 108*). Кругъ (*Forsch. I. 222*) относитъ безъ дальнихъ изслѣдованій, это извѣстіе къ германской народности, а имя Аскела считаетъ тождественнымъ съ русскимъ Аскольдъ. Но кому извѣстны германскіе Гермехіоны? Думалъ ли онъ о Тацитовыхъ Герміонахъ: «Proximi Oceano Ingaevones, medii Hermiones, ceteri Istaevones» (*Germ. 2*)? Но въ VI вѣкѣ имя Герміоновъ уже давно изчезло, уступивъ мѣсто названію Свевовъ. О настоящей народности Гермехіоновъ свидѣтельствуетъ Θеофанъ византійскій, со-

временникъ имп. Юстина (557 — 577 г.): «ὅτι τὰ πρὸς εὗρον ἄνεμον τοῦ Ταναΐδος Τοῦρκοι νέμονται οἱ πάλαι Μασσαγέται καλούμενοι, οὓς Πέρσαι οἰκείᾳ γλώσσῃ Κερμιχίονας φᾶσι») *Exc. e Theoph. hist. ed. Bonn. 484.* — Cfr. *Fabricii bibl. Graeca, VI. 239*). Гермихіоны или Кермихіоны (срвн. ἔρα и ἥρη, ἀστήρ и κάστωρ, Αὐλωνία и Καυλωνία, Ἀλύβη и Χαλύβη, Ἄλαισος и Γάλαισος) [123]) были слѣдовательно тюркскимъ племенемъ, обитавшимъ на востокъ отъ Дона, безъ сомнѣнія на берегахъ Каспійскаго моря, слывшаго у Грековъ подъ именемъ Океана, отъ Страбона до Приска, Прокопія и позднѣйшихъ временъ [124]). Сходства тюркскаго Аскелъ или Аскелтъ съ русскимъ Аскольдъ норманская школа вѣроятно отрицать не будетъ; Кругъ почиталъ оба имени тождественными, а Байеръ производилъ русское Аскольдъ отъ скандинавскаго Askel. Прибавка конечнаго *д* (если остановиться на формѣ Ἀσχὴλ) кажется особенность южныхъ русскихъ племенъ; такъ Диръ и Дирдъ, Свенгелъ и Свенгелдъ, Туръ и Турдъ и т. п. Тоже имя Аскольдъ сокрыто можетъ быть и подъ именемъ венгерскаго короля Malescoldus (Mal-askold?), къ которому бѣжалъ сынъ англійскаго Эдмунда (*Roger Hoveden § 4 ap. Kunik. Beruf. II. 35. Anm.* *) [125]). Основное old, olt встрѣчается въ венгерскихъ именахъ Zoltan, Solt, Caroldu, Sarolt, Mykolth, Hadolth и пр. [126]).

Я не знаю о Дирѣ имѣетъ ли онъ соименниковъ у Мадяровъ; еслибы не слишкомъ произвольная смѣлость предположенія, я счелъ бы его за словенорусскаго князя, васалла и данника хазарскихъ хагановъ. Диръ чисто славянское имя; срвн. у Козьмѣ пражскаго Тyr, Tyro (*I. 9*). Tyra

мужское имя у Палацкаго (*Gesch. v. Böhm. I. 208*); Дирекъ (Dierek, *Arch. Česk. у Морошк.*); срвн. Ben — Benek, Časta—Častek, Hoň — Honěk, Lub — Lubek, Rad — Radeк и т. п. (*Čas. Česk. Mus. VI*). У Масуди является славянскій князь именемъ Ad-dîr или Aldîr (*Charmoy., relat. de Mas'oûdy 314, 331*); д'Оссонъ (*des peup. du Cauc. 88*) читаетъ Dir [127]).

Алма и Алминъ дворъ (архангельск. сп. у *Шлецера, Нест. II, 221*); Олъма прибавлено между строкъ въ *ипат.*; *полет. воскрес.* и *никон.* читаютъ Ольма, Олъма и Олме. Какъ Осколдъ изъ древнѣйшаго Асколдъ, такъ Олма образовалось изъ первобытнаго Алма; срвн. Ондрѣй и Андрѣй, Олексѣй и Алексѣй и т. д. У г. Куника (*Beruf. II. 180*): Holma.

Татищевъ заключаетъ справедливо о крещеніи Аскольда, какъ изъ свидѣтельства Фотія, такъ и изъ того обстоятельства, что христіанская церковь св. Николы была построена надъ его могилою. Шлецеръ (*II, 248*), въ слѣдствіе своего изобрѣтенія понтійскихъ 'Pῶς'совъ, отличныхъ по происхожденію отъ настоящей Руси, не допускаетъ этого факта; послѣ Эверса (*Krit. Vorarb. 264 — 271*) его опровергать не стоитъ. Удивительно сомнѣніе Карамзина о построеніи Альмою или Ольмою церкви св. Николая: «Шлецеръ, говоритъ онъ, называетъ его строителемъ церкви св. Николая; почему? лѣтописецъ не говоритъ этого» (*Карамз. I, 295*). Имя Альмы (Ольмы) стоитъ, кромѣ ипатьевскаго, и въ тѣхъ именно четырехъ спискахъ (пол. воскр. арх. и ник.), которые сохранили намъ чтеніе «гость подугорской» (*Нест. Шлец. II, 219 — 221*). Пропускъ того и другаго въ

лаврентьевскомъ и иныхъ спискахъ одинаково безсмысленъ; ибо что значатъ, безъ имени Альма, слова: «на той могилѣ поставилъ церковь святаго Николу» (*Лавр. 10, см. прим. п.*)? Кто поставилъ? Надъ могилою крестившагося Угрина Аскольда, поставилъ церковь св. Николая христіанинъ Угринъ Альма, Ольма; это имя есть ничто иное какъ венгерское (латинизированное) Almus. Туроцъ читаетъ Alm и Alom (*Schwandtn. Scrpt. rer. Hungar. I. 99. № 2*); у Ранцана: «Alom, quia vero Hunnorum lingua, somnus vocabatur Alom» (*ibid. 440*) [128]). Окончанія на *а* обычны въ венгерскихъ именахъ; напр. Tulma, Oluptulma, Boyta, (*Anon. ap. Schwandtn. I. 15, 8, 39*). Венгерское происхожденіе имени Альма служитъ новымъ доказательствомъ венгерскаго происхожденія самаго Аскольда.

Свенгелдъ, Мстишь и Лютъ. (Свѣналдъ, Свѣнтелдъ, Свенделдъ, Свингелдъ, Свѣнелдъ, Свинделдъ, Свендилдъ, Свѣнделъ, Свинделъ, Сведеладъ, Свендъ, Спентелдъ, Свентолдъ, Свентеадъ, Свелдъ, отецъ Мьстишинъ, Мистишинъ, Мстислашинъ и Лютовъ, Лотовъ. См. *Лавр. 23, 24, 31, 32; Нест. Шлец. III, 5, 288, 582, 583, 631;* Свентолдичь лютый, *въ Эрмитажн. хроногр.* у *Круга, Forsch. I. 99*).

Списки пол. воскр. арх. и никон. знаютъ Свенгелда воеводою Игоря уже въ 915 году (*Нест. Шлец. III, 5, 6*); о немъ упоминается въ послѣдній разъ подъ 975 (*Лавр. 32*). На основаніи этихъ хронологическихъ данныхъ, Шлецеръ полагаетъ что Свенгелдъ отецъ Мстишинъ отличенъ отъ Свенгелда, отца Лютова въ 975 г. (*Нест. III, 293*); но кажется безъ достаточной причины. Изъ свидѣтельства

лѣтописи видно что Свенгелдъ, воевода Игоря и отецъ Мстишинъ, Свенгелдъ воевода Святослава и наконецъ Свенгелдъ, воевода Ярополка и отецъ Лютовъ, одно и тоже лице. Подъ 971 г.: «Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде въ лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень Свѣнделъ: поиди княже, на конихъ около, стоять бо Печенѣги въ порозѣхъ» (*Лавр. 31*). Слова «воевода отень» опредѣляютъ тождество Свенгелда, воеводы Святослава въ 971 году; съ Свенгелдомъ (отцемъ Мстишинымъ) воеводою Игоря въ 945. Далѣе, подъ 972 г.: «поиде Святославъ въ пороги, и нападе на нь Куря, князь Печенѣжскій, и убиша Святослава.... Свѣналдъ же приде Кіеву, къ Ярополку» (*тамъ же*). Очевидно, этотъ Свенгелдъ, пришедшій къ Ярополку въ 972 году, не отличенъ отъ Свенгелда, воеводы Ярополка (отца Лютова) въ 975. Сомнѣніе могло бы пасть только на Свенгелда, воеводу Игорева въ 915; въ 975 ему было бы около 80 лѣтъ. Но здѣсь должно замѣтить: 1) что «саны или достоинства, высшія должности, принадлежали у насъ въ древности извѣстнымъ родамъ, и передавались какъ-бы по наслѣдству отъ отца къ сыну, подобно сану княжескому» (*Погод. о наслѣдств. др. сановъ въ Арх. ист.-юридич. свѣд. Отд. I, 75*). Вышата былъ воеводою Ярослава въ 1043 году; Янъ, сынъ Вышатинъ, ходилъ воеводою на Половцевъ еще въ 1106. Между воеводствомъ отца и сына лего, крайней мѣрѣ, 63 года. Свенгелдъ могъ быть сыномъ воеводы Олегова и наслѣдовать двадцати лѣтъ должности отца своего; 2) что русскіе князья всегда чтили и держали отнихъ мужей; такъ *Лавр. подъ 1096 г.:* Святополкъ и

Володимеръ послаша къ Олгови, глаголюще сице: поиде Кыеву, да порядъ положимъ о Рустѣй земли, предъ Епископы и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ». *Ипат. подъ 1182:* «Оставиже (Володимеръ) у нихъ воеводу Өому Назаковича, а другаго Дорожая, то бо бяшеть ему отнь слуга» и пр. (срвн. *Лавр. 140.* — *Ипат. 47*). Свенгелдъ переходитъ отъ Игоря къ Святославу, отъ Святослава къ Ярополку.

При множествѣ варіантовъ Свенгелдова имени, проявляющихся въ трехъ главыхъ формахъ: Свенгелдъ, Свѣналдъ и Свентелдъ, этимологическія изслѣдованія теряютъ необходимую для нихъ прочность лингвистическаго основанія. «Имя Свенделда или Свинделда, говоритъ Байеръ (*Нест. Шлец. III, 105*), находившагося между варяжскими воеводами князей Игоря и Святослава, есть настоящее скандинавское, и такъ, что мнѣ совѣстно приводить примѣръ изъ такого множества». Г. Куникъ (*Beruf. II. 184*) избираетъ форму Свѣналдъ (у Скандинавовъ Svenald), относя всѣ остальныя къ невѣденію переписчиковъ. Но какъ въ лаврентьевскомъ спискѣ форма Свѣналдъ, такъ въ ипатьевскомъ преобладаетъ форма Свенгелдъ. Я читаю Свенгелдъ потому: 1) что гораздо естественнѣе предположить у переписчиковъ выпускъ, нежели прибавку одной лишней буквы; tywun переходитъ у насъ въ тіунъ, Mestiwoi въ Мьстіуй, но не на оборотъ; такъ и Свенгелдъ въ Свѣналдъ; 2) что тоже имя и, по всей вѣроятности, таже личность встрѣчается и у Льва Діакона (*ed. Bonn. 135, 144*) подъ формою Σφέγκελος [121]), близко подходящею къ нашему Свенгелдъ, но отнюдь не къ норманскому Svenald. Обыкновенно принимаютъ что Свенкелъ (Σφέγ-

κελος) убитъ подъ Дористоломъ; но слова, какъ Льва Діакона, такъ и Кедрина (*ed. Bonn. II. 402*), могутъ относиться къ раненому въ сраженіи [180]). Ни въ какомъ случаѣ нѣтъ причины отдѣлять Свенкела, перваго на Руси по Святославѣ у Кедрина (*ibid. 395. 405*) [181]), отъ Свенгелда, перваго на Руси по Святославѣ, въ лѣтописи и договорѣ съ Греками. При всемъ богатствѣ германо-скандинавской ономатологіи, она не знаетъ или еще не отыскала соименника Свенкелу; г. Куникъ (*Beruf. II. 188*) указываетъ или на скандинавское Svenke (уже употребленное для объясненія имени Σφέγγος, *ibid. 168*), или на составное, предполагаемое Sven-kel, или на миѳическое Fen-go, или на женское Fen-ja. Свенкелъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, литовское Свинкели, Свелкеній (такъ назывался братъ Тройдена, въ 1270 году; см. *ипат. 204, прим. у*), то-есть искаженное Svengiel; срвн. Jagiel, Skirgiel, Popiel и т. п. Конечное *д* въ формѣ Свенгелдъ (вмѣсто Svengiel), какъ уже сказано, особенность древне-русской ономатологіи [182]).

Былъ ли Свенгелдъ родомъ Литвинъ или поморскій Вендъ съ литовскимъ именемъ? При тѣсной связи Поморія съ Литвою, оба предположенія равно возможны. На послѣднее указываютъ славянскія (западныя) имена его сыновей, Мстишъ и Лютъ. Мстишъ, сокращенное Мстиславъ, является именемъ чешскаго вельможи, подъ 1061 годомъ: «Mztis comes» (*Cosm. II. 33;* срвн. Мстишъ и Mstiš въ именосл. *Морошк.* и *Бод. де Курт.*); Лютъ, по чешски Luta, именемъ пустимирскаго жупана въ 1034 г. (*Bocsek I. 116;* cfr. *ibid. III. 130.* Лютъ у *Морошк.* Lute, у *Б. де Курт.*); отсюда уменьшительныя и составныя: Lutek,

Lutik, Lutko, Luten, Luthomissel, Lutmir, Lutobran, Lutohnew, Lutbor и т. д. Погодинъ (*Изслѣд. I, 169*) видитъ въ словахъ лѣтописи: «тоже отецъ Мистишинъ» примѣту.что они писаны тогда когда жилъ сей неизвѣстный Мистиша, слѣд. не позднѣе начала XI-го вѣка; сынъ современника Свѣнельдова не могъ жить долѣе. «Не можетъ быть, прибавляетъ онъ, чтобы эти слова принадлежали Нестору; къ чему бы ему означать неизвѣстнаго боярина родствомъ съ Мистишею, о которомъ послѣ онъ не говоритъ ни слова». И г. Куникъ (*Beruf. II. 183*) полагаетъ, на основаніи вышеприведеннаго замѣчанія Погодина, что слова «тоже отецъ Мьстишинъ» позднѣйшая вставка переписчиковъ. Но изъ лѣтописи невозможно заключить о существованіи двухъ воеводъ Святослава, перваго Свенгелда, другаго — неизвѣстнаго боярина, отца Мстишина. Арх. списокъ читаетъ: «тоже (т. е. онъ же) отецъ Мстишлашинъ и Лютовъ» (*Нест. Шлец. III. 288*), а Шлецеръ переводитъ правильно: «дядькою былъ у него Ясмундъ, а воеводою Свѣнелдъ, отецъ Мстиславовъ» (*тамъ же, 290*). Обычай обозначать извѣстныя лица напоминаніемъ о родствѣ существуетъ у всѣхъ славянскихъ народовъ. У насъ Вышата отецъ Яневъ; Тукы Чудинъ братъ, Мирославъ Хиличь внукъ, Ольстинъ внукъ Прохоровъ, Вячеславъ Малышевъ внукъ, Божинъ внукъ и т. д. (*Лавр. 66, 85; ипат. 23, 129; новг. 42, 107*); у Чеховъ: Jaroslaus frater Galli; Wezmil filius uxoris Martini; Jenik frater Mathei и т. д. (*Boczek, III. 143; I. 344, 311*). Мы читаемъ и у Менандра: «Μεζάμηρον τὸν Ἰδαριζίον, Κελαγάστου ἀδελφὸν» (*Exc. de legat. ed. Bonn. 284*).

Икморъ (Ἴκμορ. *Leo Diac. ed. Bonn. 149*), по свидѣтельству Кедрина (*ed. Bonn. II. 405*) первый, послѣ Свенгелда, въ войскѣ Святослава. Г. Куникъ (*Beruf. II. 185*) полагаетъ что Икморъ славянская форма скандинавскаго Ingimar.

Мы уже заключили изъ мѣстнаго Ingmerouitz о существованіи личнаго, славянскаго Ingmer или Ingmir (въ русской формѣ Игомиръ). У Саксона грамматика (*VIII. 408, 409*): «Ismarus rex Slavorum.» Формѣ Ἴκμορ вмѣсто Ἴκμηρ соотвѣтствуетъ русское Ратморъ (*въ кн. больш. черт. 210:* Ратморовъ) вмѣсто Ратмиръ.

Ясмудъ (*Арх. сп. у Шлец. Нест. III, 288, 321.* — Асмудъ, Асмолдъ. *Лавр. 23, 24.*—У Татищева Асмундъ), кормилецъ Святослава въ 945 году. У г. Куника (*Beruf. II. 183*): Asmund и Asmodr.

О существованіи у Вендовъ личнаго имени Jasmund, Jasmud, свидѣтельствуетъ мѣстное Jasmund (у *Сакс. грамм. XIV, 803* Asmoda и Jasmonda; въ скандинавскихъ сагахъ Asund; см. *Scrpt. hist. Islandor. XII. 57*), названіе восточной части острова Рюгена, нѣкогда вмѣстилища Ранограда и Арконы (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 574.* — *Barthold, Gesch. v. Rüg. u. Pomm. I. 121, 499*). Личное Ясмудъ или Асмудъ относится къ волостному Ясмудь (Jasmund, Asmoda), какъ личное Stodor (Stodorchovitz, *Cod. Pom. ad. ann. 1170*) къ волостному Стодорь, Stodor (*Cosm. I. 11; Dalimil, 44*); какъ личное Žirmunt, Žirmut къ волостному Žirmunti (*Schafar. Sl. Alt. II. 601*); какъ личное Hâlogi къ мѣстному Hâlogaland. Впрочемъ до сихъ поръ еще не рѣшено не было ли города Jasmund (Ясмудь)

въ землѣ этого имени; Миллеръ (*ed. Sax. gramm. 843. N 2*) принимаетъ существованіе города Asund (сканд. форма славянскаго Jasmund), на основаніи словъ Книтлинга саги гл. 122: «Quinto idolo nomen fuit Pizamar, in Asunda (id huic loco nomen) culto quod etiam flammis abolitum est». Буде locus означаетъ здѣсь городъ, то мѣстное Ясмудь отвѣчаетъ личному Ясмудъ, какъ мѣстныя Радогощь, Домагощь, Ярославль, личнымъ Радогость, Домагость, Ярославъ.

Форма Ясмудъ составилась изъ кореннаго *Яс* (срвн. поморское Jesse; у Чеховъ Jasco и Jaslo *ap. Boczek II. 239, 241; V. 76; II. 206*; Jacek, *Čas. Č. mus. VI.* — Jaśeń, *Бод. де Курт.*) и конечнаго славяно-литовскаго мунтъ, мудъ; срвн. Olomut, Dymud и т. д.[183]).

Малуша (*Лавр. 29.* Въ иныхъ спискахъ Малка; см. *Нест. Шлец. III, 525*), Ольгина ключница, мать Владиміра. — Малко Любчанинъ (въ одномъ лавр. Малкъ) ея отецъ.

Погодинъ (*Изслѣд. III, 95*) считаетъ Малушу Норманкою, полагая что Малуша быть можетъ тоже что и Малфрѣдь, съ перемѣною норманскаго окончанія на славянское. «Малкъ, говоритъ онъ (*тамъ же, прим. 159*), могъ быть мужемъ, посаженнымъ отъ Олега въ Любечѣ»; но Малушѣ, рабѣ, не доводилось быть дочерью княжаго мужа. Малъ чисто славянское имя; Малко относится къ нему какъ уменьшительное Радъко (*Новг. 18*) къ имени Радъ, Михалко къ имени Михаилъ и т. д. У Чеховъ подъ 1230 г. Malko (*ap. Boczek, II. 219*); у Поморянъ (*Cod. Pom. 128*) подъ 1219 также Malko; у Ляховъ Malkovic и

мѣстное Malušovo (*Бод. де Курт.*); въ грамотѣ 1519 г. Иванъ Малка (*Акт. истор. I, 186*). Что женское Малка или Малуша происходитъ отъ мужскаго Малко, не требуетъ доказательствъ.

Монахъ Оддуръ (*Hist. Ol. Tr. f. c. 3*) зоветъ Владимирову мать (Малушу) ворожеею, pythonissa, Spakona. «Id temporis rex Valdemar regno Gardorum magna cum gloria imperabat. Hujus mater fatidica fuisse dicebatur, quae ethnicorum divinatio in libris (въ церковныхъ латинскихъ книгахъ) spiritus pythonicus dicitur. Quae praedixerat, eventu fere probata sunt; tunc autem temporis aetate erat decrepita. Eorum consuetudo erat, ut eam primo festi jolensis vespere ante solium regis sella deferri oporteret. Et priusquam potari coeptum esset, rex a matre quaerit, an periculum aliquod aut damnum regno suo impendere, aut cum tumulto quodam et metu adpropinquare, aliosve possessionem ejus concupiscere provideat aut praesciat. Cui illa: (здѣсь слѣдуетъ предсказаніе о прибытіи въ Русь и о будущей судьбѣ Олафа Тригвасона).... Jam me deportate hinc, nam, cum satis jam superque dicta sint, plura non eloquar». Это древнѣйшее свидѣтельство о колядскомъ гаданіи на Руси. Кругъ (*Forsch. II. 552*) основываетъ на словахъ Оддура «primo festi jolensis vespere» мнѣніе будто бы языческая Русь справляла скандинавскій Іулскій праздникъ, Jol- или Julfest. Но скандинавское Jolfest праздновалось какъ общеславянская коляда и римскія brumalia, 24 декабря; Оддуръ Мункъ не могъ передать коляды иначе какъ своимъ festum jolense. Такъ и въ харатейной кормчей XIII вѣка о врумаліяхъ: «сице глаголемыя коляды» (*Снегир.*

р.н.п. II, 3). У Скандинавовъ самъ праздникъ Рождества Христова сохранилъ языческое наименованіе Іулскаго: «Legibus sanciri fecit (rex Hakon), ut festum jolense ethnici auspicarentur eodem, quo Christiani tempore;.... olim vero a nocte, Hökunott dicta, id est a nocte mediae hiemis, festum jolense auspicabatur, quod per triduum mansit» (*Hist. Ol. Trgv. f. c. 21*). «Die S. Thomae sacro ante festum Jolense» etc. (*Hist. Ol. Sanct. c. 177.* — Cfr. *Scrpt. hist. Island. VII. 158, 181*). Если въ выраженіи «festum jolense» о русской колядѣ, видѣть доказательство ея скандинавскаго происхожденія, то нѣтъ причины не допускать поклоненія Юпитеру германскихъ язычниковъ, на основаніи выраженій «a presbytero Jovi mactante» (*Bonifac. ep. 25*) или «robur Jovis» (*Wilibald. ap. Pertz. II. 343*), а изваянія греко-римскаго язычества не принимать за изображенія Вольсунговъ и Азовъ (*Hist. Sigurdi Hsp. c. 13*). О волхвахъ, гаданіяхъ и женщинахъ-ворожеяхъ сохранились безчисленныя преданія въ русскихъ пѣсняхъ и лѣтописяхъ; любопытно что, какъ у Скандинавовъ ворожеи Spâkonur, такъ у Литовцевъ волхвы именовались Swakones (*Hartknoch, Diss. IX. 154.* — У *Нарбутта, I, 264:* Żwakones-wróžbici).

Добрыня, братъ Малушинъ (Добриня, *Густ. л. подъ 975 г.*). У Болгаръ: Добрина (*Букар. Митр.*); у Поляковъ: Dobrina (*Cod. Pol. Maj. ad ann. 1136*) и Dobřiń, Dobryn, Dobrzyn (*Бод. де Курт.*). Мы находимъ это имя у Менандра (*ed. Bonn. 406*), подъ двоякою формою: Δαυρέντιος (Добрыня) и Δαυρίτος (Dobrata, Dobreta, Dobrota, см. *Bocsek, I. 126, 233, 181*); парижское изданіе

исказило ихъ въ Λαυρέντιος и Λαυρίτας. Знаменитый славянскій вождь Добрета, перешелъ къ потомству подъ чужимъ, вымышленнымъ именемъ; авторъ Slawy Dcera поетъ: «Stiny Lawritasů! Swatopluků!»

Прѣтичь, воевода Святослава въ 968 г. (*Лавр. 28*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 185*) считаетъ это имя скандинавскимъ (прозвищемъ) fretr, съ славянскимъ окончаніемъ на ичь.

Претичь *Brest. 30. CCLXXIV C. Jub. 1234. 66.* — Претча (Pretza) *Cod. Pom. 1240* (*Именосл. Морошк.*) Корень имени Прѣтъ, отъ древне-славянскаго прѣтъ — minae, прѣти—contendere (*Miklos.*); у Вендовъ составныя: Pretslaw, Prethslaw, Pretbor (ap. *Sommersb. II. 113, 167, 105*) и т. д.

Рогъволодъ (*Лавр. 32, вар:* Роговолодъ, Ръгъволодъ, Рогволдъ) и Рогънѣдь (*Лавр. 32, вар.* Ярогнѣдь. *Въ Степ.* Розгнѣда). Байеръ (у *Шлец. Нест. III, 239*) приводитъ германо-скандинавскія: Raghwaltr, Ragnwald, Roegnvald («notus, говоритъ онъ, Rognvolodus Eysteini filius». Желательно бы видѣть скандинавскую форму Rognvolodus), Rotvidha, Ragnhilda, Ragnilta. Г. Куникъ (*Beruf. II. 148—153*) указываетъ на формы: Rögnvaldr, Ragnheiðr.

Рогъ, Roh древнее общеславянское имя. Подъ 1096 г. лѣтопись знаетъ Новгородца Гуряту Роговича (*Лавр. 107*); Roh, личное имя у Чеховъ (*Čas. Česk. m. VI*). Отсюда и Рогволодъ, по примѣру составныхъ Всеволодъ, Володимиръ, Бѣловолодъ и пр. Напрасно отзывается г. Куникъ объ имени Рогволодъ, какъ о неслыханной въ Славянщинѣ

ономастической формѣ (*Beruf. II. 150*). Rohowlad личное имя у Чеховъ (*Čas. Česk. m. VI*). Срвн. «Vir dotus Girciccus Rohovvladius» (*Bell. Hussit. a Zacharia Theob. jun. Francof. 1621. p. 117*).

Г. Куникъ (*Beruf. II. 151*) полагаетъ, не безъ основанія, что удержаніе звука *н* въ имени Рогнѣдь, указываетъ на существованіе этого звука въ производящей, коренной его формѣ. Въ самомъ дѣлѣ Рогнѣдь не непосредственно отъ Рогъволодъ, а отъ основнаго Рогъ, Roh, черезъ прилагательное rožni; срвн. Рожне поле *въ Лавр. 135*. Отсюда чешскія Rozněta и Roznět (*Čas. Česk. m. VI*), относящіяся къ формамъ Rohneda и Rohned, какъ Božen, Božena къ формамъ Bohun, Bohuna (*ibid. 60, 61*) [134]). У насъ первобытное западное Rožnet сохранилось въ новгородскихъ лѣтописяхъ: «Въ лѣто 6643. заложи той же князь Всеволодъ Святую Богородицу на Торгу, а Рожнѣть Святаго Николу на Яковлевой улици» (*Новг. II, 124*, вар. Рожнидъ, Аложнидъ). «Въ тоже лѣто заложи церковь камяну Святыя Богородиця на търговищи Всеволодъ, Новѣгородѣ, съ архепископъмъ Нифонтомъ. Томъ же лѣтѣ и рожнетъ (вар. Ирожнетъ) [135]), заложи церковь Святого Николы, на Яколи улици» (*Новг. I, 7*). Г. Куникъ принимаетъ это имя за мужское (ein Rožnid, *Beruf. II. 152*); но по окончанію (срвн. Лыбѣдь, Эстрѣдь, Малфрѣдь, Димудь) оно принадлежитъ къ женскому роду. Вѣроятно эта Рожнѣть или Рогнѣдь была сестрою или женою Всеволода Мстиславича.

Рогволодъ пришелъ изъ за-моря и является въ лѣтописи владѣтельнымъ полоцкимъ княземъ. Что этотъ, нося-

щій безпорное славянское имя князь вышелъ изъ того же заморія изъ котораго вышли Рюрикъ и братья его, кажется несомнѣнно; въ Швеціи ли искать это заморіе? Но мы уже видѣли что норманскихъ князей, владѣтельныхъ родичей Рюрика, у насъ не было, да и быть не могло. Должно полагать что Игорь имѣлъ сестру или дочь, которую отдалъ за поморскаго князя, отца или дѣда Рогволодова, а Полоцкъ въ вѣно [186]); слова лѣтописца: «бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть, (вар. волость) свою въ Полотьскѣ, а Туръ въ Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася» (*Лавр. 32*) доказываютъ что, подобно быть можетъ Олегу, Рогволодъ и братъ его Туръ (см. *ниже*) вели свое старшинство изъ Поморія, общей отчизны вендо-варяжскихъ князей; они не получили, но имѣли отъ прежнихъ временъ, по наслѣдству, свою отчину въ Полоцкѣ и Туровѣ, состоявшихъ до окончательнаго ихъ присоединенія къ варяго-русской державѣ при Владимирѣ, въ волостномъ отношеніи къ Поморію.

«Не хочю розути робичича» говоритъ Рогнѣдь о Владимирѣ. У германскихъ народовъ женихъ обувалъ невѣсту или дарилъ ее обувью. «Нашъ германскій обычай, говоритъ Яковъ Гриммъ (*DRA. I. 156*), особенно налегаетъ на обутіе невѣсты; русское преданіе на розутіе жениха». Ломоносовъ и Татищевъ знали о существованіи обряда розутія жениха невѣстою у русскихъ крестьянъ (*Нест. Шлец. III. 652, прим. 2*); Олеарій упоминаетъ объ этомъ обыкновеніи въ своемъ Описаніи Россіи XVII-го столѣтія (*Карамз. I, прим. 421*) [187]); г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, 244*) указываетъ на тотъ же обрядъ у литовскихъ племенъ.

Но если допустить скандинавское происхожденіе варяжскихъ князей, какимъ образомъ могла Норманка Ragnheiðr ожидать отъ Норманна Waldemar'а, никогда у Норманновъ не существовавшаго унизительнаго обычая[188])?

О сношеніяхъ и въ позднѣйшее время, потомковъ Рогволода съ Поморіемъ, свидѣтельствуетъ Татищевъ, по лѣтописи Еропкина; Борисъ Давидовичь, князь полоцкій (1217 г.) былъ женатъ вторымъ бракомъ на Святохнѣ (срвн. Svatohna, *ap. Bocsek*, *I. 139*), дочери поморскаго князя Казимира (см. *Карамз. III*, *прим. 208*); она замышляла о новомъ подчиненіи полоцкаго княжества Поморію.

Туры (*Лавр. 32*, *вар.* Туръ), братъ Рогволода (*Арх. сп. у Шлец. Нест. III. 654*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 153*) ссылается на имя скандинавскаго громовержца Тора, þórr.

У Чеховъ и Сербовъ: Tura, Тура (*Čas. Česk. m. VI. Именосл. Морошк. 195*); у Ляховъ: Tur, Thur (*Бод. де Курт. 46*); въ ипат. л. подъ 1208 г.: Петръ Туровичь. «Какъ Туровъ и Турецъ, говоритъ Шафарикъ (*Sl. Alt. II. 115*), такъ Туръ, Туры древнѣйшія славянскія наименованія мѣстъ и людей».

Блудъ, воевода Ярополка въ 980 г. (*Лавр. 32*). У г. Куника (*Beruf. II. 188*): Blótmar, Blótsvéinn, Blodlin, Blundkettil, Hrisablundr.

Блудъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ западно-славянскихъ именъ. «Blud filius Onsonis, ao. 1247; Bludo Olomucensis castellanus, ao. 1251; comes Blud dictus de Hycin, ao. 1297» (*Boczek*, *III. 70*, *138; V. 76*) и т. д.; см. также *Čas. Česk. m. VI.* и *Именословъ Морошкина.*

Въ новгор. л. подъ 1230 г. Волосъ Блутквичь. О Блудкинѣ городкѣ см. *Карамз. V*, *прим. 137*, *стр. 461*.

Борисъ, по свидѣтельству Іоакима и тверской лѣтописи, сынъ Владимира отъ греческой царевны Анны. Несторъ (*Лавр. 34*) называетъ ее болгарыней, безъ сомнѣнія потому что она вела свой родъ отъ Василія Македонянина. Г. Куникъ (*Beruf. II. 168*) ссылается на Шафарика, приводящаго имя Борисъ въ числѣ гунно-болгарскихъ, по славянски будто бы не звучащихъ именъ (*Schafar. Sl. Alt. II. 167*). Нѣтъ сомнѣнія что оно было преимущественно въ употребленіи у болгарскихъ Славянъ, но какъ славянское, а отнюдь не финно-уральское имя. Мы встрѣчаемъ его во всей славянщинѣ, и подъ его полною формою Бориславъ (Burislaus Sarmatarum princeps, *ap. Frodoard. ad ann. 955*. Burizlavus Vindlandiae rex, *in hist. Ol. Trgv. f. c. 58*. Бориславъ Некрутиницъ *въ новг. л. 36*. Петръ Бориславичь *въ ипат. 71*), и подъ сокращенною Борисъ. «Mztis Comes urbis Belinae, filius Boris» (*Cosm. II. 33*). Дитмаръ знаетъ въ 1005 году двухъ поморскихъ бояръ Бориса и Незамысла: «e Slavis optimos Borisen et Nesemuschlen» (*VI. 66*). У Чеховъ подъ 1174 г.: «Boris cum duobus filiis» (*Boczek, I. 287*). Въ Силезіи подъ 1234 г. мѣстечко Borissow (*Sommersb. I. 922*). Отъ Славянъ перешло имя Бориса и къ Венграмъ; Борисомъ (Βορίσης) назывался воевода императора Ман. Комнина; онъ былъ отъ рода Гейзы (*Ioann. Cinnam. ed. Bonn. 117*).

Глѣбъ, братъ Борисовъ отъ одной матери (*Лавр. 34*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 168*) приводитъ скандинавскія Gliph,

Gliber, Glibor; въ дополненіяхъ къ Каспію г. Дорна (*680*) онъ останавливается на хазарской формѣ Гліаб-ар (Γλιαβάρος).

Глѣбъ и Хлѣбъ одно имя; въ сербскомъ прологѣ XIII вѣка у Калайдовича: «въ тъжде день светою мученику, Рушьскою царю, Борыса и Хлѣба» (*Экс. бол. 91, прим. 10*); Borys и Chleb (*именосл. Морошк. 22*). У Чеховъ подъ 840 г. Chleboslaw (*Kollar, Rospr. 97.* срвн. Хлѣбославъ, князь чарторижскій въ 1390 г. *именосл. Мор.*); Chlebek и Litochleb (*Čas. Česk. m. VI*). У Поляковъ личное Gleba и мѣстное Glebovo (*Бод. де Курт. 57*); а также Głąb, Głąbo, Głąbovic (*тамъ же, 10*).

Σφέγγος, братъ (вѣроятно двоюродный) Владимира по Кедрину, воевавшій вмѣстѣ съ Греками противъ Хазаръ (*Cedren. ed. Bonn. 462* [189]).

Норманская школа (*Kunik, Beruf. II. 169, 170*) указываетъ на скандинавское Svenki; я съ своей стороны на славянское Zwenko; такъ назывался (по чтенію Шафарика, *Sl. Alt. II. 539*) упоминаемый около 1128 г. у Гельмольда (*I. cap. XLIX*), вендскій князь Zuineke; правильность Шафариковскаго чтенія подтверждается одинаковымъ названіемъ полабскаго города Zwencka (нынѣ Zwickau) у Дитмара, *II. 24;* мѣстечка Свенкевичи (Suenchieci *ap. Bocsek, II. 151*) въ Моравіи и т. д. Сверхъ того должно замѣтить, что германскіе лѣтописцы обыкновенно передаютъ славянское *с* нѣмецкимъ *z;* такъ у Дитмара Zuentipolcus, Zobislaus; у Ад. бременскаго Zuentifeld, Zuentina и пр. Свенъ (уменьшительное Свенко; срвн. Jacobus Swinka *ap. Sommersb. I. 325;* Якубъ Свинка *въ густ. л. подъ 1292 г.*)

древне-русское имя; новг. л. упоминаетъ подъ 1186 г. объ Ивачѣ Свеневичѣ. «Sveno superne tonsus» у Сакс. грамм. (*VIII. 381*), какъ увидимъ, славянскаго происхожденія. Оба чтенія передаютъ одинаково вѣрно Кедриново Σφέγγος.

Χρυσόχειρ, имя другаго родственника Владимирова у Кедрина (*ed. Bonn. II. 478*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 170*) считаетъ это имя переводомъ норманскаго Gullhand; съ бо́льшимъ правомъ можно бы указать на русское: золотая рука. У Норманновъ прозвища безъ имени не употребляются; напр. Einarr þrjúgr, Harald Harfagr, Harald Blatand, Harald Hildetand, Sigurd Ullstreng, Svein Bryggjufot и т. д.; напротивъ у Славянъ: Волчій хвостъ, Положи шило (*ипат. 194*) и т. п. Впрочемъ Кедринъ (*II*, *206*, *209*, *212*) знаетъ еще другаго, армянскаго Хрисохира, при имп. Василіи Македонянинѣ (срвн. *Theophan. Cont. ed. Bonn. 266*, *271*, *274*).

Ждьбернъ. Въ словѣ *Успеніе В. к. Владимира* читаемъ: «шедъ взя Корсунь градъ; князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за Ждьберномъ. Не роспустивъ полковъ, и посла Олга воеводу своего съ Ждьберномъ въ Царьградъ къ царямъ, просити за себя сестры ихъ» (*Восток. Катал. Рум. Муз. № 435*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 188*) думаетъ о норманскомъ Sigbern; но этому имени, по законамъ лингвистическихъ аналогій, приходилось бы скорѣе проявиться подъ формою Жигобернъ; срвн. Сигисмундъ и Жигимонтъ; звукъ *д* не имѣетъ смысла при передачѣ норманскаго Sig. Начальное ждь, жди чисто славянскаго свойства и происхожденія; такъ напр. Жданъ (*Карамз. III*, *472*); Ждимиръ, Ждиславъ (*Лавр. 229*, *155*); Zderad, Zdebor, Zdi-

slaw, Zdik, Ždigod, Ždimir въ собраніяхъ Бочка, Морошкина, Бод. де Куртенэ. Бернъ, какъ увидимъ, равно принадлежитъ славянской и скандинавской ономатологіи. Ждьбернъ могъ быть мужемъ посаженнымъ Владиміромъ въ Тмутаракани.

Рахдай, одинъ изъ сказочныхъ богатырей временъ Владиміра. «Того же лѣта (1000 г.) преставися Рахдай удалой, яко наеждяше сей на триста воинъ» (*Ник. I, 111*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 190, 191*) производитъ имя Рахдай отъ предполагаемаго норманскаго Rögn-dagr, германскаго Regintac. Имя Рахдай, быть можетъ, монголо-уральскаго происхожденія; срвн. Себѣдяй, Бурундай и т. п. (*Сказ. о наш. Бат.*). Съ другой стороны, Рахъ общеславянское имя. «Сынъ боярскій, Михаиловичь, именемъ Рахъ (*Ипат. подъ 1281 г.*). «Quidam Race de semine Cruconis» (*Helmold. I. LXI*). У Чеховъ: Racháč и Roháč (*именосл. Морошк.*). Форма Рах-дай, Рог-дай, могла составиться и по образцу славянскихъ Доброжай, Буслай, Дунай, Волдай и т. п.

Путьша, Талецъ, Еловитъ, Ляшко, Горясѣръ, Торчинъ (*Лавр. 57, 58, 59*), убійцы Бориса и Глѣба. Изъ нихъ славянскими кажутся: Путьша, срвн. чешское Pouta подъ 1052 г. (*Boczek, I. 125*), сербское Путко (*именосл. Мор.*) и т. д., Ляшко и Горясѣръ. Шафарикъ (*Sl. Alt. I. 55*) сравниваетъ послѣднее съ западными Neužir, Radžir, Wratižir; но окончаніе на жиръ существуетъ у насъ подъ обычною формою; срвн. Нажиръ, въ Правдѣ Мономаха (*изд. Калач. II, § 48*); Жирославъ Нажировичь въ 1160 г. и т. д.—Талецъ имя вѣроятно половецкое; срвн.

гунно-болгарское Τελέσιος у патр. Никифора (*ed. Bonn. 77.* У Θеофана: Τελέτζις; у Зонары: Τελέτζης). Еловитъ (вар. Еловичь), кажется тоже что половецкое Елчичь (*Ипат. подъ 1160 г.*). Торчинъ (какъ Ляшко, Варяжко, Ятвягъ) личное имя, взятое изъ народнаго; срвн. Торчинъ, именемъ Беренди, овчюхъ Святополчь (*Лавр. 111*).

Буды (Будый), кормилецъ и воевода Ярослава (*Лавр. 62*). Западно-славянское имя, тождественное съ оботритскимъ Buthue (*Helmold. I. XXIV*). Срвн. чешскія и польскія Buda, Budata, Budek, Budik, Budislaw и пр.

Якунъ (Акунъ), имя единственнаго намъ извѣстнаго, по лѣтописи, варяго-норманскаго конунга (князя), въ 1024 году (*Лавр. 64*); здѣсь, безъ сомнѣнія, тождественное съ скандинавскимъ Hakun, Hakon (см. *Kunik, Beruf. II. 172*). Но слѣдуетъ ли отсюда норманское происхожденіе самаго имени и норманство его для всѣхъ Якуновъ нашей исторіи? Скандинавы передаютъ славянское Приславъ своимъ Fridlevus (*Knytl. S. c. 119*); славянскія Рогволодъ и Ратиборъ своими Regnaldus и Rathbardus («Regnaldus Ruthenus, Rathbarthi nepos» *Sax. Gramm. VIII. 385, 386*) и т. д.; Русь должна была передать норманское Hakun славянскимъ Якунъ, Акунъ. Θеофилактъ упоминаетъ о славянинѣ Якунѣ, иллирійскомъ воеводѣ и князѣ въ 531 г.: «ὁ στρατηλάτης Ἰλλυρικοῦ Ἀκούμ, ὁ Οὖννος, ὃν ἐδέξατο βασιλεὺς ἀπὸ τοῦ βαπτίσματος» (*ed. Bonn. I. 338.* у Анаст. 101: Hoccum). У Кедрина (*ed. Bonn. I. 651*): «ὁ τοῦ Ἰλλυρικοῦ βασιλεύς Ἀκοὺμ ὁ Οὖννος». Ἀκοὺμ вмѣсто Ἀκοὺν, какъ Μεζάμηρος вмѣсто Nezamir, Μέστος и Νέστος (*Schafar. Sl. Alt. II. 58. Anm. 1.—Abk. d. Sl. 170*)

и т. д.; нынѣшняя крѣпость Петервардейнъ, извѣстная Птоломею подъ названіемъ Ἀκούμιγκον, является въ пеутингеровой таблицѣ подъ формою Acunum (*ibid. 158*) [140]). Что подъ именемъ Гунновъ въ VI вѣкѣ, у Ѳеофана и Кедрина разумѣются Славяне, извѣстно; такъ у Кедрина: «οἱ Οὖννοι οἱ καὶ Σκλαβῖνοι» (*ed. Bonn. I. 675*). Юстиніанъ (Управда), крестившій иллирійскаго Якуна, былъ самъ Славяниннъ; вмѣстѣ съ Якуномъ упоминается у Ѳеофана и о другомъ славянскомъ вождѣ Годилѣ (Γοδῆλος, Γοδίλλος). Тоже имя, думаю, подъ формою Naccon, встрѣчается у Дитмара (*I. 18*) и Адама бременскаго: «Mizizza, Naccon et Sederich» (*cap. 69*). Въ славянскихъ нарѣчіяхъ буква *н* часто ставится передъ гласными; напр. у Болгаръ незеро вмѣсто езеро, небонъ вмѣсто ибо, Νατίσωνα вмѣсто Ἀτισῶνα (*Schafar. Abk. d. Sl. 170*); у насъ нятство вмѣсто ятство (*Сборн. Мухан. 72*); Нянко вмѣсто общеславянскаго Янко [141]); иногда и на оборотъ; такъ у Сербовъ Ἀρεντάνοι вмѣсто Ναρεντάνοι (*Schafar. Sl. Alt. II. 268*) и т. д.

Якунъ составлено изъ кореннаго Якъ (Якъ, личное имя у Миклошича *Monum. Serb. 117;* Яке, *тамъ же*, *168*; Iak, *cod. dipl. Pol. ad ann. 1122*) и суффикса унъ, по примѣру общеславянскихъ Bohun, Marun, Perun (*Čas. Česk. m. VI*), Ярунъ, (*Лавр. 212*) и одинаковой съ ними формаціи, Budoň, Drahoň, Hněwoň, Mladoň (*Čas. Česk. m. VI*), Яронъ (*Ипат. 161*) и т. д. У Миклошича, *Mon. Serb. 117* личное имя: Якуня [142]).

Улѣбъ, новгородскій посадникъ (*Калайдов. о посадн. 68*); кіевскій тысяцкій въ 1147 г. (*Ипат. 23*). Имя Улѣбъ встрѣчается также въ числѣ пословъ Игоревыхъ. Г. Ку-

никъ (*Beruf. II. 192*) приводитъ скандинавское Ulifr; Шегренъ отыскалъ даже [illegible]ововскаго Улѣба въ Ульфѣ, сынѣ Ярла Рагнвальда (*Mem. I. VI. 513*). Байеръ и Шлецеръ (*Нест. II, 642; III, 107*) угадываютъ скандинавское Rolf въ Рулавѣ Игорева договора; но если Rolf—Рулавъ, почему же Ulf не Улавъ, а Улѣбъ?

Я думаю что Улѣбъ русская форма вендскаго Godleb или Hodleb, дошедшаго до насъ въ германизированной формѣ Godelaibus у Эйнгарда (*Annal. ad ann. 808*)[148]. Мы увидимъ форму Гуды (срвн. Туры, Буды, Тукы) въ договорахъ Олега и Игоря; у Чеховъ Hodko и Hodka (*Dalim. 21*. срвн. Hodica, дочь Биллуга у Гельмольда *I. XIII*), указывающія на основное Hod, какъ Радько (*нов. л. 18, 4*) и Radka (*Dalim. l. c.*) на основное Радъ. Кромѣ Эйнгардова Godelaibus, коренное God, Hod является въ именахъ Godemir (*Joh. Luc. de regn. Dalm. 77, 269*), Godin (*Sommersb. I. 328, 891*), Hoda, Hodjk, Hodata, Hodawa, Hodslaw (*Čas. Česk. m. VI*), Hodislaw, Hodiso, Godata, Godeg (*Boczek, III. 194. IV. 238. II. 36, 50*), Года (*Бух. Митр.*) и т. п. Конечное лѣбъ (само по себѣ личное имя: Leb, *Čas. Česk. m. VI*) проявляется въ племенномъ Дулѣбы (*Česk.* Dudlebi; Dudleb, villa *ap. Boczek, I. 276*), въ личныхъ: Detleb имя чешскаго Премыслида въ 1172 — 1182 г.; Dethleb, castellanus de Bechin ad ann. 1166; Hartleb, Rotleb, civis Olomucensis (*Boczek, I. 278. IV. 210*) и т. д. Его германизированная форма laib; срвн. chleb и laib, hlaib; Lipa и Leipa; Styr и Steyer; Wisla и Weichsel (*Schafar. Abk. d. Sl. 176*). Напрасно передаетъ Шафарикъ (*Sl. Alt. II. 519*) Эйнгардова Godelaibus славянскимъ Godeliub; у Эйнгарда

славянское Ljub является подъ своею формою; такъ подъ 823 г.: «erant (Meligastus et Celeadragus) filii Liubi regis Wiltzorum».

Переходъ западнаго Hodleb или Hudleb (срвн. bûh и богъ, nůž и ножъ) въ словенорусское Улѣбъ (вар. Олѣбъ *Лавр. 20*), совершается по всѣмъ правиламъ славянской лингвистики. Русское нарѣчіе не любитъ придыханій; западное gméno по русски имя; Holgost — Ольгость; греческія Ἑλένη — Олена; Ἡράκλειος — Ираклій. Съ другой стороны буква *д* выпадаетъ передъ *л*, какъ въ словахъ: mydlo — мыло; sadlo — сало; Dudlebi — Дулѣбы и т. д. Эйнгардово Godelaibus (Hodleb или Hudleb) не могло быть усвоено русскими Славянами иначе какъ подъ формами: Олѣбъ, Улѣбъ [144]).

Быть можетъ славянское Godleb, Hudleb, сокрыто и въ имени Gudleivus (al. Gudleikus) Gardicus, о которомъ упоминаетъ сага Олафа святаго (*сар. 65*).

Другую родственную форму имени Улѣбъ являетъ чешское личное Weleba (величество. Jungm.). У насъ велебный — вельможный (*Сборн. Мухан. 87*). Олѣбъ (Улѣбъ) и Велѣбъ, какъ Olen и Welen.

Шварно, кіевскій воевода въ 1146 г.; сынъ Даніила Галицкаго въ 1213 (*Ипат. 27, 160*). У Длугоша «Swarno»; у Стрыйковскаго «Swarno albo Swarmir». Г. Куникъ (*Beruf. II. 175, 176*) указываетъ, впрочемъ только услòвно, на Саксонова Swarinus или Оссіанова Swaran.

Карамзинъ упоминаетъ о супругѣ Всеволода Георгіевича, Маріи, дочери чешскаго князя Шварна (Лѣт. Синод. б. № 349, у *Карамз. III, прим. 62*). Тѣло ея лежитъ въ

Владимирѣ, въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ придѣлѣ Благовѣщенія, въ олтарѣ, и въ надписи сія княгиня именована Маѳою Шварновною. Имя Мараы дано ей въ монашествѣ.

Шварно имѣетъ опредѣленный смыслъ въ славянскихъ языкахъ; по чешски šwarny—опрятный; въ одной изъ чешскихъ пѣсенъ изданныхъ Шафарикомъ въ 1823 году:

«Chodila zuzanka около Dunaja,
Nosila na rukah švarniho šuhaja».

(Срвн. *J. Kollar, Narodn. spiew. Slowak.* №№ *4*, *6*, *7*).

Подъ 556 г. Агаѳій знаетъ Славянина Шварна (Σουαρούνας τις ὄνομα, Σκλάβος ἀνήρ), служившаго въ греческихъ войскахъ (*ed. Bonn. 249*).

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о дѣйствительно норманскихъ именахъ въ династіи варяго-руссскихъ князей. Таковы: Holti, сынъ Ярослава Владимировича (*Sn. Sturles. ed. Perinsk. I. 517;* cfr. Holty, *ap. Sax. Gramm. VIII. 385*); Harald (Мстиславъ) сынъ Владимира Мономаха; Malmfrida и Ingibiarga, дочери Мстислава (*Knytl. S. cap. 11, 88*). Въ этомъ обстоятельствѣ норманская школа видитъ торжество своей системы; она основываетъ на немъ мысль что при своихъ славянскихъ именахъ, князья имѣли норманскія (*Kunik, Beruf. II. 155*), прилагая впрочемъ это правило только къ нѣкоторымъ князьямъ Рюрикова дома (*ibid. 166*); оговорка въ сущности правильная; невѣрная, какъ увидимъ, по выводимымъ изъ нея заключеніямъ.

Какъ у славянскихъ (преимущественно вендскихъ), такъ и у германо-скандинавскихъ племенъ, было въ обычаѣ при-

лагать къ туземнымъ именамъ дѣтей (по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ) иноземныя имена, по народности матерей. Что прозваніемъ дѣтей распоряжались преимущественно матери, узнаемъ мы изъ саги Олафа святаго: «Olavus Svionum rex primo pellicem habuit nomine Edlam, Vindlandiae dynastae filiam: horum liberi erant Emundus Astrida [145]) et Holmfrida. Edla in Vindlandia capta fuerat, et regis ancilla appellata est. Praeterea filium procrearunt, festo Jacobi natum; qui cum aqua lustraretur, mater ei nomen dedit Jacobi, quod nomen Svionibus minus bene placuit, dictitantibus, nullum ex Svionum regibus unquam fuisse Jacobum appellatum» (*Hist. de Ol. S. cap. 84*). Отсюда, то-есть въ слѣдствіе брачныхъ союзовъ съ Славянками, происходятъ по бóльшей части славянскія имена въ скандинавской исторіи; напр. Яромиръ (*у Сакс. грамм. VIII 409:* Jarmericus*; въ хроникѣ кор. Эрика, LXI:* Jarmarus Rek filius Sywardi); Войслава (Woizlawa) дочь норвежскаго короля и супруга óботритскаго князя Прибислава, около половины XII-го столѣтія; Бориславъ (Burislef; *въ хрон. кор. Эрика* Buricius, Борисъ), датскій принцъ въ 1167 году. Это обыкновеніе встрѣчаемъ и у Вендовъ и на Руси. «Hanc enim (sc. filiam regis Danorum) ut supra diximus, Godeschalcus Princeps habuit uxorem, a qua et filium suscepit Henricum. Ex alia vero Buthue natus fuit, magno uterque Slavis excidio» (*Helmold. I. XXIV*. cfr. *Ad. Brem. c. 137*). Сынъ оботритскаго князя [146]) и датской королевны прозванъ германскимъ именемъ Генрихъ; сынъ (безъ сомнѣнія) славянской супруги, славянскимъ именемъ Buthue, Буды. «Filii enim Henrici (оботритскаго Прибислава)

Zwentopolch, nec non Kanutus, qui dominio successere» etc. (*Helmold. 1. XLVII.* Cfr. Kanutus Prizlai filius; *Sax. gramm. XIV. 869*). Изъ двухъ сыновей Прибислава и Катарины, сестры датскаго Валдемара, одинъ носитъ славянское имя Святополкъ; другой прозванъ матерью скандинавскимъ именемъ Канутъ. Датскій король Эрикъ, мнимый составитель приведенной выше хроники, былъ сыномъ Вратислава VII, поморскаго герцога и датской принцессы Маріи. Сыновья русскаго Владимира именуются по народности матерей; одинъ изъ сыновей вендской Эдды (у Іоакима: Адель) носитъ западное, нерусское имя Станислава; сынъ Чехини (у Іоакима Оловы, жены варяжской; срвн. личное Olaw, мѣстное Ohlaw, Wohlaw, ар. *Sommersb. I. 935, 936, 455, 898*), чешское имя Вышеслава, Waceslaw, Wencel; сыновья болгарыни, болгаро-славянскія Бориса и Глѣба. Какъ у Норманновъ сынъ Астриды извѣстенъ подъ именемъ Svein Astridson, такъ у насъ Василько, сынъ Маріи дочери Мономаха, подъ именемъ Маричичь (*Ипат. 13.—Карамз. II, 480*); сынъ Анастасіи, подъ именемъ Олегъ Настасьичь (*Ипат. 136*). Всего яснѣе выказывается это обыкновеніе въ отношеніяхъ Руси къ языческимъ Половцамъ; мы встрѣчаемъ у нихъ князей съ славянскими именами; у насъ бояръ и мужей съ половецкими; безъ сомнѣнія въ слѣдствіе взаимныхъ браковъ. Подъ 1095 г. упоминается объ Ольбегѣ (Елбехѣ) Ратиборовичѣ, сынѣ кіевскаго тысяцкаго при Мономахѣ (*Лавр. 97*); подъ 1147 о Судимірѣ Кучебичѣ (*Ипат. 30*); подъ 1159 о Тудорѣ Елчичѣ (*тамъ же, 86*); подъ 1162 о Торчинѣ Войборѣ Нечечевигѣ (*тамъ же, 90*) и т. д. Въ Синопсисѣ

сказано что Андрѣй Боголюбскій до крещенія своего именовался Китаемъ (*Карамз. III, прим. 26, стр. 399*). Отецъ Андрѣевъ, Юрій Долгорукій женился въ 1107 году на Половчанкѣ, дочери Аэпиной, внукѣ Осеневой (*Лавр. 120*); по этому Андрѣй не носитъ княжаго русскаго имени, а половецкое Китай (срвн. Китанопа, *Лавр. 119;* Kitan, *Güldenstaedt*, *Reisen*, *I. 470*) [147]).

Примѣняя это правило къ норманскимъ именамъ въ династіи руссо-варяжскихъ князей, мы видимъ, что таковыми отличаются только тѣ члены ея, которые были норманскаго происхоженія по матери. Holty сынъ Ярослава и Шведки Ингигерды. Harald (Мстиславъ) сынъ Владимира Мономаха и Англо-норманки Гиды. Malmfrida и Ingibiarga дочери Мстислава и Шведки Христины. Имена давались обыкновенно въ честь дѣда по матери; дѣдомъ Мстислава-Гаральда былъ Harald Gudinason, король англійскій; дѣдомъ Ингибіарги, Inge Stenkilsson, король шведскій; о датскомъ Waldemar'ѣ Саксонъ грамматикъ говоритъ положительно: «cui et materni avi nomen inditur» то-есть Владимира Мономаха [148]). Еслибы въ слѣдствіе, не браковъ, а норманскаго происхожденія варяжской династіи, нашимъ князьямъ прилагались норманскія имена при славянскихъ, безъ сомнѣнія скандинавскія саги упоминающія такъ часто о Владимирѣ и Ярославѣ, знали бы ихъ какъ Голтія и Гаральда-Мстислава, подъ ихъ норманскими именами. Но Владимиръ былъ сыномъ Русинки Малуши; Ярославъ поморской варягини Рогнѣди [149]).

VIII.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИМЕНАХЪ.

C) Имена въ договорахъ Олега и Игоря.

Какъ фактъ уединенный въ русской исторіи и выходящій изъ круга обыкновенныхъ органическихъ условій русской жизни, письменные договоры Олега и Игоря съ Греками представляютъ и въ ономастическомъ отношеніи, явленіе отдѣльное, не подлежащее общимъ законамъ историческаго русскаго быта. Здѣсь присутствіе германо-скандинавскаго начала несомнѣнно, хотя далеко не можетъ быть допущено въ томъ преувеличенномъ размѣрѣ, ни при тѣхъ историческихъ условіяхъ и значеніи, на какія указываютъ представители норманскаго мнѣнія. Въ чемъ же заключается это значеніе? Откуда явились тѣ 12 или 15 скандинавскихъ именъ (я болѣе допустить не могу), которыя встрѣчаются въ договорахъ? какой настоящій смыслъ договорной формулы «мы отъ рода Рускаго»? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ необходимы, съ одной стороны, опредѣленіе отношеній въ которыхъ Норманны состояли къ варяжской Руси, какъ отдѣльныя лица и какъ народъ;

съ другой, точное по возможности изложеніе системы заключенныхъ между Русью и Греками дипломатическихъ актовъ.

Отношенія Норманновъ къ Руси, какъ дружинниковъ и товарищей по войнѣ, намъ уже отчасти извѣстны. Вмѣстѣ съ Рюрикомъ, и, какъ увидимъ, еще до него, появляются на Руси скандинавскіе воины промышленники; ихъ было безъ сомнѣнія довольно въ дружинахъ Олега и Игоря. О составномъ разноплеменномъ характерѣ русскихъ и скандинавскихъ дружинъ въ IX—X вѣкѣ, сохранилось не мало свидѣтельствъ (см. *ниже*, *гл. XIX*); славянскіе и чюдскіе выходцы являются въ скандинавскихъ дружинахъ, какъ скандинавскіе, литовскіе, печенѣжскіе, угорскіе, въ дружинахъ варяжскихъ князей. Что Гаральдъ, что Эймундъ и Рагнаръ у Ярослава, то оботритскій Готшалкъ у Канута: «At ille (Godescalcus) dimissus abiit ad regem Danorum Kanutum, et mansit apud illum multis diebus sive annis, variis bellorum exercitiis in Nortmannia sive Anglia virtutis sibi gloriam consiscens. Unde et filia regis honoratus est» (*Helmold. I. XIX*). Сынъ Никлотовъ Приславъ воевалъ вмѣстѣ съ Датчанами противъ Руянъ; онъ былъ женатъ на сестрѣ датскаго Валдемара (*Saxo Gramm. XIV. 760*). При Владимирѣ стекалось въ Кіевъ множество ускоковъ-дружинниковъ (fugitivi servi), отъ Норманновъ и Печенѣговъ. Дружина Мстислава Владимировича кажется состояла преимущественно изъ Хазаръ и Касоговъ (*Лавр. 63, 64*) [150]). Что при заключеніи мирныхъ договоровъ, храбрые въ битвахъ избирались представителями своихъ нáбольшихъ и въ посольствахъ, сообразно съ историческою

необходимостію и понятіями вѣка; Норманнъ Сигвальдъ договаривается съ Свейномъ отъ имени поморскаго Борислава (*hist. Ol. Trgv. f. cap. 85*); Эймундъ является посломъ Ярослава и т. д. Народность дружинниковъ (особенно при многочисленномъ составѣ посольства) не имѣла національнаго значенія; мы видимъ Ятвяга въ числѣ пословъ Игоревыхъ. Заключеніе мирныхъ условій вѣроятно предоставлялось одному или двумъ избраннымъ лицамъ; остальныя принимали участіе въ посольствѣ ради одного блеска и для полученія подарковъ.

Дружинное, чисто воинское начало проявляется яснѣе и опредѣленнѣе въ характерѣ похода и формѣ договора Олегова, нежели въ Игоревыхъ. Олегъ подчинилъ себѣ русскія племена и мелкихъ династовъ; но Русь еще далека отъ слиянія съ варяжскимъ началомъ. Его послы—дружинники договариваются отъ его имени, отъ имени его бояръ и сущихъ подъ его рукою русскихъ князей; отдѣльныхъ пословъ, представителей общихъ интересовъ Руси, въ лицѣ каждаго изъ членовъ-собственниковъ и правителей новоустроеннаго общества, еще нѣтъ; дружина преобладаетъ надъ государствомъ; характеръ дружинника надъ характеромъ владѣльца земли. При Игорѣ уже прежніе князья вошли въ составъ новой монархіи; ихъ интересы неразлучны съ интересами Игоря; военачальники и бояре поморскіе обратились изъ дружинниковъ въ наслѣдственныхъ обладателей земли; у каждаго изъ нихъ (такъ у Свенгельда при Игорѣ) есть свои сподвижники, приближенные; они то являются частными послами въ Игоревомъ договорѣ. Понятно что въ числѣ этихъ приближенныхъ должны были

находиться личности иноземныя; при тогдашнемъ состояніи русскаго общества, предпріимчивыхъ, бывалыхъ дружинниковъ, опытныхъ въ морскомъ и ратномъ дѣлѣ, было сравнительно болѣе между Вендами и Норманнами, нежели между туземцами; ихъ назначеніе послами было наградою за услуги оказанныя на войнѣ; Греки дарили пословъ [151]; а до какой степени варварскіе народы дорожили подарками извѣстно; Аттила изобрѣталъ предлоги къ посольствамъ, для обогащенія и вознагражденія своихъ приближенныхъ (*Exc. e Prisco, ed. Bonn. 146*). Вотъ почему, при исключительномъ славянствѣ княжескихъ и боярскихъ именъ, начало норманское и вообще иноземное проявляется въ именахъ пословъ-дружинниковъ; сверхъ участія въ добычѣ, русскіе князья платили имъ греческими подарками.

Но кромѣ особыхъ, случайныхъ отношеній норманскихъ дружинниковъ къ варяжскимъ и русскимъ князьямъ, исторія знаетъ о постоянныхъ, преимущественно торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ Норманновъ съ Русью, а посредствомъ Руси, съ востокомъ и греческою Имперіею. Мы уже намекнули (*гл. V*) на это сотоварищество обоихъ народовъ; ниже (*гл. XIX*) увидимъ мы Норманновъ торгующихъ вмѣстѣ съ Русью въ Болгарѣ, Итилѣ, Царьградѣ; вступающихъ вмѣстѣ съ Русью на службу къ греческимъ императорамъ. При этой общности интересовъ обѣихъ народностей, походы Олега и Игоря противъ Грековъ и послѣдовавшіе за ними мирные договоры, представляются какъ бы общимъ дѣломъ и принадлежностію Руси и Норманновъ; присутствіе норманскихъ личностей и именъ въ числѣ русскихъ пословъ (особенно гостей поименованныхъ

въ Игоревомъ договорѣ) объясняется само собою. Норманскіе гости являются самостоятельными представителями общихъ интересовъ Норманства.

Не менѣе тѣсно соединенъ вопросъ объ именахъ и народности лицъ принимавшихъ участіе въ договорахъ Руси съ Греками, съ вопросомъ о дипломатической системѣ по которой эти акты заключались. Для опредѣленія настоящаго смысла заглавной формулы «мы отъ рода Рускаго»; для объясненія причинъ невѣроятнаго искаженія именъ въ договорахъ, необходимо установить кѣмъ и на какихъ основаніяхъ составлены оригиналы; кѣмъ и для кого сдѣланы переводы. О внѣшней формѣ договоровъ писалъ Эверсъ: «Изготовлять договорныя грамоты въ двухъ экземплярахъ, было обыкновеніемъ греческаго двора; разумѣется что при этомъ употреблены были греческіе чиновники и что слѣдовательно первоначальный проектъ договоровъ (der erste Entwurf) писанъ по гречески. Варвары получали экземпляръ на своемъ языкѣ, нерѣдко подвергавшемся насилованію. Этимъ объясняется совершенно естественно мудреный языкъ Олегова договора» (*Aelt. Recht. d. Russ. 121*).

Въ видѣ объясненія Эверсъ прилагаетъ (*ibid. 129. прим. 2*) выписку изъ Менандрова описанія договора заключеннаго Греками съ Персами въ 628 году:

«Haec et alia multa cum inter se agitassent, foederum in quinquaginta annos conditiones sunt perscriptae Graece et Persice. Deinde Graeca in sermonem Persicum, et Persica in Graecum sunt translata. Foederibus autem scribendis et faciendis affuerunt e Romanis Petrus, dux militum, qui circa Imperatorem militabant, Eusebius et alii,

ex Persis Jesdegusnaph, Surenas et alli. Quum igitur conventiones ab utraque parte litteris mandatae essent, utramque inter se compararunt, ut verba et sententiae idem valerent. Quae autem pacis libelli continerant, dicentur....

Haec cum ita rite et ordine gesta administrataque fuissent, litteras hi, quibus ejus rei cura demandata erat, duobus libellis exaratas susceperunt, et earum vim et sensum accurate inter se contulerunt, quarum statim altera exempla confecerunt. Et quidem eae tabulae, quibus plenior fides haberetur, diligenter involutae, et securitatis causa cera iterum expressae, et aliis rebus, quae apud Persas sunt in usu, firmatae sunt: tum etiam legatorum sigilla annulis impressa, et duodecim interpretum, sex Romanorum, et totidem Persarum. Sic mutua traditione inter se sibi pacis tabulas Zichus Petro Persarum lingua scriptas, et Graeca Petrus Zicho tradiderunt. Rursus cum Zichus accepisset a Petro aeque ac authenticum approbatum exemplar, e Graeco Persica lingua expressum, sine ulla sigillorum impressione, quod ad solam rei gestae memoriam valeret, eadem itidem Petrus a Zicho pari forma accepit» (*Exc. e Menandr. ed. Bonn. 359—364. — Corp. Byz. hist. I. 140—142*) [152]).

Въ описаніи Менандра я отличаю три главныхъ момента: 1) конференція; прѣнія; проектъ договора составленный каждою стороною, на своемъ языкѣ; переводъ персидскаго проекта на греческій, греческаго на персидскій языкъ; сличеніе; согласованіе; 2) изготовленіе по одобреннымъ проектамъ, двухъ договорныхъ грамотъ,

персидской и греческой; употребленіе каждою стороною своихъ канцелярскихъ и дипломатическихъ формъ; приложеніе печатей; обмѣнъ документовъ; Персы получаютъ греческую, Греки персидскую грамоту; 3) Зихъ вручаетъ Петру греческій переводъ съ персидскаго оригинала; Петръ Зиху персидскій переводъ съ греческаго оригинала; переводные экземпляры не носятъ печатей пословъ. Существенное отличіе въ системахъ персо-греческихъ и греко-русскихъ договоровъ, слѣдующее: Греки договариваются съ Персами, на равной ногѣ; по согласованіи въ условіяхъ, каждая сторона изготовляетъ свой оригиналъ, на своемъ языкѣ, по своимъ дипломатическимъ формамъ и церемоніалу двора своего; Менандръ свидѣтельствуетъ положительно объ этомъ еще въ другомъ мѣстѣ [153]). Ничего подобнаго у насъ не было и быть не могло. О составленіи оригинальныхъ грамотъ, одной на греческомъ, другой на славянскомъ (русскомъ или болгарскомъ) языкѣ, не можетъ быть рѣчи; переводъ очевиденъ; см. для частностей, *Лавровскаго, о визант. элем. въ яз. догов. Русск. съ Греками.* По гречески были писаны оба экземпляра договорныхъ грамотъ, при заключеніи мира съ Болгарами въ 765 году: «Conditiones istas scripto mandatas mutuo sibi tradiderunt» (*Theophan. ed. Bonn. I. 691*); болгарско-славянской или гунно-уральской грамоты въ VIII вѣкѣ не существовало. Императоръ Алексѣй Комнинъ посылалъ еще въ концѣ XI столѣтія (1083—1096), Синезія къ Печенѣгамъ, съ заготовленными договорными грамотами (χρυσοβούλλοις λόγοις), для заключенія мира (*Anna Comn. ed. Bonn. I. 356*); и здѣсь нельзя думать о печенѣжскомъ письмѣ. Крещеные Хор-

ваты о которыхъ Константинъ говоритъ: «συνθήκας καὶ ἰδιόχειρα ἐποιήσαντο» (*de adm. imp. ed. Bonn. 149*), писали безъ сомнѣнія по латынѣ; того же мнѣнія и Добровскій (*Glagolit. 29*). Какъ содержаніе, такъ и форма дошедшихъ до насъ договорныхъ греко-русскихъ грамотъ, явно доказываютъ что оригиналы этихъ актовъ, отъ кого бы они ни шли (отъ Грековъ ли къ Руси, или отъ Руси къ Грекамъ) писаны по гречески, императорскою канцеляріею, отъ перваго до послѣдняго слова. Относительно содержанія: въ обоихъ договорахъ обязующими являются одни Греки; въ статьяхъ объ уголовныхъ преступленіяхъ, Русинъ именуется передъ христіаниномъ; въ статьяхъ клятвенныхъ, крещеная Русь передъ некрещеною; общій смыслъ договоровъ явствуетъ изъ заключенія статей въ (идущемъ отъ Руси къ Грекамъ) Олеговомъ: «Си же вся да творять Русь Грекомъ, идѣже аще ключится таково» (*Лавр. 15*). Относительно формы: языческая Русь изъясняется чуждыми ей христіанскими формулами; титуляція русскихъ князей идетъ отъ Грековъ (см. *ниже*) и т. д. Впрочемъ система составленія греко-русскихъ договорныхъ актовъ довольно ясно опредѣлена словами Игорева трактата: «Мы же совѣщаніе все написахомъ на двою харатію, и едина харатія есть Царства Нашего, на ней же есть крестъ и имена Наша написана, а на другой послы Ваши и гости Ваши» (*Tobien. 37*). Здѣсь только два экземпляра, двѣ харатьи писанныя византійскими Греками; они сами объясняютъ русскимъ князьямъ формальное отличіе обѣихъ грамотъ; на одной крестъ и имена императоровъ (срвн. *Menandr. ed. Bonn. 353*); на другой, писанныя Греками же, имена русскихъ

пословъ; о двухъ редакціяхъ или двухъ языкахъ (какъ при заключеніи договора съ Персами) не говорится. О договорѣ Святослава сказано въ лѣтописи: «Царь же наутрія призва я̀, и рече царь: да глаголють сли Рустіи. Они же рѣша: тако глаголеть князь нашь, хочю имѣти любовь со царемъ Гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта. Царь же радъ бысть, повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославлѣ на харатью; нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писець писати» (*Лавр. 30, 31*). Писецъ былъ разумѣется или Цимисхіевъ Грекъ, писавшій подъ диктовкою драгомана, или въ крайнемъ случаѣ греческій Славянинъ; писалъ онъ не иначе какъ по гречески; русскій посолъ своего писца не имѣетъ [154]).

Письменныхъ договоровъ требовали разумѣется Греки. При заключеніи подобныхъ актовъ съ варварскими народностями, дѣло византійской канцеляріи, относительно внѣшней формы, было: 1) Обезпечить, по возможности, греческую имперію на счетъ ненарушимости со стороны варваровъ, заключенныхъ съ ними условій; 2) облечь эти условія въ обыкновенную, у Грековъ установленную форму.

Къ достиженію первой изъ этихъ цѣлей, у Грековъ было два средства:

1) Клятвенныя обязательства со стороны варваровъ.— Греки знали что для варварскихъ народовъ вообще, клятвы имѣли большое значеніе; по этому они обращали особое вниманіе на этого рода обязательства, узнавали подробно религіозные обряды и клятвенныя формулы варварскихъ народностей и не пренебрегали въ этомъ отношеніи никакими подробностями [155]). Русь они заставляли клясться, по

русскому закону, языческими богами Перуномъ и Волосомъ и оружіемъ своимъ [156]). Обнаженіе оружія при клятвахъ («а некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги») встрѣчается и у Аваровъ (*Exc. e. Menandr. ed. Bonn. 335*). Клятва золотомъ («да будемъ золоти ако золото» *Лавр. 31*. Срвн. *тамъ же, 23*) имѣла, кажется, смыслъ наговора, накликанія на клятвопреступника желтаго недуга, желтухи (у Грековъ χρυσιασμὸς, morbus ictericus) или златеницы (лихорадки) [157]). О самообреченіи языческой Руси на вѣчное рабство, уже сказано выше (*гл. I*). Къ обряду клятвъ, Греки присоединяли заклинанія, какъ языческими богами, такъ и истиннымъ христіанскимъ Богомъ: «И иже помыслить отъ страны Рускія разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да пріимуть месть отъ Бога Вседержителя, осуженья на погибель въ весь вѣкъ, въ будущій; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна» и т. д. (*Игор. догов. Лавр. 20*). «а иже преступить се отъ страны нашея, ли князь, ли инъ кто, ли крещенъ, или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога, и да будеть рабъ въ сій вѣкъ и въ будущій» и т. д. (*тамъ же, 22*).... «будеть достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будеть клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву» (*тамъ же, 23*). «Да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотья бога» и т. д. (*догов. Святосл. тамъ же, 31*).

Нѣкоторые изслѣдователи (*Касторскій, начерт. Сл. миө. 70, 71.* — *Срезневскій, богосл. 3*) указывають на имя Бога, въ приведенныхъ заклинаніяхъ, какъ на доказатель-

ство существованія у Славянъ верховнаго Бога, отличнаго отъ Перуна; я думаю—это ошибка. Слова Прокопія: «unus deus fulguris effector, dominus hujus universitatis» (*de b. Goth. III. 14*) относятся прямо къ Перуну, богу громовнику; извѣстное мѣсто у Гельмольда: «inter multiformia vero Deorum numina, quibus arva, silvas, tristitias atque voluptates attribuunt, non diffitentur unum Deum in coelis, ceteris imperitantem, illum praepotentem, coelestia tantum curare. Hos vero distributis officiis obsequentes de sanguine ejus processisse, et unumquenque eo praestantiorem, quo proximiorem illi Deo deorum» (*I. LXXXIV*) объясняется другимъ мѣстомъ (*II. XII*), въ которомъ богомъ боговъ или прабогомъ у вендскихъ Славянъ XII вѣка, является Руйскій богъ Святовитъ, тождественный, какъ увидимъ, съ русскимъ Перуномъ. Имя Бога, въ договорахъ, означаетъ христіанскаго Бога, карателя въ случаѣ клятвопреступленія не только крещеной, но и некрещеной Руси; на первую договоръ призываетъ месть Бога вседержителя; на вторую — Бога и Перуна (*дог. Игор. Лавр. 20*). Далѣе сказано: «аще ли преступить се.... ли крещенъ, или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога» (*тамъ же, 22*); Греки видѣвшіе въ нападеніи варваровъ на имперію, особое небесное наказаніе, могли полагать что въ гнѣвѣ своемъ, Богъ помогаетъ язычникамъ противъ христіанъ; но отнюдь не призывать на крещеную Русь мести языческаго бога боговъ, ни употреблять о немъ, какъ объ истинномъ Богѣ, имени Θεός, безъ прилагательнаго. Не придавая религіознаго значенія нарушенію со стороны варваровъ клятвъ которыми они обязывались своимъ языческимъ божествамъ,

Греки хотѣли сдѣлать изъ нихъ клятвопреступниковъ, въ христіанскомъ смыслѣ, почему и требовали отъ нихъ выраженія вѣры въ христіанскаго Бога, что и высказано въ договорѣ Святослава словами: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ»; слѣдующія за тѣмъ слова: «въ Перуна и въ Волоса скотья бога» искажены переписчиками; вѣроятно слѣдовало: «и отъ Перуна» какъ въ Игоревомъ договорѣ. Исторія народовъ показываетъ что язычники всегда допускали существованіе и могущество чужихъ боговъ; біографъ св. Оттона повѣствуетъ что славянскій жрецъ совѣтовалъ язычникамъ чтить христіанскаго бога наровнѣ съ своими: «Aedificate, ait, hic domum Dei vestri, juxta aedem Teutonici Dei, et colite eum pariter cum deis vestris, ne forte indignatus interitum huic loco quantocyus inferat» (*Vita S. Otton. III. I. 492*). Въ мирномъ договорѣ съ персидскимъ царемъ Хозроемъ въ 628 году, 12-я статья содержала, какъ и въ нашихъ, равныя для язычниковъ и для христіанъ, заклинанія истиннымъ христіанскимъ Богомъ: «ad deum preces et execrationes quoque, scilicet ut deus pacem colenti sit propitius et perpetuus adjutor; contra decipienti et aliquid in conditionibus novare cupienti hostis et inimicus» (*Exc. e Men. ed. Bonn. 363*). Въ 579 году, Аварскій Хаганъ клянется сначала оружіемъ и своимъ языческимъ богомъ; потомъ христіанскимъ Богомъ и книгами св. писанія (*ibid. 335. 336*).

2) Число и достоинство присягавшихъ язычниковъ. — У всѣхъ народовъ эти условія почитались обезпеченіемъ ненарушимости договоровъ. О многочисленномъ составѣ славянскихъ посольствъ свидѣтельствуютъ Эйнгардъ *Annal.*

ad. ann. 818, 819, 823, 824, 826; Annal. Fuldens. ad. ann. 888 и т. д. Въ обычаѣ варварскихъ народовъ отправлять многочленныя посольства для утвержденія мира, Греки находили новое ручательство въ обезпеченіи своихъ интересовъ. Требуя присяги не отъ одного великаго князя Руси, но вмѣстѣ съ нимъ и отъ прочихъ князей, отъ бояръ и мужей его, Греки пріобрѣтали тѣмъ бо̀льшую увѣренность въ ненарушимости клятвъ со стороны варваровъ. Отсюда имена всѣхъ пословъ и князей и бояръ отъ которыхъ они посланы, въ договорахъ; а также и греко-русскія формулы: «похотѣніемъ нашихъ князь и по повѣленію и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси» (*дог. Ол. Лавр. 14*). «Посланіи отъ Игоря великаго князя Рускаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Рускія земля» (*тамъ же, 20*). «да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людій отъ страны Рускія» и пр. (*тамъ же, 22*). «И иже суть подо мною Русь, боляре и прочіи» (*тамъ же, 31*). Греки водятъ на роту Олега «и мужій его» (*тамъ же, 13*); императорскіе послы говорятъ Игорю: «твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ» (*тамъ же, 23*).

Къ внѣшнимъ дипломатическимъ формуламъ греческой канцеляріи, внесеннымъ въ договорные акты, принадлежали:

1) Заглавная формула (ἐπιγραφὴ): «мы отъ рода Рускаго, съли и гостье» и т. д. Въ этой формулѣ норманская школа видитъ доказательство скандинавскаго происхожденія Руси «ибо кто, спрашиваетъ Погодинъ (*Изслѣд. III, 360*),

причислялъ себя тогда къ роду русскому? Карлъ, Фарлафъ, Ингіалдъ, Рулафъ, Руалдъ, Фастъ, Турбернъ, Иворъ и пр.» Г. Куникъ (*Beruf. II. 177*) переводитъ: «Wir vom russischen Geschlecht», въ слѣдствіе чего и вынужденъ отнести къ ославянившимся Норманнамъ, имена Святослава, Володислава и Передславы; остальныя имена, по мнѣнію его, чисто норманскія. Съ исторической точки зрѣнія, эти положенія рѣшительно невозможны; допустивъ, засвидѣтельствованное лѣтописью участіе славянскихъ племенъ въ походахъ Олега и Игоря, нельзя не принять славянскихъ личностей въ числѣ ихъ пословъ, ни обозначать этихъ личностей происхожденіемъ отъ русскаго (т. е. скандинавскаго) рода. Нельзя видѣть однихъ Норманновъ и въ поименованныхъ въ Игоревомъ договорѣ гостяхъ. Самая формула: «мы отъ рода Рускаго» значитъ ли: мы отъ племени Россовъ въ Швеціи (*Погод. изслѣд. II, 151*) или: мы отъ племени Гредготовъ въ..... (*Kunik, Beruf. I. 166, 167*)? Могли ли Норвежцы и Датчане причислять себя къ русскому роду и племени? или ихъ не было вовсе въ дружинникахъ и послахъ Олега и Игоря?

Формула «мы отъ рода Рускаго» — техническая, заглавная формула византійской дипломатики, соотвѣтствующая обычнымъ формуламъ договорныхъ актовъ, писанныхъ греческою канцеляріею, отъ имени варварскихъ народностей; она принадлежитъ Руси, не болѣе слѣдующей за нею: «къ вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великымъ о Бозѣ самодержьцемъ».

Грекамъ не было дѣла до рода (въ смыслѣ благородства происхожденія) тѣхъ двадцати или тридцати варваровъ,

которые являлись въ Византію менѣе для заключенія договоровъ, чѣмъ для полученія подарковъ отъ императоровъ; но тѣмъ болѣе до яснаго опредѣленія той народности которой они были представителями. Обычнымъ выраженіемъ для обозначенія варварскихъ, преимущественно скиѳскихъ народностей, было слово γένος. Такъ въ письмѣ Константинопольскаго патріарха Николая († 925) къ Симеону болгарскому: «οὔτε Ἀλανοὺς, οὔτε Πατζινακῖτας, οὔτε Ῥῶς, οὔτε τὰ ἄλλα σκύθικα (sic) γένη» κ.τ.λ. (*Spicil. roman. X. p. 254*). У Константина багрянороднаго *de adm. imp. ed. Bonn. 44:* «τὸ τῶν Βουλγάρων γένος»; p. 172: «περὶ τῶν γενεῶν τῶν Καβάρων καὶ Τούρκων» и т. д. Въ экземплярахъ коммерческихъ и мирныхъ трактатовъ шедшихъ отъ этихъ варваровъ къ Грекамъ, греческая заглавная формула безъ сомнѣнія гласила: «ἡμεῖς ἐκ γένους τῶν Τούρκων, Βουλγάρων, Ῥῶς» и т. д. Но какъ у Болгаръ, такъ и у насъ, греческое ἐκ γένους было переводимо «отъ рода». Русская лѣтопись (*Нест. Шлец. III, 33*) и переводное продолженіе Амартола (*прилож. къ Лавр. л. 245*) передаетъ греческое: «οἱ ἐκ γένους Φράγγων ὄντες» своимъ: «отъ рода Варяжска сущимъ». Въ древне-сербскомъ житіи св. Симеона: «вста бо нѣкто отъ рода грьчска, рода царска сый, именемъ Михаилъ» (*Šafař. Pam. жит. св. Сим. § XVIII — 24*). Слово родъ, въ древне-славянской терминологіи, употребляется какъ въ смыслѣ народа («и ѡтъ Бога даноу родоу Словѣньскому» *Черноp. Храбръ изд. Калайдов. 89*), такъ и для обозначенія родства и происхожденія; но въ послѣднемъ случаѣ почти всегда безъ предлога: «вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа» (*Лавр. 10*). «бѣ бо

рода князей Сербскихъ» (*Ипат. 227*)[158]). Для Грековъ каждый русскій посолъ, будь онъ родомъ Норманнъ, Славянинъ, Хазаринъ—былъ ἐκ γένους τῶν Ῥῶς; переводчикъ не могъ передать греческой формулы иначе как своимъ «отъ рода Рускаго».

2) Титуляціонныя формулы. При заключеніи Греками договоровъ съ народами болѣе образованными и грамотными, напр. съ Персами, каждая изъ договаривавшихся частей составляла договорный актъ отъ себя и вносила въ него титулъ своего государя. Въ договорѣ 628-го года Хозрой титулуется: «Divinus, bonus, pacificus, summus Princeps, Chosroes rex regum, felix, pius, beneficus, cui Dii magnum imperium cum magnis opibus indulserunt, Gigas gigantum, ad deorum exemplar compositus, Justiniano Caesari fratri nostro» (*Exc. e Menandr. ed. Bonn. 353*). О римскомъ императорѣ Менандръ говоритъ: «Et Romani Imperatoris pacis ratihabitio solitam prae se fereba inscriptionem, quae satis nota est» (*ibid*). Иначе поступали Греки съ народами неграмотными и малообразованными, каковы были Русь; здѣсь, какъ редакція обоихъ договорныхъ экземпляровъ, такъ и титуляція русскихъ князей шла отъ Грековъ; при замѣнившемъ скиѳскій титулъ хагановъ, словенскомъ великокняжескомъ тутулѣ русскихъ князей (μέγας ἄρχων), они прилагаютъ Олегу и его боярамъ греческіе титулы свѣтлости (λαμπρότης) и свѣтлыхъ (λαμπρότατοι); для побѣжденнаго Игоря и его приближенныхъ нѣтъ особаго титула.

3) Христіанскія формулы, при вступленіи и заключеніи договорнаго акта. «Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ же

о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь» — «суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, главы таковыя» — «И отъ тѣхъ заповѣдано обновити вѣтъхій миръ, ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола разорити» (*Лавр. 14, 20*) и т. д. — Шлецеръ (*Нест. III, 109*) пишетъ: «Все это такъ по Христіански! Діявола! Зналъ ли Норманнъ христіанскаго діавола? Зналъ ли его Славянинъ?» Конечно нѣтъ; и Греки объ этомъ мало заботились. Но такъ какъ редакція договоровъ шла только отъ нихъ, язычникамъ же не было дѣла до иныхъ, кромѣ договорныхъ статей, они не стѣснялись внесеніемъ и въ составленный отъ имени Руси договорный актъ, своихъ христіанскихъ понятій и формулъ. Здѣсь не было ни небрежности, ни торопливости, какъ думаетъ г. Лавровскій (*о визант. элем. 14*), а только одно, нѣсколько высокомѣрное преобладаніе образованнаго начала надъ необразованнымъ.

4) Дипломатическія формулы. — «На утверженіе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и Русью, бывшій миръ сътворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харотью, царя вашего и своею рукою» и пр. (*Догов. Ол. Лавр. 15, 16.* — Cfr. *Cedren. ed. Bonn. II. 289:* γραμμάτιον αὐτόχειρον). «Мы же съвѣщаньемъ все написахомъ на двою харатью» и пр. (*Догов. Иг. тамъ же, 22*). «Се же имѣйте въ истину, якоже пинехрусу сотворимъ нынѣ квамъ, и написахомъ на хоратьи сей, и своими печатми запечатлѣхомъ» (*Догов. Свят. воскр. сп. у Шлец. Нест. III, 585, прим. 10*) [159]).

Опредѣливъ такимъ образомъ основныя начала ориги-

нальной редакціи, мы обращаемся къ вопросу о дошедшихъ до насъ переводахъ.

Прежде всего я долженъ возстать противъ мнѣнія будто бы мы имѣемъ не полные переводы греческихъ оригиналовъ, а только выписки, въ родѣ сохранившейся у Менандра (*Krug, Forsch. II. 267. Anm.*), изодранный лоскутъ отъ договора Святослава (*Нест. Шлец. III, 592, прим. 4.* — *Tobien, Aelt. Tract. 2. Anm. 11*) и пр. На какихъ доказательствахъ основаны эти предположенія? Въ договорахъ Олега и Игоря, передъ нами совершенно полные документы, содержащіе: вступленіе; договорные пункты; заключеніе; число года, мѣсяца и дня совершенія договорнаго акта. Что въ началѣ и концѣ Игорева договора являются договаривающимися Русь, а въ серединѣ Греки, не доказываетъ ничего противъ его полноты; это палеографическая случайность, которой я постараюсь представить въ своемъ мѣстѣ должное объясненіе. Шлецеръ называетъ договоръ Святослава изодраннымъ лоскутомъ (ein zerrissener Lappen), ибо, говоритъ онъ: «золотой буллы на вѣрное не было въ Святославовой канцеляріи; почему послѣднія строки въ отрывкѣ относятся только къ Греческимъ императорамъ» (*Нест. III, 597*), а выше (*III, 592, прим. 4*): «въ началѣ говоритъ Святославъ, а въ концѣ Греческій императоръ». Русской золотой буллы конечно не было въ канцеляріи Святослава, не имѣвшаго канцеляріи; дошедшая до насъ и Греками, отъ имени Святослава, заготовленная золотая булла — вышла изъ канцеляріи императорской. Мы уже видѣли какъ отправляя Синезія для заключенія союза со Печенѣгами, императоръ

Алексѣй Комнинъ снабжалъ его заготовленными заранѣе золотыми буллами; что этѣ золотыя буллы предназначались для вписанія въ нихъ договорнаго акта отъ имени Печенѣговъ, очевидно; золотою буллою шедшею отъ Грековъ, обязывался бы только одинъ императоръ. Русскому князю стало быть, не греческому императору принадлежатъ слова: «се же имѣйте въ истину, якоже пинехрусу сотворимъ нынѣ квамъ» и пр. Договоръ Святослава, какъ и прежніе, имѣетъ всѣ требуемыя условія полноты; краткость его объясняется (кромѣ измѣнившихся взаимныхъ отношеній Руси и Грековъ, о чемъ отчасти уже сказано въ гл. V) и тѣмъ обстоятельствомъ, что договорный актъ писанъ не въ Константинополѣ, а въ Дористолѣ, походною канцеляріею Цимисхія, спѣшившаго окончаніемъ войны; нъ подобныхъ случаяхъ императоръ Левъ совѣтовалъ: «Quod si fieri statim possit quod ab hostibus proponitur, non differatur, sed sedulo vel jurejurando, vel alio quopiam pacto transigatur» (*Tact. XIV. § 20*).

Кругъ, самый послѣдовательный (послѣдовательный до фанатизма) изъ Норманнистовъ, полагаетъ что договоры писаны по гречески и по скандинавски (*Forsch. II. 265*). Доказательствъ своему мнѣнію онъ, разумѣется, не представляетъ; да и прежде всего слѣдовало бы доказать, что Скандинавамъ-язычникамъ, IX—X вѣка была извѣстна та бѣглая, обиходная письменность, которой требовала редакція договоровъ. Но, ни изъ ранняго существованія у Скандинавовъ руническаго письма, ни изъ Римбертова извѣстія о письмѣ короля Біорна къ Людовику благочестивому въ 831 году (literae regia manu more ipsorum deformatae.

Rimb. Vita S. Ansgarii ap. Pertz II. 698), нельзя вывести этого по истинѣ баснословнаго заключенія. Самъ Кругъ (оставляющій впрочемъ безъ отвѣта многія изъ Иревыхъ возраженій; см. *Ihre, ap. Schloetz. A.N.G. 584*) думаетъ что письмо врученное Біорномъ Ансгарію, было только подписано шведскимъ конунгомъ (*Forsch. II. 258. Anm.***); Перцъ (*l. c. nota 25*) поясняетъ слова Римберта: «monogramma vel signum regium». Предположеніе будто бы постановленія о пеняхъ Гальфдана Чернаго (841—863) были изложены рунами на письмѣ (*Krug. Forsch. II. 268, 269*), не имѣетъ историческаго основанія; по свидѣтельству Ари Фроде (род. 1068, † 1148) древніе исландскіе законы, сначала переходившіе изъ рода въ родъ, по преданію изустному, облечены въ письменную форму не прежде 1118 года (*Arii Schedae, cap. X. p. 64—67. ed. Bussaei*). О законахъ Ульфліота, вывезенныхъ изъ Норвегіи въ 928 году, издатели исландскаго Grágás говорятъ: «litteris runicis, quibus jam tum forte Islandi utebantur, licet paucissimi, ad leges exarandas nunquam usi sunt. Litterae autem Gothicae et Anglo-Saxonicae tempore demum Arii et Saemundi hac in septentrionis parte usu receptae sunt» (*Grágás, I. XVII. № XXX*). Еслибы руническое письмо существовало для скандинавскихъ уложеній IX—X вѣка, норвежскіе жрецы и именитые люди, переселившіеся въ Исландію въ 874—930 годахъ, конечно перенесли бы эти законы и это письмо въ свое новое отечество [160]). А при доказанномъ отсутствіи юридическихъ документовъ писанныхъ рунами въ Скандинавіи, имѣемъ ли мы право предполагать подобные документы у мнимо-скандинавской Руси, не говоря уже о томъ

что на всемъ протяженіи Россіи, отъ балтійскаго до чернаго моря и Волги, не найдено ни одного надгробнаго камня, съ скандинавскою руническою надписью, тогда какъ въ одной Швеціи ихъ насчитано болѣе 1600 (*Strinh. Wikingsz. II. 193.* — cfr. *W. Grimm. zur Lit. d. Runen, W. Jahrb. d. L. 43 B. 37*); тогда какъ сѣверная и южная Россія изобилуютъ курганами и могилами, изъ коихъ первые, по мнѣнію Кеппена, всѣ безъ изъятія принадлежатъ варягамъ-Норманнамъ?

Олегъ, Игорь и Святославъ клянутся славянскими божествами, Перуномъ и Волосомъ. Какимъ образомъ могли норманскіе жрецы, писавшіе договоры руническими сѣверными письменами «quibus carmina sua incantationes que ac divinationes significare procurant, qui adhuc paganis ritibus involvuntur» (*Hraban. Maurus ap. Goldast II. 67*), замѣнить славянскими божествами, какъ мнимаго изобрѣтателя сѣверныхъ рунъ Одина, такъ и Тора, Ньорда и Фрею?

Наконецъ если допустить греко-норманскую редакцію или норманскій переводъ договоровъ, откуда взялись славянскіе экземпляры помѣщенные въ лѣтописи? Для кого писались они? Для Норманновъ Hoelgi, Ingwar'а и?... норманское имя Святослава мнѣ неизвѣстно.

Шафарикъ, Погодинъ и всѣ вообще изслѣдователи имѣющіе голосъ въ вопросахъ славянской филологіи, принимаютъ болгарское начало въ языкѣ договоровъ. На болгарскій источникъ указываютъ выраженія:
«хотящихъ же о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь» — «на удержаніе и на извѣщеніе» — на утвержденіе

и извѣщеніе» «извѣстити и утвердити» (*Лавр. 14, 16*). — Срвн: «и҆звѣщени҆е и҆ ѹ҆тверъжденіе ѡ҆ сходѣ Божіи на горѣ Синаистѣи» (*Шестодн. Экс. болг. 154*).
«похотѣньемъ нашихъ князь и по повелѣнію»—(*Лавр. 14*).— Срвн.: «божествьнымъ хотѣніемъ и повелѣніемъ» (θείᾳ βουλήσει καὶ νεύματι. *Экс. болг. перев. Дамаскина, 54*).
«многажды правосудихомъ» (*Лавр. 14*). — Срвн.: «правосудьство» (δικαιοκρισία· *Экс. болг. пер. Дам. 46*).

Вѣрнѣйшимъ признакомъ болгарскаго перевода, должно почесть тѣ мѣста договоровъ, въ которыхъ Несторъ или его списыватели не замѣнили своимъ (у Болгаръ не существующимъ) собирательнымъ Русь, болгарское множественное Руси. Напр.: «и жаловатися почнуть Руси» (*догов. Ол. изд. Тоб. 36*). «да на роту идуть наши Хрестеяни Руси» (*дог. Игор. Лавр. 21*). Срвн.: «низьплуше Руси на Константинь градъ» — «на Руси поиде братисе сь ними въ кораблехь» — «Руси же приспѣвше внутрь быти церкве» (*Г. Амарт. въ продолж. Лавр. л. 245, 242*)[161]).

Договоры переводились въ Константинополѣ, греческими Болгарами, по приказанію византійскаго двора, для лучшаго и вѣрнѣйшаго объясненія принятыхъ со стороны языческой Руси обязательствъ. Русь получала переводы, не въ смыслѣ оригиналовъ, какъ думалъ Эверсъ (*Aelt. R. 121*), а только для памяти, какъ Греки и Персы — переводные экземпляры договорыхъ грамотъ, въ Менандровомъ описаніи: «sine ulla sigillorum impressione, quód ad solam rei gestae memoriam valeret». Къ торжественной церемоніи ратификаціи, происходившей въ присутствіи императоровъ и всего греческаго двора («Романъ же созва боляре и

сановники» *Лавр. 19*), вѣроятно принадлежали: 1) вписываніе поочередно имени каждаго изъ русскихъ пословъ, въ заготовленный уже заранѣе договорный актъ, на греческомъ языкѣ; 2) изустныя клятвы и заклинанія старшаго изъ пословъ (сврн. *Menandr. 299*, о клятвахъ тюркскихъ пословъ въ присутствіи императора) и присяганіе самихъ императоровъ; 3) приложеніе императорской подписи къ экземпляру шедшему отъ Грековъ къ Руси; печатей русскихъ пословъ къ экземпляру шедшему отъ Руси къ Грекамъ; 4) торжественный обмѣнъ оригиналовъ. — Выдавались ли тутъ же русскимъ посламъ или позднѣе, болгарскіе переводы, рѣшить мудрено; вѣрнымъ кажется что Русь получали: 1) греческій оригиналъ (снабженный императорскою подписью) договора шедшаго отъ Грековъ къ Руси; 2) греческую копію съ (писаннаго по гречески) договора шедшаго отъ Руси къ Грекамъ; 3) болгарскіе переводы съ того и другаго. — Что было въ самомъ дѣлѣ такъ, а не иначе, я заключаю изъ тщательнаго палеографическаго изслѣдованія тѣхъ экземпляровъ, которыми пользовался Несторъ, при внесеніи договорныхъ грамотъ въ свою лѣтопись.

Отъ договора Олегова онъ имѣлъ болгарскій переводъ экземпляра шедшаго отъ Руси къ Грекамъ. Онъ внесъ его цѣликомъ въ свою лѣтопись.

Отъ договора Игорева: 1) греческую копію съ договора шедшаго отъ Руси къ Грекамъ; оригиналъ находился въ Константинополѣ; 2) болгарскій переводъ экземпляра шедшаго отъ Грековъ къ Руси. — Переводный экземпляръ договора шедшаго отъ Руси къ Грекамъ, былъ вѣроятно

уже затерянъ, въ концѣ XI, началѣ XII столѣтія. Къ этимъ предположеніямъ я приведенъ слѣдующими соображеніями:

Мы уже видѣли что въ началѣ и въ концѣ Игорева договора, рѣчь идетъ отъ Руси; въ серединѣ т. е. въ статьяхъ собственно договорныхъ, юридическихъ — отъ Грековъ. Эверсъ (*Aelt. R. 122*) замѣтилъ эту несообразность. Онъ говоритъ: «Договоры отличаются другъ отъ друга по формѣ; Олеговъ составленъ совершенно какъ настоящій мирный трактатъ между двумя независимыми народами (?); но въ Игоревомъ, въ противность всѣмъ формамъ обыкновеннаго договора, являются говорящими и договаривающимися одни Греки». Очевидная и непростительная невѣрность. Греки являются говорящими и договаривающимися только въ серединѣ договора, отъ словъ: «А великій князь Рускій и боляре его да посылають въ Греки» и пр. до словъ: «напсахомъ харатью сію, на ней же суть имяна наша написана» включительно. Выраженія: «мы отъ рода Рускаго» «Мы же, елико насъ хрестилися есьмы» принадлежатъ Руси, а не Грекамъ, почему и Эверсово объясненіе, будто бы Игоревъ договоръ былъ только позднѣйшимъ дополненіемъ Олегова (*тамъ же, 123*), не имѣетъ значенія. Самъ Эверсъ сознаетъ что оригинальные проекты договоровъ были изготовляемы греческими чиновниками, на греческомъ языкѣ, а переводы вручаемы Руси Греками; могла ли византійская канцелярія составить дипломатическій актъ, до той степени несообразный съ законами здраваго смысла, актъ въ которомъ сначала говоритъ Русь, потомъ Греки, потомъ снова Русь? Ясно что внесенный въ лѣтопись Игоревъ договоръ составленъ изъ выбора и соединенія

двухъ различныхъ источниковъ и редакцій. Начало и конецъ переведены самимъ Несторомъ, съ находившейся у него греческой копіи оригинала шедшаго отъ Руси къ Грекамъ и содержавшей греческое начертаніе именъ пословъ Игоревыхъ. На русскій источникъ указываетъ собирательное княжья вмѣсто князей: «посланіи отъ Игоря великаго князя Рускаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Рускія земля». Срвн. *новгор. л. 19, 20:* «и прислаша по нь митрополитъ и вся княжья Русьская»—«Ярославъ—позванъ Полотьскою княжьею». О транскрипціи съ греческаго, и транскриціи именно русской, свидѣтельствуютъ: двойное *г* въ именахъ Стеггиетоновъ, Иггивладъ; у Болгаръ двойное *г* употребляется не часто; Эксархъ пишетъ: ѥ҆ва́нг҆листъ; въ договорѣ Олега не Иггелдъ (Ἴγγελδ), а Ингелде (Ингладъ, Ингледъ, Инегелдъ); греческое *σφ* вмѣсто славянскаго *св* въ именахъ Сфанедри, Сфирко; срвн. Σφενδοσϑλάβος, Σφενδοπόλκ и пр.; Улѣпъ (Οὐλὲπ) вмѣсто Улѣбъ; такъ πὲχ вмѣсто *beg:* «ὁ τὲ Χαγάνος Χαζαρίας καὶ πέχ» (*Theoph. Cont. ed. Bonn. 122*); «Акунъ (срвн. Ἀκοὺμ ὁ Οὖννος у Кедрина *ed. Bonn. I. 651*) вмѣсто Якунъ; русскія формы: Игорь, вмѣсто греческаго Ἴγγωρ; Володиславъ, Передслава, вмѣсто греческихъ Βλαδισϑλάβος, Πραισϑλάβα, болгарскихъ Владиславъ, Предслава. На переводъ Несторомъ съ греческой копіи, а не Болгарами съ оригинала, указываетъ и отсутствіе въ концѣ Игорева договора числа года и мѣсяца, выставленныхъ въ договорѣ Олеговомъ и безъ сомнѣнія внесенныхъ и въ оригинальный греческій экземпляръ, хранившійся въ Константинополѣ и въ выданный императорскою канцеляріею

Игорю (но затерянный въ Кіевѣ) болгарскій съ него переводъ. Середина договора выписана буквально Несторомъ изъ переводнаго болгарскаго экземпляра греческаго оригинала, шедшаго отъ Грековъ къ Руси. Полагалъ ли Несторъ достаточнымъ предстявить этотъ актъ въ его составной формѣ? думалъ ли онъ переработать его въ послѣдствіи, согласно его назначенію? считалъ ли онъ себя неспособнымъ, даже при помощи болгарскаго экземпляра, къ переводу условныхъ статей, русскимъ юридическимъ языкомъ? Каждое изъ этихъ предположеній имѣетъ свою долю вѣроятности. Дѣло въ томъ, что русскаго лѣтописца (уже внесшаго въ свой временникъ копію съ договора Олегова) болѣе занималъ договоръ шедшій отъ Руси къ Грекамъ, нежели шедшій отъ Грековъ къ Руси; почему, за неимѣніемъ славянскаго экземпляра его, онъ счелъ нужнымъ перевести начало и конецъ съ греческаго; середину же, какъ содержащую одинаковыя въ томъ и другомъ экземплярѣ условія, выписалъ цѣликомъ изъ болгарскаго перевода.

При этихъ обстоятельствахъ, искаженіе именъ въ обоихъ договорахъ совершенно понятно. Въ Олеговомъ Несторъ имѣлъ передъ собою болгарскую транскрипцію русскихъ именъ писанныхъ Греками; въ Игоревомъ, греческое начертаніе этихъ именъ. А какъ Греки писали варварскія имена намъ извѣстно; Менандръ, имѣвшій передъ глазами подлинникъ договора заключеннаго съ Персами, называетъ персидскихъ пословъ, небывалыми персидскими именами: Jesdegusnaph и Surenas; у Константина багрянороднаго Смоленскъ — Μιλινίσκα, Черниговъ — Τζερνιγώγα, Любечь — Λιούτζα, (Τελιούτζα) и т. д. Да и западно-славянскія

имена, коихъ встрѣтимъ не мало въ договорахъ, были чужды Руси и Болгарамъ, почти наровнѣ съ иноземными; польское Meško (сокращенное Mečislaw)[162]) пишется въ лѣтописи: Мъжекъ, Межецъ, Межька, Межьско (*Ипат. 21*, *45*, *46*); полабское Mstivoi—Мстіуй (*тамъ же*, *168*); Leško—Лестько, Лестичь (*тамъ же*, *160*) и пр. Русскій лѣтописецъ XIII столѣтія пишетъ Власловъ вмѣсто Wlaslaw: «той же самодръжецъ Власловъ, его же св. Савва именова Владиславъ» (*Карамз. IV*, *прим. 84*). Тоже самое можно сказать и о западныхъ лѣтописцахъ. Сацавскій монахъ списывая кведлинбургскія лѣтописи, сохраняетъ нѣмецкія искаженія славянскихъ именъ: Abottriti, Misacho и пр. (*Monach. Sazav. Cont. Cosmae,* ap. *Pertz*, *XI*). Длугошъ пишетъ Radzyn вмѣсто Радимъ; Sczyg вмѣсто Щекъ. Несторъ исправляетъ только уже слишкомъ ему извѣстныя имена: Ἴγγωρ—Игорь; Σφενδοσϑλάβος—Святославъ; Ἔλγα—Ольга; Βλαδισϑλάβος—Володиславъ; Πραισϑλάβα—Передслава; Σφὲν—Свенъ; остальныя поправки: Улѣбъ вмѣсто Улѣпъ; Якунъ вмѣсто Акунъ; Свирко вмѣсто Сфирко—сдѣланы позднѣйшими списывателями, угадывавшими славянскія имена подъ греческимъ искаженіемъ.

Принимая въ соображеніе многочисленные варіанты русскихъ именъ въ договорахъ (по изд. *Археогр. комм.*—*по Шлец. Нест. II*, *637—699. III*, *92—95*. — по *Тобіену*, *Aelt. Tract. 17—20*), я отношу къ славянскому началу, въ договорѣ Олеговомъ, слѣдующія:

Вельмудъ (вар.: Велмудъ, Велмидъ, Веремудъ, Веремундъ, Вельмудръ, Фьвелимъ). Тобіенъ (*Aelt. Tract. 3*) думаетъ о составленіи формы Вельмудръ изъ велій и

мудрый. Но конечное *р* явно пристало къ формѣ Вельмудъ отъ слѣдующаго Рѹлавъ, какъ начальное *ф* въ формѣ Фьвелимъ, отъ предидущаго Фарлофъ. Я указалъ въ другомъ мѣстѣ (*гл. VI*) на равнозначимость коренныхъ вел и ол: какъ Волинъ и Велинъ, Ольгощь и Велегощь, Олстинь и Велестинь, Olen и Welen, такъ Ołomut (личное имя въ грам. 1107 г. у *Бочка. Cod. dipl. Morav. I. 192*) и Вельмудъ; отличіе въ произношеніи по нарѣчіямъ. Объ окончаніяхъ на мунтъ, мутъ см. гл. VII; переходъ *т* въ *д* (и на оборотъ) обыченъ у всѣхъ славянскихъ племенъ; срвн. Живинъбудъ (Žiwibund) и Кинтибутъ (Kintibund) въ Ипат. 161.

Груды (вар. Грудый, Грудыи, Груду, Гроды, Гуды). Hrut, Grut, Crut, Hruto — личныя чешскія имена у Бочка *II. 104, 136, 254, 273*. Sdizlawek Grutouich (*ibid. 147*); Grodyzlaus (*ibid. 252*). Въ поэмѣ Любушинъ судъ—Chrudoš Klenowicz, сокр. Chrudoslaw; срвн. Глѣбъ и Хлѣбъ, Grut и Crut. Grotho miles Castellani Lublinensis ad. ann. 1370 (*Archd. Gnesn. ap. Sommersb. II. 99.*—см. *именосл. Морошк. 66*). Окончаніе на *ы* особенность словенорусскаго нарѣчія; срвн. формы Гуды, Тукы, Буды и пр. (*гл. VII*).

Каринъ (вар.: Карнъ, Каръ). Venator Karen подъ 1108 г. (*Boczek, I. 194*). C. Martinus de genere Carinensium и городъ Karin въ Далмаціи (*Joh. Luc. 109, 47*). У Сербовъ Каринъ и Каранъ (*именосл. Мор. 97*).

Фославъ (вар.: Фаславъ, Флелавъ, Фрелавъ, Фледъ). Греческое искаженіе (Φοσθλάβος; срвн. Свирко и Сфирко, Святославъ и Σφενδοσθλάβος) общеславянскаго Войславъ, Wojslau ap. *Boczek II. 37.* Сокращенное

сербское Фосько (*Šafar. Pam. изб. Хрисов. 19*) указываетъ на полное грецизированное Фославъ, Войславъ; такъ Meško и Mečislaw.

Тріанъ (вар.: Труань, Труане). Trojanus et fratres sui filii Dlugomili» (*Boczek, I. 308 ad ann. 1183*) «Quidam nobilis adolescens nomine Troyanus Thamislai de Golanza.... filius» (*archd. Gnesn. ap. Sommersb. II. 141.* cfr. Troyanus prepositus *ibid. 113. 131*). Форма Тріанъ передаетъ буквально греческое Τροιάνος. У Сербовъ миоическій царь Троянъ, который выѣзжалъ только по ночамъ, боясь солнца, которое наконецъ его застигло и растопило (*Буслаевъ, о вл. Хр. 30*). Окончаніе на анъ, янъ, находимъ въ именахъ Боянъ, Творьянъ (*Ипат. 163, 182*) и т. д. См. *Бод. де Курт. 46. — Именосл. Мор. 194.*

Лидъ. (Списки читаютъ: Лидулфостъ, Лидулфосте, Лидольфстъ, Лидолфостъ, Лидулъ Фолстъ, Лидулъ, Фестъ, Андулъ Фостъ.) Я полагаю что переписчики смѣшали и перепутали три послѣднихъ имени договора: Лидъ, Ульфъ, Стемиръ. Что къ скандинавскому имени Ульфъ (Ulf) окончаніе ст приставлено отъ слѣдующаго Стемиръ, видно изъ варіанта Лидулфо — сте. (Мы видѣли примѣры подобныхъ приставокъ при изслѣдованіи имени Вельмудъ; въ варіантѣ Друлавъ, вмѣсто Рулавъ, начальное *д* пристало отъ предидущаго Вельмудъ; въ Игоревомъ договорѣ, варіантъ Востіегнетовъ вмѣсто Стеггиетоновъ, произошелъ отъ приставки къ послѣднему буквы *в*, отъ предидущаго Колклековъ). Лидъ западно-славянское имя, какъ видно изъ составныхъ Lido-slaw, Lido-slawa (*Kollar, Rozpr. 97*); Lida сокр. Ludmila, Lidmila (*Jungm.*).

Стемиръ (вар. Стемидъ). У Бочка Stymir и Sdimir (*II. 13*, *16*, *176*); срвн. Ztoimar (*Anon. de conv. Carant. ap. Kopit. LXXIV*).

Изъ 15 именъ дошедшихъ до насъ въ Олеговомъ договорѣ, семь являютъ начало славянское; три (Ингелдъ, Фарлофъ и Ульфъ) обличаютъ германо-скандинавское происхожденіе. Имя Карлъ (вар. Карлы, Карло, Корло, Каларъ) встрѣчается у тюркскихъ племенъ: Кобякъ Карлыевичь (*Ипат. 128 подъ 1183 г.;* срвн. «подъячій Карла Юрьевъ» *Дополн. къ А. И. I*, *78*). Остальныя четыре: Рулавъ (срвн. Гроллавгъ, русскій князь у Торфея *hist. Norv. I. 273; Карамз. I*, *прим. 96*), Руладъ, Рюаръ, Актеву — сомнительны.

При чтеніи именъ Игорева договора, необходимо придерживаться одной опредѣленной системы; эта система намъ указана лѣтописью; имена пословъ предшествуютъ именамъ пославшихъ ихъ князей и бояръ; послѣднія опредѣляются прилагательною формою. Этимъ открытіемъ, замѣчательнѣйшимъ (вмѣстѣ съ хронологическими исчисленіями Круга, *Chronol. d. Byzant. 108—112*) относительно договоровъ, русская исторія обязана Погодину (*Изслѣд. I*, *141—143*). На основаніи указаннаго имъ правила, выписываю я имена Игорева договора (до гостей) въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Иворъ солъ 2) Игоревъ великого князя Рускаго.— (вар. 1. Иваръ).

3) Вуеѳастъ 4) Святославль, сына Игорева искусеви 5) Олги княгини.—(вар. 3: Вуефастъ, Фуевастъ, Ибуехатъ. Начальное *и* въ вар. Ибуехатъ пристало отъ преди-

дущаго *сли*.—Искусеви (вар. Искусевы) кажется не личное имя; быть можетъ изъ кусеви, ἐκ κυήσεως, e conceptu; *у* передаетъ греческое υ, какъ въ формѣ Египетъ (*Ипат.* 5). Игорь имѣлъ вѣроятно дѣтей отъ наложницъ; одинъ Святославъ былъ отъ княгини. Исторія Рогнѣди доказываетъ какъ высоко цѣнилась на Руси знатность происхожденія.

6) Слуды Игоревъ нети Игоревъ.—(вар. 6: слугъ, слудъ. Нѣтъ причины допускать съ г. Куникомъ *Beruf. II. 177*, чтенія: нетия Игорева, въ спискахъ не существующаго. По тексту лѣтописи должно принять что Слуды, племянникъ в. к. Игоря, былъ его посломъ въ числѣ общихъ).

7) Улѣпъ 8) Володиславль—(вар. 7: Улѣбъ; 8: Володиславъ).

9) Каницаръ 10) Передъславинъ—(вар. 9: Канецаръ, Канацаръ, Каничаръ, Кагираръ; 10: Предславинъ, предславнѣйшихъ бернъ, предславинтыхъ берны, Передаславль).

11) Шихбернъ 12) Сфанѣдри, жены 13) Улѣбовы.—(вар. 11: Шигобернъ; 12: Сфаиндръ, Сфандръ, Ефандръ; 13: Убѣгли, Улѣблѣ, Убѣглѣ).

14) Прастень 15) Турдуви.—(вар. 14: Прастѣнъ, Пристенъ; 15: Тородуби, Тудруви, Тудуродубы, Туродуви, Турдубъ и.)

16) Лабіаръ 17) Фастовъ.—(вар. 16: Либія, Литія, Либиаръ; 17: Фаставъ, Фристовъ, Рфастовъ; начальное *р* въ вар. Рфастовъ пристало отъ предидущаго Лабіаръ.)

18) Ири 19) Сфирьковъ. — (вар. 18: Гримъ, Форскамъ; 19: Свирковъ.)

20) Прастенъ 21) Акунъ нетій Игоревъ 22) Кары 23) Тудковъ 24) Каршевъ 25) Тудоровъ; т. е. Прастенъ Тудковъ, Акунъ Каршевъ, Кары Тудоровъ. — [163]) (вар. 20: Пристенъ; 21: Якунъ; 22: Карыи; 23 Студьковъ, Студековъ; 24: Кашлевъ, Шарко, Чарко; 25: Турдовъ, Судоровъ.)

26) Егріеръ 27) Мисковъ. — (вар. 26, 27: Егріе Влисковъ, Евріалисковъ, Еврейевлисковъ.)

28) Воистъ 29) Воиковъ. — (вар. 29, 28: Воиствойковъ; Иковъ; Воистъ не достаетъ въ лавр. спискѣ.)

30) Истръ 31) Аминдовъ. — (вар. 30, 31: Истръяминдовъ, Истреяминдовь, Истрояминдовь, Аминодовъ.)

32) Прастѣнъ 33) Берновъ. — (пропущено вездѣ кромѣ Лавр.)

34) Ятвягъ 35) Гунаревъ. — (вар. 34: Явтягъ, Ятьвягъ, Ягвигъ; 35: Нунаревъ.)

36) Шибритъ 37) Олданъ 38) Колклековъ 39) Стеггіетоновъ; т. е. Шибритъ Колклековъ, Олданъ Стеггіетоновъ. (вар. 36: Шибридъ, Шибринъ; 37: Олдя, Оледанъ, Алданъ, Алдань; 38: Кококлековъ, Колъклековъ, Колъвлековъ, Колеокъ, Колкл..; 39: Стеггистоновъ, Востіе Гнѣтоъ.)

40) Сфирка 41) Евладъ 42) Гудовъ. — (вар. 40: Ефирка; 41: Алвадъ; 42: Губодовъ.)

43) Фруди 44) Тулбовъ. — (вар. 43: Фудри, Дудри; 44: Тулдовъ, Туадовъ, Долдову.)

45) Муторъ 46) Утинъ.—(вар. 45: Мутуръ; 46: Устинъ, Успинъ.)

47) Купецъ Адунъ 48) Адуловъ.—(вар. 47: Адунь; 48: Адулбъ, Адублъ, Адолбъ.)

Я начну свой разборъ съ именъ князей и бояръ отправлявшихъ посольства; при каждомъ имени выставленъ соотвѣтствующій ему нумеръ.

α — 2) Игорь. (см. *гл. VI.*)

β — 4) Святославъ.

γ — 5) Ольга (*тамъ же*).

δ — 8) Владиславъ (Володиславль). — Г. Куникъ (*Beruf. II. 177*) полагаетъ что Володиславъ Норманнъ, при славянскомъ имени. Но откуда (не говоря уже о другихъ невозможностяхъ) взялось на Руси западное, нерусское Wladislaw? Это имя, какъ принадлежащее Ляху, встрѣчается еще только одинъ разъ въ лѣтописи подъ 1167 г.: «и посла Ростиславъ Володислава Ляха съ вои, и възведоша Гречникы» (*Ипат. 93*). Выходитъ Норманнъ *x* ославянился не подъ русскимъ, а подъ ляшскимъ или вендскимъ именемъ.

ε — 10) Предслава (Передъславинъ).—Тоже самое что объ именахъ Святослава и Владислава, говоритъ г. Куникъ (*Beruf. II. 177*) и о Предславѣ; тоже самое должны повторить и мы; Предславъ, Předslaw не русское, а западное имя; см. *Čas. Č. mus. VI. 65* и *Ms. 1267* ap. *Jungm. v. Předslaw.*

ζ — 12) Шварнѣдь (Сфанѣдри) жена Улѣбова. — Форма Сфанѣдри указываетъ на гречеческое Σφανεδρῆς вмѣсто Σφαρνεδῆς, т. е. Шварнѣди, отъ мужск. Шварно

(срвн. формы Рогнѣдь, Лыбѣдь, Эстрѣдь). Шварнѣдь, быть можетъ изъ древняго рода русскихъ князей, могла быть женою варяга Hudleb'a — Улѣба.

η — 15. Турдовая (Турдуви).—Я думаю отъ мужск. Турдъ, относящагося къ всеславянскому Туръ, какъ Дирдъ къ Диру или Тиру. «Anno Domini 1383: Tardus Stregouiensis et Sigismundus vadunt Mazouiam et magna dampna faciunt» (*Archd. Gnezn. ap. Sommersb. II. 93*). Turda, венгерское имя у безимяннаго нотаріуса короля Белы (*Schwandtn. I. 18*).—Персидскій поэтъ Низами упоминаетъ, въ своей Александріадѣ, о двухъ русскихъ витязахъ, сражавшихся противъ Александра Македонскаго, именемъ: *Džauderech* и *Turtus* (*Kunik, Beruf. II. 185*). Отъ имени Турда или Турдѣя — Турдѣевы врáги (овраги) подъ Костромою (*Царств. лѣтоп. 187*); Turdagouuo (Turd—gau) у *Бочка I, 75*.—Неизмѣнное во всѣхъ варіантахъ окончаніе на *и* указываетъ на женское Турдовая; срвн. Яневая, Всеволожая, (*Лавр. 91, 112*) и т. д. Греки должны были передать словенорусское Турдовой своимъ Τούρδουβῆς; въ договорѣ: Турдуви.

ϑ — 17) Фастъ. — По всѣмъ вѣроятностямъ скандинавское имя.

ι — 19) Свирко (Сфирьковъ).—Уменьшительное всеславянскаго Свиръ, Свирь; Swĕr личное имя у Чеховъ (*Čas. Č. mus. VI. 66*). Swirczo л. имя у Бочка (*IV. 165, 349*); Swirtic (*rer. Lusat. Script. I. II. 249*); Zwiretič (отъ личнаго Zwireta) у Палацкаго, *G. v. B. III. 139, Anm. 160;* Мишко Свирыничь посолъ польскій къ Менгли-Гирею (*Сборн. Мухан. № 24, стр. 29*); Свирскій Лит-

винъ (*Собр. гос. грам. II. 198*); Свирскій монастырь (*Дополн. къ Акт. ист. IV, 269*). Въ Виленской губерніи озеро Свирь; отсюда Свиряне, у Мюнхенскаго географа Zuireani (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 138*); въ Олонецкой губерніи и въ Галиціи рѣки Свирь; тамъ же мѣстныя имена Свирчь, Свирче, Свирятиче.—Edictum Svirense Баторія въ 1579 г. (*Нест. Шлец. I, 282*). У Θеофана *ed. Bonn. I. 673.* Severus—Σέβερος Sclabus; не Свиръ ли?— Договоръ читаетъ Сфирьковъ и Свирковъ; первое чтеніе, какъ буквальная транскрипція греческаго Σφιρκοῦ, очевидно древнѣйшее; списыватели узнали въ немъ славянское Свиръ.

κ — 23) Тудко (Тудковъ). — Уменьшительное всеславянскаго Тукы; срвн. Тукы Чюдинъ братъ (*Лавр. 85*). Лѣтопись знаетъ подъ 1136 г. «Станислава добраго Тудъковича или Туковича» (*Лавр. 133. — Ипат. 13.* См. *вар. дд. Х. Е. сп.*); западное, нерусское Станиславъ указываетъ можетъ быть на поморское происхожденіе; о поморскомъ витязѣ Палнѣ Токовичѣ см. *Schafar. Sl. Alt. II. 383.—Barthold, G. v. R. u. P. I. 307.*—Thudo, имя иглавскаго монаха подъ 1258 г. (*Boczek, III. 262*).

λ — 24) Кр́къ (Каршевъ). — Каршевъ очевидно прилагательная форма всеслявянскаго Кр́къ (Kark, Krak, Krok); Иллирійскіе Сляване обитающіе на островѣ Каркѣ, Krk (Veglia), именуютъ себя Кршанами (*Schafar. Sl. Alt. II. 692. Anm.*); отъ того же славянскаго Krk, Krok имя Кіевскаго города Коршевъ (*древн. геогр. отр.* у *Шлец. Нест. II. 780*). Въ греческомъ текстѣ вѣроятно стояло Καρκοῦ. Впрочемъ Kareš, nomen viri у Юнгмана.

µ. — 25) Тудоръ (Тудоровъ). — Русская форма всеславянскаго Тудрь; у Сербовъ: Тоудръ Магадасикъ, Тоудорь растикъ, Тоудорь, Тоудоровъ долъ (*Šafař. Pam. Изб. Хрисов. č II. č VII. č. XIX*); Tudruh, чешское имя у Юнгмана. У насъ: Тудоръ тивунъ Вышегородскій подъ 1146 г.; Тудоръ Сатмазовичь, Тудоръ Елчичь, половецкіе князья (*Ипат. 22, 85, 87;* срвн. *гл. VII*). Калайдовичь (*Экс. бол. 14, прим. 40 и 129*) именуетъ черноризца Тудора Доукса, Ѳеодоромъ; едва ли не по ошибкѣ. Какъ князья и простьцы, такъ и монахи сохраняли у насъ и у Болгаръ свои славянскія имена при церковныхъ; напр. черноризецъ Храбръ. Конечно есть случаи въ которыхъ имена Тудоръ и Ѳеодоръ, какъ Юрій и Георгій, какъ Янъ и Іоаннъ, Никлотъ и Николай, оказываются однозначущими прозвищами одого и того же лица; но ни Тудоръ, ни Юрій, ни Янъ не происходятъ отъ Ѳеодора или Георгія или Іоанна; это языческія, древне-славянскія имена. Къ тому же у Сербовъ имя Ѳеодора проявляется не подъ формою Тоудорь, а подъ латинизированною (?) Теѡдрь (*Šafař. Pam. изб. Хрисов. č. XVI. стр. 20*); Мстиславъ — Теодорь въ сербскомъ прологѣ у Калайдовича (*Экс. бол. 91*). У насъ имя Ѳеодора измѣняется въ Ѳедорецъ, Ѳодорка, Ѳедорко (*Ипат. 215. Новг. 75*); о тождествѣ съ Тудоромъ нѣтъ слѣдовъ. Языческимъ половецкимъ князьямъ не стали бы прилагать христіанскихъ именъ; это видно изъ приведенныхъ въ предидущей главѣ славянополовецкихъ: Судимиръ Кучебичь, Войборъ Негечевичь и пр. О всеславянствѣ и древности имени Тудоръ свидѣтельствуетъ вендское Stodorchowicz (*Barth. I. 522*), явно тождественное

съ нашимъ Тудорковичь (*Новг. 45*)[164]. Варіанту Судоровъ отвѣчаетъ личное польское Судръ, Судра: «In eodem anno (1267) Dominus dux Boleslaus edificauit Castrum Dupin in villa Comitis cuiusdam Sodria» (*Archd. Gnezn. ap. Sommersb. II. 88*).

ν — 27) Межко (Мисковъ). — Мисковъ (т. е. Мечиславовъ) буквально списано съ греческаго Μησκοῦ; у Германцевъ Miseco. Варіанту Влисковъ отвѣчаютъ чешскія Wlicech, Wlicek (*Boczek, II. 56, 58. V. 217*).

ξ — 29) Воикъ или Войко (Воиковъ). — Wogyk (*Boczek, II. 344*); Войтѣхъ — первоначально Война, Woik (*Kollar* у *Бодянск. о слав. письм. CXIII, прим. 245*). Вовикъ древне-сербское имя (*Šafař. Pam. Listiny č. II*). Въ *Лавр. л.* подъ 1086 г.: Радько, Вънкина вар.: Воикина. Воикъ относится къ формѣ Воикина, какъ Мунтъ, Мутъ къ формѣ Mutina (*Boczek I. 192. 111. 115*), какъ Wlk къ формѣ Wlkina (*Conv. Carantan. ap. Pertz, XIII. 12*).

ο — 31) Миндъ (Аминдовъ). — Кажется литовское имя; Mindota (срвн. Радъ и Радота, Нѣгъ и Нѣгота) славянизированное имя извѣстнаго литовскаго князя: «presidente illi clare memorie Mindota qui post receptum baptismatis sacramentum.... fuit tandem.... crudeliter interfectus» (*Ep. Pap. Clem. IV. ao. 1267*). У Дюсбурга подъ 1314 г. Mindota, въ числѣ воиновъ (наемниковъ?) тевтонскаго ордена. Въ Ипат. сп. князь Mindota является подъ формами: Миндогъ, Мидогвъ, Миндъвгъ, Минодовгъ, Миндовгъ (*188, 189*); въ *Густ. сп. 343, 344:* Мендогъ; у Стрыйковскаго (*Guagn. I. 302 — 305*) Mendog, Mindog

и Mendolphus; но Стрыйковскій выписывалъ русскія лѣтописи, невѣроятно искажающія литовскія имена (см. *ипат. 161 подъ 1215 г.*) Греческое Ἀμινδου могло относиться къ литовскому Миндъ, какъ форма Ἀσϑλαβοι (*Georg. Acropol. et Codin.*) къ обыкновенному Σϑλάβοι, какъ болгарское Аспардъ (*Экс. бол. 179*) къ греческому Σπαρτῇ и т. д. Ср. Сербск. Минда, Mindata, въ именосл. Морошк. 125.

π — 33) Бернъ или Берна (Берновъ). — Borna, dux Guduscanorum et Timocianorum (*Einhard. Annal. ad ann. 818, 820, 821*). Dominus Brno ad. ann. 1240 (*Boczek, II. 380*). Bernis (сокр. Берниславъ) frater Domazlai ad ann. 1186 (*ibid. I. 320*). Въ Ипат. с. подъ 1208 г.: Судиславъ Бернатовичь изъ Ляховъ. Barnuta (*Dreger № 39. p. 70*). Берната относится къ коренному Бернъ, какъ Mirata, Milata къ кореннымъ Mira, Milo (см. *Boczek, I. 111, 126. III. 24*). Въ Ростовск. лѣт.: «до Новоторжцы Берновы и Глуховы» (*Карамз. VI, прим. 383*). Bernowy castrum Camenetz (*Sommersb. I. 33*).

ϱ — 35) Гунарь (Гунаревъ). — У Сербовъ личное Гоуня (*Šafař. Pam. изб. Хрисов. č. VII*). У древнихъ Поляковъ гунями назывался родъ плащей; впрочемъ .см. Дюканжа v.v. gunna, γοῦνα. Окончанія на арь (Лабіарь, Рюарь, Русарь у *Карамз. III, прим. 360*) кажется принадлежность словенорусскаго нарѣчія.

σ — 38) Колклекъ (Колклековъ). — Должно быть вендское имя. Salinam quae est in Kolkle cum omni utilitate dedimus (*Gercken, Cod. dipl. Brandenb. III. 15*). Klech личное имя у Чеховъ (*Čas. Č. mus. VI. 63*). Въ Новг. л. 65: Клекачевичь.

τ — 39) Стегутъ (Стеггіетоновъ). — Стегутъ Стекынътъ, Стекинтъ имя Ятвяжскаго князя подъ 1227, 1255 гг. (*Ипат. 167, 191*), вѣроятно Стенгутъ, передѣланное Грекомъ въ Στέγγουτων, Στεγγουτόνος, какъ гуннское (славянское) имя Харатъ (срвн. Carastus ap. biogr. L. Virgil. — Caratius въ другихъ рукописяхъ; по Шафарику *Sl. Alt. II. 318:* Каратъ сынъ Борутовъ) въ Χαράτων, Χαρατόνος (*Exc. ex. Olympiod. ed. Bonn. 455*). У Нестора греческое Στεγγουτόνος — Стеггіетоновъ.

υ — 42) Гуды (Гудовъ). — См. *гл. VII.*

φ — 44) Тулбъ (Тулбовъ). — Не то ли же что Столбъ, какъ тѣнь и стѣнь? Въ *Нов. л. 69:* Якимовая Столбовича.

χ — 46) Ута (Утинъ). — Uta личное имя у Чеховъ въ грам. 1197 г. (*Boczek, I. 348*). Срвн. Uten, сынъ литовскаго Куковойта (*Schloetz. G. v. Litth. 37*).

ψ — 48) Одолъ (Адуловъ). — «Na Kacigore terra ad aratrum cum coco nomine Odol» (*Грам. Вратисл. подъ 1088 г.* см. *Boczek, I. 180*).

Изъ именъ пословъ и гостей я привожу только тѣ, коихъ славянство мнѣ кажется несомнѣнно:

а — 1) Иворъ. — Иво древне-славянское имя у Хорватовъ; см. славословную пѣснь въ честь бога Лада *ap. Katancsich, Spec. Phil. Pann. 112.* Какъ отъ Инго — Ингорь, отъ Боучь или Бука — Боукорь, отъ Сина — Сингоурь, отъ Лиха — Лихорь (см. *гл. VI*), такъ отъ Иво — Иворъ. Имя Иворъ является у Чеховъ подъ формою Chivor; такъ назывался пражскій намѣстникъ князя Мнаты въ 791 году (*Das sehensw. Prag. 27*); русское нарѣчіе при-

дыханій не терпитъ. Имя Иворъ встрѣчается по нѣскольку разъ въ лѣтописи; въ Ипат. подъ 1240 г.: «Лазорь Домажирѣчь и Иворъ Молибожьчь, два безаконьника, отъ племени смердья»; въ смердьемъ племени трудно допустить норманское имя. Въ Новгородѣ: Иворова улица (*Новг. л. 93*) и Иворовская башня (*Доп. къ Акт. ист. III, 163*). О первобытномъ Иво свидѣтельствуетъ форма Ивачь: Ивачь Свеневичь подъ 1186 г. (*Новг. л. 19, 60*).

b — 3) Воята (Вуеѳастъ). — Если гдѣ либо, то въ ономастическомъ вопросѣ, слѣдуетъ держаться правила что труднѣйшее чтеніе уважительнѣе легчайшаго. Изъ Вуефаста, Улѣба, Свирки никому не вздумается сдѣлать Вуеѳаста, Улѣпа, Сфирьку, — а на оборотъ. Я подозрѣваю что въ имени Вуеѳастъ конечное *ст* пристало отъ слѣдующаго Стославль (Святославль) и что должно читать: Вуеѳа Святославль. Вуеѳа (съ греческаго Βουέϑα) безъ сомнѣнія Воята; срвн. Германъ Воята (*Новг. л. 19*); Wojtha личное имя у Бочка II, 37. О переходѣ звуковъ τ въ ϑ, ϑ въ φ см. *Thes. Gr. l. ed. Didot. IV. 225.* У насъ темьянъ вмѣсто ѳνміямъ (*Лавр. 195*) и пр.

c — 6) Слуды, Слудъ. — Въ чешской грамотѣ 1255 года (*Boczek, III. 193*) встрѣчается личное Zalud (вмѣсто Salud, какъ Zudiwog, Zudomir, Zulislaw вмѣсто Sudiwog, Sudimir, Sulislaw). Ближе къ нашему Слуды подходитъ Дитмаровъ Zolunta: «Henricus miles qui Slauonice Zolunta vocatur» (*l. III, 33*). Вендское Zlunt, Slunt, (ибо другой формы въ Дитмаровомъ Zolunta кажется нельзя предположить) переходитъ въ русское Слуды, какъ Welemunt въ Вельмудъ, Jasmund въ Ясмудъ и т. д. Труд-

но указать на коренное значеніе этого имени: слоуды на церковн. нар. τὸ κρημνόν, locus praeruptus (*Miklos. gloss. pal. sl. 859*); слудъ, тонкій слой льду, наслойка (*Слов. Даля*).

О словенорусскомъ, туземномъ покроѣ имени Слудъ свидѣтельствуютъ многочисленныя мѣстныя названія: Слудки на Волотовскомъ погостѣ (*Новг. 2 сп. 161*); рѣка Слудица въ новгородской, Слудка въ пермской области (*доп. къ Акт. ист. II, 8, 141.—I, 8*). «И ту побѣже Игорь и Святославъ въ Слудовы Дорогожьскія» (*Ипат. 24*). Карамзинъ (*II, прим. 292*) объясняетъ Слудвы (?) болотомъ: на какомъ основаніи? Отъ личнаго Слудъ и мѣстное Слуцкъ; такъ бѣлая Слуда и бѣлослудцкая слобода (*Доп. къ Акт. ист. IV, 294, 291*).

d — 7) Улѣбъ. — Исправленная форма первоначальнаго, съ греческаго Οὐλὲπ списаннаго Улепъ (см. *гл. VII*).

e — 14) Прастень или Пристенъ. — Это имя встрѣчается три раза въ числѣ пословъ и гостей игоревыхъ. — У Чеховъ: «Priestan de stirpe Chotyemiri» подъ 1205 г. (*Boczek, II. 32*). Пристанъ, Прастенъ (какъ Prislaw и Praslaw. Cfr. *Kollar, Rozpr. 97*) составлено изъ предлога при, пра, и личнаго стань, стинъ (см. *Šafař. Pam. Изб. Хрисов. VII.* и русское *Ольстинъ, Лавр. 162*). Пристень (Πρίστηνον) сербскій городъ у Кантакузина (*ed. Bonn, 261*).

f — 18) Ири. — Iira, Iiřeta, Iiřik, Iirka, Iirsa, Iiraûs личныя имена у Чеховъ (*Palacky, G. v. B. III. I. 68. Anm. 76*), проявляющіяся и подъ формами Jura, Jurata,

Jurik (см. *Boczek. I. 355, 236, 295, 192, 329*) и тождественныя съ нашими языческими Юрій, Гюря, Гюрята (см. *Лавр. 173, 107*).

g — 21) Якунъ. (Акунъ). — Первоначальная въ договорѣ форма Акунъ передаетъ греческое Ἀκοῦν или Ἀκοῦμ. См. *гл. VII.* объ имени Якунъ.

h — 22) Кары. — Karri, имя славянскаго дружинника въ Sögubrot. (Karri et Milva. — Саксонъ грамм. пишетъ ошибочно Barri: «Wisnam vero, imbutam rigore foeminam reique militaris apprime peritam, Sclava stipaverat manus. Cujus praecipui Barri (Karri) ac Gnizli (князь? Milva) satellites gnoscuntur». *Sax. Gramm. ed. Müller. I, 379. Nota 1*). Между послами Олега мы уже встрѣтили имя Каринъ (Karen), очевидно происходящее отъ начальнаго Каръ, Кары.

i — 28) Воецъ. (Воистъ). — Въ договорѣ Воистъ (Βόηστ, Βόητζ), западное Woyetz, чешское имя въ грамотѣ 1247 г. (ар. *Boczek, III, 68*). Быть можетъ Wojhost; Воигостъ, въ Новг. л. подъ 1115 г. Срвн. Wojen, Wojmir, Wojslaw и т. д.

j — 34) Ятвягъ. — Какъ Ляшко, Варяжко, Печенѣжинъ, Нѣмко, Rucz, Rusin и пр. такъ и Ятвягъ личное имя или прозвище занятое отъ народнаго (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 395*).

k — 36). Шибритъ. — Sebrith, чешское имя въ грамотѣ 1206 г. (*Boczk, II, 37*).

l — 37) Олданъ. — Составлено изъ начальнаго ол (вел) и всеславянскаго Данъ, Дань. Срвн. сербскія: Продань, Гродань (*Šafař. Pam. Изб. Хр. č. VII*); Дань-

славъ Лазутиницъ въ Новг. л. подъ 1169 г.; Олданъ подвойской (*тамъ же*, *48*).

m — 40) Свирко, Свирка. — (Сфирка). — Форма Сфирка передаетъ греческое *Σφίρκα*. См. выше № 19.

n — 41) Явладъ (Евладъ). — Евладъ, транскрипція греческаго Ἐβλάδ. Jawlad западная форма личнаго русскаго Яволодъ (*Ипат*. *159*, *160*).

o — 45) Муторъ. — Mut, Muteg, Mutin, Mutina, Mutiš всеизвѣстныя западно-славянскія имена; отъ кореннаго Mut — Муторъ, какъ отъ Иво—Иворъ, отъ Бука—Букоръ и т. п.

p — 47) Адунъ. — Hodon — sororius Moraucon is, capellani Pragensis, ad ann. 1267 (*Boczek*, *III. 394*).

q —) Иггивладъ (вар. Антивладъ, Згейвледіи). — Составлено изъ Инго и владъ, какъ ему подобныя Инго-славъ, Hynchwog, Ingmir. См. *гл*. *VI*.

r) Оленъ (вар. Олебъ, Аліедъ, Олебисъ, Юлѣдь, Улѣбъ). — «Borsa filius Olen» (*Cosmas*, *II. 45*). — Olen ad ann. 1144 (ap. *Boczek*, *I. 226;* тоже что Welen, *ibid. I. 289*). — Оленко подъ 1556 г.; Оленъ Челяднинъ подъ 1662 г. (*Акт. ист. I*, *301*, *IV*, *319*).

s) Гомолъ (вар. Гомемъ). — Gamoliče, Jamoliče мѣстныя имена въ чехахъ (*Boczek*, *IV. 264*), предполагающія какъ нашъ Гомій, Гомель (*Геогр. отр. у Шлец. Нест. II. 780*). личное Гомолъ.

t) Казце (вар. Куци). — «Comes Wlodzimir dictus Kacza» (*Boczek*, *V. 76*). Варіанту Куци отвѣчаетъ чешское Cussi (грам. 1052 г. *тамъ же I*, *125*).

u) Моны. — Mun древне-чешское имя. «Accedant de

gente Muncia, accedant de gente Irnea» (*Cosm I. 23*); отъ кореннаго Mun и наше мѣстное Мунаревъ (*Ипат. 85*), черезъ личное Мунарь. Monecz (Моничь, Моньчь) личное имя у Вендовъ (*Barthold, Gesch. v. R. u. P. II. 218*).

v) Свенъ. (два раза; вар. Свед.). — См. гл. VII.

x) Стиръ. — Štir личное имя у Далимиля (*Chron. 32*).

y) Тилей (вар. Телина, Итилина, Тилена). — «Tilei filius Smil» (*Boczek, II. 87*). «Tylo de Cracovia» (*ibid. IV. 265*).

z) Путаръ (вар. Апубкаръ, Пупсаръ, Пубьксарь). — Pouta, чешское имя подъ 1052 г. (*Boczek, I. 125*).

aa) Вузлѣвъ (вар. Бузлѣбъ, Вузелѣвъ, Кузелѣвь).—Древанская форма западнаго Буславъ сокр. Богуславъ; срвн. «Bouzlaus castellanus de Vranor» ad ann. 1228; Boslaus ad ann. 1218 (ap. *Boczek, II. 200, 105*). Какъ Ярославъ въ Gersleff (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 623*), такъ Buslaw переходитъ въ Древанское Buslew; у Грека: Βουσλὲβ, Βουζλὲβ, Βουζελὲβ.

bb) Синко (вар. Исинко, Исинка, Исикинъ, Сикопъ).—Уменьшительное отъ Сина (сербск. имя у *Шафар. Изб. Хрисов. č. VII*).

cc) Боричь. — Греческое Βορίτζης, имя боснійскаго князя въ 1156 г. (*Ioan. Cinnam. ed. Bonn. 131*). Срвн. увозъ Боричевъ въ Кіевѣ (*Лавр. 4*).

Что я сказалъ въ концѣ предидущей главы о варягорусскихъ именахъ лѣтописи до Ярослава, то самое долженъ я повторить здѣсь объ именахъ въ договорахъ Олега и

Игоря. Нѣтъ сомнѣнія что при разнообразіи варіантовъ и неисчерпаемыхъ средствахъ германо-норманской ономатологіи, всѣ они могутъ быть болѣе или менѣе удачно объяснены изъ скандинавскихъ источниковъ. Но допустивъ требуемое норманскою школою исключительное Норманство лицъ принимавшихъ участіе въ договорахъ, откуда сходство ихъ именъ съ именами славянскими? Я представилъ не одинъ, не два, а сорокъ примѣровъ; и если за неимѣніемъ на лице живыхъ, славянскихъ соименниковъ Вельмуду, Лиду, Передславѣ, Ингивладу, норманская школа откажетъ имъ въ вѣроятности славянскаго происхожденія, она не въ правѣ отвергать сходства въ именахъ: Груды—Hruto; Каринъ—Karen; Фославъ—Войславъ; Тріанъ—Troyan; Стемиръ—Stymir; Володиславъ—Wladislaw; Сфанѣдрь—Шварнѣдь; Свирко—Swirczo; Тудко—Thudo; Каркъ—Kark; Тудоръ—Тудоръ; Миско—Межко; Влискъ—Wlicek; Воикъ—Wogyk; Берна—Borna; Гунаръ—Гуня; Ута—Uta; Адулъ—Odol; Иворъ—Chiwor; Пристенъ—Priestan; Кары—Karrí; Воистъ—Woyetz; Адунъ—Hodon; Оленъ—Olen; Куци—Cussi; Шибритъ—Sebrith; Стиръ—Štir; Тилей—Tiley; Путаръ—Pouta; Вузлѣвъ—Буславъ; Синко—Сина; Боричь—Боричь. Между остальными есть очевидно германоскандинавскія, напр. Ингельдъ, Фарлофъ, Ульфъ, Фруди, Бруныалдъ. Но отъ сомнительныхъ славянская школа не отказывается; незамѣченныя мною будутъ открыты другими; имена: Руладъ, Рулавъ, Рюаръ звучатъ по славянски; имени Истръ отвѣчаетъ сербское Моистрь (*Šafař. Pam. Listiny. č. II*); варіанту Драгунистъ у Шлецера (*Нест. III, 94*), сербское Драгоунь (*Šafař. l. c.*).

Шихъбернъ составлено по всей вѣроятности изъ двухъ славянскихъ именъ: Šich (*Čas. Č. mus. VI. 66*) и Borna [165]).

Договоры Олега, Игоря и Святослава — драгоцѣннѣйшій памятникъ нашей древней исторіи — не противорѣчатъ, а служатъ подтвержденіемъ мнѣнію о славянствѣ варяжскихъ князей, въ троякомъ отношеніи къ ономатографіи, къ внѣшней редакціи и къ содержанію. Въ отношеніи ономастическомъ, они указываютъ на исключительное почти, славянское происхожденіе князей и бояръ, территоріальныхъ владѣльцевъ Руси [166]), устраняя такимъ образомъ невозможность согласовать по законамъ исторіи и здраваго смысла, отсутствіе на Руси скандинавской ленной системы и вообще всѣхъ слѣдовъ Норманства, съ мнимо-скандинавскимъ происхожденіемъ этой территоріальной аристократіи. Утверждая съ другой стороны, присутствіе, въ числѣ пословъ-дружинниковъ и гостей, иноземныхъ личностей, преимущесвенно изъ Норманновъ, они оказываются вполнѣ сообразными съ тогдашнимъ состояніемъ русскаго общества и съ ходомъ русской исторіи; не навязываютъ ей невозможнаго, исключительно славянскаго или исключительно норманскаго начала; не заставляютъ насъ, въ противность законамъ здравой этимологіи, отстаивать славянства именъ Фарлофа, Ингельда, Бруныальда; тогда какъ норманская школа принуждена volens-nolens признавать Скандинавами — Святослава, Володислава, Передславу, Войгостя, Синку, Борича и т. д. Внимательное изученіе внѣшней формы договоровъ, системы по которой они составлялись, нарѣчія на которое

переведены, экземпляровъ которыми могъ пользоваться нашъ лѣтописецъ, приводитъ насъ къ тому заключенію что они писаны не по нормански, а по гречески и по болгарски, слѣдовательно не для норманскихъ конунговъ, а для славянскихъ князей, не для небывалыхъ шведскихъ Рôсовъ, а для славянской Руси. Наконецъ, по внутреннему содержанію, они не являютъ никакихъ признаковъ норманскаго права, религіи, обычаевъ; источникомъ имъ служили, не скандинавскіе законы, а древнѣйшая, изустная Русская Правда; уклады на города не норманскій, а славянскій обычай; замогильное рабство для убитыхъ въ плѣну, не скандинавское а собственно русское вѣрованіе; Перунъ и Волосъ не скандинавскія, а славянскія божества.

IX.

СЛѢДЫ ВАРЯЖСКАГО (ВЕНДСКАГО) НАЧАЛА ВЪ ПРАВѢ, ЯЗЫКѢ И ЯЗЫЧЕСТВѢ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

При самомъ вступленіи мы положили что исторія живаго народа не опредѣляетъ своихъ началъ изъ однихъ только письменныхъ свидѣтельствъ и документовъ. Она требуетъ указаній на фактическіе слѣды своихъ измѣненій; ими повѣряется степень вѣроятія научныхъ теорій и выводовъ. Этого опыта система норманскаго происхожденія Руси не выдерживаетъ. То ли самое можно сказать и о славянской системѣ? Нѣтъ сомнѣнія что при сліяніи двухъ однокровныхъ народностей, нельзя требовать, какъ при столкновеніи двухъ разнородныхъ и враждебныхъ началъ, указанія на всестороннія, многообразные слѣды вліянія одного племени на другое. Наша письменность начинается въ эпоху уже совершеннаго преобладанія русскаго элемента надъ вендскимъ; да и вообще она не богата пояснительными памятниками исторіи и литературы; произведенія народнаго русскаго духа, пѣсни, былины, сказанія, измѣняясь по мѣрѣ развитія народной жизни, дошли до насъ

въ такомъ видѣ, который едвали позволяетъ угадать ихъ значеніе въ IX, X и XI вѣкахъ. Тѣмъ не менѣе, и, невзирая на всѣ затрудненія и невыгоды, историческая логика не можетъ допустить въ историческомъ русскомъ быту, совершеннаго отсутствія слѣдовъ вендославянскаго вліянія. Мы знаемъ что не смотря на призваніе и единоплеменность, западное начало утвердилось на Руси, не безъ борьбы и сопротивленія; русскія племена не всѣ вдругъ подчинились новой варяжской династіи; о непріязненномъ столкновеніи обѣихъ народностей, свидѣтельствуютъ и слова умирающаго Ярослава дѣтямъ своимъ: «аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ» (*Лавр. 69*). Слѣды варяжскихъ трудовъ должны носить печать варяжскаго начала.

Въ первый моментъ призванія, это начало отразилось безъ сомнѣнія во всѣхъ частностяхъ новообразовавшагося общества. Если бы западные Славяне имѣли, какъ мы, свои туземныя лѣтописи и грамоты, писанныя на родномъ языкѣ; еслибы германскія войны не истребили даже до воспоминанія о существованіи на берегахъ Эльбы и Одера, богатой и нѣкогда славной народности Вендовъ, отличіе составныхъ элементовъ нашей исторіи, варяжскаго и русскаго, выступили бы въ болѣе опредѣленномъ, яркомъ свѣтѣ; при отсутствіи этихъ положительныхъ данныхъ, мы должны довольствоваться лингвистическими догадками и соображеніями, пополняя ихъ сохранившимися у западныхъ, преимущественно германскихъ лѣтописцевъ, извѣстіями о внутреннемъ быту, религіи и обычаяхъ нашихъ варяжскихъ предковъ.

Изъ признаковъ вліянія одной народности на другую, самые вѣрные представляетъ языкъ. Не много дошло до насъ слѣдовъ древневендскихъ нарѣчій; вся литература полабскихъ Славянъ состоитъ изъ собранныхъ въ концѣ XVIII столѣтія двухъ съ половиною сотенъ древанскихъ словъ и одной древанской пѣсни, уже всей проникнутой германизмами. Мы знаемъ однако, что по языку и происхожденію, поморскіе Славяне стояли между Чехами и Ляхами. «Вендо-лужицкое нарѣчіе, говоритъ Копитаръ (*Grammat. Einleit. XX*), представляетъ смѣсь чешскаго съ польскимъ и, по недостатку характеристическихъ отличій, не можетъ быть включено въ число главныхъ славянскихъ нарѣчій». О полабской рѣчи Шафарикъ: «по особенностямъ языка своего, Полабы принадлежатъ къ западной половинѣ Славянщины и стоятъ между Поляками и Чехами. Три источника бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на характеристику полабскаго говора: нынѣшній сербо-лужицкій языкъ; остатки прежняго древанскаго языка и малое число полабскихъ личныхъ именъ въ старинныхъ латинскихъ лѣтописяхъ и грамотахъ» (*Sl. Alt. II. 617, 618.* — Срвн. *Slov. Narodop. 108.—Jordan, Grammat. 7*). Теперь,—мы увидимъ что изъ чешскаго и польскаго языковъ, преимущественно изъ менѣе измѣнившагося чешскаго, объясняются почти всѣ слова не русскаго склада и происхожденія, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей исторіи. Какимъ путемъ перешли къ намъ эти слова и можетъ ли ихъ присутствіе на Руси быть объяснено иначе какъ изъ варяжскаго источника, вопросъ который будетъ разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ.

Понятно что при обозначеніи признаковъ варяжскаго вліянія на Русь, мы не можемъ придерживаться строгаго систематическаго порядка, ни слѣдить за движеніями варяжскаго духа, во всѣхъ частностяхъ историческаго русскаго быта. Въ трехъ главныхъ проявленіяхъ народной жизни, въ правѣ, языкѣ и религіи (но въ порядкѣ хронологическомъ и безъ притязаній на строго выдержанную послѣдовательность) постараюсь я указать на непреложные, по моему мнѣнію, слѣды вендскаго начала въ древнерусской исторіи.

Я начинаю съ исключенія. Въ договорахъ, древнѣйшемъ письменномъ памятникѣ нашего права, мы не находимъ признаковъ западнаго вліянія. Причина ясная; договоры переведены съ греческаго Болгарами. Къ западнымъ формамъ принадлежитъ только встрѣчающееся два раза въ Игоревомъ договорѣ «ци аще», вмѣсто руссо-болгарскаго «аще ли» (*Лавр. 22*). Či (Česk.), czy (Polsk.) = или, ли. Прочіе списки читаютъ аще ли, или аще, или. Откуда форма «ци аще» вкралась въ Игоревъ договоръ, довольно трудно угадать.

Олегъ заповѣдалъ «даяти уклады на Рускіе городы» (*Лавр. 13*).—Укладъ не русское слово; за исключеніемъ трехъ списковъ, всѣ остальные читаютъ безмысленное углады (*Нест. Шлец. II, 638*). Въ польскомъ правѣ układ имѣетъ значеніе возмездія, удовлетворенія (*Stat. Lęcz. ap. Macieiowsk. Sl. Rg. III. 176*). Въ чешскомъ уложеніи (*Prawa zeme česke § 119. ibid. II. 117*) разсуждается о томъ «kak danie układati». «Staré úklady, gešto gsú králowe zastarodáwna lidem ustawili» (*Práwa Praž-*

ska 131). Úklad = uložený trest nebo daň (*Jungm. v. auklad*). Слово укладъ изчезаетъ въ русской исторіи вмѣстѣ съ Олегомъ.

Изъ непоименованныхъ въ лѣтописи даней, на западное происхожденіе указываетъ такъ называемое поралье, подать отъ плуга. «Давати имъ поралье.... по старымъ грамотамъ, по 40 бѣлъ» (*Акт. Ист. I, 26*). Слово рало— плугъ (у Поляковъ и Чеховъ radło, radlo) не-русское; подать отъ рала платятъ Хазарамъ Вятичи-Ляхи (*Лавр. 27*). Вендскіе князья получали отъ смердовъ вендской земли, оброкъ платимый хлѣбомъ отъ плуга. «....de quolibet aratro contulimus» (*Dreger, № 29*). Этотъ оброкъ назывался плуговымъ poradlne (срвн. *Macieiowsk. Sl. Rg. II. 270. Anm. 580*).

При Владимирѣ и Ярославѣ западное начало отзывается во всѣхъ отрасляхъ народнаго права; князья занимаются уже не дѣленіемъ земли на погосты и установленіемъ даней, а внутреннимъ устройствомъ своей дѣдины, законами. «Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратѣхъ, и уставѣ земленѣмъ» (*Лавр.* 54). Въ правдѣ дѣтей Ярослава, въ уставѣ Владимира Всеволодовича поименованы дружинники бывшіе помощниками князей, при введеніи новыхъ уложеній.

1. Церковный уставъ Владимира. (*Дополн. къ Акт. истор. I. 1—2*).

Этотъ уставъ, коего древнѣйшій списокъ восходитъ къ 1280 году, писанъ безъ сомнѣнія церковнымъ лицемъ; но мы знаемъ что Владимиръ гадалъ о немъ съ своею княгинею Анною и съ своими дѣтьми; вѣроятно и съ дружи-

ною. Отсюда встрѣчающіяся въ немъ западныя формы и выраженія:

Пискупія, Пискупъ. «далъ ксмь ты соуды церквамъ. митрополитоу и всѣмъ пискоупиамъ по роуськои земли» — «мїтропωлитъ, или пискоупъ вѣдакть межи ими. соудъ». — Погодинъ (*Изслѣд. III, 366*) выводитъ слово Бискупъ (Пискупъ) изъ нѣмецкаго источника, а объ уставѣ Владимира говоритъ: «Меня затрудняетъ еще слово Пискупъ, которое кажется новогородскаго происхожденія» (*тамъ же, I, 264*). Такихъ затрудненій мы встрѣтимъ много и неразрѣшимыхъ, покуда не обратимся къ настоящимъ источникамъ своего варяжства. Что слово Пискупъ (какъ щлягъ, стерлягъ и пр.) нѣмецкаго происхожденія — несомнѣнно; но несомнѣнно также, что къ своему несчастію, вендскіе Славяне рано узнали нѣмецкихъ бискуповъ; Вадимиръ же (какъ увидимъ) провелъ три года въ Поморіи. Biskup, Biskupstwo, Biskupstwí — епископъ, епископство у Поляковъ и Чеховъ. Западное biskup осталось у насъ въ употребленіи и въ позднѣйшее время: «и поставленъ бысть Иванъ пискупъ, княземъ Даниломъ.... и переведена бысть пискупья во Холмъ» (*Ипат. 163 подъ 1223 г.*). Подъ 1097 г. упоминается о венгерскихъ (латинскихъ) пискупахъ, пископахъ (*Лавр. 115*).

Смилное. «а се церковнии соуди, рωспоустъ. смилнок. заставаньк» и пр. — Карамзинъ (*I, прим. 506*) пишетъ по догадкѣ: брачное. Smilny, Smilnost (*Česk.*) безчинный, безчинство, распутство. Smilná žena — meretrix (*2. Paral. 16, 14. glag.*) Zažženj smilné — libido (*Weleš. ap. Jungm.*).

Задушный человѣкъ. «а се церковнъıѣ люди.... задоушьнъıи человѣкъ».—Рабъ освобожденный господиномъ для спасенія души, какъ толкуетъ Герберштейнъ (*Карамз. I, прим. 506*). Но Герберштейнъ (*rer. Mosc. Comm. 33*) толкуетъ тотъ же уставъ Владимировъ и безъ сомнѣнія толкуетъ его какъ знатокъ западныхъ славянскихъ нарѣчій и правъ. У Чеховъ žadušní значитъ церковный, духовный; «co za spasenj duše se koná» (*Jungm.*) Žadušnj oběti=sacrificia pro animabus defunctorum (*Aqu.*). Žadušnj penjze=церковныя деньги. У Поляковъ и Сербовъ заупокойное пиршество извѣстно подъ названіемъ zadusnice; у Моравовъ zdravidza (*Снегир. р. пр. пр. IV, 109, 111*); въ Литвѣ и Польшѣ dziądy, dzien zaduszcny (*тамъ же, I, 49*). Задоушик ψυχικόν, eleemosyna (*Miklos. Gl. pansl.*).

2. Русская Правда.

«Правда Русская, говоритъ Раковецкій (*Prawda Ruska. предисл. къ I т. VIII, у Калач.*), есть остатокъ глубочайшей древности; отъ нея вѣетъ законодательствомъ самыхъ отдаленныхъ племенъ славянскихъ. Всѣ области русскія, не исключая Литвы и Галиціи, а можетъ быть и всѣ другіе славянскіе народы, должны были руководствоваться этимъ правомъ отъ временъ незапамятныхъ». Въ другомъ мѣстѣ (*ibid. IV*) онъ замѣчаетъ что въ «правдѣ и договорахъ (?) встрѣчаются такія выраженія, изъ коихъ одни употреблялись только старинными польскими писателями, а другія еще донынѣ слышатся въ разныхъ мѣстахъ Польши; одни сохранились въ великой Польшѣ, другія въ малой, иныя въ Галиціи и т. д., между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ вовсе неизвѣстны въ нынѣшнемъ языкѣ русскомъ».

Не къ одной Русской Правдѣ, эти слова могутъ быть отнесены ко всѣмъ памятникамъ древнерусской письменности; не имѣя ключа къ подмѣченному имъ историческому явленію, Раковецкій не могъ объяснить себѣ (и безъ сознанія западно-славянскаго происхожденія варяговъ, оно дѣйствительно необъяснимо) отдкуда западная юридическая терминологія въ Русской Правдѣ; почему встрѣчающіяся въ ней польскія (вендскія) слова и узаконенія не удерживаются ни въ послѣдующихъ русскихъ юридическихъ документахъ, ни въ народномъ русскомъ быту. Весьма понятно что при недостаткѣ надежной опоры своимъ убѣжденіямъ, при всеобщемъ вѣрованіи ученой Европы въ норманское происхожденіе варяжскихъ законодателей, его изслѣдованія не могли отвѣчать потребностямъ инстинктивно-славянскаго направленія духа его.

Еслибы дѣло шло о сравненіи русскаго права вообще съ юридическими постановленіями прочихъ славянскихъ народовъ, то не много бы нашлось въ Русской Правдѣ законовъ и техническихъ выраженій, которымъ бы не оказалось противней въ дошедшихъ до насъ памятникахъ западнославянской юристики. Но само собою разумѣется что къ намъ перешло не слишкомъ значительное количество варяжскихъ постановленій и словъ; къ таковымъ мы имѣемъ право причислить только тѣ, которымъ нѣтъ объясненія изъ русскаго языка, изъ древнерусскаго быта. Наши воеводы, мечники, огнищане, дружина, вѣча, добытокъ, истцы, не отъ западныхъ wojewoda, mečnik, ohnisčenin, družyna, wieča, dobytek, istce; это старинныя всеславянскія учрежденія, за объясненіемъ которыхъ намъ нѣтъ слѣда обра-

щаться къ правамъ другихъ славянскихъ народовъ; какъ на западѣ, такъ и у насъ были свои князья, свои дани, свое дѣленіе на десятниковъ, соцкихъ, тысяцкихъ (см. *Macieiowsk. Sl. Rg. IV. 66, 67 № 160*), свои оброки, мытъ и т. д. Я ограничиваюсь слѣдующими (по изданію текста Русской Правды Калачова) собранными примѣрами оборотовъ и словъ, обличающихъ западное происхожденіе.

Списокъ I. § 2. «Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человѣкоу томоу».—Nadraziti, nadrašeti (Česk.)=бить сверху. Польское право опредѣляло пеню за urаženie (*Stat. Kasim. w. ap. Macieiowsk. II. 153*); чешское знаетъ о синихъ ранахъ = rany modre (*Pr. zem. Česk. § 74*).

§§ 4, 8. «Аще оутнеть мечемъ.... то 12 гр. за обидоу». «Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть».—Русское выраженіе ударить: «аще ли ударить мечемъ.... да вдасть литръ 5 сребра, по закону Рускому» (*дог. Олега*). Въ Правдѣ слово ударить осталось только для тупаго орудія: «аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью» (*I. § 3*). Tnouti (Česk.), tnę (Polsk.) = рубить, бить; utnouti (Česk.) отрубить; срвн. «оже ли оутнеть роукоу, и отпадеть роука, любо оусохнеть» (*I. § 5*).

§ 13. «Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ». Срвн. III. § 32: «А оже боудеть въ одномъ градѣ, то ити исцу до конца того свода; боудеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до трехъ сводовъ».—Если не считать положенія о сводѣ всеславянскимъ, доисторическимъ постановленіемъ, оно указываетъ на западное происхожденіе:

«Quando ducitur quod dicitur zuod debet adesse castellani nuncius. iudicis. et uillici. et camerarii. et unus uel duo de uicinatu illo et ultra tres non ducatur sed in tercio remaneat» (*Privil. Otak. ad ann. 1229*). За сводъ платилась особая пошлина: «Jus, quod datur pro capite siue fure, uel pro Zwod.... ad usum abbatis.... concessimus perpetuo obtinendum» (*Privil. Wencesl. ad ann. 1240*). Въ § 14 и другихъ является форма (быть можетъ коренная русская): изводъ. О сводѣ см. *Čas. Česk. mus. на 1837 г. 83—85.*

§ 26. «а за лоньщиноу полъ гривнѣ». — Срвн. *III. § 55*: «а отъ лоньскои кобылици приплода на 9 лѣтъ, 4 кобылы и съ матерью». — Lonścak (Polsk.) годовикъ; loňský (Česk.) прошлогодній. (Срвн. *Карамз. II. 78*).

Списокъ II. § 7. «А се покони вирнии были при Ярославлѣ.... а пшена 7 оуборковъ; а гороху 7 оуборковъ.» — Aubor, Auborek, коробъ, корзина. У Полабовъ Wumberak (*Jungm.*).

§ 15. «а по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знають его». — Каченовскій (*у Погод. Изслѣд. I. 249. прим. 34*) читалъ «на гостѣхъ», вмѣсто на костехъ, полагая что за найденное мертвое тѣло гостя, незнаемаго по имени, никто не обязанъ платить виры. — По чешскому праву (*Pr. zem. Česk. § 232*), при слѣдствіи уголовнаго дѣла, должно было вести коморника «k'kostem nebo na row» т. е. показать ему мертвое тѣло или могилу въ которой оно было зарыто или, наконецъ, одежду (rúcho) убитаго (см. *Macieiowsk. Sl. Reg. II. 171*). Въ лѣтописи (подъ 1268 г.) сказано о Новгородцахъ, что они «стояша на костѣхъ 3 дни» т. е. на мѣстѣ сраженія (*новг. 1 лѣт. 60*).

§ 16. «А отъ виры помечнаго 9».—Троицкій списокъ читаетъ ошибочно помечное вмѣсто помочное: въ Карамзинскомъ § 16: «а отъ виры помочного 9 кунъ». — Въ Польшѣ и у Чеховъ помочнымъ (Pomocne) называлась одна изъ многочисленныхъ на западѣ судебныхъ пошлинъ; уменьшеніемъ ея Генрихъ брадатый слезвигскій приобрѣлъ народную благодарность (*Macieicwsk. II. 61. 89*). Въ уставѣ Оттокара-Премысла: «Item siquis citatus fuerit et obtinuerit ius suum in iudicio neque wrez neque pohonze. sed solummodo denarios duos persoluat. quod pomocne uulgariter appellatur» (*ap. Boczek, II. 24*).

§ 47. «О мѣсячныи рѣзъ, оже за мало, то імати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны въ треть,. а мѣсячныи рѣзъ погренути». — Акад. Слов. переводитъ погренути — предать забвенію. Это догадка. Pohrdnouti (Česk.) отбросить, презрѣть.

§ 53. «Аже оу господина ролеиныи закупъ, а погубить воискии конь, то не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него него же купу емлеть, то то погубивше платити». — Rolný (Česk.) полевой; rola (Česk. Polsk.) плугъ. Карамзинскій списокъ читаетъ копа. Странно что Карамзинъ предпочитаетъ ошибочное чтеніе Соф. списка «кову емлеть», а самъ приводитъ правильное объясненіе издателей Правды, а именно, что «копа есть денежная плата; ибо донынѣ въ Малороссіи называется такъ числителяная умственная монета, состоящая изъ 50 копѣекъ» (*Карамз. II. прим. 92*). Копою (кора) дѣйствительно называлась числительная польская монета, употребляемая при уплатѣ судебныхъ пошлинъ;

счетъ копами существуетъ и донынѣ въ юридической литовской терминологіи (*Macieiowsk, IV. 126, 127, 133*); о польскихъ и литовскихъ монетахъ подъ 1527 г. Герберштейнъ говоритъ: «Copa haissen sy Sechtzig Groschen» (*Selbstbiogr. in. font. rer. Austriac. 280*). У Чеховъ: «kopa grošů českých=140 kr.—Kopa liber, talentum, 60 librae vel 600 drachmae» (*Wn. 334 ap. Jungm. v. Kopa*). Карамзина кажется ввело въ заблужденіе незнакомое ему слово воискаин. Онъ читаета свойскій и переводитъ: «ежели наемникъ потеряетъ собственную лошадь, то ему не за что отвѣтствовать» (*II. 55*). Wojský (Česk.) тоже что войсковой; отсюда и польское Woyski tribunus (срвн. woiski въ Помераніи. *Balt. Stud. II. 1857. p. 42. № 160*); къ намъ оно вѣроятно перешло отъ варяговъ: Олданъ подвойской (*Нов. л. подъ 1231 г.*). Смыслъ приведенняго постановленія слѣдующій: «ежели наемный земледѣлецъ потеряетъ господскую лошадь на войнѣ (воискии конь), то за нее не платитъ: но ежели господинъ далъ ему лошадь, плугъ и борону, и онъ состоитъ у него на оброкѣ (отъ него же копу емлеть) то потерявъ коня закупъ долженъ платить за него; буде господинъ услалъ его за своимъ дѣломъ и конь пропадетъ безъ него, то закупу не платить». Эверсъ (*Aelt. R. 329*) принималъ также копу (Schober) въ смыслѣ оброка.

§ 69. «Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи, а за медъ, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли олѣкъ, то 5 кунъ».—«Ясно, говоритъ Карамзинъ (*II. прим. 83*), что олекъ значитъ пустой. Сіе неизвѣстное русское слово напоминаетъ нѣмецкое leck». Акад. Слов. переводитъ Олекъ: остатокъ. Не происходитъ ли это слово отъ Oul,

уменьш. Oulik (Česk.), Ulik (Polsk.), улей и малый улей? За малый улей Oulik (олекъ) платилось въ половину. Улей на древанскомъ нарѣчіи waul, ul (*Slovanka I. 24*).

§ 82. «Аже иметь на желѣзо по свободныхъ людии рѣчи, либо ли запа нань будеть, любо прохожение нощное, или кимь любо образомь аже не ожьжеться, то про муки не платити ему; но одино желѣзное кто и будеть ялъ»—. Тобіенъ (*die Pr. russk. 73. Thes. VIII*) производитъ слово запа отъ греческаго σαπών, sapo, мыло употреблявшееся по обману, при испытаніяхъ желѣзомъ: «ein, zur Verhütung des Brandschadens bei der Eisenprobe gebrauchtes Geheimmittel». Но возможно ли предположить законъ явно потворствующій обману, разсуждающій о немъ всенародно? Неужели удовлетвореніе обманутаго при судьяхъ истца, состояло единственно вь неплатежѣ за муки? а желѣзный урокъ падалъ все таки на него? а виновный, запасшійся своимъ мыломъ, освобождался отъ всякаго иска? Да и что же значутъ слова «прохожение нощное», отдѣляющія запу отъ выраженія: «кимъ любо образомъ аже не ожьжеться»? Карамзинъ переводилъ запу чаяніемъ, подозрѣніемъ, а прохоженіе ночное появленіемъ судимаго ночью въ необыкновенный часъ, близь того мѣста, гдѣ свершилось преступленіе (*II. прим. 99.*— Срвн. *Miklos. Gloss. Palaeosl. v. запъ*).

Смыслъ приведеннаго закона весь заключается въ отличіи свидѣтельства свободныхъ людей отъ свидѣтельства холопа. Вызванное на желѣзо, по свидѣтельству холопа лице, получало, буде оказывалось невиннымъ, гривну за муку «зане по холопьи рѣчи ялъ и» (*II § 81*).

Въ людяхъ свободныхъ законъ не допускаетъ возможности ложнаго свидѣтельства, но предвидитъ возможность ошибки, буде окажется что обвиненный совершилъ преступленіе или во снѣ, или въ припадкѣ лунатизма, или, наконецъ, «кимъ любо образомь не ожьжеться». Ssapa, Zápa на древанскомъ нарѣчіи сонъ, спанье (*Dobrowsk. Slovanka I. 15, № 59. II. 221. № 231.* — Срвн. *Гильферд. Сп. II*); отсюда извѣстное только у насъ и въ церк. нар. слово внѣзапный ἔξυπνος, expertectus.—Проҳоженіе ночное σεληνιασμὸς, morbus lunaticus. — Во всѣхъ трехъ случаяхъ подсудимый оказывался невиннымъ; но истецъ, какъ бравшій его на желѣзо по свидѣтлеьству свободныхъ людей, не платилъ про муки, а только слѣдующій суду желѣзный урокъ.

Списокъ III. § 65. О сиротьемъ вырядкѣ: «А жонка съ дчерью, тѣмъ страды на 12 лѣтъ по гривнѣ на лѣто, 20 гривенъ и 4 гривны кунами».—Stradza (Polsk.) утрата; stradać утратить. Сиротій вырядокъ платился за утрату (страду) отца и мужа.

3. Уставъ Ярослава о мостовыхъ. (*Изд. Калач. текстъ р. пр. III. § 134*).

«Отъ великого ряду князя до Неметьго вымога, Немцемъ до Иваня вымола, Гтомъ до Гелардова вымола до задняго, отъ Гелардова вымола огнищаномъ до Боудитина вымола, Ильицаномъ до Матеева вымола». — Карамзинъ (*II. прим. 108*) спрашиваетъ: «не мѣльницы ли?» Wymol (Česk.) рытвина, ровъ образуемый водою. Значеніе этого слова въ уставѣ о мостовыхъ не требуетъ объясненія.

Въ памятникахъ русскаго права XII — XIII столѣтій, вліяніе западнаго (варяжскаго) начала уже прекратилось; мы не находимъ западныхъ словъ и учрежденій въ жалованной грамотѣ в. к. Мстислава Юрьеву монастырю (1128 — 1132); въ уставной грамотѣ Ростислава (1150); въ вкладной грамотѣ преподобнаго Варлаама (1192 — 1207); въ договорныхъ грамотахъ смоленскаго князя Мстислава съ Ригою и готскимъ берегомъ (1228—1229); въ договорной грамотѣ Новгорода съ в. к. тверскимъ Ярославомъ (1265); въ грамотѣ князя владимирскаго на Волынѣ, Владимира (1286); въ грамотѣ князя Владимира на Волынѣ луцкаго Мстислава (1289); въ проѣзжей новгородской грамотѣ ганзейскимъ купцамъ (1294 — 1303); въ договорной грамотѣ Новгорода съ в. к. тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ (1317); въ рядной (1314 — 1322); договорной (1327); въ духовной в. к. Ивана Даниловича Калиты; въ договорной грамотѣ в. к. Семена Ивановича (1341); въ новгородской купчей половины XIV вѣка; въ договорахъ съ Казимиромъ польскимъ и Іоанномъ московскимъ[167]). Терминологія русскаго права, а съ нею и самое право, отбросили все иноземное, внѣшнее, насильственно или искуственно привитое.

Случайныя ли это явленія?

Какъ въ области права договоры, такъ въ древне-русской письменности произведенія духовныхъ лицъ, писанныя на церковномъ нарѣчіи, представляются исключеніемъ изъ общаго правила. «Чистоту церковнаго языка, говоритъ г. Срезневскій (*Мысли объ ист. р. яз. 95*), берегло болѣе духовенство»; въ самомъ дѣлѣ, мы не встрѣчаемъ запад-

ныхъ формъ, ни признаковъ западнаго вліянія въ похвальномъ словѣ Митрополита Иларіона, въ вопросахъ Кириковыхъ, въ церковномъ правилѣ Митрополита Іоанна, въ посланіи Никифора Митрополита къ Владиміру Мономаху и пр. За то, варяжское начало оставило положительные, неоспоримые слѣды въ письменныхъ памятникахъ, стоящихъ по характеру своему между народными и духовными; въ произведеніяхъ писанныхъ русскимъ литературнымъ языкомъ XI и XII столѣтій. Таковы:

1. Поученіе Владиміра Мономаха. (*Лавр. 100—107*).

100 – строка 13. «Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються». — Poogrzytać=sie (Polsk.) огрызаться, отъ предлога poo и grzytać.

101. стр 39. «И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идуть, и первѣе наши руцѣ, и не ставяться на одиной земли, но и силныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля». — «Ирь, говоритъ Карамзинъ (*II. прим. 230*), и въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ тоже что греческое иръ, т. е. весну, утро». Но слово ирье (не ирь, коего родительный падежъ былъ бы иря́ или и́ри) встрѣчается у насъ только въ показанномъ мѣстѣ и мы не знаемъ ему производныхъ; это очевидно не русское слово. Существуетъ ли оно у другихъ славянскихъ племенъ?

Первобытное ир — ir (безъ сомнѣнія родственное греческому ἔαρ, ἦρ ap. Theophrast. Aristoph. Thucid. Pindar. etc. lat. Ver) проявляется въ глубочайшей древности у германскихъ и славянскихъ племенъ, въ двоякомъ значеніи,

природномъ и миѳологическомъ, какъ весна (востокъ) и весеннее божество. У германцевъ Yrias означаетъ извѣстный годовой кругъ (*indic. superst. et paganiar. XXIV. frias* ошибочно вмѣсто *yrias*); ear-spica, колосъ, срвн. наше ярь (*Grimm, D. M. 183*). Ir или Er, по Гримму (l. c.) и Миллеру (*Alt. rel. 226, 294*) второе названіе германскаго Zio. Jr, iro и у Славянъ древнѣйшая форма всеславянскаго jaro — весна. Обѣ формы проявляются въ наименованіи весенняго бога Славянъ Ировита (Hirowit, Gerovitus, Herovitus. *Tkany ap. Hanusch, 176.* — *Vita S. Ott. ap. Scrpt. rer. ep. Bamberg. I. 502, 698*) или Яровита; въ личныхъ Jira, Jiraus (сокр. Jiroslaw) = Jaroš, Jaroslaw. Древнѣйшее ir, iro сохранилось и донынѣ у Чеховъ въ названіяхъ Jiřiček, весенняя лягушка; Jiřička, домовая ласточка, провозвѣстница весны. Ir, iro, jiro (у насъ ярь, яро) стало быть древнѣйшее, только у западныхъ Славянъ сохранившееся и отъ нихъ въ поученіе Мономаха перешедшее, наименованіе весны и востока. На востокъ указываютъ и слова Мономаха: «и первѣе (въ) наши руцѣ» (см. *Карамз. l. c.*); изъ христіанскихъ земель Русь первая на востокѣ[166]).

102. стр. 27. «и ночь отвсюду нарядивше около вой тоже лязити». — Lasiti (Česk.) подкрадываться.

103. стр. 3. «Спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птици и человвци». — Čin (Česk.) дѣло, трудъ.

104. стр. 22. «ко Ромну идохъ со Олгомъ и съ дѣтми на нь, и они (Половцы) очитивше бѣжаша». — Въ Акад. Слов. очитити, послышать, ощутить. Этому значенію

соотвѣтствуетъ глаголъ: очютити: «како еси не очютилъ скверныхъ и нечестивыхъ пагубоубійственыихъ ворожьбитъ своихъ» (*Ипат. 114*). Oczyć (Polsk.) завидѣть, замѣтить; očitě (Česk.) очевидно.

104. стр. 25. «А изъ Чернигова до Кыева нестишь ѣздихъ ко отцю».—Нестишь, охотно; nestižný (Česk.), nicht ungern (*Jungm.*).

104. стр. 29. «А самы князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусь съ сыномъ.... и инѣхъ кметій молодыхъ 15»—.Kmety старѣйшины и вельможи у древнихъ Чеховъ: «moji Kmetě, Lesi i vládyky» (*Lub. S. 63*). Въ молитвѣ Адалберта: «Adamie ty Božy kmieciu». Въ послѣдствіи значеніе слова kmet измѣнилось; кметами стали называть у Чеховъ свободныхъ поселянъ: «et insuper duos kmetones de circumsedentibus uillis» (*Privil. Conr. et Otak. ad ann. 1084 — 1222 ap. Boczek V. 224*); въ статутѣ Казимира великаго слова: «villanus, kmetho seu rusticus» переведены: kmiec или chlop (*Macieiowsk. I. 128*).

104. стр. 35. «Конь дикихъ своима рукама связалъ есмь, въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по рови ѣздя имал есмъ своима рукама тѣ же кони дикіѣ».—Pucz (Polsk.) пустъ; rowina (Česk.) равнина, гладь.

106. стр. 8. «научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло».—Porobek (Česk.) рабъ, отрокъ; на Малорусск. нар. испорченное парубокъ.

2. Слово Даніила заточника. (изд. Сахарова).

43 — 1. «Якоже Богъ повелитъ, тако и будетъ; поженетъ бо единъ сто, а отъ ста двигнется тысяща».—Zenać (Polsk.), ženu, hnati (Česk.) гнать, преслѣдовать.

43 — 2. «Или ми речеши: отъ безумія ми еси молвилъ: то не видалъ есми неба полъстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, ни безумна мудрость глаголюще». — Plsť, plstěný (Česk.), войлоко, войлочный. Lut (Česk.) лыко (*Jungm.*); лутовяный стало быть сдѣланный изъ лыка, лыковый.

3. Слово о полку Игоревѣ. (изд. *Пекарскаго. Зап. Имп. Ак. Н. V. № 2*).

Много было толковано до сихъ поръ о языкѣ Слова о Полку Игоревѣ. Въ своихъ сказаніяхъ русскаго народа, Сахаровъ приводитъ, а отчасти и разбираетъ мнѣнія Мусина-Пушкина, Шишкова, Пожарскаго, Граматина, Калайдовича, Карамзина, Востокова, Буткова, Полеваго, Каченовскаго, Бѣликова, Строева, Давыдова, Вельтмана, Максимовича и другихъ [169]). Всѣ они другъ отъ друга отличны; многія противорѣчатъ самимъ себѣ; ни одно не представляетъ доказательствъ основанныхъ на изслѣдованіяхъ систематической и строгой лингвистики. Дѣло понятное. Доколѣ ученіе о норманскомъ происхожденіи Руси не будетъ изгнано безвозвратно изъ области русской науки, нѣтъ того памятника древнерусской исторіи и письменности, коего толкованіе не сокрушило бы всѣхъ усилій историка, лингвиста и археолога. Съ одной стороны, Калайдовичъ обращаетъ вниманіе на сходство пѣсни Игоревой съ нынѣшнимъ языкомъ польскимъ; съ другой полагаетъ что ея языкъ «утвердительно можно назвать чистымъ славянскимъ; слова въ оной встрѣчающіяся едва ли не всѣ можно пріискать въ языкѣ священнаго писанія, а болѣе въ нарѣчіи лѣтописей, грамотъ и другихъ историческихъ памятниковъ» (*Труды общ. и древн. Росс. біогр. Гр. М. Пушкина. II.*

39, *40*). Почему же онъ ихъ не прінскиваетъ? и что значитъ въ смыслѣ филологическомъ, выраженіе «чисто славянскій языкъ»? Востоковъ думаетъ что слово писано на сѣверскомъ нарѣчіи, а между тѣмъ считаетъ языкъ пѣвца Игоря особымъ произведеніемъ даровитой поэтической индивидуальности, вѣроятно какою то, въ зародышѣ увядшею попыткою русскаго Данта. Карамзинъ видитъ въ словѣ подражаніе въ слогѣ, оборотахъ и сравненіяхъ древнѣйшимъ сказкамъ о дѣлахъ князей и богатырей; но лингвистическаго опредѣленія этому слогу не дѣлаетъ. Пожарскій и Вельтманнъ ищутъ въ Игоревой пѣсни слѣдовъ вліянія западно-славянскихъ нарѣчій; но за неимѣніемъ прочнаго историческаго основанія своему мнѣнію, не выражаютъ его съ послѣдовательностію ученаго убѣжденія. У всѣхъ проглядываетъ внутреннее сознаніе неразрѣшимости загадки о языкѣ Слова, какъ явленіи безпримѣрномъ въ области русской и всеславянской филологіи.

Слово о Полку Игоревѣ не есть, какъ русскія простонародныя пѣсни и сказки, произведеніе чисто народнаго духа, русской народной фантазіи. Это произведеніе литературное, поэма сложенная въ честь русскихъ князей Игоря и Всеволода Святославичей, сложенная для нихъ, пѣтая имъ самимъ, какъ Боянъ пѣлъ свои пѣсни старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману Святославичу. Поэтъ подражаетъ Бояну, соловью стараго времени, какъ въ языкѣ, такъ и въ складѣ, понятіяхъ и картинахъ своей пѣсни. Онъ поетъ старыми словесами т. е. тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ пѣвали княжескіе пѣснотворцы стараго времени; которымъ говорили варягорусскіе князья Влади-

миръ и Ярославъ [170]). Какъ Боянъ и его современники, онъ выводитъ въ своей поэмѣ русскія и западно-славянскія божества (см. ниже); смѣшиваетъ христіанскія понятія съ языческими повѣрьями. Русскіе князья, ревностные христіане въ семейномъ и государственномъ быту, оставались на войнѣ и въ пирахъ потомками прежнихъ варяговъ; они любили складъ древнихъ пѣсенъ, слова и понятія которыми ихъ лелѣяли съ колыбели. Для пѣснотворцевъ, внуки св Владимира оставались внуками Даждьбога. Во всѣхъ отношеніяхъ, но преимущественно въ отношеніи къ языку, Слово о Полку Игоревѣ архаическое произведеніе. Само собою разумѣется что западное начало въ немъ ощутительнѣе чѣмъ въ прочихъ памятникахъ русской письменности.

«Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святославлича» (*стр. 9*).—Слово трудный переведено у Калайдовича, какъ слѣдуетъ, словомъ печальный. Пожарскій ошибается говоря что на польскомъ и на богемскомъ (чешскомъ) языкахъ, трудный значитъ затруднительный, мудреный, неудобный къ исполненію. Въ молитвѣ св Адалберта trud, trudy мученія: «Ješče trudy ciergął bezmierne». По чешски trud — мука, печаль; trudny — печальный, грустный.

«Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй. Который дотечаше, та преди пѣсь пояше» (9). — Бутковъ производитъ слово дотечаше отъ глагола течь, достигать. Dotčenj (Česk.) attactio, осязаніе, отъ гл. dotknauti; dociąć (Polsk.) пронзить.

«Боянъ же.... своя вѣщіа прьсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху» (9).— Hrochtám (*Linde*), hrochotám (*Jungmann*)— гремѣть.

«А въсядемъ братіе на свои брьзыя комони» (*10*). — О словѣ комонь (Česk. komon) см. ниже.

«Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу» (10). —«Aby nas uhovął ode vsego zlęgo» (Мол. Адабл.). Aby (Česk.), utinam.

«Чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовь внуче» (*10*).—Czyli (Polsk.) или, аще ли.

«А мои ти Куряни свѣдоми къ мети (*10*).—Кажется должно читать къмети. О словѣ Кметъ см. выше.

«Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасе́тъ птиць; подобію влъци грозу въ срожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чрълеными щиты» (*11*). — Pasu, pasti (Česk.), поджидать, стеречь; hrůza (Česk.), horror (*Jungm.*); sržeti (Česk.), saevire, toben; wrzati (Česk.) stridere, шумѣть, яриться; клектъ, klekot (*Jungm.*) орлиный крикъ, отъ древнечешскаго klekati, кричать («Tu ty prěd nimi klekachu». Dalim. 30). Смыслъ оборота слѣдующій: уже птицы (птиць здѣсь собирательное) стерегутъ бѣды его; волки называютъ страхъ по болотамъ; орлы крикомъ сзываютъ звѣрей на кости, т. е. на трупы.

«Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала; мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди» (11). — Mhla (Česk.), туманъ: uspiti (Česk.), усыпить; ubuditi (Česk.), разбудить. Здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ пѣсни, дурныя предозначенованія противуполагаются свѣт-

лымъ надеждамъ. Дружину Игореву усыпила пѣснь соловья; разбудилъ вороній крикъ.

«Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя пълкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя» (*11*). — Rozsuć sie (Polsk.), rozsauti se (Česk. *Jungm.*), разсѣяться, разметаться.

«Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя» (*12*). — Акад. Слов. переводитъ: потручатися—приломаться, избиться, притупиться. Potrzusk (Polsk.) стукъ, шумъ; trzaskać — гремѣть; слѣдовательно потручати постучать; потручатися постучаться. И въ другихъ мѣстахъ пѣвецъ говоритъ: «гремлеши о шеломы мечи харалужными»—«гримлютъ сабли о шеломы»— «Позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскіе». Въ настоящемъ мѣстѣ подразумѣвается глаголъ придется, доведется. «Тутъ то придется копьямъ приломаться: тутъ то доведется саблямъ позвонить въ Половецкіе шлемы».

«Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы» (*12*). — Střj (струя?) по моравски powětřj = aer, aura. Вѣтры внуки западнаго Стрибога, какъ Борей рожденіе эѳира: αἰθρηγενὴς Βορέας (in aere genitus. *Heyn. Hom. VII. 35. 36*).

«Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прищеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными» (*12*). — Замѣчательное сходство слова съ пѣснями краледворской рукописи, въ сравненіи своихъ героевъ съ ярымъ туромъ. Въ поэмѣ Jaroslaw: «Tu Vratislav jak tur jarý skoči»; въ Люб. Суду: «máhnu rukú, zarve jarým turem». Бутковъ производилъ слово харалужный отъ ногайскаго;

сдѣланный изъ чернаго желѣза, булата. Мнѣ кажется харалугъ есть ничто иное какъ русская (полногласная) форма западнаго Karoling, Karling. Кругъ (*Forsch. I. 143 — 156*) доказалъ происхожденіе Несторовыхъ Корлязи отъ франкскаго Carolingi, Carlenses; Karling, переходитъ у Славянъ въ формы Карлягъ, Карлязинъ, Карлузинъ, какъ Frank въ формы Фрягъ, Фрязинъ, Фрузинъ (*Schaf. Sl. Alt. II. 692. Anm.*). Отъ формы Карлузинъ — карлужный (харалужный), карлугъ (харалугъ). «Ваю храбрыя сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена». Харалугъ стало быть западное стальное оружіе; слова харалугъ, харалужный употребляются въ смыслѣ франскаго оружія, франской стали, какъ на западѣ слово Sclavina, въ смыслѣ одежды славянскаго покроя (см. *Du Cange, v. Sclavina*). Вендскіе Славяне мало ковали сами; они получали свои мечи и оружіе отъ Франковъ — Корляговъ; Карлъ великій запрещалъ вывозъ ихъ въ вендскія земли: «§ 7. De negotiatoribus qui partibus Sclavorum et Avarorum pergunt.... Et. ut arma et brunias non ducant ad venundandum» (*Kar. M. Captul. ap. Pertz III. 133*). О Руси X столѣтія Ибнъ-Фоцланъ говоритъ что мечи ихъ были европейской работы, efrandschije (*Fraehn. Ibn-Fozl. 5*).

«Кая раны дорога братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны свычая и обычая» (*12*).—Слова отня злата стола» напоминаютъ тотъ же эпическій оборотъ въ поэмѣ Любушинъ Судъ: «Poče kněžna s otnia zlata stola». Бутковъ полагалъ что слово хоть, супруга, перешло къ намъ отъ Ха-

заръ или Половцевъ; это старославянское слово (см. *Miklos. Gloss. Palaeosl.*), сохранившееся и донынѣ у чеховъ и у венгерскихъ Словаковъ: Choť, consors (*Bernolák. Gramm. Slav. 25*). «Свычая и обычая, говоритъ Каченовскій, слова употребительныя въ польскомъ языкѣ, въ видѣ поговорки, какъ напримѣръ въ нѣмецкомъ: handeln und wandeln и пр. Это пахнетъ чѣмъ то новымъ; ибо польскій языкъ XII и XIII столѣтій никому неизвѣстенъ». Аллитераціи и риѳмованныя поговорки были всегда и всѣми филологами относимы къ древнѣйшимъ проявленіямъ народнаго духа (см. *Grimm, DRA. cap. I*); а что польская поговорка могла перейти къ намъ варяжскимъ путемъ нисколько не удивительно.

«Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя» (*12*). — Кáня, канюхъ — полевой коршунъ (*Слов. Даля*); у Чеховъ—Káně; у пол. Kania; канина можетъ быть тѣло обреченное на съѣденіе коршунамъ. Паполома (покрывало) отъ средневѣковаго латинскаго peplum. «Peplum feminei capitis involucrum, ad ann. 1191» (Du Cange).[171]). Впрочемъ это слово могло перейти къ намъ и отъ греческаго πέπλωμα, какъ манотья (*Ипат. 33*) отъ μαντίον, аксамитъ отъ ἑξάμιτος и т. д.

«Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть» (*13*). — «Кикахуть» отъ чешскаго kýchati, чихать, относящагося къ идеи веселія, какъ чехъ и těch (потѣха; см. *Kollar, Rozpr. 289*).

«а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе» (*13*). — Oujed (Česk.) падаль. См. Jungmann, v. Aujed.

«За нимъ кликну Карна и Жля по скочи по Руской земли, смагу мычючи въ паламянѣ розѣ» (*13*).—Карна и Жля должно быть злые духи древнеславянской миѳологіи; Карна отъ чешскаго krněti, изрѣзать, измаять; křnawý — измаянный, изведенный. Kar (cfr. κῆρ, fatum, mors) epulae ferales у Чеховъ (*Jungm.*). Въ Лузичахъ находилась Карнова гора, Karnberg (*Scrpt. rer. Lusat. I. I. 8. ad ann. 1344*), вѣроятно посвященная Карнѣ, какъ другія Триглаву, Перуну и т. д. (*Hanusch 99*, *100*). Krňow, Jägerndorf воеводство въ Чехахъ (*Č. Česk. M. VI. Swaz. II. 202*)[172]. Zelú, Zela у Неплаха, Гела у Мартина Бѣльскаго, западно-славянское божество (см. *Palacky*, *Gesch. v. B. I. 179 Anm. 162.—Kollar*, *Sl. Boh. 253.— Hanusch*, *119*, *120. — Снегир. I. 122*); у насъ жля или желя = печаль. «Наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы» (*Ипат. 131*). Значеніе этого божества опредѣляется названіями тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ существуютъ слѣды древнеславянскихъ могилъ; таковы въ Чехахъ Žalkowice, Žalkow, Žalany (*Boczek III. 161.—Wocel. Grundz. d. B. A. 17*); у насъ Желянь (*Ипат. 96*), городище Ельня, рѣки Елань и Желень (*Кн. б. Черт. 82. 47. 90*) и т. д. По Стоглаву кладбища назывались у назъ жальниками. — Smaha (Česk.), пожаръ, огонь, дымъ отъ пожара; какъ у насъ кресникъ, такъ у Лужичанъ смажникъ, мѣсяцъ огня, іюнь (*Буслаевъ въ Акт. ист. юр. свѣд. отд. IV. 34 — 35*). — Мычючи (срвн. далѣе: «чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы») отъ чешскаго myceti, метать. Смыслъ и картина слѣдующіе: «за нимъ

взвыли Карна и Жля, поскакали по русской землѣ, бросая огонь изъ пламеннаго рога».

«У Плѣсньска на болони, бѣша дебрь Кисаню» (14). — Скептическая школа причисляла слово болонье къ свидѣтельствующимъ о подложности Слова о Полку Игоревѣ; мы находимъ его и у Даніила паломника и въ лѣтописи: «Володимеръ же мня ако къ нему идуть, ста исполчивъся передъ городомъ на болоньи» (*Лавр. 135. подъ 1144 г.*). Акад. Слов. толкуетъ болонье: «пространство между двумя валами окружавшими городъ». На какомъ основаніи? Blonie (Polsk.), blana (Česk.), лугъ, болотистое мѣсто.

«рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати» (*15*). — Kwilić sie (Polsk.), kwiliti (Česk.), плакать, выть; мучать (*Jungm.*). Въ волынской л. подъ 1263 г. «сестра твоя умираючи велѣла ми тебѣ поняти за ся, ати инаа дѣтіи не цвѣлить» (срвн. *Карамз. III. прим. 71.—IV. прим. 119. стр. 336*).

«...съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны и съ Шельбиры» (*15*). — О значеніи слова быль см. гл. I.; mohuty (Česk.) могучій. Не указываютъ ли Татраны на Карпатцевъ?

«Нъ рекосте му жа имѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ» (*15*). — «Мужаймося, мужаймѣся, польскій и донынѣ еще существующій оборотъ» (*Калайдов. Труд. Общ. И. и др. Р. II. 40* [173]). Срвн. «Помышляймо о своихъ головахъ» (*прибавл. къ Ипат. л. 283*).

«Нъ се зло Княже ми не пособіе: на ниче ся годины обратиша» (*15*). — Въ польскомъ: «na nice sie godziny

obulocili» (*Калайдов. l. c.*). Niče = ничто; ničeti = w nic se obraceti = обратиться въ ничто (*Jungm.*). Къ тому же корню niče — ничто, должно отнести встрѣчающіяся въ Словѣ выраженія: «ничить трава жалощами» — «а веселіе пониче» «пониче веселіе».

«Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычеть» (*17*). — Зегзица (Česk. žežhulka. *Kralodv. r. 58*), кукушка. Kýhàti (Česk.), кричать по журавлиному, по гусиному.

«Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сороки встрошкоташа» (*19*). — Stauha (Česk.) stúha (ol. et. slc.), ligula, привязь. — Troskotati (Česk.), трещать.

Я не думаю чтобы въ виду этихъ примѣровъ, было возможно отвергать присутствіе западнаго начала въ языкѣ Игоревой пѣсни. Слова: трудный (печальный), рокотать (гремѣть), комони (кони), абы (utinam), чили (аще бы), пасти (стеречь), срожати (яриться), клектъ (орлиный крикъ), успити (усыпить), убудити (разбудить), разсушаться (разсѣяться), потручати (позвонить), хоть (супруга), уѣдіе (падаль), кикати (чихать, тѣшиться), смага (пожаръ), мычети (метать), болонье (лугъ), цвѣлити (мучать), ниче (ничто), кычати (кричать по гусиному), стуга (привязь), троскотать (трещать), встрѣчаются по большей части только въ Игоревой пѣсни; у Чеховъ и у Поляковъ они существуютъ и донынѣ въ тѣхъ же формахъ и при одинаковомъ значеніи. Кромѣ отдѣльныхъ словъ, мы указываемъ и на тождественные съ нашими, западно-славянскіе эпическіе обороты и выраженія:

jar tur, otnia zlata stola, váleno deň, váleno deň vterý (въ Словѣ: бишася день, бишася другый), свычая и обычая и пр.—Форма Русичи (въ двухъ мѣстахъ Русици), которую г. Куникъ напрасно считаетъ безсмысленною (*Beruf. I. 82 и II. гл. 3*), принадлежитъ языку того народа коего племена назывались Лутичи, Лютомиричи, Ветничи, Вятичи, Радимичи и т. д. (У Дюсбурга: Russici; см. гл. XII). Само собою разумѣется что языкомъ, на которомъ писано Слово, не говорили ни русскіе люди XII столѣтія, ни потомки первыхъ варяжскихъ князей; какъ духовныя лица XII вѣка выражались славянскимъ нарѣчіемъ IX-го, такъ пѣвецъ Игоревъ старыми словесами X-го и XI-го; такъ и въ наше время, Лермантовъ поддѣлывался подъ ладъ древне-русскаго сказочнаго слога, въ пѣснѣ про купца Калашникова. Слово о Полку Игоревѣ, какъ по миѳологическимъ представленіямъ, такъ и по слогу, принадлежитъ не XII-му а XI-му и даже X-му вѣку; оно даетъ намъ живое понятіе о княжескомъ языкѣ и народныхъ повѣріяхъ временъ Владимира и Ярослава.

4. Лѣтописи (изд. археогр. комм.).

А. Лаврентьевская и Троицкая лѣтописи.

Стр. 11: «бни бо ны онако учать».— Onako (Česk.), aliter, иначе.

23. «Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кіевскія».— wzdélj, wzdýlj (Česk.); wzdluž (Polsk.), вдоль.

24. «И повеле людемъ своимъ съсути могилу велику, яко соспоша, и повелѣ трызну творити».— Ssutj (Česk.), ссыпать; ssuty — ссыпаный.

28. «Изъ Угоръ сребро и комони».— см. ниже.

37. «си бо омывають оходы своя» и пр. — Ochod (Česk.), intestinum rectum, vagina uteri (Jungm.)[174]).

50. «Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа приставн тети жезльемъ». — Tjti, tětj (Česk.), бить, рубить; tjti bičem, сѣчь[175]).

«Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣнѣ, и оттолѣ прослу Перуняна рѣнь». — Reyna (Česk). aupor, лугъ, пажить.

52. «Володимеръ же приде въ товары, посла биричи по товарамъ». — Biřic (Česk. biruc, mat. verb.), proclamator, глашатай.

62. «да то ти прободемъ трѣскою черево твое тольстое». — Treska (pro trestka ex trest̆), das Rohr, камышъ. (*Jungm.* — срвн. *Погод. борьба и пр. 258, 259*).

62. «Онъ же въ немощи лежа, въ схопивъся глаголаше; о се женуть, побѣгнѣте». — Wzchopiti se (Česk.), wspiac sie (Polsk.), привстать, приподняться. Слово «женуть» см. выше.

73. «Се бо по дьяволю наученью кобь сію держать, друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ». — Kob, koba — hádánj z ptačjho letu, augurium. koba, kobjk, kubjk — corvus. (у Экс. болг. 182: Кобникъ). Zakycháti (Česk.), чихнуть; zakýchati koho, чиханьемъ помянуть. Другіе списки вмѣсто западнаго закыханіе читають «чиханью» «зачиханью» (*Лавр. тамъ же, вар. ф.*).

76. «Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янъ». — Proštěp, proštjp, proštěpec (Česk.), клещи, клещики.

114. «Поиди съ нами Берестью, яко се вабить ны Святополкъ на снемъ». (срвн. 192: «благоразумный князь Юрги призва ихъ на снемъ въ Суждаль»). — Одно изъ многозначащихъ для нашего предмета варяжскихъ словъ. То что у насъ вече, у Сербовъ сборы, у Ляховъ seym, zyem, syem (см. *Macieiowsk. Sl. Rg. I. 55. № 50 слѣд.*), то у Чеховъ снемы, snem, snemy — собраніе кметовъ, леховъ и владыкъ, подъ верховымъ началомъ великаго князя; въ послѣдствіи всякаго рода собраніе. Znem — conventus (Mat. verb.); sněm říšský, германскій Reichstag. Отсюда перешедшее и къ намъ выраженіе snjti se, сняться. «Snawse se w hromadu» (Zlob.). «Kda sě sněchu leši i wladyky u Wyšehradě» (*Ms. Krok I. c. 52 ap. Jungm.*). Въ лѣтописи: «братья вся сняшася, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ» — «и сняшася у Сакова» — «и снястася думати на Долобьскѣ» (*Лавр. 116, 117, 118*). Русское не княжеское слово: сонмъ. «бяхуть же въ то время иніи князи Русьтіи на сонмѣ въ Кыевѣ» (*Лавр. 194*). Ермоловскій списокъ ипатьевской лѣтописи читаетъ подъ 1229 г.: «Льстько убьенъ бысть, великый князь Лядьскый, на сеймѣ»; въ ипат.: «на сонмѣ».

214. «Князь Мстиславъ проѣхавъ 3-жды сквозѣ полкы княжи Юрьевы и Ярославли, сѣкучи люди, бѣ бо у него топоръ съ паворозою на руцѣ». — Пáворозъ осталось у насъ въ употребленіи и до нынѣ; такъ называется снурокъ, вдѣваемый въ отверстіе кошелька для открытія и закрытія онаго (*Акад. Слов.*). Но корень этого слова находимъ только у Чеховъ. Powraz (Mat. verb. povraz; польск. powroz) искаженное Prowaz, веревка, funis, retsis. Plachtowý

prowaz — парусный канатъ; na powrazech — funibus (*glagol. bibl. ap. Jungm. v. prowaz*).

В. Ипатьевская лѣтопись.

стр. 9. «И поѣха Ярославъ преѣхати отъ города, и бывшу ему въ увозѣ, идѣже Ляха та ловяшета его, съсунувшася въ увозъ пободоста и оскепомъ». — Oščep, Oštěp (Česk.), копье. Mat. verb. jaculum. «Oččepov lom jako rahot hroma» (*ruk. krldv. 17*). Слово oščep является въ послѣдствіи уже подъ обрусѣлою формою скепище (*Ипат. 174*).

104. «Володиславъ же замысли взяти стягъ Михалковъ, и натъче на нь прилъбицю, и собрашася и толкнуша на нѣ». — Přjlbice (Česk.), Przłybica (Polsk.), шлемъ.

125. «князь кыевьскый.... за Глѣба поя Рюриковну, а за Мьстислава Ясыню изъ Володимера Суждальского, Всеволожю свѣсть». — Swěst (Česk.), Swiecz (Polsk.), свояченица, fratria vel fratrissa. Mat. verb.: fratris uxor vel uxoris soror.

168. «и возводный мостъ и жеравець вожьгоша».—Акад. Слов. толкуетъ жеравецъ: «Столбъ на которомъ утверждается поперечина съ привязанномъ въ концѣ блокомъ или какою либо тяжестію, для поднятія другаго конца ея на случай надобности; глаголь, журавецъ». Здѣсь дѣло идетъ о кострѣ разложенномъ подъ городскими воротами; корень слова жеравецъ чешское žeřawy, žerewý— распаленный; žarowiště, pyra, rogus, lignorum constructio, in qua mortui comburuntur (Mat. verb.). Въ самомъ дѣлѣ лѣтопись прибавляетъ: «Ляхове же врата одва угасиша градьская».

185. «падшу снѣгу и серену». — Бутковъ произво-

дить слово серенъ отъ финскаго sieraun, siereyn, земля, покрытая зимою твердою корою. Но мерзлая земля падать съ неба не можетъ. Памва Берында (*у Буслаев. о вл. Христ. 22 прим.* X) толкуетъ: «Слана: серéнъ — роса змерзлаа, слотà. слань: слотà». — Sřjn (Česk.), śrzeń и śrzoń (Polsk.) gefrorner Reif, мерзлый иней (*Jungm.*).

С. Новгородская лѣтопись.

стр. 4. «единъ отъ дьякъ зараженъ бысть отъ грома». — Zarasiti (Česk.), забить, убить. Howado k oběti zarasiti — mactare victimam (*Řes. ap. Jungm.*).

6. «И бысть встань велика въ людьхъ». — Wstánj (Česk.), возстаніе. У Экс. болг. 50: встань — *ἀνάστασις*, возстаніе изъ мертвыхъ.

7. «Въ то же лѣто стрѣлиша князя милостьници Всеволожи, нъ живъ бысть» (срвн. 16. «Убиша Володимири князя Андрея свои милостьници»). — Milostnjk (Česk.), любимецъ. «Cjsařů služebnjk, geho weliký milostnjk» (*Lom. kanc. 236 ap. Jungm.*).

19. «и паде головъ о стѣ къметьства». — Kmetstwj и kmetstwo (Česk.) staw neb řád kmetský, senatoria dignitas. О словѣ кметъ см. выше.

35. «и погорѣ до удьнія все поль, не остася ни хорома». — Udněnj, (Česk.), разсвѣтъ. «na udněnj, diluculo» (*Job. 38, 10. Glag.*).

36. «и бысть заутра пусти князь Матея, учювъ гълку и мятежь въ городѣ». — Hluk (Česk.), шумъ, сборище. Hluk činiti — шумѣть; od hluku — de turba (*Mar. 7. 33. ap. Jungm.*).

37. «нъ зряху перезора». — Přezor (Česk.), осмотръ.

38. «и възвади вeсь городъ» — Wzwáděti (Česk.), взвести, возбудить.

45. «и ради быхомъ небози». — Напрасно сомнѣваются новые издатели новгородской лѣтописи въ тождествѣ по смыслу этого слова, съ русскимъ убогій. Nebožák, nebože (Česk.), бѣдняжка; niebože, niebožatko (Polsk.), бѣдное дитя. «Ach, ach, bieda mnie nebohu» (*Dalim. 61*). «...dajte, nebožatka, dajte striebro, zlato, zbožice» (*Ben. Herm. 12*). Jaz neboščiek túžiu po tobě lěpá (*P. pod. Vyšehr. 66*).

Любопытное варяго-русское слово сохранилось случайно у Льва Діакона. Въ описаніи войны Святослава съ Греками, онъ говоритъ что русскій князь собралъ боярскій совѣтъ — βουλὴν τῶν ἀρίστων —, называемый на русскомъ языкѣ коментосъ. «ἣν καὶ κομέντον τῇ σφέτερῳ διάλεκτῳ φασίν» (*Leo Diac. ed. Bonn. 150*). Κομέντος, по всѣмъ вѣроятностямъ, есть ничто иное какъ komonstwo, боярская конная свита князей у западныхъ Славянъ. «Лехи, говоритъ Палацкій, высшее чешское дворянство, любили показывать себя народу, въ полномъ блескѣ и величіи, выражая ихъ преимущественно посредствомъ многочисленной конной свиты — komonstwo» (*Gesch. v. B. I. 168*)[176]. Тоже самое было и у вендскихъ Славянъ; вліяніе и могущество поморскаго дворянства опредѣлялись количествомъ конныхъ дружинниковъ (см. *слѣд. главу*). Отсюда зашедшее къ намъ западное слово komoň («Vskoči Vojmir na svój ruči komoň» *ruk. kralodv. 32*), для означенія княжескаго коня. Святославъ говоритъ: «отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве розноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и

комони» (*Лавр. 28*). «А Изяславъ же отъ себе, и дарми многыми одариста й, и съсуды, и порты, и комонми и паволоками, и всякими дарми» (*Ипат. 57*). Въ словѣ о полку Игоревѣ: «Комони ржутъ за Сулою». Самое учрежденіе комонства держалось у насъ не долго подъ этимъ названіемъ; комонствомъ въ XII столѣтіи уже означается доблесть коня: князь Андрей Юрьевичь приказалъ похоронить своего коня на берегу Стыря «жалуя комоньства его» (*Лавр. 140*).

Только у Древанъ и у насъ существуютъ слова jeweran — иверень (осколокъ); ninka — нянька (кормилица. см. *Schafar. Sl. Alt. II. 624*).

Къ поморскому вліянію на русскій языкъ должно отнести и западно-славянскій ринизмъ, проявляющійся въ греческой транскрипціи вендо-русскихъ именъ Ἴγγωρ, Σφενδοσθλάβος Σφενδοπόλκ, Βάραγγοι; въ арабскомъ Wareng; въ русскомъ Ингорь, и т. д. Г. Куникъ (*Beruf. I. 28*) ищетъ здѣсь слѣдовъ болгарскаго вліянія; но къ Болгарамъ обращаться не за чѣмъ, когда намъ извѣстно что Венды говорили: Zuentipulcus (*Ditmar VII. 113*), Zuentifeld и Zuentina (*Ad. Brem. c. IX*), Zwantewith (*Helmold I. c. LIII*), Lonzicin (*annal. Hildesh. ad ann. 932*), Zwenticz (*Scrpt. rer. Lusat. I. 2. 248*), Zuentech, Swentz, Slaventicz (*Sommersb. 1. 816, 860, 887*) и т. д. О Древанахъ Добровскій говоритъ: «der Rhinesmus bey diesen Wenden ist oft ganz abscheulich» (*Slovanka, II. 222*). Ринизмъ преобладаетъ въ польскомъ языкѣ и донынѣ.

Мы видѣли что какъ старославянскій языкъ, такъ и древнерусскій придыханій не терпитъ. Они передаютъ

греческія ἐξάμιτος, Ὅμηρος, ὡσαννά формами: аксамитъ, Омиръ, Осана. Откудаже, вмѣсто русскихъ формъ Олегъ, Ольга, закравшіяся въ лѣтопись западныя Вольгъ, Вольга? «Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ»— «и иде Вольга по Дерьвьстѣй земли» «ажь вязить у Волговичь» (*Лавр. 23, 25. Ипат. 148*). Лужицкіе Венды говорятъ до сихъ поръ wobaj (оба), wohen (огонь), woko (око), wokno (окно), worač (орать), worech (орѣхъ) и т. д.; у Древанъ, по Генигу, widginn (огонь), watgi (око), wakni (окно), wrěch (орѣхъ). Не сохранилась ли для варяжскихъ князей на Руси, древнѣйшая, варяжская форма ихъ имени, какъ у германскихъ лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ древнѣйшія формы Hludowicus, Hlotharius (*annal. Bertin. ad. ann. 831, 849*), при латинизированныхъ Ludovicus, Lotharius?

Замѣчательно что изо всѣхъ славянскихъ языковъ, только русскому свойственно одновременное и безразличное употребленіе формъ изъ и вы, раз и роз. Извѣстно что нарѣчія восточной отрасли отличаются формами изъ и раз; западной—формами вы и роз (см. *Ганка, начала священн. яз. Славянъ*).

Въ литературномъ языкѣ западное вліяніе держится долѣе чѣмъ въ юридическомъ; между тѣмъ и здѣсь оно уже примѣтно слабѣетъ со второй половины XII столѣтія. Слово о Полку Игоревѣ, писанное архаическимъ слогомъ, исключеніе. Начиная съ первой четверти XIII столѣтія т. е. около эпохи нашествія Татаръ, это вліяніе прекращается совершенно. Въ сказаніи о нашествіи Батыя на русскую землю, въ современныхъ лѣтописяхъ и грамотахъ, въ ска-

занія о Мамаевомъ побоищѣ, почти уже нѣтъ западныхъ оборотовъ и словъ; а изъ оставшихся отъ прежняго времени, многіе или измѣнили свое значеніе, или возвратились къ первобытному русскому; таковы: уборъ, заразити, трудный, ткнуть и уткнуть, пасти, мутный и пр.

Къ какимъ заключеніямъ ведетъ совокупность представленныхъ нами лингвистическихъ особенностей? Если варяги Норманны, откуда въ русскомъ языкѣ, въ русскомъ правѣ западное славянское начало? Принять ли что эти мнимо-западныя слова были исконною, незапамятною принадлежностію древне-русскаго языка? Но въ такомъ случаѣ, почему изчезаютъ они въ XIII вѣкѣ? Почему изчезаютъ именно тѣ, которыя живутъ и донынѣ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ? Почему почти каждое изъ нихъ имѣетъ современную, соотвѣтствующую ему русскую форму? Такъ: пискупъ и епископъ, войскій и войсковой, запа и спанье, чили и или, кихать и чихать, мычети и метати, онако и иначе, ссути и ссыпати, снемъ и сонмъ. Почему гадательное объясненіе этихъ словъ изъ русскихъ источниковъ, привело и Карамзина, и Каченовскаго, и Калайдовича, и Буткова къ однѣмъ только ошибкамъ? (срвн. слова: смилное, на костѣхъ, воискии, олекъ, запа, вымолъ, пасти, смага и пр.). Безъ пособія западныхъ славянскихъ нарѣчій, памятники древнерусскаго права и письменности, отъ X до XII столѣтія необъяснимы; отъ чего же не требуется познанія русскаго языка для уразумѣнія чешскихъ поэмъ краледворской рукописи?

Быть можетъ присутствіе на Руси западнаго начала объясняется изъ раннихъ ея сношеній съ Польшею, изъ

сліянія ляшскихъ племенъ (Радимичей и Вятичей) съ словенорусскими?

Характеръ нашихъ сношеній съ Польшею въ первые два вѣка нашей исторіи не таковъ чтобы допустить возможность подобнаго вліянія польскихъ обычаевъ и польскаго языка, на русскій языкъ и русское общество [177]). Тѣснѣйшія сношенія южной Руси съ Польшею начинаются со времени политическаго развитія галицкаго княжества, около половины XII столѣтія, т. е. именно съ той эпохи когда вліяніе западныхъ нарѣчій на русское изчезаетъ; волынскія и галицкія лѣтописи, начинающіяся 1200 годомъ, не содержатъ почти вовсе западныхъ словъ; въ государственныхъ актахъ не встрѣчаются они ужъ и прежде. Еще труднѣе предположить вліяніе на Русь забредшихъ въ нее польскихъ племенъ, Вятичей и Радимичей, или покоренныхъ Владиміромъ червенскихъ земель; такому вліянію слѣдовало бы обнаружиться въ произведеніяхъ народнаго духа, въ пѣсняхъ, а не въ документахъ юристики и литературы. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, вошедшія въ русскій языкъ западныя слова не могли бы выйти изъ народнаго употребленія; ихъ добровольное воспріятіе отъ сосѣднихъ или покоренныхъ ляшскихъ племенъ, свидѣтельствовало бы о необходимости, по крайней мѣрѣ объ удобствѣ подобнаго займа, въ слѣдствіе потребностей языка и народа. Иноземныя слова, внесенныя завоевателями въ языкъ покореннаго племени не изчезаютъ; не изчезаютъ и занятыя отъ покоренныхъ племенъ; не изчезаютъ и введенныя въ употребленіе внѣшними случайностями развивающагося народнаго образованія. Примѣровъ

находимъ довольно въ составѣ романскихъ и англійскаго языковъ; въ германскихъ словахъ вошедшихъ въ итальянскій языкъ; въ германскихъ, французскихъ и англійскихъ, получившихъ право гражданства въ русскомъ языкѣ, послѣ Петра великаго. Ни одинъ изъ этихъ примѣровъ не можетъ быть примѣненъ къ настоящему случаю. Какъ водвореніе на Руси варяжскихъ князей, такъ и вліяніе варяжскаго начала на Русь имѣло характеръ преимущественно династическій; бо́льшая часть приведенныхъ нами понятій и словъ принадлежитъ не народу, а князьямъ и дружинѣ; они могли держаться только покуда сохранилась память о варяжскомъ, не-русскомъ происхожденіи владѣтельнаго рода.

Составленіе древнѣйшей новгородской лѣтописи восходитъ не далѣе XIII — XIV столѣтія; сверхъ того, первыя пятнадцать тетрадей, въ которыхъ заключалась лѣтопись Нестора, утрачены; этимъ объясняется незначительное количество дошедшихъ до насъ въ синодальной харатейной рукописи, западно-славянскихъ словъ. Между тѣмъ, мы имѣемъ доказательства что, въ формахъ своего нарѣчія, Новгородъ хранилъ болѣе Кіева, печать лингвистическаго вліянія варяговъ. Извѣстія о Руси, внесенныя Константиномъ багрянороднымъ въ книгу de administrando imperio, вышли, какъ увидимъ (*гл.* XX), изъ Новгорода; отсюда встрѣчающіяся у него западно-славянскія prah вмѣсто порогъ; wlnny вмѣсто волнистый и т. д. Въ первой новгородской лѣтописи, подъ 1058 г., Годлядь вмѣсто Голядь; такъ, въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ sadlo, modlitba, Dudlebi — вмѣсто русскихъ сало, молитва,

Дулѣбы. Слово бискупъ вмѣсто епископъ, употребляемое на югѣ подъ формою пискупъ, только въ письменныхъ памятникахъ, является народнымъ названіемъ новгородской бискоупли улицы. Русское выраженіе «срубить городъ» встрѣчается въ новгородской лѣтописи подъ западною формою «чинить городъ». «И начаша чинити городъ на Наровѣ» (*перв. нов. л. 56*). У Далимиля: «Chtiecé svéi řéci užiti, Jechu sie hrada činiti» (*16. 351*). Вмѣсто южнаго (малороссійскаго и польскаго) названія червецъ для Іюня мѣсяца (*Карамз. I. 71. прим. 159 и 529*), новгородцы употребляли западное Исокъ (Yzok = Majus, tertius mensis. Mat. Verb.). Къ варяжскому вліянію отношу я и форму Ильмень вмѣсто древне-русской Илмеръ (Halmyris?); Ильменью называлась одна изъ рѣкъ протекавшихъ по вендской землѣ: «inter fluvios Salam, et Unstrod et Ilmena» var. Ilmina (*Chron. Episcop. Merseburg. ap. Pertz, XII. p. 165*). Наконецъ, новгородское нарѣчіе являетъ одинъ изъ главныхъ признаковъ, отличающихъ по мнѣнію лингвистовъ (см. *Ганка, начало св. яз. Слав. 3*), западныя нарѣчія отъ восточныхъ, а именно употребленіе *ц* вмѣсто *ч* и *щ*. Такъ въ новгородской лѣтописи: Церниговъ, луце, церезъ, Свеневицъ, Твердятицъ и пр.

Мы указали уже выше на вѣроятность варяжскаго (вендскаго) поселенія въ новгородской области, еще за долго до Рюрика. Сѣверное преданіе сохранило память о Валитѣ — Варентѣ (Лутичѣ-варягѣ), новгородскомъ поселенцѣ и данникѣ, въ эпоху доисторическую; другое преданіе знаетъ о незапамятномъ поселеніи Вендовъ на берегахъ рѣки Wyndo въ Курляндіи (*Henr. L. ap. Pertz. XXIII.*

257); Dicuil писавшій de mensura orbis около 825 года, полагаетъ Вендовъ на чюдскомъ берегу балтійскаго моря (*Letronne, rech. sur Dicuil. 22*). Нельзя, разумѣется, придавать особаго значенія этимъ сказаніямъ; въ связи съ тѣмъ что намъ извѣстно о славянскихъ поселеніяхъ въ Германіи, Батавіи и т. д. (*Schaf. Sl. Alt. II. 568 ff.*), они свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, о колонизаціонномъ духѣ полабскаго племени. Болѣе положительные слѣды варяжскаго поселенія въ Новгородѣ, представляетъ его собственный историческій бытъ; западно-славянскимъ началомъ проникнута вся домашняя новгородская жизнь. Новгородскія мѣстности носятъ западныя названія: Волотово, Прусская улица, Боркова, бискупля, Иворова. Боркова улица указываетъ на знаменитый и древнѣйшій въ Поморіи родъ Борковъ. Концы въ Новгородѣ вѣроятно тоже что Штетинскія Кончины. «Erant autem in civitate Stetinensi Continae quatuor» etc. (*Scrpt. rer. ep. Bamberg. I. 680*). Этѣ Кончины (особый родъ храмовъ) имѣли каждая свое вече, conciliabula et conventus, какъ безъ сомнѣнія и концы въ Новгородѣ[178]). Въ первой новгородской лѣтописи находимъ намекъ и на позднѣйшее знакомство Новгорода съ Штетиною. «Томъ же лѣтѣ (1165), поставиша церковь святые Троиця Шетициници (вар. Шетеничи), а другую на Городищи Святаго Николы князь Святославъ». Карамзинъ (*II. прим. 415*) принимаетъ слово Шетициници въ смыслѣ прилагательномъ и читаетъ «Троицы Шетициницы»; но значенія этого слова не даетъ[179]). Да и кто же «поставиша церковь святые Троиця»? Единственнымъ правильнымъ чтеніемъ я полагаю

варіантъ Шетеничи (Щетеничи) т. е. обитатели города Штетени (Штетень, отъ Štět — щеть, щетина; въ Книтлинга-сагѣ § 125: Burstaborga). Извѣстно что въ христіанскомъ Богѣ, Штетинцы преимущественно видѣли и ненавидѣли бога нѣмецкаго «Teutonicum deum»; не разъ отлагались они отъ христіанства изъ отвращенія къ своимъ германскимъ и польскимъ преслѣдователямъ; удивительно ли что иные изъ нихъ обратились за христіанскимъ ученіемъ, къ своимъ новгородскимъ родичамъ? На подобное принятіе въ Новгородѣ православнаго исповѣдованія Вендами, указываетъ и другое мѣсто лѣтописи: «въ тоже лѣто (1156) поставиша заморьстіи церковь святыя Пятницѣ, на Търговищи» (*перв. нов. л. 12*). Что дѣло идетъ не о латинской, а о православной церкви уже видно, какъ изъ ея посвященія Преп. Параскевѣ (Пятницѣ), греческой, но не латинской святой, такъ и изъ приводимаго по этому случаю объясненія третьей новгородской лѣтописи: Въ лѣто 6664. Заложиша церковь каменную, въ Великомъ Новѣградѣ, въ Торгу заморскіе купцы, святыя Пятницы; а совершена бысть въ лѣто 6853, при Василіи архіепископѣ, что порушилась въ великій пожаръ, повелѣніемъ рабъ божіихъ Андрея сына тысяцкого и Павла Петровича» (*Нов. тр. л. 215*). Подъ этими заморскими купцами, кажется трудно разумѣть кого либо другаго кромѣ поморскихъ гостей[180]). «Имя Новгорода, говоритъ г. Котляревскій (*Древн. и ист. Пом. Слав. 142*), становится совершенно понятно, когда вспомнить о Старьградѣ (даже не одномъ, а двухъ), находившемся на балтійскомъ Поморьѣ; имя Славно кажется противнемъ такаго же балтійскаго

Славна (slauna, slauene); характеръ новгородской вольницы и торговой знати точно тотъ же, что и поморской; характеръ вѣча (*cf. Thietm. Chr. VI. 18*), вѣчеваго устройства и вѣчевой степени сходенъ до подробностей; одинаково и устройство княжьяго двора».

У насъ отвергали вѣроятность призванія князей изъ Поморія, на томъ основаніи что у Нестора вмѣсто Святовита и Триглава, поставлены Перунъ, Волосъ и т. д. (*Бутковъ у Погод. Изслѣд. II. 197*). При племенномъ значеніи бóльшей части славянскихъ божествъ, очевидно что многія изъ нихъ разнились между собою только названіями; Святовитъ — Триглавъ — Бѣлбогъ — Перунъ были прироками одного и того же верховнаго бога Сварога, какъ прирокомъ германскаго Zio былъ Ir. Варяжскіе князья на Руси поклонялись Святовиту въ Сварогѣ—Перунѣ, какъ въ Римѣ аѳинскій Грекъ поклонялся Аѳинѣ въ Минервѣ, Афродитѣ въ Венерѣ. Замѣнить своими вендскими племенными названіями народныя русскія названія боговъ (если даже и допустить что внѣ Арконы Святовитъ, внѣ Ретры Радегастъ имѣли общеславянское значеніе и смыслъ), значило принести на Русь сѣмя новыхъ, безконечныхъ раздоровъ; возобновить, въ бóльшемъ размѣрѣ, кровавые безпорядки вынудившіе призваніе; ибо нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ прочихъ славянскихъ земляхъ, такъ и у насъ, княжескія усобицы и вражда племенъ имѣли и религіозное основаніе. Первымъ условіемъ призванія, со стороны словено-русскихъ племенъ, была конечно неприкосновенность ихъ языческаго богослуженія; Новгородцы хотѣли князей, которые бы ихъ судили по русскому праву;

и мы видимъ что Олегъ и мужи его клянутся по русскому закону, Перуномъ и Волосомъ. Не должно забывать и того, что извѣстія о язычествѣ прибалтійскихъ Славянъ — Дитмара, Адама, Гельмольда, Саксона и другихъ, относятся не къ IX, а къ XI и XII столѣтіямъ т. е. къ эпохѣ сильнѣйшаго искуственнаго развитія идолопоклоненія въ вендской землѣ: «invaluitque in diebus illis per universam Slaviam. multiplex idolorum cultura, errorque superstitionum» (*Helmold I. cap. 53*)[181]). Мы не можемъ требовать отъ варяговъ-язычниковъ IX-го и X столѣтій, перенесенія на Русь обрядовъ, суевѣрій а, быть можетъ, и названій боговъ XII-го.

Начальная лѣтопись сохранила память о фактѣ, уже не разъ обращавшемъ на себя вниманіе изслѣдователей; а именно о переворотѣ произшедшемъ въ русскомъ язычествѣ, въ первые годы княженія Владимира. Г. Соловьевъ (*Отнош. 52*) толкуетъ поведеніе Владимира въ эти первые годы, торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; объясненіе представляющее всѣ признаки исторической вѣроятности[182]). Но проявленіе этого торжества, постановленіе новыхъ кумировъ на холму въ Кіевѣ, идола Перунова въ Новгородѣ, едвали не окажется прямымъ слѣдствіемъ трехгодичнаго пребыванія Владимира, въ землѣ варяжской т. е. въ балтійскомъ поморіи. Изъ приводимыхъ Несторомъ славянскихъ божествъ, по крайней мѣрѣ Дажьбогъ являетъ положительные слѣды вендскаго происхожденія. О значеніи Дажьбога въ славянской миѳологіи, свидѣтельствуетъ внесенный въ ипатьевскую лѣтопись изъ болгарскаго переводнаго хронографа отрывокъ, въ которомъ

эллиноегипетскія божества объясняются славянскими, имъ соотвѣтствующими языческими названіями боговъ. Болгарскій хронографъ переводитъ изъ Іоанна Малалы; основою извѣстіямъ оригинала служатъ, по обыкновенію, Евсевій и Манеѳонъ. Местремъ у Малалы: Μεστραΐμ; Ермія — Ἑρμῆς; Феостъ — Сварогъ — Ἥφαιστος; сынъ его Солнце — Дажьбогъ — Ἥλιος [183]). Сварогъ отвѣчаетъ стало быть египетскому Фта (Ἥφαιστος); Солнце—Дажьбогъ — Сварожичь — Геліосу, сыну Фта и Изиды. Съ другой стороны, мы читаемъ въ Словѣ Христолюбца: «и огневи молятся, зовутъ его сварожіцем.... и огневи молятся подъ овин (о) м». (Сварогъ (индійское Svar; см. *Kollar, Sl. Boh. 37, 303*) богъ свѣта, Свѣтовитъ (Святовитъ); его дѣти Солнце-Дажьбогъ и Огонь. Теперь, нашъ Дажьбогъ-Сварожичь является у Вендовъ подъ формою Zuarasici: «Quorum (deorum) primus Zuarasici dicitur et prae ceteris a cunctis gentilibus honoratur et colitur» (*Ditmar VI. 65*) [184]). Но этотъ Сварожичь (Zuarasici) тождественъ съ Радегастомъ; по Дитмару, Сварожичь былъ главнымъ божествомъ города Радгоща, Redigost, Ретры; по Гельмольду (*I cap. 2*) главнымъ божествомъ города Ретры, былъ Redegast. Очевидно Радогость, и Дажьбогъ прироки одного и того же божества, выражающіе, быть можетъ, одно и то же понятіе о гостепріимствѣ. Неизвѣстный Нестору и въ русской миѳологіи незнаемый Сварогъ, тотъ же вендскій Перунъ, сокрытый въ Арконѣ подъ прирокомъ Святовита; Дажьбогъ, занесенный Владиміромъ изъ оботритской земли въ русскую, тотъ же Zuarasici — Сварожичь — Радегастъ.

На западное происхожденіе Дажьбога указываетъ и первобытная форма его имени. Лаврентьевская и ипатьевская лѣтописи читаютъ: Дажьбогъ. Но въ Словѣ о Полку Игоревѣ, сохранившемъ древнѣйшія преданія вендскаго края, удержана западная форма Даждьбогъ, проявляющаяся и въ названіи Мазовецкаго урочища Dadzibogi у Ходаковскаго (*Погод. Изсл. II. 412*). Въ этомъ Словѣ варяжскіе Князья являются внуками, не русскаго Перуна, а западнаго Радогостя-Даждьбога. «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась». — «въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука». Какъ гомеровскіе цари отъ Зевса, какъ скандинавскіе богатыри отъ Одина и Ньорда (см. *Grimm, D. M. 358*), такъ варяжскіе князья ведутъ свою родословную отъ Ратарскаго Сварожича; какъ Владимиръ внукъ Даждьбога, а не Перуна, такъ и Боянъ внукъ не русскаго Волоса, а западнаго Велеса. «чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче». Veless-pan (*Mat. Verb.*). Мы видѣли какъ въ XII вѣкѣ св. Авраамій ниспровергнулъ въ Ростовѣ идолъ Велеса; не забудемъ что о Ростовѣ лѣтопись говоритъ: «и по тѣмъ городамъ суть находници Варязи: а первіе насельници.... въ Ростовѣ Меря» и пр.[185]).

Не одними названіями боговъ, приведенное мѣсто лѣтописи замѣчательно и извѣстіемъ о постановленіи въ Кіевѣ и Новгородѣ новыхъ кумировъ. Что у насъ были кумиры и до Владимира, намъ извѣстно по лѣтописи и изъ Ибнъ-Фоцлана; но сохранившееся и до Несторовыхъ временъ преданіе о невиданномъ дотолѣ великолѣпіи Перу-

нова идола («постави.... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ»), напоминаетъ объ изваяніяхъ вендскихъ боговъ у Масуди, Дитмара, Сефрида, Саксона грамматика и другихъ. Какъ у нашего Перуна серебряная, такъ у вендскаго Сатурна голова золотая (*Charmoy, relat. de Mas. 320*); идолъ Черноглава въ Книтлинга Сагѣ является «Argenteo mystace insignis»; у нашего Перуна «усъ златъ». Не наводитъ ли это на мысль что Владиміръ вывезъ изъ Поморія или готовыя уже изображенія боговъ, или по крайней мѣрѣ вендскихъ художниковъ? [186]).

О присутствіи вендскаго начала въ нашемъ идолопоклоненіи свидѣтельствуетъ и другое любопытное обстоятельство. Въ исторіи изящныхъ искуствъ Аженкура (*Storia dell 'arte D'Agincourt, Prato, 1829. VI. 380. Atl. tav. CXX*), приводится русская икона (XIV вѣка?), на которой между прочимъ изображены, подъ видомъ попираемыхъ крестомъ и изгоняемыхъ въ преисподнюю демоновъ, древнеславянскія, вендскія божества, въ чемъ меня преимущественно убѣждаетъ сходство иконы съ описаніемъ Поренутова идола у Саксона Грамматика: «Haec statua, quatuor facies repraesentans, quintam pectori insertam habebat, cujus frontem laeva, mentum dextera tangebat» (*Saxo Gramm. XIV. 843*). Поликефализмъ — отличительный знакъ вендскихъ идоловъ; о включеніи въ грудь или чрево идола добавочной головы (какъ у двухъ изъ изображенныхъ на нашей иконѣ демоновъ), мнѣ неизвѣстно никакое другое свидѣтельство, кромѣ Саксонова о Поренутѣ [187]). Собачья фигура должно быть Чернобогъ (срвн. *Hanusch, 187*). Помѣщенную надъ рисункомъ у Аженкура

сэдроузї·исилѫ
момпоѣвѣ г҇нетѣ
понѣѹкодреѧ
маулавѣврще
мариаїѕвѣтоли
ема

надпись, какой то Mickiewicz перевелъ безъ смысла: «O amici: et fortitudo mea adjuvabit me, uti lingo vulnerabit Dei genitrix Maria intemerata». Сатана, подъ видомъ языческаго бога взываетъ къ своимъ демонамъ: «О друзи и сила моя, подвѣгнетесь по мнѣ, яко древомъ мя уязвѣ въ сердце Мария изъ Вѳлиема». Какимъ путемъ, если не варяжскимъ, могло перейти на Русь, однимъ только Вендамъ извѣстное изображеніе языческихъ идоловъ? И не доказываетъ ли сохранившаяся до XIV столѣтія память объ этомъ не русскомъ языческомъ представленіи, что дѣло идетъ здѣсь о фактѣ когда то сильно взволновавшемъ народное воображеніе?[188]).

Изъ Поморія же перешло къ намъ и выраженіе дынить, дѣлать дыню, которымъ означалась у западныхъ Славянъ, обрядная пляска совершаемая надъ могилою усопшихъ. Въ житіи св. Константина муромскаго читаемъ: «Невѣрніи людіе видяще сія, дивляху ся, еже не по ихъ обычаю погребеніе творять, яко погребаему благовѣрному Князю Михаилу въ знакъ на востокъ лицемъ, а могилы холмомъ не сыпаху, но ровно со землею; ни тризнища, ни дыни не дѣяху, ни битвы, ни кожи кроенія не творяху, ни лица дранія» (*у Солов. ист. Росс. I. прим. 72*). Dyna, польскій припѣвъ въ родѣ нашихъ гой, люли и т. д.; dynać — плясать; dynda — качели; dyndać, dyndati — качаться (*Linde*, *Jungm.*).

Олегъ говоритъ о Кіевѣ: «се буди мати градомъ Рускимъ» (*Лавр. 10*). Это не русское выраженіе; оно не встрѣчается болѣе въ лѣтописи и въ исторіи; оно неизвѣстно въ простонародіи, въ пѣсняхъ. Народъ называетъ

Москву матушкою, но не матерью городовъ; этимъ названіемъ не отличаются на Руси ни великій Новгородъ, ни древніе Ростовъ, Суздаль и пр. Къ тому же нельзя допустить чтобы это названіе было дано въ первые, городу носившему, подобно Кіеву, имя мужскаго рода. По всей вѣроятности, варяжскіе князья перенесли на свой русскій стольный городъ, то прозвище которымъ знаменитая Штетень славилась у Поморскихъ Славянъ: «hanc enim civitatem antiquissimam et nobilissimam dicebant in terra Pomeranorum, matremque civitatum» (*Hist. Anonym. de Vita S. Otton. in Scrpt. rer. ep. Bamberg. I. 673*).

Въ спискахъ лѣтописи древняго текста, кромѣ лаврентьевскаго, читаемъ: «и придоша къ Словѣномъ первѣе (пръвое), и срубиша городъ Ладогу (Лагоду) и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ (Ладогѣ) Рюрикъ» (*Ипат. Хлѣбн. въ Лавр. 8. прим. аа*). Выраженіе срубиша городъ обыкновенно принимаютъ въ смыслѣ: пристроили крѣпость, острогъ. (*Lelewel у Погод. Изслѣд. III. 51*). Допуская возможность этого толкованія въ другихъ случаяхъ, я не могу принять его здѣсь, потому что имя, а слѣдовательно и построеніе Ладоги, варяжская принадлежность.

Настоящимъ древнѣйшимъ названіемъ ладожскаго озера было Нево; такъ называется оно и у Нестора: «изъ него же озера (Илмеря) потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево» (*Лавр. 3*). Въ книгѣ большаго Чертежа: «а корѣльское озеро пало въ озеро Нево, а Ладожское озеро тожь» (*177.* срвн. *178*, *184 — 186*). Теперь откуда два названія для ладожскаго озера? откуда для озера Нево новое имя ладожскаго?

Имя озера Нево и рѣки Невы производятъ отъ финскаго Newa—топь, болото (*Renvall. Lex. l. finn. II. 9.— Савельевъ, Мухам. Нум. CLX. прим. 294*); имя Ладога отъ финскаго Altokas, волнистое (*Sjögren, mém. 6 Série. II. 227, 228. № 143*). Савельевъ думаетъ что финское имя Нево перенесено на озеро новгородскими Славянами, потому что Финны не могли же назвать озера «болотомъ». Но если отъ болотистыхъ береговъ Невы, Финны могли прозвать ее Newa — топь, болота, то по какой причинѣ не допустить того же названія и для озера? Находимъ же мы въ Панноніи извѣстное Блатное озеро (Blatno, Platten-See), соотвѣтствующее по значенію финскому Newa; городъ Мосбургъ, лежащій при впаденіи Салы въ блатенское озеро, именуется Urbs Paludarum (*Annal. Fuld. ad. ann. 896*); древнее Labeatis (озеро въ Далмаціи у Лив. Страб. Плин. Птолем.) нынѣ Crnogorsko Blato и т. д. Дѣло въ томъ что двухъ финскихъ названій для одного и того же озера принять невозможно; еще менѣе одно финское Altokas, данное Финнами; другое финское же Newa, Нево — Славянами. Да и когда же и въ слѣдствіе какихъ причинъ послѣдовало это измѣненіе именъ? По мнѣнію Шегрена и Савельева озеро Нево именовалось ладожскимъ еще до Рюрика, ибо отсюда имя Ладоги для города въ которомъ онъ поселился. Откуда же у Нестора имя Нево? Почему держится оно и въ послѣдствіи т. е. еще и въ XVII вѣкѣ при названіи ладожскаго? Вѣроятно Шегренъ не впалъ бы въ смѣшную ошибку, если бы зналъ что имя Ладоги для озера, отъ роду не существовало и есть ничто иное какъ переводъ съ нѣмецкаго der Ladoga-See; русское же названіе

озера Нево, отъ Нестора до нашихъ дней, всегда и безъ исключенія является подъ прилагательною формою «ладожское озеро», отъ построеннаго на его берегу города Ладоги [189]). Этимъ объясняется совершенно естественно двойное названіе ладожскаго озера; и адріатическое море слыветъ подъ названіемъ венеціанскаго залива, Golfo di Venezia. Излишнимъ считаю доказывать что имя города Ладоги не отъ финскаго Altokas; волнистые города неизвѣстны въ географической номенклатурѣ народовъ.

Нево финское; ладожское — славянское имя ладожскаго озера. По прибытіи въ землю новгородскихъ Славянъ, Рюрикъ выстроилъ или срубилъ на южномъ берегу озера Нево, городъ Ладогу — Лагоду (см. *Лавр. 8. прим. аа. вар. хлѣбн. сп.*) т. е. увеселеніе, voluptas (Lahoda, Česk. любезность; łagodny, Polsk. любезный; лагодить — тѣшить, и въ Поученіи Мономаха), названіе соотвѣтствующее по смыслу славянскимъ: Любечь, Любно, Тѣшень, Potech и т. д. Перестановка согласныхъ въ формахъ Ладога — Lahoda (не говоря уже о варіантѣ Лагода хлѣбниковскаго списка) явленіе обыкновенное, какъ у вендскихъ Славянъ (срвн. вендскія Belgard, Stargard, Derwan, worná, — вмѣсто Belhrad, Starhrad, Drewan, wrana, *Schafar. Sl. Alt. II. 616*), такъ и у насъ.

X.

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЯ ОСОБЕННОСТИ ВАРЯЖСКИХЪ (ВЕНДСКИХЪ) КНЯЗЕЙ И ДРУЖИННИКОВЪ.

Какъ въ занесенныхъ къ намъ съ балтійскаго поморія вендскихъ словахъ, учрежденіяхъ, формахъ язычества и т. д., мы находимъ доказательства западно-славянскому происхожденію варяжскихъ князей; такъ изъ дошедшихъ до насъ общеславянскихъ особенностей ихъ быта, мы заключаемъ о невозможности ихъ не-славянскаго происхожденія. Избѣгая повторенія уже всѣмъ извѣстныхъ доказательствъ, я только для памяти указываю на совершенное тождество княжескаго родоваго начала у насъ и у прочихъ славянскихъ народовъ; на поклоненіе Олега, Игоря, Святослава — Перуну и Волосу, по русскому закону; на постановленіе Владиміромъ славянскихъ идоловъ въ Кіевѣ и т. д. Только для памяти повторяю, что мнимо-норманское начало не оставило у насъ ни одного слѣда ни въ языкѣ, ни въ религіи, ни въ правѣ, ни въ обычаяхъ. Оспоривать общія мѣста на которыхъ, за недостаткомъ болѣе существенныхъ доказательствъ, норманская школа утверждаетъ

свое мнѣніе о скандинавизмѣ варяжской Руси, я не буду; всякій пойметъ что если на примѣры воинственности, сластолюбія, гордости, мстительности и т. п. у Норманновъ и русскихъ князей, я не отвѣчаю сотнями подобныхъ примѣровъ изъ прочихъ славянскихъ исторій, я это дѣлаю не по недостаку матеріаловъ, а потому что одна только частная характеристика вяряжскихъ князей, можетъ вести насъ къ опредѣленію ихъ народности.

Изъ мало изслѣдованныхъ до сихъ поръ общеславянскихъ частностей домашняго быта варяжскихъ князей, особенно замѣчательны слѣдующія:

Бритье головы и бороды. — Левъ Діаконъ описываетъ слѣдующимъ образомъ наружность Святослава: ἐψιλωμένος τὸν πώγωνα, τῷ ἄνωθεν χείλει δασείαις καὶ ἐις μῆκος καθειμέναις θριξί κομῶν περιττῶς· τὴν δὲ κεφαλὴν πάνυ ἐψίλωτο· παρὰ δε θάτερον μέρος αὐτῆς βόστρυχος ἀπῃώρητο, τὴν τοῦ γένους ἐμφαίνων εὐγένειαν (*Leo Diac. ed. Bonn. 156*). Боннскій переводъ невѣренъ: «barba rara, praeter labrum superius, densis et in longitudinem promissis capillis bene pilosum. Capite item erat admodum glaber, nisi quod ad utrumque latus cincinnus dependebat, nobilitatem generis declarans». ψιλόω — attenuo, nudo, privo; deglabro, depilo: ψιλοῦμαι — glabresco; ἐψιλώμενος — nudatus (*Gloss. vet.*). Слѣдовательно ἐψιλώμενος τὸν πώγωνα не значитъ что у Святослава борода была рѣдкая, barba rara, а бритая; онъ же самъ безбородый, nudatus barba. — θάτερον μέρος переведено utrumque latus. θάτερος, θάτερον — alteruter, alterutrum; одинѣ, одно изъ двухъ; ἐπὶ θατερὰ — in diversum, in alteram partem. «ὁ θάτερος

μὲν τοῖν δυοῖν Διοσκόροιν» (*Menand. ap. auctor. de barbar. 195*) — одинъ изъ двухъ Діоскуровъ. «Χρύσιππος δὲ λέγων τόν ϑάτερον τῶν Διοσκούρων, ἐσχάτως βαρβαρίζει, ὥς φησι Παυσανίας» (*Eustath. p. 1573, 60 in Thes. Gr. l. ed. Didot*, v. ϑάτερος). Неопредѣленность значенія испорченнаго греческаго ϑάτερος, допускаетъ двоякое объясненіе мѣста Льва Діакона. Слова: «παρὰ δὲ ϑάτερον μέρος αὐτῆς βόστρυχος ἀπῃώρητο» могутъ значить: ad utrumque latus capitis cincinnus dependebat и ad unum capitis latus. Карамзинъ (*I. 192*) избралъ послѣднее чтеніе, безъ сомнѣнія какъ указывающее на малороссійскій казацкій чубъ; между тѣмъ, Козьма пражскій говоритъ о знатномъ Чехѣ временъ Болеслава грознаго (*932*): «Quos ut vidit Dux buxo pallidiores prae timore, unum qui fuit primus inter seniores, apprehendens per circinnos (cincinnos) verticis, ut fortius valuit, percutiens amputauit ceû teneri papaueris caput» (*I. 13*). Здѣсь дѣло идетъ, кажется, какъ у Святослава по боннскому переводу, о раздвоенномъ чубѣ, висѣвшемъ по обѣимъ сторонамъ головы. Венгерскіе язычники носили тройные чубы: «Primus autem inter Hungaros, nomine Vatha, de castro Belus, dedicavit se daemoniis, radens caput suum, et cincinnos dimittens sibi per tres partes, ritu paganorum» (*Thwrocz ap. Schwandt. Scrpt. rer. Hung. I. 129*).

Руяне брили голову и бороду; волосы на головѣ иногда подстригали коротко. Такъ Саксонъ грамматикъ объ идолѣ Святовита въ Арконѣ: «Corrasae barbae, crines attonsi figurabantur, ut artificis industriam Rugianorum ritum in cultu capitum aemulatam putares» (*XIV. 823*).

Тоже самое объ идолѣ Святовита въ Hist. episc. Cammin: «Idolum autem erat quadriceps, humanam staturam adaequans, resecta barba et capillis, oblonga veste talari amictum» (*Scrpt. rer. ep. Bamberg. II. 509*). Мы видѣли совершенное сходство въ описаніи Перунова идола у Нестора, съ изображеніемъ кумира Черноглава въ Книтлинга Сагѣ; у одного «усъ златъ»; у другаго «mystax argenteus»; ни русская лѣтопись, ни скандинавская Сага не упоминаютъ о бородѣ и о волосахъ. Только одинъ верховный жрецъ у Руянъ, носилъ длинные волосы и бороду, противно народному обычаю: «Hujus (Svanteviti) sacerdos, praeter communem patriae ritum, barbae, comaeque prolixitate spectandus» (*Saxo Gramm. XIV. 824*). И у насъ бѣлозерскіе волхвы являются съ бородами: «Янъ же повелѣ бити я̂, и потергати брадѣ ею» (*Лавр. 76*); обстоятельство подтверждающее мнѣніе Моне о финно-литовскомъ происхожденіи арконскихъ жрецовъ (*Nord. Heid. I. 183*) [190]). Ибнъ-Гаукалъ свидѣтельствуетъ о языческомъ обычаѣ Руси брить бороду другъ другу (*Fraehn, Ibn-Fosel 266*); Димешки разсказываетъ что изъ Руссовъ одни брѣютъ себѣ бороду, другіе окрашиваютъ ее шафрано-желтымъ цвѣтомъ (*ibid. 73*); Эдриси (*Хвольс. Ибнъ-Даста, 50*), что нѣкоторые изъ Руссовъ брѣются, между тѣмъ какъ другіе отращиваютъ себѣ бороды; въ послѣднихъ (см. *гл. XIX*) мы угадываемъ или Норманновъ сокрытыхъ подъ общимъ названіемъ Руси или крещеную Русь [191]). На миніатурныхъ рисункахъ вольфенбиттельской легенды и вышеградскаго кодекса (1006 и 1129), древніе Чехи представлены съ коротко подстриженными волосами, длин-

ными усами и безъ бороды. Славяниномъ, по бритой головѣ, оказывается Саксоновъ «Sveno, superne tonsus» (*VIII. 381*), уже тождественный по имени съ славянскимъ Свеномъ (Sven ac Sambar), о которомъ упоминается въ числѣ Гаральдовыхъ спутниковъ (*ibid. 377*). Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ о славянскихъ чубахъ; носили ли ихъ одни князья у извѣстныхъ племенъ или отличались только длиною чубовъ? Дитмаръ говоритъ о Лутичахъ: «pacem abraso crine supremo et cum gramine, datisque affirmant dextris» (*VI. 65*). Изъ этихъ словъ Воцель (*Grundz. d. b. Alt. 216*) заключаетъ что Славяне имѣли обыкновеніе носить пучекъ волосъ на передней части головы; мнѣ кажется что Дитмаръ указываетъ именно на чубъ и на темя; при совершеніи клятвъ, Лутичи вѣроятно обрѣзали конечные волосы своихъ чубовъ, а быть можетъ и самые чубы, crinis supremus; слово чубъ, чуприна (польск. czub, czuprуna, чешск. čub, čuprуna) существуетъ у всѣхъ славянскихъ народовъ. На Руси стали отпускать волосы и бороду, только въ слѣдствіе принятія христіанской вѣры; такъ монахъ Адемаръ объ эпохѣ Владимира: «post paucos dies quidam Grecus episcopus in Russiam venit, et medietatem ipsius provintiae, quae adhuc idolis dedita erat, convertit, et morem Grecum in barba crescenda et ceteris exemplis eos suscipere fecit» (*Adem. hist. l. III. ap. Pertz, VI. 129. 130*). Въ договорахъ, памятникѣ языческихъ временъ, нѣтъ статьи о бородѣ; въ Правдѣ, составленной подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ обычаевъ, положено 12 гривенъ продажи за порваніе бороды: «а кто порветь бородоу, а въньметь знамение, а вылѣзуть людие,

то 12 гривенъ продажѣ; аже безъ людии, а въ поклепѣ, то нѣту продажи» (*Р. Пр. II. § 60*).

Приношеніе волосъ въ жертву богамъ было у всѣхъ народовъ обычаемъ глубокой древности; постоянное бритье головы отличительною чертою азіатскихъ религій, преимущественно фригійскаго идолопоклоненія; у Гомера (*Il. IV, 533*). Ѳракійцы названы чубоносцами, ἀκρόκομοι; Плутархъ (*Thes. V*) указываетъ на аравійское происхожденіе бритья бороды и волосъ у еввійскихъ Абантовъ. Отъ того же восточнаго источника ведутъ вѣроятно свое начало и постриги славянскія. О польскихъ пострижинахъ свидѣтельствуютъ Мартинъ Галлъ, Кадлубекъ, Длугошь и прочіе [192]); у насъ языческія постриги переходятъ (подобно другимъ древнеславянскимъ религіознымъ обычаямъ) въ соотвѣтствующій имъ христіанскій обрядъ восточной церкви, удерживая отъ первобытнаго своего значенія, сажаніе на коня и духовное свойство между постригающимъ и родственниками постригаемаго (см. *Карамз. III. прим. 143. 331.* — *Снегир. р. пр. I. 210, 211.* — *Лавр. 172, 173.*—*Ипат. 141.*—*Новг. 46*). Мацеевскій, нисколько не заботящійся объ изученіи источниковъ, силится доказать чисто христіанское (восточное) происхожденіе славянскихъ постригъ (*Ист. первоб. церкви у Слав. 175—189*); онъ не понялъ существеннаго отличія обоихъ обрядовъ; языческимъ, знаменовалось пожизненное соблюденіе народнаго обычая постриженія или бритья; христіанскій — былъ временнымъ символическимъ жертвоприношеніемъ.

Какъ славянскіе источники свидѣтельствуютъ о всеславянскомъ обычаѣ бритья или постриженія бороды и волосъ,

такъ, напротивъ, германскіе о неприкосновенности и религіозномъ значеніи той и другихъ, у всѣхъ народовъ германскаго племени. Длинные волосы были отличительнымъ знакомъ свободнаго мужа; бритая голова клеймомъ раба. Франки признавали только reges crinitos; у Григорія турскаго Клодвигъ названъ Chlodovaeus Comatus. Германскіе язычники клялись волосами и бородою (Водановой); клятва per capillos воспрещается въ Новеллахъ 77. с. 1. § 1. Скандинавскій Одинъ прозывался Harbarðr, Síðrani, (haarreich), Síðskeggr (bartreich); Торъ — краснобородымъ, rauðskeggiaðr (*Grimm*, *D. M. 134. 161*). Въ древней Эддѣ (Rigsmal) говорится о волосахъ и бородѣ свободныхъ людей, ярловъ и конунговъ. Jomsvikinga Сага сохранила преданіе о томъ, какъ осужденные на обезглавленіе норманскіе викинги заботились передъ смертію, о неприкосновенности своихъ волосъ. «mox vir juvenis producitur, magna coma et bombycis instar flava. Thorkel solitam quaestionem proponit. Ille.... hic comam a capite expeditam teneat, caputque raptim attrahat, ne coma sanguine madescat» (*Scrpt. h. Isl. XI. 139*, *140*). Обритіе головы почиталось у германскихъ и скандинавскихъ народовъ высшимъ безчестіемъ; о примѣрахъ см. у Гримма (*DRA. I. 239—241. 283 — 286. II*, *702. 703*)[193]). И теперь, на скандинавское ли происхожденіе указываетъ бритая голова Святослава? И возможно ли допустить что бы уже во второмъ поколѣніи династіи, знаменіемъ благородства норманскаго конунга (τοῦ γένους εὐγένειας), явилось то, что у Норманновъ почиталось клеймомъ позора и рабства?

Верховая ѣзда. До XII столѣтія Норманны не знали

у себя верховой ѣзды. О Датчанахъ временъ короля Николая, въ началѣ XII столѣтія, Саксонъ грамматикъ говоритъ: «nec dum enim Dani externas obequitando pugnas conficere noverant» (*Saxo Gramm. XIII. 619*). При Эрикѣ III (1137) они переняли у поморскихъ Славянъ обычай сражаться верхами; «и съ тѣхъ поръ, говоритъ Саксонъ (*XI. 661*), потомство тщательно хранило этотъ обычай». О неумѣніи ѣздить верхомъ Норманновъ IX вѣка въ Англіи и во Франціи, свидѣтельствуютъ всѣ лѣтописцы. «Irruptionibus namque creberrimis cuncta vastando circumeuntes, primo quidem pedites, eo quod equitandi peritia deesset; deinde equis vecti more nostratum per omnia vagantur» (*Willelm. Gemmet. II. c. 7. p. 219*). «Pervenit magnus paganorum exercitus in Anglorum terram, et hiberna coeperunt in Orientalibus Anglis, ibique equites facti sunt» (*Chron. Sax. ad ann. 866 p. 78*). «Hoc anno pagani transibant in Franciam, et Franci cum iis proeliati sunt; ibi autem facti sunt pagani equites» (*ibid ad ann. 881 p. 86*) [194]. Кругъ (*Forsch. II. 421. Anm.* *) и г. Куникъ (*Beruf. II. 100 ff.*) переносятъ эту особенность скандинавскихъ народовъ и на варяжскую Русь. Что какъ у прочихъ славянскихъ племенъ, такъ и у Руси простое войско сражалось пѣшимъ и не знало верховой ѣзды, явствуетъ и изъ разсказа Льва Діакона о неумѣніи Руси 972 года сражаться верхами (*Leo Diac. ed. Bonn. 134*) [195]) и изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ нашихъ лѣтописей: «и рекоша Новгородци; княже, не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши билися на Кулачскѣ пѣши; князь же Мьстиславъ радъ бысть тому. Новгородци

же, съсѣдавъше съ конь и порты съметавъше, боси сапогы съметавъше поскочиша, а Мьстиславъ поѣха за ними на конихъ» (*Новг. 34, 35*). Въ воскресенской лѣтописи и другихъ, Новгородцы отвѣчаютъ: «на конехъ не ѣдемъ» (*Карамз. III. прим. 168*). Но если простое войско сражалось пѣшимъ, то по западному, преимущественно вендскому обычаю, князья и ихъ приближенные были всегда на коняхъ. Біографъ св. Оттона разсказываетъ объ одной вендской боярынѣ въ Каменцѣ: «erat autem multam habens familiam, et non paruae auctoritatis matrona, strenue regens domum suam, et, quod in illa terra magnum videbatur, maritus ejus, dum viveret, in usum satellitii sui (дружины), triginta equos cum adscensoribus suis habere consueverat. Fortitudo enim et potentia nobilium et capitaneorum secundum copiam vel numerum aestimari solet caballorum: Fortis, inquiunt, et potens ac dives ille, tot vel tot potest habere caballos; sic que audito numero caballorum, numerus militum intelligitur» (*Anonym. de Vita S. Otton. in Scrpt. rer. ep. Bamberg. I. 668*). Здѣсь передъ нами славянская конная дружина — komonstwo. Въ 1010 году вендскій князь Мстивой предпринималъ походъ въ Италію, съ тысячью отборныхъ конниковъ (*Ad. Brem. c. 85. — Helmold I. cap. XVI*). У языческихъ Чеховъ воеводы были всегда на коняхъ: «Vskoči Vojmir na svój ruči komon» (*Čestm. a Vlasl. 32*). «Vzhóru na kone, s koni za vrahu Preže vše vlasti. Ruči koni neste Vpatáh za nimi našu krutost» — «Zábojevi voji rozehnahu še v šir, Vezdě po vlasteh hnahu luto po vrazeh; Vezdě srázehu je i stupahu koni» (*Záboi, 48, 49*).

Власта и ея дѣвки учатся ѣздить верхомъ: «dievky na koniéch iezditi obýkú» — «Vlasta na koni s oščepem v brniéch stoieše» (*Dalim. 18. 20*). Близь идола Святовита въ Арконѣ лежали его узда и сѣдло, frenum ac sella simulacri (*Saxo Gramm. XIV. 823*)[196]).

Тоже самое и у насъ. Кудесникъ предвѣщавшій Олегу смерть отъ коня, говоритъ: «княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети» (*Лавр. 16*). Собираясь взглянуть на кости умершаго коня своего, Олегъ призываетъ «старѣйшину конюхомъ», велитъ «осѣдлати конь» [197]). Игорь идетъ на Грековъ «въ лодьяхъ и на конихъ» (*тамъ же 19*); Святославъ еще ребенкомъ сражается верхомъ противъ Древлянъ: «суну копьемъ Святославъ Деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, удари въ ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ» (*тамъ же 24*). Верхами разумѣется были и его воеводы Свенгелдъ и Ясмудъ. Въ послѣдствіи онъ дѣлалъ всѣ свои походы верхомъ и спалъ съ сѣдломъ въ головахъ; отборaня дружина его именовалась комонствомъ; о ней говоритъ Свенгелдъ: «поиди, княже, на конихъ около, стоятъ бо Печенѣзи въ порозѣхъ» (*тамъ же, 31*). Олафъ Тригвасонъ научился конной ѣздѣ на Руси. «Qui ut se ac suam in artibus peritiam ostenderet, multis modis excellebat, et brevi temporis spatio omnem equestrem rationem ac disciplinam militarem, ut qui in hac arte exercenda sunt peritissimi et strenuissimi, perceperat» (*Odd. mon. hist. Ol. Trgv. f. cap. I.*). Дружина Владимира состояла изъ коней и оружія; въ словѣ о полку Игоревѣ, князья всегда на комоняхъ; мы видѣли символическое сажаніе на коня княжескихъ сыновей

при обрядѣ постригъ. Подъ Дористоломъ, Святославъ хотѣлъ посадить простое войско на коней, слѣдуя примѣру греческой конницы; попытка оказалась неудачною, ибо подобно прочимъ славянскимъ народамъ, Русь вообще т. е. масса простолюдиновъ, была пѣшесражающимся народомъ πεζομάχον ἔθνος (*Leo Diac. 140. Σκύθαι πεζέταιροι ibid. 134*). Норманны переняли отъ Франковъ, Бриттовъ и Вендовъ обычай ѣздить и сражаться на коняхъ; отъ кого же переняли этото обычай Олегъ, Игорь, Свенгелдъ, Ясмудъ, Святославъ? И какимъ образомъ не умѣющіе ѣздить у себя верхомъ Скандинавы, становятся конниками на Руси, когда и Русь такой же пѣшесражающійся народъ какъ и они сами?

Оружіе. — Главнаго скандинавскаго оружія, двуострой сѣкиры, варяжскіе князья и ихъ приближенные не знали. Извѣстно какое значеніе имѣли у Скандинавовъ ихъ «öxe, öxi mikla, öxina (*Krug, Forsch. II. 510*). Какъ Арабы своимъ конямъ, такъ Норманны вели родословныя своимъ сѣкирамъ; Гаконъ снаряжаетъ призракъ Торгарда сѣкирою нѣкогда принадлежавшею Гергію (*hist. Ol. Trgv. f. cap. 6*); Магнусъ былъ вооруженъ сѣкирою отца своего Олафа святаго, прозванною Hel: «sumsit in manus securim, quae patri suo fuerat, Helam dictam» (*hist. Magni B. cap. 32*). Сигмундъ носилъ «securim inargentatam, cornubus extantibus reduncis» (*hist. Ol. Trgv. f. c. 185*); Кнутъ требовалъ отъ Норвегіи 36 сѣкиръ въ видѣ дани (*Snorre II. 398*). «Какіе бы выходцы не вступали въ корпусъ варанговъ, говоритъ г. Куникъ, двуострая датская сѣкира всегда оставалась его характеристическимъ отличіемъ»

(*Beruf. I. 36.* — *cfr. Dahlmann, G. v. Dän. I. 124*). По этимъ огромнымъ сѣкирамъ получили варанги у Грековъ, специальное названіе сѣкироносцевъ πελεκυφόροι.

Дѣло другое русскіе топоры, и донынѣ неразлучное домашнее орудіе русскаго селянина; они употреблялись состоявшими на собственномъ иждивеніи простолюдинами и на войнѣ, и на корабляхъ; только напрасно видитъ въ нихъ норманская школа огромныя двуострыя норманскія сѣкиры, Streitaxt. Изъ иноземныхъ писателей упоминающихъ о топорахъ у Руси, мнѣ извѣстны: 1) Никита Давидъ Пафлагонскій. — Онъ говоритъ о топорахъ (αξίναι) которыми въ 865 году, Руссы изрубили на кормѣ одного изъ своихъ кораблей, 22 служителей патріарха Игнатія (*Нест. Шлец. II. 43*). 2) Ибнъ-Фоцланъ. — «Каждый изъ нихъ, говоритъ онъ о Руссахъ, имѣетъ при себѣ топоръ, ножъ и мечь. Безъ этого оружія ихъ никогда не видать» (*Fraehn, Ibn-Fossl. 5*). 3) Константинъ багрянородный. — Въ числѣ снарядовъ для 9 русскихъ кораблей, отправленныхъ въ походъ противъ Крита въ 949 году, выведено: 500 топоровъ (τζικουρίων φ́) на сумму 50 нумизмовъ; 200 топоровъ (πελεκίων σ́) на 20 нумизмовъ (*de Cerim. ed. Bonn. I. 674*)[196]). 4) Левъ Діаконъ. — Императорскій воевода Іоаннъ Куркуа изрубленъ Руссами въ 972 году, мечами и топорами ξίφεσι καὶ πελέκεσι (*Leo Diac. ed. Bonn. 148*). Какіе это были топоры, видно изъ свидѣтельства нашихъ лѣтописей: «пѣшци же не ожидаючи Ивора, удариша на Ярославлихъ пѣшцевъ и кликнуша, бни верьгше кій, а бни топоръ, отбѣжати имъ» (*Троицк. 214*). Конечно здѣсь дѣло идетъ не о норманскихъ сѣкирахъ, ибо сражаются босые

Новгородцы и Смоляне. Такими же домашними топорами были вооружены и вендскіе простцы: «Securibus et gladiis, aliisque telis armati» (*Anonym. de Vita S. Otton. in Scrpt. rer. ep. Bamberg. I. 670*); и Печенѣги въ XI столѣтіи: «ἀξίνας γεωργικὰς... λαμβάνοντες» (*Cedren. ed. Bonn. II. 589*). Лѣтописецъ удивляется Сбыславу Якуновичу, который «бьяшеться единымъ топоромъ» (*Лавр. 206*); странно было бы удивляться норманской сѣкирѣ. Ибнъ-Фоцланъ подробно описывающій харалужные мечи Руссовъ, молчитъ о бранныхъ сѣкирахъ.[199]); значитъ онъ видѣлъ не скандинавскія, серебромъ и золотомъ обитыя бха (см. *Strinholm, Wikingz. II. 358*), а простые славянскіе топоры. Цѣна каждому русскому топору, у Константина багрянороднаго, составляетъ на наши деньги, около 35-ти копѣекъ серебромъ (см. о нумизмѣ-золотникѣ, *Круга, zur Münzk. Russl. 48. 132*); неужели Кнутъ требовалъ отъ Норвегіи двѣнадцать рублей шестьдесятъ копѣекъ дани?

Кромѣ топоровъ которыми сражались смерды простолюдины, наша лѣтопись знаетъ потѣшные топорцы, оружіе князей, воеводъ и дружинниковъ, въ мирное время. Таковы топорецъ Яна, топоръ который Глѣбъ держалъ подъ скутомъ (*Лавр. 75, 78 подъ 1071 г.*) и пр. Кругъ (*Forsch. II. 426. Anm.*) мечтаетъ и здѣсь о норманской сѣкирѣ, Streitaxt; какъ справедливо видно изъ текста лѣтописи: «Они же сташа исполчившеся противу, Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи.... Они же сунушася на Яня единъ грѣшися Яня топоромъ, Янъ же оборотя топоръ удари и̓ тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я̓; они же бѣжаша въ лѣсъ». Топорецъ Яна съ тыльемъ

является у Круга двуострою норманскою сѣкирою, вѣроятно öxi mikla! Глѣбъ держитъ «подъ скутомъ» норманскую сѣкиру, величиною въ человѣческій ростъ [200]). Изъ примѣровъ употребленія на Руси настоящей бранной сѣкиры (но только не норманской), древнерусская исторія знаетъ, кажется, только одинъ, почему о немъ и упоминается особо въ лѣтописи; это топоръ съ паворозою на рукѣ, которымъ князь Мстиславъ былъ вооруженъ въ знаменитой Липицкой битвѣ (*Троицк. 214*). Какъ на Руси, такъ и у западныхъ Славянъ, бранная сѣкира мало извѣстна; въ краледворской рукописи упоминается о ней только разъ: «Krvacéti Kruvoj pod sekerú mestnu» (*Čestm. a Vlasl. 30*). Безимянный біографъ св. Оттона величаетъ напрасно именемъ бранной сѣкиры (bellica securis) простой топоръ, которымъ вендскій поселянинъ (possessor agri) ударилъ епископа, хотѣвшаго срубить орѣховое дерево, посвященное идоламъ (*Anonym. in Scrpt. rer. ep. Bamberg. I. 175*).

Народнымъ славянскимъ оружіемъ былъ мечь. О крещеныхъ Руссахъ, бывшихъ при пріемѣ тарсійскихъ пословъ въ Константинополѣ въ 946 году, Константинъ багрянородный говоритъ, что они держали въ рукахъ небольшія знамена и были вооружены щитами и своими (національными) мечами: φεροῦντες καὶ τά ἑαυτῶν σπαθία (*de Cerim. ed. Bonn. I. 579*) [201]). Эти βαπτισμένοι Ῥῶς не варанги ни по имени, ни по вооруженію; гдѣ у нихъ славянскій обоюду острый мечь σπαθίον (такими мечами платятъ Поляне хазарскую дань *Лавр. 7*), тамъ у варанговъ датская сѣкира: «φέροντες τὰς πελέκας αὐτῶν, ἐπὶ τῶν καρ-

ποχείρων αὐτῶν» (*Codin. Curop. de offic. ed. Bonn. 49*). Обоюду острыми мечами были вооружены и славянскіе тѣлохранители у Калифовъ (*Charmoy*, *379*, *380*). Прѣтичь, воевода Святослава въ 968 году, мѣняясь оружіемъ съ печенѣжскимъ княземъ, даетъ ему броню, щитъ, мечь (*Лавр. 28*). Греческій императоръ посылаетъ Святославу не сѣкиру, а мечь, по сказочному, но тѣмъ болѣе народный обычай обличающему преданію Нестора (*тамъ же*, *30*). Въ договорѣ Олега: «Аще ли ударить мечемъ или бьеть кацѣмъ любо съсудомъ, за то удареніе или убьеніе да вдасть литръ 5 сребра по закону Рускому». Въ Игоревѣ: «Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ Русинъ Грьчина, или Грьчинъ Русина, да того дѣля грѣха заплатить сребра литръ 5, по закону Рускому». Въ Русской правдѣ: «Аще оутнеть мечемь а не вынемь его, любо роукоятью: то 12 гривенъ за обидоу» (*I. § 4. срвн. §§ 5*, *6*, *7*, *8*). Некрещеная Русь 944 года клянется полагая «щиты своя, и мѣчѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочая оружья» (*Лавр. 82*). Неужели, еслибы Русь и варяжскіе князья были отъ Норманновъ, не было бы упомянуто ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ о норманской сѣкирѣ? Въ словѣ о полку Игоревѣ изчислены изъ различныхъ орудій: мечи, копья, сабли, сулицы, шереширы, стрѣлы, луки, шеломы, щиты; о сѣкирахъ ни слова. Сами Скандинавы свидѣтельствуютъ о существенномъ отличіи между норманскимъ и русскимъ оружіемъ. Въ прибавленіяхъ къ исторіи Олафа святаго, читаемъ: «Vaeringorum aliquis in Gardis ad orientem juvenem servum emerat, qui etsi mutus linguaeque usu destitutus esset, tamen bene cordatus et

circa multas res sollers erat. Cum loqui non posset, nemo, qua de gente ortus esset, novit; plerique eum Norwegum esse autumabant, eo quod arma, quibus Vaeringis opus est, fabricavit et ornavit» (*Additam. hist. Ol. S. F. F.*). Нѣмой рабъ, купленный на Руси, признанъ Норвежцемъ, потому только что умѣлъ выдѣлывать оружіе, употребляемое вэрингами. Очевидно это оружіе было отлично отъ туземнаго русскаго. Магнусъ выѣзжаетъ изъ Руси «russica armatura indutus» (*hist. de Magno B. cap. 10*)[202]).

За исключеніемъ сабель и, кажется, шереширъ перешедшихъ къ намъ отъ степныхъ народовъ, все остальное оружіе Руси обрѣтается и у другихъ славянскихъ племенъ, подъ одинаковыми названіями.

Мореходство. — Эверсъ справедливо замѣтилъ что Русь не переняли отъ Норманновъ ни одного названія своихъ кораблей и принадлежащихъ къ нимъ снастей и орудій; онъ ошибается утверждая что, за исключеніемъ ладіи, остальныя русскія названія кораблей заняты отъ Грековъ (*Vorarb. 157, 158*). Славяне охотно плавали по морямъ и по рѣкамъ; въ особенности Венды и Русь (черноморская Русь по преимуществу) отличались наклонностію къ мореходству. Они находили въ своемъ языкѣ всѣ нужныя слова для обозначенія морскихъ и рѣчныхъ судовъ, снастей и т. д. Но сохраняя туземныя названія для своихъ туземныхъ кораблей, они (по крайней мѣрѣ Русь) обыкновенно прилагали кораблямъ иноземныхъ народовъ, названія взятыя изъ языковъ этихъ народовъ.

Для финскихъ судовъ лѣтопись знаетъ финское слово лойва, laiwa, которымъ до сихъ поръ Чухны называютъ

большія суда (*Renvall, I, 262*). «Въ то же лѣто ходиша Корѣла на Емь, и отбѣжаша 2 лоиву бити» (*новгор. 9. срвн. 64*).

Для германо-норманскихъ, 1) Шнека. По Скандинавски Snaeka, Англо-Сакс. Snacca (*Ihre, Gloss. Sueo-Goth.*); на средневѣковомъ латинскомъ Isnecia vel Ilnechia; Teutonibus Snack et Sneck (*Du Cange v. naca*). «Вь то же лѣто приходи Свьискѣи князь съ епископомъ въ 60 шнекъ на гость, иже изъ заморья шли въ 3 лодьяхъ» (*Новгор. 9, срвн. 13*). «Единъ именемъ Гаврило Олексичь: се наѣха на шнеку, видѣвъ королевича мча подъ руку» и пр. (*Лавр. 206*). 2) Буса. «Busse, navigii genus grandioris, a similitudine pyxidis, quae Anglis Busse dicitur, appellatum.... Philippus Mouskes in Philippo Augusto: Roges, et Busses, et Vissiers» (*Du Cange v. Busse-Busa*). «Того же лѣта пришедши Мурмане воиною, въ 500 человѣкъ, въ бусахъ и въ шнекахъ, и повоеваша въ Варзугѣ погостъ корѣльскыи» (*Новг. 108*). «и побиша Нѣмецъ много, овыхъ на мори въ бусахъ побиша и истопиша» (*Псковск. л. подъ 1447 г. у Карамз. V. прим. 318*). «а будетъ товаръ у Нѣмчина въ бусѣ, и Новгородцу той товаръ у нѣмчина добровольно взяти и съ бусы черезъ край въ лодью и т. д. (*Сборн. Мухан. 40 подъ 1482 г.* [209]).

Для греческихъ судовъ, 1) Дромоны. «Романъ же царь посла на дромоны, елико бяху въ Константине градѣ, сфеофаномъ патрикіомъ, на Русь лодейныя вои» (*Пол. сп. у Шлец. Нест. III. 35*). «Посланъ же на ня въ трырѣхъ, рекше оляди дромоны (μετὰ τριήρων καὶ δρομώνων), елико бяху въ Костянтини градѣ, патрикій Θеофанъ, породина-

стевонь и протовестіарій саномъ» (*прилож. къ Лавр. л. 245. ст. 2*). Δρόμων, navigii genus. Zonar. Lex. p. 570: Δρόμων, εἶδος πλοίου (*Thes. g. l. v.* δρόμων). Dromones, naves cursariae, expediti cursus navigia.... Isidorus lib. 19. orig. cap. 1: Longae naves sunt, quas Dromones vocamus, dictae, quod longiores sunt ceteris» etc. (*Du Cange, v. dromones*). 2) Кувары, Кубары. «И о томъ, аще обрящютъ Русь кубару (въ проч. сп. кувару) Гречьскую въвержену на коемъ любо мѣстѣ» и пр. (*Лавр. 22. Догов. Игоревъ*)». «Она же (царевна Анна) сѣдъши въ кубару, цѣловавши ужики своя, съ плачемъ поиде чрезъ море» (*тамъ же, 47*). Κουμβάριον, χυμβάριον, χομπάριον (*Du Cange, Gloss. Gr.*), длинное судно, ходящее на веслахъ, и называющееся теперь галерою (срвн. *Theoph. Contin. ed. Bonn. 196*). 3) Оляди. «Феофанъ же устрѣте я́ въ олядѣхъ (въ одномъ Лавр.: въ лядѣхъ) со огнемъ» и пр. (*Лавр. 19*). «Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и олядьнѣмь огни» (*тамъ же*). Срвн. Амартолово: «въ трырѣхъ (τριήρις — triremis), рекше оляди дромоны». Шлецеръ (*Нест. III. 59*) пишетъ: «оляднемъ огни или о ляднемъ, слова необъяснимыя; нѣтъ ли отъ ладіи прилагательнаго слова ладній, т. е. огонь употребляемый на корабляхъ, какъ греческое θαλάσσιον πῦρ, морскій огонь?» Оляди ничто иное какъ словенская (руссо-болгарская) форма греческаго χελάνδια. О древнеславянскомъ, преимущественно вендскомъ ринизмѣ говорено уже выше; греческое придыханіе всегда выпускается у русскихъ Словенъ; превращеніе *е* въ *о* (χελάνδια-оляди) совершается по примѣру русскихъ олень (jelen),

озеро (jezero)[204]) и т. д. 4) Скедіи, скеди. «яко идуть Русь на Царьградъ скедій 10 тысящь» (*Лавр. 18*). «припју Русь на Костянтинь градъ лодіами, тысящь 10, иже и скеди глаголемъ» (*прилож. къ Лавр. л. 245. ст. 2*). Это слово очевидно тождественно съ греческимъ: σχεδία, navis quae subito et tumultuariè fit, et q. d. ex propinquo sumta, referendo id ad tempus, ἐκ τοῦ σχεδὸν καὶ ἐγγὺς κατὰ χρόνον. Eusth. Τόσσον ἐπ εὐρείην σχεδίην ποιήσατ' Ὀδυσσεύς. Hom. Od. E. 251. (*Thes. g. l.* v. σχεδία). «Schedia a Gr. σχεδία. Festo genus navigii inconditum, id est, trabibus tantum inter se nexis factum; cui accedit quod Galli Radeau, train dicimus. Ulpian. leg. I § 6 ff. de exercit. ait: «Sive in stagno sit, sive Schedia sit». Saxon. Scegð, Danis vett. skeid, est navis constrata et militaris (*Du Cange v. Schedia*). Норманская школа не преминула указать на это сходство датскаго skeid съ русскимъ скеди (*Kunik, ap. Krug. Forsch. II. 810. Anm.**); но едвали есть что общее между этими словами. Русская редакція передаетъ вь этомъ мѣстѣ буквально продолжателя Георгія Амартола (*Cod. Vatic. ined. 153. Cfr. Theoph. Cont. ed. Bonn. 423, 424*). Откуда же взялись въ ней, не существующія въ оригиналѣ слова: «иже и скеди глаголемъ»? Мнѣ кажется что переводчикъ рѣшительно не зная что ему дѣлать съ греческимъ: «οἱ καὶ Δρομῖται λεγομένοι, принялъ слово δρομῖται за однозначащее съ дромонами (онъ и не подумалъ о среднемъ родѣ предъидущаго πλοίων) и передалъ греческую фразу своимъ: «иже и скеди глаголемъ». Назвать русскихъ кораблей дромонами онъ не могъ, такъ какъ дромоны тутъ же являются императорскими

кораблями «μετὰ τριήρων καὶ δρομώνων» а въ переводѣ: «въ трырѣхъ, рекше оляди дромоны»; всего проще ему показалось замѣнить одно греческое названіе кораблей, другимъ греческимъ же σχεδία — скеди; тѣмъ болѣе что въ этимологіи какъ того, такъ и другаго слова лежитъ тоже значеніе быстроты. Его промаху нечего удивляться. Онъ переводитъ нарѣчіе ἀκολούθως, pone, своимъ яко луѳьже; σκόπος (meta, цѣль) славянскимъ стража; вмѣсто ἱερατικοῦ κλήρου читаетъ στρατικοῦ и обращаетъ монаховъ въ ратный чинъ и т. д.

Общеславянскими названіями судовъ оказываются:

1. Лодія, ладія; у Чеховъ loď, lodj, lodie; polsk. lódz, lodzia; vind. ladja (срвн. *Срезневск. мысли объ ист. р. яз. 153* [205]). Мы находимъ въ лѣтописи собирательныя лодь и лодье (*Новгор. I. 41*). Лодьями назывались однодеревки на которыхъ Русь отправлялись для торговли или войны къ Царюграду; у Константина багрянороднаго μονόξυλα (*de adm. imp. ed. Bonn. 74*). Такими однодеревками или лодьями были еще посланныя Ярославомъ противъ Грековъ въ 1043 году: «καὶ πλοίοις ἐγχωρίοις τοῖς λεγομένοις μονοξύλοις ἐμβαλὼν κατὰ τῆς πόλεως ἐξορμᾷ» (*G. Cedren. ed. Bonn. II. 551*). «И пойде Володимеръ въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай, поидоша ко Царюграду» (*Лавр. 66 подъ 1043 г.*). На такихъ же туземныхъ (ἐγχώρια) лодіяхъ-однодеревкахъ нападали на Царьградъ черноморскіе Руссы VII столѣтія (Тавроскиѳы), въ качествѣ аварскихъ союзниковъ (см. *Отр. о вар. вопр. Гедеон. 54—57*). Константинъ Манассій называетъ ихъ лодіи αὐτόξυλα πλοῖα (*C. Manass. ed. Bonn. v. 3766*); патріархъ Никифоръ

μονόξυλα ἀκατια (*ed. Bonn. 20*); пасхальная хроника μονόξυλα (*Chron. Pasc. ed. Bonn. I. 724*). Замѣчательно что по числу людей, Олеговы лодіи совершенно схожи съ большими хорватскими, о которыхъ упоминаетъ Константинъ багрянородный; и тѣ и другія вмѣщали каждая по 40 человѣкъ (*Лавр. 12.—de adm. imp. ed. Bonn. 151*); тоже число и у Вендовъ: «Rettibur, Vindorum rex.... adduxit trecentas liburnas Vendicas, quarum singulae quadragenos quaternos viros, binosque equos vehebant» (*hist. Har. Gill. et Magn. caec. in Scrpt. h. Island. VII. 185*); лишніе 4 человѣка для двухъ коней. Савельевъ (*Мухам. Нум. CXXXVIII. прим. 251*) говоритъ что «однодеревками μονόξυλα, этѣ лодьи названы не потому, чтобы выдолблены были изъ одного дерева, то были бы челны, а по той причинѣ что не зная еще искусства распиловки досокъ, тогда употребляли для постройки судна цѣльныя деревья, распластанныя на двое». Я не могу согласиться съ этимъ объясненіемъ. Во первыхъ, распиловка досокъ искусство довольно первобытное; во вторыхъ, μονόξυλα πλοία всегда означаютъ у Грековъ суда выдолбленныя изъ одного дерева (см. Thes. g. l. v. μονόξυλος); по свидѣтельству Зонары, сами Русь называли свои лодьи однодеревками: «Ex eo Rossorum princeps (Владимиръ въ 1043 году) occasione sumpta, statim plurimis nauigiis compactis, quae apud eos monoxyla vocantur,.... Propontidem penetrat etc. (*I. Zonar. annal. III. ed. Feyerab. 125*). О германскихъ однодеревкахъ у Плинія: «Germaniae praedones singulis arboribus cavatis navigant, quarum quaedam et triginta homines ferunt» (*XVI. 76*) Мнѣ ка-

жется всего естественнѣе объясненіе Круга (*zur Münzk. R. 66. 69, 70*), взятое изъ Бопланова описанія казацкихъ судовъ въ XVII столѣтіи, что однодеревками наши лодіи назывались потому что въ основу имъ полагалось одно выдолбленное дерево.

2. Корабль. Шлецеръ (*Нест. III. 152*) производилъ русское слово корабль отъ греческаго κάραβος. Кругъ (*zur M. R. 62*) полагаетъ что «выраженія κάραβος, καράβιον, carabus очевидно тождественны съ славянскимъ корабль и постройка ихъ была, по всей вѣроятности одинакова. Родство этихъ названій съ словами кора, корзина, corbis, korb наводитъ на мысль, что стѣны тогдашнихъ русскихъ судовъ были сплетены изъ прутьевъ (какъ во время Гельмольда стѣны домовъ у поморскихъ Славянъ, или въ наше время въ Украйнѣ) и эта вѣроятность вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ писателей. На пр. Исидоръ говоритъ: Carabus малая лодія изъ сплетеныхъ прутьевъ, обтянутыхъ кожею. Обшивка кожею была необходима противъ всасыванія воды; въ числѣ припасовъ для снаряженія этихъ судовъ, Константинъ упоминаетъ именно о кожахъ».

Заняли ли Славяне слово корабль отъ Грековъ? этому предположенію (кромѣ существованія слова корабль во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ) противорѣчитъ и его чисто славянская этимологія. Koráb по чешски древесная кора и большая лодія, magna navis, Mat. verb. Форма корабль прилагательное кореннаго koráb; такъ Святославъ — Святославль; Премыслъ — Премышль. У Эксарха болгарскаго встрѣчаемъ формы корабъ, кораби и ко-

рабль (*Шестодн. 139, 142, 159*). Первобытный славянскій корабль былъ стало быть сплетенъ изъ прутьевъ и древесной коры; въ послѣдствіи это названіе могло перейти на лодьи обшитыя воловьею кожею, о которыхъ Исидоръ: «Carabus parua scafa ex vimine facta, quae contexta crudo corio genus navigii praebet» (*Orig. s. Etymol. XIX. I. p. 1286*), и въ глоссахъ: «Carabus, parua scapha ex vimine et corio» (*Auctor. l. lat. ed. s. Gervasii 1602*). Такіе корабли изъ прутьевъ и кожи существовали и у Британцевъ, и въ Лузитаніи, и даже въ Египтѣ (*J. Caesar. Comm. de b. c. I. cap. 54. — Plin. VII. 57. — Sidon. Apoll. v. 369 — 371. — Strabo III. 3. 415. — Lucan. IV. 130 — 136*). О половецкихъ лодіяхъ (безъ сомнѣнія сооруженныхъ на подобіе славянскихъ) Михаилъ Атталіота говоритъ подъ 1059 — 1067 г.: «ξύλοις μακροῖς καὶ λέμβοις αὐτοπρέμνοις καὶ βύρσαις — lignis longis et lembis radicitus factis et pellibus» (*ed. Bonn. 83*).

Перешло ли славянское корабъ, корабль въ греческое κάραβος, въ латинское carabus? Можетъ быть; въ смыслѣ корабля эти выраженія являются уже поздно; между тѣмъ греческое κάραβος (корабль) могло произойти и отъ κάραβος — cancer (*J. Polluc. Onomast. VI. c. IX. Segm. 47*), какъ скандинавское snaecka отъ snäcka — улитка, малороссійское чайка отъ чайки (larus) и пр. [206]). Вѣрнымъ кажется то, что сходство обоихъ названій (κάραβος, корабль) имѣло рѣшительное вліяніе на практическое значеніе этихъ словъ въ Византіи; подъ названіемъ καράβιον, Константинъ багрянородный разумѣетъ только русскіе корабли въ греческомъ флотѣ: Ῥῶς καράβια, ῥούσικα

καράβια (*de Cerim. ed. Bonn. I. 660*, *673*). Императоръ Левъ премудрый (отъ славянскаго рода) далъ начальникамъ императорскихъ дромоновъ титулъ протокарабовъ — *πρωτοκάραβοι* (*id. de adm. imp. ed. Bonn. 237*).

Русская лѣтопись не отличаетъ корабля отъ лодіи (*Лавр. 9*, *12*, *19*, *66*); кораблемъ называется лодія и въ церковномъ языкѣ (*Еванг. отъ Матѳ. XIII. 1*); въ Олеговомъ договорѣ вездѣ лодія, въ Игоревомъ корабли. Въ сущности лодія однодеревка словенорусское судно; мы знаемъ изъ Константина что изготовляемыя Кривичами, Лучанами и прочими сѣверными племенами, русскія лодіи спускались до Кіева по рѣкамъ и по волокамъ, а оттуда по Днѣпру и вдоль береговъ плыли въ Царьградъ, совершая такимъ образомъ свое трудное путешествіе «полное заботъ и опасности» (*de adm. imp. ed. Bonn. 74 — 79*). О мелкодонныхъ русскихъ лодіяхъ упоминаетъ и императоръ Левъ (*cap. XX. περὶ ναυμαχίας § 70. 350*); о лодіяхъ Игоревыхъ Ліутпрандъ: «Russorum etenim naues ob paruitatem sui ubi aquae minimum est transeunt, quod Graecorum chelandia. ob profunditatem sui facere nequeunt» (*hist. V. 144*). Вдоль береговъ, на лодіяхъ и на коняхъ совершались и русскіе походы на Царьградъ (*Лавр. 19. 31*); ратный обычай совершенно противный тому что намъ извѣстно о Норманнахъ; эти не знали конной ѣзды и плавали по открытому морю. Корабль, Koráb быть можетъ судно вендскаго происхожденія: Вендами (если обратить вниманіе на слово *τζικούρια*) были вѣроятно первоначально снаряжаемы русскіе корабли въ греческомъ флотѣ; они вмѣщали до 60-ти человѣкъ (*Const. P. de. Cerim. ed. Bonn. I. 660*).

3. Насады или носады. «князь же съ Новогородьци въсѣдавъше въ насады» (*Новг. 49*). «ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова» (*Сл. о п. Иг. п. 10*). Быть можетъ слово перешедшее къ намъ отъ варяговъ: násadiště, малый челнъ употребляемый на Дунаѣ (*Wrat. cest. ap. Jüngm.*).

4. Челнъ. (*Р. пр. II. § 73*). У поляковъ czoln, czolno; у Чеховъ člun.

5 и 6. Стругъ (*Р. Пр. II. § 73*) и учанъ (*догов. грам. Мстислава, изд. Тобіена, 70*) принадлежатъ едва ли не одной Руси.

Скандинавскіе корабли отличны отъ славянскихъ, какъ по названіямъ, такъ и по формѣ, постройкѣ, величинѣ и т. д. Норманны не знали кораблей изъ плетеныхъ прутьевъ и кожъ; почему Кругъ считаетъ таковыми Снорроновы: «nigricantes ex pice naves.... ex austro per undas saltantes» (*Zur MK. R. 64*), остается неизвѣстнымъ; не знаю также на какомъ основаніи г. Куникъ (*Beruf. II. 422*) передаетъ Константиново μονόξυλα (однодеревки построенныя славянскими племенами) германо-скандинавскимъ ask, означающимъ ясневое дерево и корабль (Esche. fraxinus exselsior. Du Cange v. Ascus, Ascomanni), но отнюдь не однодеревки. Между прочими, русскимъ судамъ совершенно чуждыми особенностями, скандинавскіе корабли отличались изображеніемъ звѣрей, отъ которыхъ получали свое названіе: «Species erat navis rostratae (snekkja), triginta interscalmiorum, prora puppique excelsis, alveo tenuiore, lateribus non altis; quam navem rex (Олафъ Тригвасонъ) Gruem appellavit» (*hist. Ol. Trgv. f. c. 169*).

«Navis ista fuit draco, ad instar draconis formata, quem rex Olavus ab Halogia duxerat, eum tamen haec navis magnitudine, nec non structurae arte et elegantia longe praestabat; hunc draconem vocavit rex serpentem Longum (Ormen Långe), illum autem, Serpentem Brevem» (Ormen Korte. *ibid. cap. 223*). «Rex Sverrer navi suae nomen imposuerat, Hugroamque appellarat; Halvardus navem duxit Skalpum dictam» etc. (*Scrpt. hist. Island. VIII. p. 269*). Другіе корабли назывались Tranan, Buffeln, Karlshufrud (*Strinholm, Wikingsz. II. 318. Anm. 406*). Такая особенность не могла бы не остаться въ памяти греческихъ и русскихъ лѣтописцевъ; о ней упомянулъ бы и Ибнъ-Фоцланъ видѣвшій русскіе корабли на Волгѣ, и Левъ Діаконъ при описаніи однодеревки (Σκυθικοῦ ἀκατίου), на которой Святославъ переправлялся черезъ Дунай[207]). «Странно, говоритъ Шлецеръ (*Нест. III. 152*), что Руссы, мореходныя названія, которыми такъ богатъ норманскій языкъ, заняли отъ Грековъ». Что Руссы не получили отъ Грековъ ни одного названія своихъ кораблей, а вмѣстѣ съ варягами — Вендами употребляли свои туземныя, словенскія, кажется можно считать доказаннымъ; а что умѣя отличать финскія суда названіемъ лойва, шведскія и германскія названіями шнека и буса, греческія названіями дромоны, оляди, кувары и скедіи, варяжская Русь не удержала для себя ни одной клички норманскихъ кораблей — Byrdinger, Snaeka, Knorrar, Bussa, Skep и т. д., было бы не только странно, но даже совершенно непонятно, если бы варяжскіе князья происходили изъ Скандинавіи[208]).

Кормильцы и воспитаніе. — «Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ» (*Лавр. 23*). «И бѣ у Ярослава кормилець и воевода, именемъ буды» (*тамъ же, 62*). — Эти слова указываютъ на постоянный обычай, на учрежденіе; о немъ упоминается и въ Русской Правдѣ: «а за кормильца 12, также и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба» (*II § 14*).

Кормильцы и воспитатели были у Франковъ: «Wandelinus nutritor Childeberti Regis obiit; sed in locum ejus nullus est subrogatus, eo quod regina mater curam velit propriam habere de filio» (*Greg. Turon. l. VIII. cap. 22*). У Визиготовъ: «Alii Bajuli, i. servuli, vel nutritores,.... quia consueverunt nutrire filios, et familias dominorum» (*Vitalis Episcop. Oscensis ap. Blancam de reb. Aragon.*). У Грековъ: «Gregorius Bajulus Imperialis» (*ap. Eckempert. in. Hist. Langob. Chron. Vulturn. l. III*); въ числѣ чиновъ византійскаго двора находился μέγας βαίουλος, Magnus Bajulus (*v. Du Cange v. v. Bajulus, Nutritor*). У Норманновъ: educator Олафа Тригвасона (*Odd. mon. hist. Ol. Trgv. f. cap. 4*); Ингигерда обязываетъ Эйнара быть кормильцемъ одинадцатилѣтнему Магнусу: «te ei nutricium fore, ejusque regiam auctoritatem omni nomine adserturum» (*hist. Magni B. cap. 10*). Самъ Эйнаръ: «At parum mihi recordari videris, quod in regnum Gardorum profectus, te ab oriente reduxi, et nutricius tuus factus sum» (*ibid. cap. 45*). У Славянъ: «Conradum vero Juniorem Imperator Cunradus, awus eiusdem, ut quidam referunt, Abbati Wlad commiserat nutriendum» (*Boguph. ap.*

Sommersb. II. 43). «....Dux (Neclan)....tradidit et ciuitatem eam et puerum paedagogo, cui antea pater suus eum commiserat, nomine Duringo, qui fuit de Zribia gente» (*Cosm. I. 10*). «....Boleslaus mittit Paedagogum suum Zkarbimir» (*ibid. III. 55*). Какъ скандинавскіе конунги, такъ и славянскіе князья отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе иноземнымъ князьямъ; Романъ волынскій воспитанъ при дворѣ польскаго Казимира, «apud quem pene a cunabulis extitit educatus» (*Boguph. ap. Sommersb. II. 51*); Олдрикъ чешскій при дворѣ императора Генриха (*Cosm. I, 19*) и т. д. Но этими общими чертами и ограничивается сходство въ обычаяхъ того и другаго народа; у Норманновъ воспитатель считался ниже отца или рода своего воспитанника: «verum est illud a veteribus dictum; inferiorem esse, qui alterius gnatum educet» (*hist. Magni B. cap. I*); что у Славянъ ничего подобнаго не было, можно заключить изъ готовности съ которою русскіе, оботритскіе и польскіе князья берутся за воспитаніе норманскихъ и иныхъ княжичей. Должно еще замѣтить что у Скандинавовъ было въ обыкновеніи между частными людьми, брать къ себѣ на воспитаніе дѣтей друзей своихъ; въ знакъ принятія на себя обязанности отца, воспитатель сажалъ ребенка къ себѣ на колѣна: такіе воспитанники назывались Knetsetringr, а въ отношеніи къ другимъ своимъ совоспитанникамъ Fosterbruder; отсюда, по мнѣнію Стрингольма (*Wikingsz. II. 302 — 304*), начало норманскихъ общинъ или гильдъ именуемыхъ Fosterbrödrlag. Все это совершенно чуждо нашимъ обыкновеніямъ и понятіямъ.

Кругъ (*Forsch. I. 200. II. 244. A.* 249 A**) основы-

ваетъ на извѣстія Константина багрянороднаго мнѣніе будто бы русскіе князья посылали своихъ дѣтей въ Новгородъ, какъ норманскіе герцоги своихъ въ Баиё, для изученія скандинавскаго языка. Вильгельмъ I, герцогъ нормандскій († 943), говоритъ о своемъ сынѣ Рихардѣ: «Quoniam quidem Rotomagensis civitas Romana potius quam Dacisca utitur eloquentia et Baiocacensis fruitur frequentius Dacisca lingua quam Romana.... ibi volo ut.... enutriatur et educetur cum magna diligentia, feruens loquacitate Dacisca, tamque discens tenaci memoria, ut queat sermocinari profusius olim contra Dacigenas» (*hist. Norm. Scrpt. ed. A. Duchesn. 112*). О Святославѣ Константинъ багрянородный: «Lintres ab ulteriore Russia Cpolim appellentes a Nemogarda proficiscuntur, ubi Sphendosthlabus Ingor Russiae principis filius habitabat» (ἐν ᾧ Σφενδοσθλάβος ὁ υἱὸς Ἴγγωρ τοῦ ἄρχοντος Ῥωσίας ἐκαθέζετο (*de adm. imp. ed. Bonn. 74*).

Латинскій переводъ Мёрзіуса передаетъ неправильно греческое ἐκαθέζετο своимъ habitabat. καθέζεσθαι значитъ sedere, sedem habere, сидѣть. Aesch. Prom. 229: «τὸν πατρῷον ἐς θρόνον καθέζετο». Въ томъ же смыслѣ употребляется у Византійцевъ глаголъ καθίζω: «ἐπὶ τὸν βασίλειον ἐκάθισεν θρόνον» (*Theoph. Contin. ed. Bonn. 41* о Михаилѣ аморійскомъ) [209]). Какъ у германскихъ народовъ неразлучна съ идеею о княжеской власти идея о возвышеніи (elevatio), поднятіи на щитъ (*Grimm DRA. I. 234 — 236*), такъ у насъ и у прочихъ славянскихъ народовъ идея о сажаніи, сидѣніи на столѣ. Извѣстіе, внесенное Константиномъ въ свою книгу, относится къ эпохѣ, въ ко-

торую Святославъ, какъ единственный сынъ великаго князя, сидѣлъ на княженіи въ Новгородѣ. Мы знаемъ что вслѣдствіе перенесенія Олегомъ великокняжескаго стола въ Кіевъ, Новгородъ сталъ послѣ Кіева старшимъ городомъ на Руси; туда обыкновенно посылался на княженіе старшій въ семьѣ великаго князя (см. *Солов. Отнош. 54*); прочіе князья сидѣли по старшинству (ἐκαϑέζοντο. срвн. Нестерово: «по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще») по другимъ городамъ. На это основное славянское учрежденіе возрастъ князей не имѣлъ никакого вліянія. Въ 970 году Святославъ посылаетъ своихъ трехъ сыновей на княженіе: «Въ лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ. Въ се же время придоша людье Ноугордьстіи, просяще князя собѣ: аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ..... и пояша Ноугородьци Володимера къ собѣ, и иде Володимиръ съ Добрыною уемъ своимъ Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю» (*Лавр. 29*). Если принять годомъ рожденія Ярополка 961 (см. *Солов. Ист. Р. I. прим. 233*), въ 970 году сыновьямъ Святослава было отъ 6 до 9 лѣтъ. Въ 980 шестнадцатилѣтній Владиміръ взялъ за себя первую жену Рогнѣдь (*Лавр. 31*); въ 988 у него было отъ разныхъ женъ двѣнадцать сыновей, которыхъ онъ сажаетъ по городамъ: «И посади Вышеслава въ Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ» и т. д. (*Лавр. 52*). Старшему изъ этихъ двѣнадцати князей было 7 лѣтъ. Тоже самое видимъ и въ послѣдствіи: «Присла великій князь Всеволодъ въ Новъгородъ, и рече тако: въ земли

вашей ходить рать, а сынъ мой, а вашь князь Святославъ малъ. а вдаю вы сынъ мой старѣйшій князь Константинъ» (*тамъ же*, *179*). Обряду сажанія на столъ малыхъ княжичей должно-быть предшествовали ихъ постриги. «Въ то же лѣто князь Михаилъ створи пострѣгы сынови своему Ростиславу, Новѣгородѣ, у святѣи Софіи; и уя́ власъ архепископъ Спиридонъ, и посади его на столѣ, а самъ поиде въ Цьрниговъ» (*Нов*. *46*). Дѣтей княжескихъ постригали 2, 3 и 4 лѣтъ; послѣ постригъ они переходили изъ женскихъ рукъ въ мужскія (*Карамз*. *III*. *прим*. *132*). Вѣроятно, новгородскіе послы спѣшили въ Кіевъ къ постригамъ Ярополка, Олега и Владимира, какъ означавшимъ ихъ близкое распредѣленіе по волостямъ; сидѣть безъ князя было безчестно для города и для земли: «Новгородци не стерпяче безо князя сѣдити» (*Лавр*. *134*). Они и въ послѣдствіи любили князей вскормленныхъ у себя: «И рѣша Новгородци Святополку: се мы, княже, прислани къ тобѣ, и ркли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и̇; сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ» (*тамъ же*, *117*). У каждаго изъ этихъ малыхъ князей былъ, разумѣется, свой кормилецъ, представитель его княжеской власти и правъ; не сами Ярополкъ и Олегъ, а ихъ пѣстуны «отпрѣся» за нихъ отъ Новгородцевъ; шестилѣтній Владимиръ пошелъ въ Новгородъ съ своимъ кормильцемъ-дядею Добрынею. Я заключаю: малолѣтній Святославъ, еще при жизни Игоря сидѣлъ (ἐκαθέζετο) въ Новгородѣ на столѣ, какъ русскій князь, а вовсе не для

изученія шведской грамматики; иначе пришлось бы спросить, какимъ языкамъ и грамматикамъ обучались осьмилѣтній Олегъ Святославичь у Древлянъ, двух-, трех- и пятилѣтніе Вышеславъ, Изяславъ, Святополкъ, Ярославъ, Станиславъ, Позвиздъ и т. д. въ Полоцкѣ, Ростовѣ, Туровѣ, Муромѣ, Тмутаракани?

Воеводство. — Первообразомъ скандинавскаго общества, основаннаго подобно германскимъ союзамъ, на воинскомъ постановленіи, былъ Hârad или дружина; отсюда неразлучная съ достоинствомъ конунга обязанность военачальника; названія hârkonungar (князья дружинъ), sjökonungar (князья морей) для предводителей скандинавскихъ викинговъ въ IX и слѣдующихъ вѣкахъ. Учрежденіе воеводства въ славянскомъ смыслѣ, неизвѣстно Норманнамъ даже по имени, противно норманскому характеру (см. *Gejer*, *Gesch. Schwed. 103 — 107*). У славянскихъ племенъ оно было прямымъ слѣдствіемъ высокаго нравственнаго значенія княжеской власти. Славянскій князь не былъ герцогомъ (heer-zog, dux), воеводою, предводителемъ и военачальникомъ по преимуществу; его первобытное значеніе было законодателя и жреца. Вотъ почему и въ послѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ и понятіяхъ, у каждаго славянскаго князя, какъ бы воинственenъ онъ самъ ни былъ (такъ на пр. у Святослава) являются воеводы; но и самое воеводство представляется не исключительно воинскимъ, а какъ увидимъ, и правительственнымъ постановленіемъ. О воеводахъ у Вендовъ, Ляховъ, Чеховъ свидѣтельствуютъ всѣ западные историки (*M. Gall. 177, 194.* — *Kadlubek, 542, 564, 213, 482.* — *Boguph. ap.*

Sommersb. II. 29, 31, 34. — Hagek, II. 141. — Rkp. kralodv.—Mat. Verb. и пр.); мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, что уже въ VI и VII столѣтіяхъ, Греки умѣли отличать славянскихъ воеводъ (στρατηγοί, ἡγεμόνες) отъ князей (ῥῆγες, ἄρχοντες). У насъ воеводство проявляется какъ коренное учрежденіе, отъ Игоря до позднѣйшихъ временъ: «И бѣ у него (Игоря) воевода, именемъ Свентеадъ (Свенгелдъ), и премучи Угличи, и возложи наня дань Игорь, и даде Свентеаду» (*Ник. л. I. 41*). «Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ.... воевода бѣ Свинделдъ» (*Лавр. 23*). «Рѣче же воевода ихъ именемъ Прѣтичь» (*тамъ же, 28*). «Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю» (*тамъ же, 32*). «бѣ у него воевода Волчій хвостъ» (*тамъ же, 36*). «Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вой многъ, а воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневу» (*тамъ же, 66*). «И взя князя въ корабль Иванъ Творимиричь, воевода Ярославль» (*тамъ же*). Основываясь на словахъ лѣтописи: «воеводьство держащю кыевскыя тысяща Яневи» (*Лавр. подъ 1089 г.*), г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I. 223*) полагаетъ что воевода и тысяцкій одно и тоже т. е. предводитель земскихъ, гражданскихъ полковъ, выбиравшійся княземъ изъ дружины. Объясненіе правильное только отчасти; уже при Ярославѣ воеводство уклонилось отъ первобытнаго, всеславянскаго своего значенія; для Мономаха и современнаго ему лѣтописца, воеводою каждый начальникъ воевъ безразлично. Но чѣмъ далѣе восходимъ въ древность, тѣмъ ярче выдается двоякое значеніе воеводы-судіи, воеводы-намѣстника, въ славянскихъ земляхъ. По свидѣтельству Мартина Галла, воево-

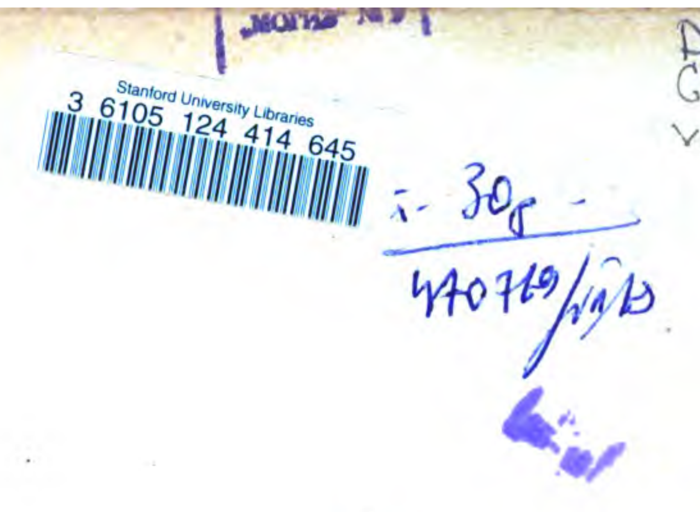
да былъ облеченъ и верховною гражданскою властію, творилъ судъ и расправу именемъ князя (*M. Gall. 177. 194.* — cfr. *Macieiowsk. Sl. Rg. I. 92*). Въ томъ же самомъ значеніи является русскій воевода у Ибнъ-Фоцлана въ началѣ X-го вѣка: «Онъ (т. е. русскій князь) имѣетъ намѣстника (Chalifa), который предводительствуетъ его войсками, сражается съ непріятелемъ и занимаетъ его мѣсто у подданныхъ» (*Fraehn, Ibn-Foszl. 23*). О Славянахъ говоритъ почти тоже самое Ибнъ-Даста (см. *изд. Хвольсона, 32 прим. 84*). Какъ у Льва Діакона Икморъ, у Кедрина Свенгельдъ считаются первыми по Святославѣ, такъ Честмиръ Styr у Козьмы пражскаго первымъ по Неклanѣ: «erat ea tempestate quidam vir praecipuus honestate corporis, aetate et nomine Tyro; et ipse post Ducem secundus imperio, qui ad occursum mille oppugnantium in praelio nullum timere, nemini sciuit cedere» (*Cosm. I. 9*). Въ договорѣ съ Греками имя Свенгельда упомянуто при великокняжескомъ: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицемъ князи Рустѣмъ и при Свѣнальдѣ» (*Лавр. 31*). О высокомъ значеніи воеводства у всѣхъ славянскихъ народовъ свидѣтельствуютъ и позднѣйшіе лѣтописатели; такъ о датскомъ Пьотрекѣ въ жизнеописаніи св. Оттона: «habebat autem (scil. Boleslaus) Petrum quendam militiae ductorem virum acris ingenii et fortem robore, de quo dubium, utrum in armis an in consilio major fuerit; qui erat praefectus a duce super viros bellatores» (*Anon. in Scrpt. rer. ep. Bamberg. I, 650*). У Богухвала польскій воевода Доморадъ названъ «magnus Judex Poloniae» (*Sommersb. II. 86*) [210]). Ничего подобнаго нѣтъ у Норманновъ [211]).

Характеръ. — Не по однѣмъ частностямъ, но и по общимъ чертамъ своего характера, варяжскіе князья и окружающія ихъ личности принадлежатъ исключительно славянскому міру, не допуская и мысли о возможности ихъ скандинавскаго происхожденія. Повѣтствуя о воинской дѣятельности Аскольда, Олега, Игоря, Святослава, норманская школа восклицаетъ на каждомъ шагу: кто кромѣ предпріимчивыхъ, безстрашныхъ Норманновъ былъ въ состояніи совершить такіе походы, боротья съ такими опасностями? Общее избитое мѣсто, на которое легко отвѣчать примѣрами изъ всевозможныхъ исторій, не исключая славянскихъ. Что отъ IX до XII вѣка Норманны, то отъ IV до VI, IX и XII, Гунны, Авары, Сарацыны, Венгры; походы дунайскихъ Славянъ на имперію извѣстны; и они, подобно Олегу, стояли не разъ подъ стѣнами Царьграда. Дѣло въ томъ что въ нашихъ варягорусскихъ походахъ (не смотря на то что въ нихъ безъ сомнѣнія участвовали и скандинавскіе воины наёмники) нѣтъ рѣшительно ничего норманскаго; они совершаются массами; набѣги Норманновъ, по бóльшей части, малочисленными партіями; русское войско идетъ въ лодіяхъ и на коняхъ вдоль береговъ; Норманны коней не знаютъ, а корабли ихъ плывутъ по открытому морю; у насъ воеводы; у нихъ о воеводствѣ нѣтъ и помина. Подобно прочимъ народамъ германской крови, Скандинавы цѣнятъ выше всего подвиги личнаго удальства, личной силы, ловкости въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, дерзости въ частныхъ, отдѣльныхъ предпріятіяхъ, все вообще необыкновенное и не доступное другимъ. Исландскія саги полны разсказовъ объ удальствѣ и ловко-

сти въ разныхъ идротахъ (Idrott, удалая игра) сѣверныхъ конунговъ и мужей. Исландецъ Гунаръ изъ Глидаренны прыгалъ выше человѣческаго роста, въ полномъ вооруженіи; норвежскій конунгъ Олафъ Тригвасонъ, на всемъ ходу корабля своего Ormen Långe, бѣгалъ по его краямъ, играя тремя, на воздухъ брошенными мечами; такая игра называлась Handsaxa-lek. Гаральдъ Блатандъ отличался ловкостію въ катаніи на лыжахъ (skidor) и на конькахъ. Одни были необычайными пловцами, другіе лазили и карабкались съ неимовѣрною быстротою по крутизнамъ и утесамъ; Скальдъ Hallerstein называетъ эти идроты художествами князей, artes principis (*hist. Ol. Trgv. f. cap. 236*); а Гаральдъ Гардредъ удивляется равнодушію Ярославны къ его осьми хитростямъ (*hist. Har. Sev. cap. 15*). Гдѣ черты подобной характеристики нашихъ князей и мужей ихъ? Гдѣ упоминается о личномъ удальствѣ Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, Владимира? Лѣтописецъ говоритъ о Святославѣ: «князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вси бяху. Посылаше къ странамъ глагола: хочю на вы ити» (*Лавр. 27*). Здѣсь нѣтъ ни игры въ мечи, ни катанья на лыжахъ, ни необычайныхъ прыжковъ. Точно такимъ же описанъ Святославъ и у Византійцевъ. На предложеніе Цимисхія рѣшить войну поединкомъ, онъ отвѣчаетъ что лучше врага своего знаетъ что ему дѣлать;

если же римскому императору жизнь наскучила, то есть безчисленное множество родовъ смерти, изъ которыхъ онъ можетъ выбрать любой (*G. Cedren. ed. Bonn. II. 409*)[212]. Никакихъ подвиговъ сѣвернаго фиглярства не знаютъ и богатырскія пѣсни временъ Владимира, Слово о полку Игоревѣ и т. д. Въ разсказахъ о подвигахъ и трудахъ своей жизни, Мономахъ упоминаетъ только о войнѣ и объ охотѣ, какъ о занятіяхъ приличныхъ русскому князю. Богатырь и князь встрѣтились на полѣ битвы подъ Липицами: «и пріиде на него (Мстислава) Александръ Поповичь, имѣя мечь нагъ, хотя разсѣщи его, бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же возопи глаголя: яко азъ есмь князь Мстиславъ!.... и рѣче ему Александръ Поповичь: княже, то ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты глава убиенъ будеши, и что суть иныя, и камо ся имъ дѣти?» (*Ник. лѣт. II, 330, 331*). Этотъ характеръ, основанный на сознаніи русскаго достоинства въ князѣ и простомъ человѣкѣ, выдержанъ въ русской исторіи отъ Рюрика и Олега до позднѣйшихъ временъ. Петръ великій прямой потомокъ святаго Владимира; Карлъ XII — Рагнара Лодброка.

[illegible] на [illegible] „Бориса [illegible] (Платона [illegible] 1598)
заставила многих княжат [illegible] отказаться от высшего[illegible]
боярства и [illegible] и тем самым [illegible] большую службу [illegible]
(Платонов С. [illegible] изд. 8-е [illegible]
СПБ 1913)

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

STANFORD LIBRARIES
DEC 15 1982
I.L.L.

